

ТАЙНА
ШЕСТИ ПОДКОВ

...из Габена

Владимир Торин

В Саквояжном районе города начинают пропадать люди. Все пропавшие будто бы никак между собой не связаны, но нечто общее едва уловимо в их исчезновениях читается. Полли Трикк ведет журналистское расследование, и с каждой новой найденной уликой все глубже погружается не только в тайны пропавших, но и в тайну всего города. В осеннем тумане слышится злобный клоунский смех, прямо на глазах оживает одна из старых городских легенд, а в дело уже втянута жестокая и прекрасная мстительница в маске — Зубная Фея.

Владимир Торин

Тайна шести подков

Глава 1. Ловкачка из квартала Странные Окна

— М-м-м, очень вкусно, — сказала Полли Трикк, и неожиданно поняла, что это правда.

Ее посетило странное ощущение, какое бывает всякий раз, когда хочешь солгать и говоришь заведомую ложь, но стоит лишь словам прозвучать, как вдруг ловишь себя на том, что никакая это не ложь.

Вот и Полли, чтобы не обидеть хозяйку, нехотя откусила кусочек от крошечной запеченной ножки не внушающего доверия незнамо чего и с удивлением обнаружила, что та действительно довольно вкусная.

— А что это? — спросила Полли, и мадам По, кухарка и щедрая душа, гулко рассмеялась.

— Неважно, что это, — сказала она. — Важно, *как* это приготовлено.

Возможно, Полли и поспорила бы с этим, догадываясь, что, вероятно, еще вчера то, что она ела, бегало от котов и пиццало по-мышинному, но вкус и правда говорил сам за себя.

— Не стесняйся, милая, — добавила мадам По. — Ты такая худенькая. Целыми днями бегаешь по Саквояжне, стираешь подметки, и ни минутки свободной, чтобы поесть, небось, нет.

Полли не спорила. Сегодня она еще не ела. То, что расследование привело ее к мадам По, было небывалой удачей, и мисс Трикк, рассчитывая выудить у кухарки нужные ей сведения, неожиданно для себя стала еще и счастливой обладательницей неплохого обеда.

Кухня мадам По располагалась в центре похожего на лабиринт из лестниц, коридоров, переходов и дворов квартала Странные Окна. Она представляла собой небольшой, чуть покосившийся домик с множеством круглых глаз-окон и парой дюжин разномастных труб.

Отыскать его было непросто. Полли несколько раз заблудилась — в Странных Окнах не только окна были странными, но и сами дома, и даже их номера, расположенные без какого бы то ни было порядка.

«Местные обязаны выдавать карту и компас всем, кто сюда приходит!» — то и дело раздраженно думала Полли, оказываясь в очередном тупике.

Не особо помогали и рекомендации жителей квартала, которых девушка встречала: «Пройдите под лестницей, заросшей плющом, сверните возле полосатых панталон, сушащихся на бельевой веревке, там будет старый гардероб. Войдите в него. За ним откроется переулочек, который приведет вас к дому, похожему на ржавую рыбу. Когда вы войдете в “брюхо рыбы”, ступайте напрямик по коридору с чемоданами. Там будет лестница, ведущая к мостику над башмачной мастерской. Возле нее и находится кухня мадам По».

Местные знали, что двери мадам По всегда открыты, что огонь никогда не гаснет под восемью большими котлами, ну а сама кухарка, дама в летах, но добродушная и улыбчивая, как девочка, которой дали конфету, днями напролет стоит у своих печурок. Поэтому в том, что мисс Трикк в итоге набрела на ее кухоньку по запаху, не было ничего удивительного.

Подойдя, Полли испуганно замерла, увидев в пару у котлов громадное, кажущееся бесформенным существо с распухшей головой и громадным ножом в руке. Существо при этом еще и что-то хрипело — как вскоре выяснилось, это был старый романс, который кухарка напевала.

Девушка неуверенно постучала в дверной косяк, и из облака пара вынырнула, к

удивлению Полли, едва ли не милейшая женщина из всех, каких только можно представить. Мадам По была полной и ее будто бы распирало от душевности, из-под мятого и покрытого масляными брызгами поварского колпака выбивались курчавые каштановые волосы, а румянец на ее круглых щечках, казалось, не сходил никогда.

«Добрый день, мэм, — сказала гостья. — Мое имя Полли Трикк, я из газеты “Сплетня” и хотела бы задать вам пару...»

Мадам По тут же закачала головой и прервала Полли:

«Мне очень грустно на тебя смотреть, милая. Ты же почти просвечиваешь — совсем оголодала! Никаких вопросов, пока не поешь!»

Полли попыталась вежливо отказаться, но мадам По была непреклонной и, усадив девушку за стол, принялась возиться с тарелками. Так Полли Трикк из газеты и оказалась в кухне, затерянной в глубине Странных Окон.

Внутри вотчина казанков и поварешек оказалась еще причудливее, чем снаружи. Домик то и дело сотрясался. Со всех сторон что-то пытело, сопело и фыркало. В клубящемся пару проглядывали очертания многочисленных ящичков на стенах, стопок сковородок и высоченных колонн, составленных из тарелок и кружек. Но главенствовала здесь уже упомянутая печь — настоящая миссис Монстр, вросшая в стену и в пол и состоящая из угольных топок, переплетения труб и вентиляй. Миссис Монстр была старенькой: ее чугунные внутренности скрывались под толстой шкурой засохшего масла и накипи, на трубах кое-где виднелись латки, а у пары заслонок не хватало петель. Сквозь прорези дверец в кухню текли полосы дрожащего рыжего света.

Это было довольно странное, но очень уютное место. И за то короткое время, что Полли здесь провела, ей стало казаться, будто она не раз уже бывала в кухне мадам По прежде и знает эту женщину всю свою жизнь. В какой-то миг мисс Трикк даже почувствовала, словно вдруг очутилась в теплом родительском доме, где ее всегда ждут, где накормят, укроют пледом и напоят чаем. Жаль, у нее никогда не было такого дома...

Мадам По идеально подходила своей кухоньке, словно никогда не рождалась, а вместо этого попросту выбралась из какого-то здешнего ящика в своем колпаке, с поварешкой наперевес.

Кухарка перемещалась между бурлящими на огне котлами медленно и неторопливо, но при этом чудесным образом всюду поспевала: в одном котле что-то помешивала, в другой ссыпала загодя нарубленную зелень, в третий добавляла приправы, под четвертым уменьшала огонь, а под пятым, наоборот, увеличивала — при этом она умудрялась очистить от кожуры луковицу, порезать мясо, взбить яйца, перекрутить рыбы внутренности в жуткого вида мясорубке...

Мадам По, как оказалось, была талантлива не только в готовке. Кухарка отличалась говорливостью и в том, что касается сплетен, ей попросту не было равных. За глаза ее называли «Наша Афишная Тумба», потому как у нее можно было узнать не только то, что происходит в соседнем доме, но и то, что творится во всех Странных Окнах. Слухи и пересуды стекались к двери ее кухни, как коты к миске с обедом.

К слову, несколько дюжин котов как раз толпились у двери, негромко мурча, — минут десять назад мадам По стукнула в «Кошачий колокол», висящий над притолокой, и хвостатые усачи начали собираться у ее порога едва ли не со всех окрестностей. При этом они не лезли, не мяукали и терпеливо ждали обед, неотрывно следя за каждым движением кухарки. Полли вдруг ощутила себя одной из них.

Справившись с печеной мышью (мисс Трикк утешала себя мыслью, что это хотя бы не крыса, хотя по правде это была и не мышь), она вытерла пальцы и губы салфеткой и достала из кармана пальто блокнот с карандашиком.

— Итак, мадам По, вы говорили, что ваша соседка...

— Хелен Хенсли, — сказала кухарка.

— Да, мисс Хенсли, — кивнула Полли, — живет одна и родственников не имеет. Вы хорошо ее знаете?

— Еще бы! — Мадам По открутила краник у самого маленького котла и принялась разливать кошачью похлебку по мискам. — Хотя... — кухарка замялась. — Хелен поселилась в Окнах около двадцати лет назад, и все равно в ней ощущалось что-то... В общем, она так и не стала здесь по-настоящему своей. Не знаю, откуда Хелен приехала, но она точно не из этих мест.

По тону мадам По и по проскользнувшему в ее голосе раздражению, Полли поняла, что мисс Хенсли ей не нравилась. Что кухарка тут же подтвердила:

— Склочная особа и хамоватая до крайности — ни доброго словечка от нее не дождешься. Ну и еще она имеет склонность... гм... задирать голову, если ты понимаешь, о чем я.

Полли поняла: мисс Хенсли была не прочь выпить.

Мадам По продолжала:

— Хелен здесь никто не любит. Она вечно со всеми препирается, а добропорядочную миссис Боури из пятого дома и вовсе называет, — кухарка понизила голос, — дрянной кошелкой, хотя миссис Боури уж точно не кошелка. Но это ж Хелен, чего от нее еще ждать. Ходит всюду, как цаца, а как она одевается! Эти ее боа из вороньих перьев и полосатые платья, похожие на — фу, пошлость! — нижние юбки. Вульгарно! Еще к ней изредка заходит, как она говорит, ее кузен, громила с ручищами — каждая, что твой дымоход. Хотя не особо он на кузена похож, я тебе так скажу...

Громила «поселился» в блокноте Полли, и она спросила:

— А чем мисс Хенсли занимается?

— Ходят слухи, что она когда-то танцевала в кабаре, или еще что-то в том же духе. Когда она только обосновалась в своей квартирке в девятом доме, какое-то время подрабатывала швеей, но платья и костюмы, которые она шила, были... кхм... странными.

— И что же в них было такого странного?

— Они были так пошиты, что только выпячивали и подчеркивали все некрасивости людей, для которых предназначались: если она шила пиджак для сутулого мистера, то пиджак делал его и вовсе горбуном, если шила платье для худосочной мисс, то она в нем становилась, как какой-то скелет. В общем, из-за этого у нее шиться и перестали. В последние годы она перебивалась всяким, торговала вразнос пудрой и разными красками для лица. Гадкая пудра, если хочешь знать мое мнение: от нее местные дамочки стали похожи на дохлых клоунов. Хотя многим, что удивительно, нравится...

Рассказ мадам По прервал звук шагов, и к открытой двери кухни, пробираясь через кошачье столпотворение, подошел щуплый тип в тонком коричневом пальтишке, коротковатых клетчатых штанах и покосившемся цилиндре. Глаза его скрывались за грязными стеклышками круглых защитных очков, а губы были растянуты в широкой улыбке. Под мышкой щуплый тип сжимал небольшой чемоданчик.

Подойдя, он остановился и потер руки в перчатках-митенках. Втянул носом кухонные

запахи.

— О, Артур! — Мадам По одарила подошедшего ласковым взглядом. — Твой нос тебя не подвел. Обед готов.

— А что у нас сегодня на обед, мадам По? — спросил Артур.

— Суп из соминой требухи и печеные глоты.

— Вкуснятина!

— Сейчас все разложу по тарелкам...

Мадам По засуетилась у котлов. Коты начали ворчать и шипеть на, в их понимании, негодяя, влезшего без очереди. Один так и вовсе впился зубами в щиколотку типа с чемоданчиком, но тот даже не поморщился и лишь деликатно стряхнул кота с ноги.

— Уилфред, имей совесть! — прикрикнула на кусаку мадам По. — Будешь так делать — к миске подойдешь последним!

Кот Уилфред понуро опустил голову и спрятался за сородичами, которые тут же принялись мяукать, словно насмехаясь над незадачливым Уилфредом.

Артур прищурился, пытаясь разглядеть в пару кухни того, кто сидел на табуреточке у стола для готовки.

— Добрый день, мистер Клокворк, — поздоровалась девушка. С Артуром Клокворком они были знакомы: тот повсюду ходил со своим чемоданчиком, продавая шестеренки, и она время от времени заказывала у него зубчатые колеса особой редкости для своих... механизмов.

— О, мисс Полли, это вы? В наших Окнах?

Орудую поварешкой, кухарка пояснила:

— Мисс Трикк из газеты пришла из-за Хелен.

Мистер Клокворк покивал. Его улыбка истончилась и увяла.

— Да, печальные события, — пробормотал он, войдя в кухню, пригнув при этом голову, чтобы не зацепиться цилиндром за дверной косяк. — Значит, вас послали разузнать о пропаже мисс Хенсли?

Полли кивнула и пояснила:

— Мисс Хенсли не первая, кто пропал. Что-то недоброе творится в Саквояжне.

Артур Клокворк бросил испуганный взгляд на кухарку. Та пожала плечами.

— Вы думаете, что мисс Хенсли... что ее похитили?

— Я и пытаюсь это выяснить, — сказала Полли. — Когда вы видели мисс Хенсли в последний раз, мистер Клокворк?

Мадам По поставила тарелки на стол и кивнула продавцу шестеренок. Опустившись на стул, он взял ложку и задумчиво зачерпнул ею суп.

— Пару дней назад, — сказал Артур. — Мы столкнулись с ней у конверточной будочки. Она велела мне застегнуть улыбку и убираться с дороги.

Кухарка фыркнула. Мистер Клокворк продолжил:

— Мисс Хенсли злится на меня за то, что я попросил показать мне ее фокус.

Полли нахмурилась и направила карандашик на листок блокнота.

— Что за фокус?

Мистер Клокворк и мадам По переглянулись.

— О, я совсем забыла о ее этих причудах, — сказала кухарка.

— Причудах?

Артур Клокворк почесал ложкой нос, и мадам По сказала:

— Хелен — ловкачка.

Полли непонимающе покачала головой, и продавец шестеренок пояснил:

— Полковник Сэдвиш рассказал, что однажды видел очень странную штуку. Мисс Хенсли спускалась по лестнице и в потемках наступила на кота, который сидел на ступеньке. Кот выскочил из-под ее ноги, отчего мисс Хенсли потеряла равновесие и полетела вниз, но не упала, а, каким-то невероятным образом перемахнув через голову, приземлилась на ноги и как ни в чем не бывало продолжила путь.

Кухарка горячо закивала.

— Полковник — тот еще пьяница и ему много чего могло привидеться, но однажды я и сама видела, как Хелен вытворяет странности. Ручная сорока мистера Фибса, который живет на чердаке третьего дома, украла у нее с подоконника брошь, так, что ты думаешь, сделала Хелен? Выскочила из окна (а ее квартирка расположена между вторым и третьим этажами, как-никак) и бросилась в погоню за воровкой. Я едва челюсть в котел с супом не уронила, завидев, как она гонится за птицей по карнизам, водостокам да натянутым бельевым веревкам.

Лицо мисс Трикк было красноречивее любых слов. Кухарка усмехнулась, довольная произведенным эффектом.

— Значит, ловкачка, — подытожила Полли и принялась строчить в блокноте.

— Вот-вот, — кивнул мистер Клокворк. — Я-то сам ничего подобного не видел, а как хотелось бы — такое-то зрелище! Ну, я и попросил мисс Хенсли вытворить еще раз что-то эдакое, но она разозлилась и сказала, чтобы я не молол чепухи. И вот, она пропала... уже, наверное, и не удастся увидеть ее ловкачество. Жаль мисс Хенсли, кто знает, что с ней приключилось.

Мадам По что-то забубнила себе под нос: она явно не разделяла сожалений мистера Клокворка.

— А полиции совсем нет дела до того, что стряслось с мисс Хенсли, — добавил Артур. — Никто в Доме-с-синей-крышей и не чешется. Всем плевать на то, что творится в этих местах — думаю, если опустеют все Странные Окна, никто и не заметит. Хорошо, хоть газетчиков волнует то, что пропадают люди.

Мистер Клокворк вздохнул и приступил к обеду.

Полли задумчиво кивнула, умолчав о том, что и в «Сплетне» на самом деле никого не волнуют пропажи — все сейчас заняты более важным делом, а именно освещением ежемесячной игры в бридж между господином главным судьей Саквояжного района Соммом и главными судьями других районов Габена. А ее саму в действительности никто не посылал заниматься пропажами людей.

Если бы она сказала кому-то в редакции о своих планах заняться расследованием исчезновений, ее бы на смех подняли, а Бенни Трилби, ведущий репортер «Сплетни», запретил бы ей «заниматься пустяками» и отправил бы за кофе и коврижками...

Артур Клокворк между тем расправился с похлебкой и взялся за запеченную ножку глота. Поглядев на погруженную в свои мысли газетчицу, он сказал:

— Я, к слову, читал вашу статью про ламантина, мисс Трикк. Очень интересно вышло — давно в «Сплетне» не писали ничего подобного. Если вы разгадали загадку ламантина, то и с пропажами справитесь. Я в этом уверен. Хорошо, что они послали вас.

Полли кивнула и внутренне поморщилась: эх, если бы только этот наивный продавец шестеренок знал всю подоплеку ее первой и единственной статьи, он бы так не говорил.

На самом деле все обстояло так.

Когда в хмуром осеннем небе над Тремпл-Толл появился ламантин, общественность была взбудоражена даже сильнее, чем в тот раз, когда по городу пронеслась стая летающих рыб. Или когда выяснилось, что комнатные мухоловки, росшие в горшках на подоконниках, представляют опасность и запросто могут сожрать своих хозяев.

Общественность недоумевала и требовала ответов. Полицейские у своих тумб лишь разводили руками, топорщили усы и хлопали глазами, и тогда жители Саквояжного района обратились туда, где точно должны были знать, что творится.

В редакцию газеты «Сплетня» начали поступать сотни гневных, возмущенных писем.

Летающий ламантин! В небе над городом! Откуда он там взялся?! Куда летит?! И стоит ли ожидать других ламантинов?!

Наплыв писем был так велик, что на передовице следующего же выпуска «Сплетни» появилась статья, в которой общественность талантливо пытались убедить, что опасаться нечего.

Ламантин, по словам автора статьи, ничем не угрожал ни городу, ни его жителям. Потому, что это был вовсе не ламантин. Зверь, запечатленный на фотографии парящим среди крыш, дымоходов и флюгеров, якобы представлял собой не более, чем причудливую оболочку воздушного шара.

На этом шаре в Габен прибыл странствующий воздухоплаватель из Льотомна, некий мистер Бастиан Бизарр, который и не предполагал, что его появление вызовет подобный ажиотаж. В статье было приведено длинное и развернутое интервью с воздухоплателем, в котором тот рассказывал о своем полете, о том, как ему нравится Габен, и о том, что он давно мечтал увидеть Пыльное море.

Прочитав статью, общественность успокоилась. Ах, этот Льотомн и его чудачки! Подобного стоило ожидать...

Тут же появились личности, уверяющие прочих, что ламантин в небе их не испугал и даже не удивил. Кое-кто так и вовсе сообщал, что давно следит за воздушным путешествием мистера Бизарра, а некая миссис Фло заявила, что мистер Бизарр прибыл в город по ее личному приглашению...

Разумеется, все это были выдумки. Так как никакого мистера Бизарра попросту не существовало. Хотя пролетевший над площадью Неми-Дрё ламантин горожанам не примерещился.

Шутка. Все это была просто шутка. Вот только адресовалась она отнюдь не жителям Саквояжного района. И организовали ее сами газетчики.

Мистер Трилби и его коллеги мистер Хатчинс и мистер Уиггинс стащили ламантина из городского зоосада и, скормив ему несколько рыбин, начиненных капсулами со сверхлетучим газом, запустили зверя в небо.

В «Сплетне» была старая традиция: когда в редакции появлялся новый репортер, старожилы устраивали ему так называемое «испытание курьезом» — они подготавливали какой-то масштабный розыгрыш с вовлечением горожан, а потом, запасшись бутылочкой «Дохлого печатника», сигарами и пилюлями смеха, наблюдали за тем, как новичок пыжится и пытается изобрести логичное и — что самое важное — правдоподобное объяснение происходящего. Так они выясняли, годится ли новый «сплетник» для работы в самом старом и уважаемом издании города.

Летающий ламантин был проверкой для Полли Уиннифред Трикк, которая на момент

его появления работала в газете всего неделю, и в итоге справилась она на отлично. Придумала воздухоплатателя и сочинила интервью с ним.

Таким образом, обманув весь город, она смогла проникнуть в логово самых отъявленных лжецов Саквояжного района и стать одной из них.

Как бы удивились мистер Трилби и его коллеги, если бы узнали, что вместе с Полли в редакцию «Сплетни» проник еще кое-кто. Кое-кто, кто бы мог преподать каждому из них урок настоящей лжи...

* * *

Пропажи людей в Тремпл-Толл начались ровно неделю назад.

Полли Трикк было известно о пяти случаях, включая мисс Хенсли, о которой в «Сплетню» написала лично мадам По, невзирая на свою неприязнь к соседке.

Все пропавшие были одинокими и необщительными — едва ли не замкнутыми. Больше общих черт между ними на первый взгляд вроде как не наблюдалось. Все они влачили свое не особо примечательное существование, но каждый по-своему.

Первой «жертвой таинственного исчезновения», как называла их Полли, была некая мисс Лайзе. Мисс Лайзе служила в Семафорном ведомстве, о ней отзывались, как о тихой и неприметной особе. В отличие от Хелен Хенсли, никто и никогда не слышал из уст мисс Лайзе дурного слова, и это неудивительно, ведь она была немой. Ровно семь дней назад она не вышла на службу, дома ее также не оказалось...

Вторым пропал мистер Подрик, повар из будочки «Похлебка и паптет Подрика», стоявшей на задворках Чемоданной площади. Мистер Подрик был известен не только своим дурным нравом, но и тем, что время от времени устраивал для своих посетителей настоящее представление: его ножи во время готовки буквально летали по воздуху — так ловко он с ними обращался. Пять дней назад будочка попросту не открылась...

Третьим пропал мистер Бурк, который за последние годы кем только не успел побывать: и громилой в банде Свечников, и портовым грузчиком, и даже боксером на подпольных боях. К слову, именно перед последним боем с его участием выяснилось, что он исчез. Мистер Бурк не явился в «Пакгауз», где должен был состояться поединок, и кое-кто посчитал, что он трусил, хотя, стоит признать, в такое мало кто поверил — Бурк по прозвищу «Господин Мордолом» трусом не слыл.

Четвертым, всего два дня назад, пропал трубочист Дорман. Обычно трубочисты в Тремпл-Толл работали в паре с помощниками-мальчишками, но только не мистер Дорман, известный тем, что мог пролезть даже в самый узкий дымоход так, будто у него в теле нет ни одной косточки. Об исчезновении трубочиста сообщила некая мадам с засорившимся камином, так и не дождавшаяся его прихода...

Семафорщица, повар, портовый боксер и трубочист. И теперь вот торговка пудрой...

Кто-то мог бы сказать, что люди пропадают постоянно, но Полли считала, что исчезновения всех упомянутых личностей связаны. И это было не просто предчувствие. В кармане пальто мисс Трикк находилось то, что объединяло пропавших, и она надеялась, что вскоре получит подтверждение того, что и мисс Хенсли стала новой жертвой в имевшей место цепочке исчезновений.

После разговора с мадам По и мистером Клокворком Полли решила изучить квартиру

мисс Хенсли. Судя по всему, пропала торговка пудрой оттуда, а это значило, что там могли быть какие-нибудь улики...

Насколько Полли поняла по рассказу кухарки, ночью Хелен все еще была здесь — вышвырнула за окно пустую консервную банку из-под копченых рыбьих хвостов (несмотря на то, что мадам По не единожды просила ее так не делать). Ну а наутро мисс Хенсли уже не было. Она попросту не появилась у двери кухни, в ожидании своих голубиных яиц всмятку на завтрак, чем нарушила традицию, длившуюся почти два десятка лет.

Мадам По удивилась и послала племянника проверить, не угорела ли там случайно склочница Хелен у своей печки. Племянник вернулся и сообщил, что дверь была не заперта. По его словам, самой женщины и след простыл, притом, что ее пальто висело на вешалке, а под ним стоял чемоданчик с пудрой и красками для лица, без которого она на улицу не выходила. Это было очень странно.

Мадам По лично порасспрашивала подтянувшихся к ее кухоньке соседей, но никто со вчерашнего вечера Хелен Хенсли не видел...

Дверь антресольной квартирки Хелен Хенсли располагалась почти под самым потолком коридора второго этажа, и к ней вела узкая деревянная лесенка. Замок оказался заперт — видимо, уходя, племянник мадам По захлопнул дверь.

Полли оглядела пустой этаж — особое внимание уделила потолку: в Тремпл-Толл у многих есть квартирные перископы, якобы предназначенные для того, чтобы наблюдать за чужаками, но на деле используемые, сугубо чтобы шпионить за соседями. Что ж, видимо, перископы были слишком уж дорогим изыском для жителей Странных Окон, поскольку ни одного горлышка с линзой под потолком не обнаружилось.

Убедившись, что никто на нее не глядит, Полли склонилась над замочной скважиной двери мисс Хенсли, провела несколько быстрых движений отмычками, и замок щелкнул.

Полли открыла дверь и вошла в квартирку. В нос ей тут же ударил запах дешевого цветочного парфюма, смешанный с вонью крепкой угольной настойки и скипидара.

Через грязное окно в квартиру проникало немного света с улицы, но его было недостаточно, и Полли зажгла стоявшую на стуле у двери керосиновую лампу.

Судя по тому, как в жилище мисс Хенсли было тесно, хозяйке, видимо, постоянно приходилось применять свое «ловкачество», чтобы протискиваться и не цеплять стены. У окна стояла узкая железная кровать, на которой ворохом громоздилась скомканная постель. Ни шкафов, ни даже стола в квартире не было. У кровати расположился старый сундук. Повсюду валялись пустые бутылки.

Возможных следов борьбы не наблюдалось, впрочем, здесь стоял такой беспорядок, что их, если бы они и были, не удалось бы разглядеть даже через «Всевидящие очки Винкля», в которых, если верить слухам, можно было видеть сквозь стены.

Полли подошла к окну и отметила, что крючок откинут — створки могли закрыть и снаружи уже после того, как вытащили торговку пудрой. Хотя... кто знает, вдруг мисс Хенсли просто сбежала по карнизу, водостокам и бельевым веревкам?

— Здесь должно быть что-то, — пробормотала мисс Трикк, оглядывая квартиру. — Что-то, что прояснит, куда ты исчезла...

Полли вспомнились слова репортера Бенни Трилби, съевшего собаку в вопросах вынюхивания чужих неблагоприятных секретов. Он как-то сказал, что первым делом, оказавшись где-то, заглядывает в камин: там нередко можно обнаружить то, что хозяева

пытались скрыть или уничтожить.

Камина в этой непритязательной квартирке, разумеется, не было, но у стены стояла чугунная угольная печька.

Полли открыла тяжелую заслонку; та провернулась на ржавых петлях с режущим уши скрипом. Мисс Трикк заглянула внутрь, осветила лампой.

В золе на первый взгляд ничего не было. Взяв небольшую кочергу, Полли принялась возить ею в черном чреве печурки. Кочерга обо что-то звякнула.

— Хм!

Полли подцепила странный предмет крючком и вытащила его наружу.

Какое-то время она его недоуменно осматривала. находка представляла собой плоскую железную дугу — на вид довольно старую.

— Подкова? — Полли закусила губу.

Дуга и правда походила на подкову — особенно, если учитывать, что в ней были проделаны шесть круглых отверстий будто бы для гвоздей. Вот только подкова эта была очень странной формы: вытянутая, выгнутая и очень узкая, похожая на большую тяжелую скрепку.

— И зачем ты засунула ее в печь? — прошептала Полли, задумчиво глядя на покрытую сажей железяку. Со стороны мисс Хенсли было довольно наивно полагать, будто она расплавится в печке. И все же Полли не отпускало ощущение, что пропавшая женщина намеревалась уничтожить подкову.

Спрятав находку в сумку, мисс Трикк продолжила осмотр квартирке. Как и говорила мадам По, на вешалке у двери висело полосатое пальто, рядом с вешалкой примостился чемоданчик.

Полли раскрыла его. Внутри все было заполнено баночками, тюбиками и бумажными пакетиками с пудрой, тушью, румянами и помадками. Запах скипидара стал сильнее — судя по всему, торговка пудрой разбавляла им свои краски.

Захлопнув чемоданчик, Полли обыскала карманы пальто Хелен Хенсли. В одном обнаружились парочка мятых бумажек (5 и 10 пуговичных фунтов), россыпь табака из сломанной папиретки и пара шпилек. В другом мисс Трикк нашла прозрачную аптечную склянку без этикетки, наполовину заполненную красно-белыми полосатыми пилюлями, и скомканный рецепт из Больницы Странных Болезней, подписанный доктором Дж. Д. Барроу. Название лекарства на бумажке («Тингельтангель») ни о чем Полли не сказало, но и рецепт, и склянка переместились в ее сумку следом за подковой.

Ну а потом она нашла кое-что, за чем по сути сюда и пришла.

— Ага, вот и ты! — Дрожащими руками Полли извлекла из внутреннего кармана пальто торговли пудрой небольшой картонный кругляш, размером с пятидесятипенсовую монету. С обеих сторон на нем был изображен один и тот же узор: красная спираль на белом фоне. Кругляш этот напоминал узор на леденце, какие продают в городских кондитерских.

Полли достала из своего кармана еще четыре таких же кругляша и сравнила их с новым. находка в квартире мисс Хенсли и то, что она обнаружила в домах у прочих пропавших, ничем не отличались.

Первую такую картонку (Полли про себя называла их «леденцовыми жетонами») она нашла в квартире мисс Лайзе — кругляш лежал на столе, придавленный керосиновой лампой. Полли сперва не придавала ему особого значения, но, увидев другой «леденцовый жетон» среди луковых очистков в будочке повара Подрика, она поняла, что это и есть та

самая связь. Вернувшись к мисс Лайзе, она забрала жетончик, после чего принялась уже целенаправленно искать их и у других исчезнувших. И она нашла: у трубочиста кругляш со спиралью обнаружился в шляпе-цилindre, оставленном на подоконнике, а у громилы-боксеры — был приколот ножом к дощатой стене в его камерке.

— Что же вы значите? — задумчиво проговорила Полли, разглядывая кругляши на ладони. — Почему вы были у каждого из них?

Пока ни у кого из пропавших людей она не нашла даже намека, что это за предметы и откуда они взялись. Быть может, ответ кроется здесь?

Спрятав «леденцовые жетоны» в карман, Полли еще раз осмотрела квартирку.

На очереди была кровать. Мисс Трикк заглянула под нее — там в пыли стояла швейная машинка с погнутой иглой и лежаладохлая крыса.

Больше в квартирке ничего не было, кроме сундука, на который Полли возлагала особые надежды.

Мисс Трикк подняла крышку, и на нее тут же пахнуло затхлостью старого подвала. Почти все место в сундуке занимали старые костюмы, которые, по всей видимости, не доставались оттуда годами. И... это были очень странные костюмы. Полли вытащила одно из платьев... или это была пелерина? или плащ? Отложив непонятную вещь, она взяла в руки еще один предмет одежды — нечто с перьями, похожее на юбку-туту, какие носят балерины...

«Ну да, ты ведь вроде как была танцовщицей в кабаре», — вспомнила Полли слова мадам По, хотя, стоило признать, что эти костюмы выглядели странновато даже для кабаристки.

Еще в сундуке обнаружались пара сапожек из тонкой кожи с какими-то ржавыми механизмами на подошвах, складной цилиндр-шапокляк и — это Полли заинтересовало особо — ветхая, разваливающаяся в руках книжонка, размером с почтовую открытку.

Мисс Трикк прищурилась, пытаясь прочитать почти полностью выцветшую надпись на обложке:

— «Фум... фумнам... фумнамбулист». Какое странное слово!

Она уже открыла книгу, но ничего прочитать не успела.

— Вот нечем мне больше заняться, знаешь ли! — раздался рокошующий голос на этаже, и Полли вздрогнула. — Эй, постой-ка! А чего это там свет горит? Нам же эта комнатка нужна? Толстуха про нее говорила?

«Толстуха — это, видимо, мадам По, — подумала Полли. — Как неуважительно!»

— Да, сэр. Антресольная квартирка, — прозвучал другой голос, и мисс Трикк его узнала.

«Проклятье! — пронеслось в голове. — Только вас сейчас не хватало! Как не вовремя!»

Она поспешно забросила все, что прежде доставала, обратно в сундук, и закрыла крышку. Обернулась и... застыла.

В комнату, кряхтя и сопя, вошли двое.

Оба были облачены в темно-синюю полицейскую форму с медными пуговицами, на головах у них сидели высокие шлемы с кокардами. У главного (то, что он главный, Полли поняла по большому вислому животу) на груди рядом с жетоном располагались сержантские нашивки.

Завидев Полли Трикк, оба констебля встали, как вкопанные. Толстяк поджал губы, а его спутник недоуменно распахнул рот.

— Так-так-так. — Сержант подбоченился. — Это что еще за номер?

У него было широкое бульдожье лицо, подкрученные рыжеватые усы, здоровенный красный нос, словно его ужалила в него парочка ос, и вислые мешки под глазами, в каждом из которых могло поместиться по коту на продажу.

— Мисс Хенсли, полагаю? — спросил сержант. — Но ведь соседи сообщили о вашей пропаже. Что здесь творится? Вы пропали, или нет? Похоже, что нет.

Полли не успела ответить. Стоявший за спиной сержанта констебль сказал:

— Нет, мистер Кручинс. Это не мисс Хенсли. Это мисс Полли Трикк. Добрый вечер мисс Трикк.

— Добрый вечер, мистер Дилби.

Сержант Кручинс раздул губы и с шумом выпустил из них воздух:

— Пф-ф-ф... Требую объяснений, мисс. Что вы делаете в квартире пропавшей?

— Я работаю в «Сплетне», — призналась Полли. — Господин главный редактор отправил меня...

— Газетные крысы! — рявкнул сержант. — Вечно лезете во все щели, суете свои крысливые носы!

Полли побагровела.

— Ну раз уж полиция не чешется...

Констебль Дилби, который в этот момент неловко почесывал затылок под шлемом, тут же прекратил это дело.

Сержант Кручинс в ярости топнул ногой, словно Полли была кошкой, которую требовалось шугануть.

— Это шутка?! — рявкнул сержант: — Я не понимаю шуток! Пропажей людей уже занимаются официальные лица — глаза протрите! Главный редактор замшелой газетенки с площади Неми-Дрё не выдает своим писакам очки? Крупперт Кручинс в деле! Я не потерплю никаких газетных крыс, желающих состряпать статейку! Дилби, выпроводи нежелательную особу за дверь!

Полли раздраженно фыркнула и двинулась к выходу из антресольной квартирki Хелен Хенсли.

Констебль Дилби, пунцовый от стыда, двинулся следом.

Оказавшись за дверью, Полли повернулась к нему.

— Это возмутительно! Я не заслужила оскорблений в свой адрес!

Дилби закивал.

— Прошу прощения за сержанта, мисс Трикк, — негромко, чтобы его слова не долетели до ушей Кручинса, сказал он. — Мне очень стыдно. Его манеры оставляют желать лучшего. Я бы никогда не посмел с вами так разговаривать, вы же это знаете?

— Извинения не приняты, — горделиво вскинула голову Полли, и констебль с грустным видом потупился.

— Вы не оставите это дело?

— Еще чего!

Дилби вжал голову в плечи и испуганно зашептал:

— Мисс Трикк, прошу вас. Мистер Кручинс очень опасный человек. Вы ведь слышали: он не понимает шуток. С ним лучше не связываться...

— Пусть лучше это он со мной не связывается!

Из квартирki раздался возглас сержанта:

— Дилби! Забыл дорогу обратно?! Хватит там топтаться!

— Будьте осторожны, мисс Трикк, — прошептал Дилби и скрылся за дверью.

Полли развернулась и пошла вниз по лестнице.

Джон Дилби, в отличие от своих коллег-злыдней, был честным, добрым и очень наивным. А еще он за нее переживал, что, в общем-то, было довольно мило, но при этом совершенно напрасно! Когда она говорила, что это сержанту стоит поостеречься с ней связываться, она не преувеличивала. Полли не боялась этого мерзкого Кручинса и была настроена как никогда решительно: в способность габенской полиции отыскать пропавших она не особо верила. Пусть копаются, пусть ищут. Она опередит этих увальней! Тем более она уже знала, что делать.

Улики, которые мисс Трикк нашла в квартире мисс Хенсли, походили на ниточки, которые она крепко сжимала в своих пальцах.

Куда же они ее приведут?

* * *

Причины и предпосылки... Они всегда приводят к определенному итогу. И то, что может на первый взгляд показаться случайным стечением обстоятельств, на деле является непреложностью и закономерностью. Кто-то считает, что люди и их жизни — это просто сброшенные осенью древесные листья, разносимые ветром, кто-то верит в судьбу, в рок и в беспричинные случайности, но мало кто поспорит с тем, что если вы выйдете из дома во время дождя без зонтика, то промокнете, возможно, промочите ноги и подхватите простуду.

Очевидные вещи, казалось бы... вот только очевидность этих вещей никак не противоречит толпам вымокших до нитки, промочивших ноги и простуженных господ, которые каждую осень с неизменным упорством появляются в городе.

Часто можно услышать: «Эх, если бы я только знал, к чему все приведет, я бы...»

Взял зонтик? Но ведь дождь не появился внезапно — о нем еще с утра сообщало Погодное ведомство Габена по радиофору. Ах, вы не слушаете «эту дребедень»? Что ж, вот и ответ.

«Эх, если бы я только знал...»

По большому счету, люди понимают и считают простые причины и следствия, как то: не взял зонтик — промок, не посыпал отраву от гремлинов — гремлины сожрали все часы в доме, съел тухлую рыбу — к вечеру ты сам превратишься в нечто тухлое. Это очевидные вещи.

Реже можно услышать: «Эх, если бы я знал, что тетушка не выпустит меня из дома, пока моя прическа и внешний вид не будут соответствовать ее пониманию “удовлетворительно выглядящего джентльмена”, я бы не опоздал на свой рейс, дирижабль не улетел бы без меня и мне не пришлось бы покупать билет на следующий. И как следствие я бы не сидел сейчас у иллюминатора с белым от ужаса лицом, вцепившись скрюченными пальцами в запястье дамочки с места 18-б, и не слушал сообщение от капитана: “Дамы и господа, к сожалению, вынужден сообщить, что дирижабль терпит крушение и все мы умрем через три... два...”»

Люди полагают, что знание о том, что грядет, помогло бы им избежать напастей, но на самом деле если бы все знали о подлинных первопричинах, которые в итоге приведут к тем или иным событиям в жизни, все попросту сошли бы с ума.

Все действия, все, даже, кажущиеся незначительными, обстоятельства, связаны. Всё переплетено. И порой случается так, что какая-то совершеннейшая глупость однажды, может быть, даже много лет спустя, приведет к трагичным и необратимым последствиям.

Младший констебль Джон Дилби, разумеется, не знал, что виной его нынешнему незавидному положению была страсть к экспериментам со сладким некоей мадам пятнадцать лет назад. А если бы ему кто-то сказал об этом, он бы лишь рассмеялся.

Впрочем, сейчас ему было не до смеха. Совсем не до смеха.

Он открыл глаза и застонал. Протянул руку и коснулся затылка. Пальцы окрасились красным. Перед глазами все плыло.

— Где?.. Где я?

Джон огляделся по сторонам. Он был на большом темном чердаке, где-то поблизости оглушающе тикали часы и проворачивались громадные шестерни. Констебль сидел на полу, прислонившись спиной к деревянной колонне, рядом лежал полицейский шлем с порванным ремешком.

За выбитым стеклом круглого окна багровел закат. Лучи уходящего на покой пьяного габенского солнца ложились на пыльный пол бесформенными пятнами, похожими на лужи крови.

Джон Дилби попытался вспомнить, как он здесь оказался. Он шел за...

В темном углу что-то зашевелилось.

Джон потянулся к дубинке — на поясе ее не было.

— Думаешь-ш-шь она помогла бы тебе, флик? — раздался шипящий голос, и к окну, покачиваясь, подошел высокий... человек?

Констебль прищурился, пытаясь его разглядеть. Цилиндр, пальто и длинный полосатый шарф. Больше Джон ничего не смог рассмотреть — незнакомец кутался в багровый свет, а его лицо тонуло в темноте.

Джон опустил взгляд на тень, которую отбрасывал человек в цилиндре, и задрожал. Длинное черное пятно на дощатом полу обладало четырьмя руками.

— Как ты меня наш-ш-шел? — спросил жуткий незнакомец. — Поч-ч-чему ты здесь?

Джон не ответил. Эх, если бы он только знал...

Впрочем, откуда ему было знать, что виной всему какое-то дурацкое пирожное с перечной присыпкой...

Причины и предпосылки...

Однажды, пятнадцать лет назад, некая миссис Перморрон, жившая в то время на улице Бремроук над шляпным ателье, решила попробовать новое заморское пирожное с перечной присыпкой, которое наперебой расхваливали все кондитеры города.

Миссис Перморрон откусила лишь кусочек, но молотый перец взвился в воздух черным облаком и проник в ее ноздри. Чихая и кашляя, мадам бросилась к окну и распахнула створки.

Миссис Перморрон забыла, что на подоконнике стоял горшок с комнатной мухоловкой. Мадам задела его, и тот, пролетев три с половиной этажа, лишь чудом не упал на голову женщины, шедшей по тротуару вниз.

Спасшим женщину «чудом» оказался некий констебль (тогда еще не сержант) Крупперт Кручинс, вовремя заметивший падение горшка. Он оттолкнул мадам в сторону.

Та была так поражена произошедшим, что еще какое-то время не могла прийти в себя. Она лепетала слова благодарности, держалась за грудь и тяжело дышала. А потом, видимо,

от нахлынувших на нее чувств прямо на месте предложила констеблю руку и сердце. Так мистер Кручинс обзавелся миссис Кручинс...

Эх, если бы только будущий сержант знал, что его ждет...

Миссис Кручинс оказалась редкостной склочницей и весьма злобной особой. Сам супруг звал ее не иначе, как «Моя дорогая», когда она присутствовала, и «треклятой мегерой» за глаза.

Многие в Саквояжном районе боялись сержанта Кручинса, а сам он боялся жену. И всячески пытался ее изжить, хотя в этом деле так и не преуспел за все пятнадцать лет брака...

В утро, когда и начали происходить события, в следствие которых младший констебль Джон Дилби оказался на чердаке наедине с жутким незнакомцем, сержант Кручинс решил в очередной раз подшутить над дражайшей супругой, пытаясь вызвать у нее сердечный приступ.

Пока она спала, он разрисовал стены спальни красной, рыжей и желтой красками, изобразив языки пламени. После чего наполнил комнату дымом и разукрасил собственное лицо каминной сажой, не забыв как следует взлохматить волосы. А потом подкрался к спящей жене и принялся будить ее криками: «Дорогая! Просыпайся! Горим! Пожар!»

Миссис Кручинс проснулась и подскочила на кровати.

Впрочем, того эффекта, на который рассчитывал сержант, не последовало. Он-то надеялся, что супруженька схватится за сердце, выпучит глаза и рухнет, как подкошенная, освободив его тем самым от тягостного брака, но не тут-то было. Хотя выпученные глаза, надо признать, имели место.

Миссис Кручинс сразу поняла, что все это не более, чем розыгрыш. А потом вытащила из-под подушки служебную дубинку супруга и как следует отходила ею сержанта по всему, до чего могла дотянуться. После чего схватила мужа-шутника за ус и потащила его в коридор. Тот выл и пытался оправдываться, что это была просто шутка, но миссис Кручинс не слушала. Она заперла мужа в чулане и, напомнив ему, что он ничего не смыслит в шутках, удалилась.

В чулане сержант провел три часа. Он изо всех сил просил прощения, льстил, уговаривал, но супруга осталась глуха к его увещаниям.

Так бы он там и просидел до самого вечера, если бы не пришел Джон Дилби. Младшего констебля послал лично старший сержант Гоббин, который посчитал, что Кручинс решил просто прогулять службу, что за ним порой водилось.

Миссис Кручинс заявила, что ее муж наказан, но подслушивавший из чулана сержант закричал, что его нужно немедленно освободить, потому как у него, мол, важное полицейское дело. И когда госпожа сержантша усомнилась в этом, Дилби, на свою беду, решил подыграть Кручинсу. Он сказал, что старший сержант Гоббин рассчитывает на Кручинса в деле о пропажах людей.

Сержант был вызволен из чулана.

Кто мог знать, что он и правда решит заняться пропавшими. Так Джон Дилби оказался втянут в расследование, которым не планировал заниматься. Тем утром, отправляясь на службу, он полагал, что его ждет обычный скучный день в полицейском архиве.

На деле же он полдня проходил в компании сержанта, пока в итоге не оказался в антресольной квартирке последней из пропавших — Хелен Хенсли — и не встретил там Полли Трикк из газеты.

Ну а потом сержант Кручинс дал ему особое задание. Исполняя его, он и оказался на чердаке...

Вот так имевшая много лет назад место любовь к экспериментам со сладким некоей миссис Перморрон, с которой Джон даже не был знаком, привела его туда, где он сейчас находился...

— Поч-ч-чему ты здесь? — повторил монстр.

Глава 2. «Тингельтангель»

Хоть Полли Уиннифред Трикк и вела журналистское расследование, репортером она пока не являлась. Ее должность называлась так: «Личная помощница в скучных, занудных и повседневных газетных делах замечательного и великолепного Бенни Трилби». Разумеется, называлась она так сугубо в голове самого газетчика. На деле же Полли являлась его личным секретарем, машинисткой-наборщицей и кофе-с-пирожными приносильщицей.

Сказать, что Бенни Трилби был не в восторге, когда господин главный редактор по сути всучил ему помощницу, о которой ведущий репортер «Сплетни» не просил, значит, заметно преуменьшить. Когда увещания и угрозы бунта, самоубийства и ухода к конкурентам не возымели на шефа никакого эффекта, Бенни с ужасом осознал, что навязчивая, острая на язык и раздражающе любопытная мисс Трикк никуда не денется. И тогда ему не осталось ничего иного, кроме как... смириться, любезно улыбнуться и выделить новой помощнице печатную машинку? О, нет! Бенни решил избавиться от, как он называл Полли Трикк, «чемодана без ручки, который его заставили волочить» и отправил ее в подвальные архивы составлять подборку заметок для «Ностальгического раздела».

Прошло целых три дня, пока Полли поняла, что такого раздела не существует.

Полыхая от ярости, она направилась в печатный зал, намереваясь высказать все, что думает этому несносному Трилби. Она уже подготовила развернутую и наполненную уничижительными эпитетами гневную речь о том, что он не с той связался и что ее не так-то просто запереть в дальний ящик и забыть, вот только высказывать все это было некому — обычно шумная и похожая на улей редакция непривычно пустовала.

Как оказалось, прозябая в архиве, Полли пропустила ни много, ни мало новость месяца.

Все репортеры под предводительством господина главного редактора отбыли «на паркет», что с языка журналистов Габена переводилось как: «отправились освещать официальное мероприятие». Господин Сомм, главный судья Тремпл-Толл, вознамерился не просто обыграть в бридж своих коллег из других районов, но уничтожить и растоптать их. Бенни Трилби и прочие должны были осветить это, вне всякого сомнения, масштабное и громкое событие.

И Полли решила воспользоваться моментом... Никто не мог ей помешать заняться тем, ради чего она, собственно, и устроилась в газету — помогать людям, попавшим в беду. А таинственное исчезновение жителей Саквояжного района пахло той самой бедой, какдохлая рыба, забытая на подоконнике.

Считала ли она, что их всех похитили? Безусловно, хоть напрямую на это ничто не указывало. «Леденцовые жетоны» связали пропавших, но этого было мало — к тому же Полли до сих пор не знала, что они значат. И все же у нее появилось еще кое-что, отчаянно похожее на улику, — баночка пилюль «Тингельтангель», обнаруженная в кармане пальто торговли пудрой.

После посещения квартир мисс Хенсли Полли решила еще раз осмотреть дома прочих пропавших. Ей не давали покоя эти странные пилюли и все не отпускало ощущение, что она их уже где-то видела. Вскоре это ощущение подтвердилось.

«Тингельтангель» обнаружился в чердачной каморке семафорщицы — пилюли были без баночки, лежали на столе среди прочих таблеток, — неудивительно, что тогда она не придавала им особого значения. Несколько полосатых пилюль затем нашлось и у трубочиста, и

у боксера. В будочке у повара Полли провозилась почти час, пока не заметила характерный красно-белый порошок в одной из баночек среди приправ — повар попросту перетер пилюли.

Это было оно! Все пятеро пропавших принимали одинаковые лекарства от одной и той же болезни.

И тогда Полли отправилась туда, куда ниточка тянулась: в Больницу Странных Болезней, к доктору Дж. Д. Барроу, имя которого стояло на рецепте из кармана пальто Хелен Хенсли...

У работы на газету было свое преимущество. А именно то, что Полли, выпытывая сведения у очевидцев того или иного происшествия, могла говорить, что она работает в газете. И если раньше ее расспросы вызывали раздражение, а многие попросту захлопывали дверь перед ее носом, то теперь интерес Полли Трикк становился для людей понятным, обоснованным, и они охотнее делились тем, что им было известно.

И все же, добродушие и говорливость мадам По сыграли с ней злую шутку. Мисс Трикк совершила ошибку, полагая, что и все остальные будут столь же откровенны и дружелюбно настроены. Вскоре Полли пришлось убедиться в том, что «Добрый день, я из газеты» работает не со всеми и открывает далеко не все двери.

Вестибюль Больницы Странных Болезней представлял собой мерзкое и отвратительное место. Даже если не брать во внимание потеки слизи на полу, клочки сухой человеческой кожи и зубы, валяющиеся под ногами, не замечать чудовищный флёр лекарств, гниющей плоти и неуместного здесь запаха сладостей было невозможно.

В вестибюле не проглядывало и намек на то, что тут кто-то ждет пациентов, чтобы им помочь, зато куда ни кинь взгляд обнаруживались намеки на то, что пациенты — это нечто обременительное и вообще, мол, пусть спасибо скажут, что кто-то ими занимается.

Габен и сам по себе был не очень-то гостеприимным городом, но больница будто собрала в себе всю его гниль, все двоедушие и безразличие.

Стены вестибюля были завешаны табличками: «*Не ныть!*», «*Не жаловаться!*», «*Не плакать!*» и тому подобным. Не обошлось и без абсурда, вроде: «*Не кровоточить!*» и «*Каждый чих на служащего больницы будет стоить вам фунт!*»

В темном, заполненном трясущимися людьми помещении светились всего три лампы: над входом, над главной лестницей и над окошком дежурной медсестры.

Именно к нему Полли и направилась.

Дежурная медсестра — судя по табличке, ее звали мисс Мегирофф — всем своим видом напоминала восковую статую в чепчике и приталенной, застегнутой на все пуговицы белой форме: юбке и жакетике. Лицо мисс Мегирофф не выражало ни единой эмоции, или, вернее, оно выражало лишь нестираемое раздражение. В пальцах она держала плоский и круглый, со спиральным узором, леденец на палочке и время от времени лениво его полизывала.

Полли поздоровалась, представилась и сообщила, кого ищет, но обитательнице окошка было ровным счетом наплевать, откуда именно она заявила:

— Если вы не испытываете недомогание, мисс, — с безразличием в голосе сказала дежурная медсестра, — то к господину доктору вы допущены не будете.

Полли быстро сориентировалась и схватилась за щеку.

— Ой-ой-ой, — застонала она. — У меня-то как раз недомогание. И очень жуткое, прошу заметить: я съела несвежего осьминога и, кажется, отравилась чернилами, а еще...

— Подробности не интересуют! — прервала ее мисс Мегирофф и, сверившись с большой больничной книгой, сообщила: — Доктор Барроу сейчас занят, но через десять минут время пациента, которым он в данный момент занимается, истекает, и он сможет вас принять.

— Замечательно! — улыбнулась Полли и, спохватившись, застонала. Впрочем, медсестре не было дела до ее не особо правдоподобной актерской игры.

— Куда мне идти?

— Главная лестница. Третий этаж. Коридор слева.

— Благодарю. — Полли уже было развернулась, но медсестра ее остановила.

— Вы ничего не забыли, мисс?

Полли недоуменно на нее уставилась. Медсестра вздохнула и пояснила:

— Вы не купили билет.

— Простите?

— Больничный билет. Без него вы не попадете к доктору.

— Что за вздор?! — возмутилась Полли. — Мы ведь не в театре.

Медсестра подняла бровь.

— Вы душевнобольная? Тогда вам не в Больницу Странных Болезней, а в лечебницу «Эрринхауз». Билет покупать будете?

Полли сжала зубы и процедила:

— Буду.

— С вас тридцать фунтов.

— Почему так дорого?!

Медсестра пожала плечами.

— Услуги погребального оркестра господина Пруддса стоят дороже, — заметила она. — Впрочем, вы всегда можете отправиться в Фли к Лоскутнику или найти какого-нибудь не заслуживающего доверия шарлатана, именующего себя доктором и в Тремпл-Толл.

Полли поняла, кого медсестра имеет в виду, но промолчала. Не желая затягивать разговор с этой невероятно «милой» особой, она просунула в окошко деньги. Мисс Мегирофф взяла их и толкнула вмонтированный в стол рычажок. Тут же раздался скрежет механизмов, и из прорези выползла прямоугольная картонка, на которой стояла зеленая трафаретная надпись:

«БОЛЬНИЦА СТРАННЫХ БОЛЕЗНЕЙ

БИЛЕТ № 4378-25-Б

(Одноразовое посещение доктора. Возврату и обмену не подлежит.

Без компостирования — недействителен!)»

Полли поджала губы.

— Еще и компостировать?

— В кабинете доктора. Следующий!

Схватив билет, Полли буркнула: «Вас тут всех самих не помешает прокомпостировать», — и направилась к лестнице...

...Поднявшись на третий этаж, мисс Трикк двинулась по коридору, глядя на таблички дверей. Вскоре она обнаружила нужную:

*«Дж. Д. Барроу,
доктор больничной практики.*

Заразными болезнями и отвратительными уродствами не занимаюсь».

Не успела Полли взяться за дверную ручку, как дверь распахнулась и девушку обдало струей дыма.

Из кабинета доктора вышел, судя по всему, пациент. Сперва Полли решила, что это ребенок, но затем отметила совершенно не детские встопорщенные бакенбарды, седые брови и морщины. Да и сигары дети курят нечасто.

Карлик выглядел весьма представительно как для Тремпл-Толл: на нем были с виду дорогой черный костюм и красная бархатная жилетка, из кармашка к пуговке тянулась золотая часовая цепочка, на макушке слегка набекрень сидел обтянутый поблескивающим шелком цилиндр.

Окинув Полли любопытным взглядом, карлик спросил:

— За лекарством от курносости?

Полли прищурилась, но в долгу не осталась:

— А вы за лекарством для роста?

Карлик хмыкнул, приподнял цилиндр и прошел мимо.

Когда он скрылся на лестнице, Полли постучала и, услышав «Войдите!», толкнула дверь.

В первое мгновение ей показалось, будто она вдруг перенеслась из больницы в салон какого-нибудь джентльменского клуба, полного важных снобов различной степени ханжества.

Стены кабинета доктора Дж. Д. Барроу были обшиты темным деревом, на них висели картины в грузных рамах. В неярком свете ламп под зелеными плафонами клубились густые клубы темно-фиолетового папиретного дыма. Сливовый запах табака смешивался с ароматами дорогого вина. Негромко играла музыка, вытекая в кабинет из рога граммофона.

Доктор Барроу сидел за столом в глубоком кожаном кресле и, лениво откинувшись на спинку, перебирал пальцами по воздуху в глубине висящего рядом с ним дымного облака, отчего казалось, будто дым сплетает его рука.

— Невероятно рад! — воскликнул он, и Полли посетила мысль, что для встречи пациента приветствие хуже придумать сложно. Доктора будто приводил в восторг сам факт возможной напасти, свалившейся на нее.

А еще Дж. Д. Барроу явно был в восторге от самого себя. Каждое его движение обладало манерностью и патетикой, его взгляд полнился значением (известным лишь ему самому), а у каждой улыбки из его набора заготовленных улыбок, вне всяких сомнений, было свое название. Внешность человека за столом больше подошла бы актеру на подмостках, чем врачу: тонкие черные усики, подвитые брови, блестящие иссиня-черные волосы с посеребренными висками — их обладатель будто сошел с коллекционной открытки. А глубокие болезненные тени вокруг глаз выглядели так, будто он их нарочно подкрашивает, чтобы придать образу бóльшую драматичность.

Приглядевшись, Полли заметила, что фиолетовый дым рождается вовсе не из руки доктора Барроу. Между его пальцами плясала папиретка. Девушка даже замерла, заворожено глядя на то, как быстро и плавно папиретка перемещается.

— Ваш билетик, будьте добры. — Доктор кивнул на небольшой бронзовый компостер, закрепленный на краю стола, и Полли, подойдя, прокомпостировала билет.

— Очень странная практика... — сказала девушка, — с этими билетами.

— Что вы! Во все и не странная, а наоборот, крайне правильная и нужная. Во всем должен быть порядок.

— Вы не находите, что это... гм... несколько театрально?

— Разве это плохо? — картинно изогнул черную бровь доктор Барроу. — Больничные билеты в ходу уже почти двадцать лет. И я, признаюсь, неким образом причастен к тому, что в один прекрасный день они здесь появились.

— Значит, это вы их придумали?

Доктор Барроу растянул тонкие губы в очередной улыбке и совершил рукой волнистый жест, означающий шутливое «Каюсь» и «Пойман с поличным». После чего указал Полли на стул для пациентов.

Когда она села, он выпустил струю дыма, свившуюся в новое облачко над столом, и спросил:

— На что жалуетесь, мисс?

— О, у меня мигрень.

Доктор вскинул брови.

— И вы пришли ко мне с мигренью?

— Понимаете ли, это очень сильная мигрень, — сказала Полли. — Я работаю в газете «Сплетня» и...

— Вот ведь фокус! — Доктор Барроу поглядел на посетительницу со смесью недоверия и любопытства. — Не знал, что там работают дамы.

Полли пояснила:

— Я там совсем недавно, но мой начальник, господин главный редактор, требует от меня статью. Вот только я не могу ее написать, так как не обладаю достаточными сведениями.

— Я могу прописать вам пилюли от мигрени.

Легонько улыбнувшись, Полли посмотрела глазами доктора Барроу и, пристально следя за его реакцией, сказала:

— Я бы предпочла, чтобы вы прописали мне... сведения. Они точно уймут мое недомогание.

— Что? Сведения? Вы о чем?

Полли достала из кармана блокнот и карандаш. Улыбка доктора мгновенно испарилась.

— Я веду журналистское расследование, и оно привело меня к вам.

— Я не понимаю...

Возможно, Полли и не была столь же опытным в выуживании сведений газетчиком, как Бенни Трилби, но то, что доктор занервничал, понял бы и ребенок.

На свет из недр пальто мисс Трикк появилась баночка с пилюлями. Доктор бросил на нее один лишь взгляд и, судя по его вмиг вытянувшемуся лицу, тут же узнал ее содержимое.

— Откуда они у вас?

Полли спросила в ответ:

— Вы знаете, что это?

— Разумеется, я знаю, что это. Я повторяю: где вы это взяли?

Девушка насторожилась — доктор отреагировал как-то слишком уж резко на появление этих пилюль.

— Вы ведь читали газеты? — спросила она.

Доктор Барроу кивнул:

— Да, я читал. Судейский бридж и тому подобное...

Полли мгновенно поняла, что он лжет. Вне всяких сомнений, доктор был осведомлен о пропажах людей.

Тем не менее она уточнила:

— Я имею в виду исчезновения, имевшие место в Тремпл-Толл. О них писали всю последнюю неделю.

— Что? Какие еще исчезновения?

Полли решила подыграть и пояснила:

— За последнюю неделю в Саквояжном районе пропало пять человек. — Она сверилась с записями: — Мисс Лайзе, мистер Подрик, мистер Бурк, мистер Дорман и мисс Хенсли. Вам что-то говорят эти имена?

— М-м-м, возможно... — осторожно проговорил доктор. — Звучат знакомо. Должно быть, я читал об этих людях в газете. О них ведь писали всю последнюю неделю, верно?

— Я нашла вот это у мисс Хенсли. — Полли продемонстрировала доктору Барроу рецепт.

— Гм. Мисс Хенсли... мисс Хенсли... — доктор Барроу постучал себя пальцем по лбу, — да, возможно, я ее помню. Полная престарелая мисс с бородавкой на носу?

— Нет.

— Вы знаете, я пользуюсь половиной Тремпл-Толл, всех и не упомнишь...

О, вот и улыбочка, которая, видимо, называется: «Попытка прикрыть нескладное вранье». Полли сжала карандаш так крепко, что заболели пальцы.

— «Тингельтангель». От чего эти пилюли?

— Боюсь, я не могу вам сказать. Врачебная тайна.

— Люди пропали, — напомнила Полли.

— И тем не менее, — твердо ответил доктор. — Вы ведь не из полиции, мисс, а значит, у вас нет права требовать от меня нарушить тайну между доктором и его пациентами.

Полли сжала зубы.

— Кому вы еще прописывали «Тингельтангель»?

— Не могу сказать.

— Все это выглядит так, будто вы что-то знаете об исчезновениях...

— Разумеется, я ничего не знаю!

А вот это уже походило на правду. На мгновение в глазах доктора Барроу промелькнуло возмущение, как будто он на самом деле негодовал о том, что ничего не знает.

— Дайте мне хоть что-то! — взволнованно проговорила Полли. — Что-нибудь, что поможет отыскать пропавших. Неужели вам все равно, что с ними случилось?

— О, я само переживание! — доктор на миг задумался: — Или правильнее будет сказать «сопереживание»? Вы ведь из газеты — какое слово будет более уместным?

— «Черствый» и «безразличный». Или «бессердечный», — раздраженно сказала

Полли. — Если пропадет еще кто-то, это будет на вашей совести!

Доктор Барроу вставил папиретку в зубы и сцепил пальцы.

— Боюсь, я ничем не могу помочь.

Уяснив, что он ничего ей не скажет, Полли засунула карандашик в блокнот, а баночку пилюль — в карман.

— Что ж, я сама все узнаю!

— Могу вам только пожелать удачи и... пилюли от мигрени не требуются?

— Нет! — Наделив хозяина кабинета испепеляющим взглядом, Полли поднялась.

— Прежде, чем уйдете, мисс... — начал доктор.

— Что?

— Прошу, верните мне мою папиретку.

— Вы о чем?

Доктор кивнул на блокнот, который она держала в руке. Полли опустила взгляд, и у нее глаза едва на лоб не вылезли: блокнот дымился!

Полли его раскрыла и двумя пальцами извлекла папиретку — странички, с которыми соприкасался ее кончик, зияли бурыми прожженными дырами.

— Откуда?...И где мой?..

Полли глянула на доктора, тот извлек из зубов карандашик, и протянул его девушке.

Та потрясенно вернула ему папиретку.

— Хотели стащить ее, мисс? — ухмыльнулся доктор. — Как некрасиво...

— Что?! — возмутилась Полли. — Это не я! Я не знаю, как они поменялись местами и... — и тут до нее дошло: — Это вы!

— Ну нет, — подмигнул ей доктор Барроу. — Как бы я сумел? Если это не вы и не я, то дело, должно быть, в самой папиретке. Экая непоседливая финтифлюха...

— Вы думаете, что ваши шуточки — это что-то очень забавное, доктор?

Доктор Барроу развел руки в стороны.

— Привыкайте, милочка. Вы теперь «сплетник». Вашего брата в городе не особо жалуют. Смею предположить, что вскоре вы начнете сталкиваться в вашей работе с чем-то таким, что в сравнении с этим шуточная шанжировка покажется вам невинной и любезной.

Сказав это, он расхохотался настолько чистым и глубоким смехом, как будто долгое время репетировал его перед зеркалом.

Полли не знала, что такое «шанжировка», и не была намерена это выяснять. Она гневно фыркнула и, развернувшись на каблуках, потопала к двери. Бросив напоследок полный презрения взгляд на доктора, девушка покинула кабинет.

Стоило ей выйти за дверь, как Дж. Д. Барроу прекратил смеяться и сузил глаза. Его веселое настроение исчезло так, словно кто-то вырвал страницу из книги, на которой оно было описано.

Доктор поспешно достал из ящика стола листок пищевой бумаги, макнул ручку в чернильницу и принялся быстро-быстро писать. В какой-то момент его рука дрогнула, и на письмо упала клякса. Доктор схватился за горло, словно вдруг начал задыхаться. Дрожащими пальцами он полез в карман сюртука и достал баночку «Тингельтангель», откупорил пробку и проглотил две пилюли.

Когда недомогание прошло, он поправил галстук и вернулся к письму. Перо скрипело по бумаге, выводя преисполненные гнева, страха и непонимания строки.

Дж. Д. Барроу был так занят, что не заметил, как за окном его кабинета кто-то

появился. Громадная черная фигура замерла на карнизе, глядя в спину согнувшегося над столом доктора. В щель оконной рамы пробрался тоненький крючок. Он подцепил щеколду и неслышно потянул, отодвигая ее в сторону.

Спустя несколько мгновений окно тихо распахнулось, и громадная черная фигура проникла в кабинет.

Доктор Барроу обернулся. На его лице застыл ужас.

* * *

Трамвай полз по осенней улочке. Полли сидела у окна и глядела на деревья. Кроваво-красные кленовые листья и туман... Довольно мрачное сочетание, если задуматься, но Полли оно нравилось. Она была «осенним» человеком до глубины души, а еще Габен, затянутый мглой, казался не таким отвратным, как обычно: видимо, потому, что его было меньше видно.

«Станция “Трюмо Альберты”» — раздалось из бронзовых вещателей.

Трамвай остановился у заброшенного трехэтажного особняка, в котором прежде располагался большой дамский магазин. Ныне «Трюмо» представляло собой весьма грустное зрелище: на дверях висел замок, у входа в бурьяне валялось несколько букв, отвалившихся от вывески, а окна-витрины были сплошь заклеены старыми газетами. От этого места веяло жутью, словно внутри обреталось нечто злобное, алчущее человеческой плоти и строящее козни. Всякий раз, когда Полли оказывалась поблизости, ее пробирало до дрожи.

Подобное ощущение было присуще не ей одной — место это среди горожан пользовалось дурной славой. «Все началось в тот день, когда разорилась мадам Альберта!» — говорили люди, но никто в точности не знал, что именно «началось», при этом все сходились во мнении, что во избежание ночных кошмаров лучше во все это особо не углубляться. Так и повелось, что на станции «Трюмо Альберты» почти никто никогда не сходил и в трамвай не садился. Трамвайщик и вовсе останавливался здесь лишь потому, что не имел права игнорировать, пропускать и вычеркивать из памяти, лишь бы не думать о различных зловещих вещах, какие-либо станции на пути следования.

А между тем из-под ржавого кованого навеса показалась громадная фигура. После чего в вагон, переваливаясь с ноги на ногу, вошел... здоровенный плюшевый медведь со свалянной шерстью и торчащими нитками. Оглядев салон своими пуговичными глазами, он негромко заурчал. Медведь вел себя так, словно не впервые разъезжает в трамваях: прокомпостировал билет, а затем как ни в чем не бывало уместился на сиденье возле задней площадки.

Трамвай закрыл двери и тронулся в путь. Пассажиры не обратили на медведя внимания: кто-то уткнулся в газету, кто-то — в свои мысли.

Полли была из последних. Она думала о расследовании и при этом не забывала корить себя: «Вот ведь дура! Слониха в посудной лавке! И почему я не догадалась зайти издалека?! Вот Бенни Трилби точно все выпытал бы у этого доктора. Он бы придумал какой-нибудь трюк, провернул пару своих коронных фокусов, возможно устроил бы сцену с переодеванием. Эх, не стоило раскрывать все карты...»

Утешало только то, что у нее был запасной вариант, как узнать, что такое

«Тингельтангель». И все же, несмотря на все ее обреченные мысли, посещение больницы не прошло даром: Полли выяснила, что не только лекарство связывает всех пропавших, но и сам доктор. И все же к похищениям, если они и имели место, он причастен не был — Полли это чувствовала...

«Станция “Старая Аптека”» — прозвучало над головой, и Полли дернулась от неожиданности — она и не заметила, как приехала!

Вагончик подполз к станции, дверцы-гармошки открылись. Полли сошла с подножки прямо в туман и зябко поежилась.

Почувствовав чей-то взгляд, она обернулась и успела увидеть, как кто-то шмыгнул за афишную тумбу.

— Хм...

Слежка, ну надо же... Дело о пропажах становилось все интереснее.

Полли дождалась, когда трамвай снова тронется в путь, подняла воротник пальто и подошла к газетной будочке. Из окошка раздавался храп — сидевшая там старушка заснула, видимо, лет сто назад, учитывая, что она, как и все внутри будочки, покрылась пылью и паутиной.

Помимо газет, в будочке продавались чернила в разномастных баночках, почтовые марки и открытки с изображениями Габенских злодеев прошлого.

Полли склонилась над ними, делая вид, что разглядывает злодеев. Боковым зрением она уловила, как наблюдавший за ней незнакомец снова показался из-за тумбы.

Старушка в будочке шморгнула носом и открыла глаза. Увидев Полли, она улыбнулась.

— Открыточками интересуетесь, мисс?

— Эм-м-м... да. Мой... гм... племянник их коллекционирует.

— Кого желаете? Эдвард Эзрин по прозвищу «Замыкатель» пользуется популярностью. Дети любят молнии. Еще могу посоветовать Горемычника и Механикуса, злобного автоматона.

— Пожалуй, я возьму Горемычника. И типа с молниями.

Старушка воодушевленно зашевелилась — с ее морщинистого лица посыпалась пыль.

— Два фунта.

Полли заплатила, и парочка злодеев переместилась к ней в карман. На миг девушку посетила мысль: «Эх, если бы и настоящих злодеев отлавливать было так просто...»

А между тем тот, кто за ней следил, все еще был неподалеку. Полли поблагодарила старушку, но та уже снова погрузилась в сон.

Мисс Трикк подошла к тумбе и принялась демонстративно разглядывать афиши. Спектакль был ровно тем же, что и весь последний месяц. Тумба, словно в пальто, была одета в плакаты «РАЗЫСКИВАЕТ ПОЛИЦИЯ». Служители закона и порядка обещали вознаграждение за любые сведения о «преступной и опасной мстительнице в маске по прозвищу Зубная Фея»; на всех плакатах был изображен, какой-то жуткий и совсем не милый монстр с перепончатыми крыльями, глупыми круглыми глазами, когтями и длинными клыками.

— Вообще непохоже, — проворчала Полли и двинулась вокруг тумбы. Как и следовало ожидать, там уже никого не было.

Пожав плечами, Полли развернулась и пошагала к узкой улочке у боковой стены аптеки. Тайнственный наблюдатель двинулся следом — девушка его не видела, но буквально затылком ощутила шевеление за спиной.

Свернув за угол, Полли ускорила шаг. Прохожих здесь, как и на улице Слив, не было, и она незамеченной спряталась в скоплении ржавых труб. Достала из кармана трехствольный револьвер «хогг» и затаилась.

Вскоре раздался натужный скрип колес, и на улочке кто-то появился. Из-за густого тумана Полли никак не могла различить преследователя.

Незнакомец остановился в двух шагах от нее и принялся махать перед лицом рукой в попытках разогнать мглу.

Полли взвела курок. Преследователь застыл.

— Говори, что нужно, или я тебя продырявлю! — прошипела девушка.

— Мисс Трикк...

— Дилби!

Полли опустила револьвер и выбралась из своего укрытия. Младший констебль придерживал за руль служебный самокат и глядел на нее испуганно.

— У вас оружие, мисс Трикк?

— А вы что, предлагаете мне расхаживать по Саквояжне просто так и отбиваться от различных злыдней моей коронной обворожительной улыбкой? Что вы здесь делаете? Шпионите за мной?!

— Нет... то есть, да. — Констебль замялся. — Э-э-э... не совсем. Я...

Полли прищурилась.

— Дайте угадаю: вас подослал этот хмырь Кручинс, чтобы вынюхать, что я обнаружу?

Губы младшего констебля задрожали — казалось, он вот-вот разрыдается.

— Он... это... не совсем... мне даже неловко...

— Говорите уже!

— Он велел мне... гм... подкараулить вас в темном переулке и огреть по голове дубинкой, чтобы вы... гм... не лезли в полицейские дела своим уродским настырным носом. — Полли округлила глаза, и Дилби поспешно добавил: — Это его слова! Не мои! Я-то не считаю ваш нос уродским или настырным — наоборот, он очень милый и...

Дилби покраснел и опустил взгляд. Полли не знала, продолжать ей злиться, или пощадить бедолагу.

— Огреть девушку дубинкой в темном переулке! — возмущенно воскликнула она. — Как это в духе габенской полиции!

— Я бы ни за что не стал... Поверьте мне, мисс Трикк! Я бы никогда и ни за что вас не огрел! Как бы я потом смотрел в глаза доктору Доу или Джасперу!

Полли усмехнулась. Она знала, что младший констебль испытывает к ней симпатию марки «По уши», и огорчить или разочаровать доктора и его племянника, у которых она жила, было явно не главной причиной, почему он не стал бы лупить ее дубинкой.

Неловкость и смущение Джона Дилби были довольно милыми, да и сам он был очень приятным человеком. Но его сильно портило одно обстоятельство: он служил в Доме-с-синей-крышей. Впрочем, сейчас это могло сыграть Полли на руку.

— Я очень в вас разочарована, мистер Дилби, — сказала она, и констебль соорудил жалобное лицо. — Ну ладно, — Полли сменила «гнев» на такую же мнимую милость. — Если вы не собирались делать то, что требовал от вас Кручинс, зачем вы ходили за мной по пятам?

— Я... э-э-э... — запинаясь, начал констебль. — Это ведь Саквояжня! Здесь может случиться что угодно. К тому же я не хотел бы, чтобы похититель и вас забрал, а еще...

— Я могу за себя постоять, — перебила Полли и вдруг осеклась. — «Похититель»? Значит, Кручинс уверен, что всех пропавших похитили?

Дилби замаялся, но под пристальным взглядом Полли сдался и подтвердил:

— Сержант уверен в этом.

— У вас есть подозреваемые?

— Нет. Но мы нашли у всех похищенных то, что сержант назвал «визитной карточкой похитителя».

— Что это?

— Мисс, я не должен...

Говорите!

— Мы нашли четыре странные подковы. Только в доме последней жертвы похищения подковы не было — мы перерыли всю ее квартиру, но так и не обнаружили «визитную карточку». Сержант считает, что... — констебль неловко потер нос, — что ее забрали вы.

Полли достала подкову из сумки.

— Она была в печке. Очень странный предмет. Вы знаете, что это такое?

— Да! — воскликнул Дилби. — Вернее, я могу узнать. Я предлагал сержанту все выяснить, но он наотрез отказался — мистер Кручинс не особо привык слушать советы и принимать помощь. Меня вообще никто никогда не слушает.

Полли улыбнулась.

— Я с радостью выслушаю вас, мистер Дилби. Итак...

— Мистер Бонтер. Он мой сосед, живет через дом. Мистер Бонтер — кузнец, он подковывает коней, которые волокут омнибусы. Он точно должен знать, что это за подкова. Я мог бы его расспросить.

Полли задумалась. Идея Дилби была вполне разумной. Мисс Трикк протянула констеблю подкову.

— Вы могли бы все выяснить у вашего кузнеца для меня?

Дилби ошарашено уставился на нее.

— Вы хотите?.. Чтобы я?..

— Именно. Думаю, мне не помешает помощь. — Полли глянула в глаза констебля. — Я знаю, что вы не такой, как Кручинс и прочие фли... гм... констебли. Вы из тех, кому не безразлично, что происходит в Саквояжне. Нужно найти похищенных и остановить похитителя, пока жертв не стало больше. Вы согласны?

— А сержант Кручинс?

— Полагаю, он не особо настроен искать кого бы то ни было. Полиции было известно о пропажах уже почти неделю назад, но что-то в вашем этом Доме-с-синей-крышей никто и не думал шевелиться. Думаю, не ошибусь, если предположу, что Кручинсу это дело всучили против воли. За какую-то провинность или что-то в том же духе.

Младший констебль кивнул: все примерно так и обстояло.

— Итак, мистер Дилби, вы готовы объединить усилия?

— Я... я с радостью! — с горячностью закивал констебль. Он крепко сжал в руке подкову, и его форменная белая перчатка перепачкалась в саже. — Мы можем отправиться немедленно: мистер Бонтер сейчас в своей кузне.

Полли покачала головой.

— Боюсь, вам придется отправиться к вашему кузнецу в одиночку, а я пока попытаюсь выяснить что-то о похищенных. У меня есть ниточка...

— Что за ниточка?

— Не спешите, мистер Дилби, — уклончиво сказала Полли, — я не вполне уверена, что она к чему-то приведет. Отправляйтесь к кузнецу, а потом, скажем, в восемь часов, мы с вами встретимся и обменяемся всем, что узнаем.

— В «Колоколе и Шаре»?

Полли поглядела на него, как на сумасшедшего.

— В полицейском пабе? Ни за что! Вы знаете паб «Слюнявый Крилби» неподалеку от Странных Окон?

Констебль кивнул.

— Значит, в восемь, в «Слюнявом», — подытожила Полли. — Не подведите меня, мистер Дилби.

— Ни за что!

— Я очень на вас рассчитываю... — и тут Полли совершила сугубо женскую подлость: — Джон.

Услышав свое имя из уст мисс Трикк, констебль уморительно засопел, как суслик, перед которым открыли банку бобов.

— Я все разужнаю! Даже если мне придется умереть, я вас не подведу.

О, она в этом не сомневалась.

* * *

Когда дверь за последним посетителем закрылась, аптекарь Лемюэль Лемони позволил себе испустить вздох облегчения.

Ну наконец-то! Этот долгий день за стойкой закончился... Осталось кое-что доделать и можно позволить себе чашечку чая.

Аптекарь запер дверь и повесил на нее табличку «*Закрето. Приходите утром*», после чего вернулся за стойку, подровнял стоявшие на ней склянки с сиропом от кашля, заменил бобину бинта на валике и заполнил лоток с упаковками ваты. Повернувшись к стеклянным шкапам, он открыл одну за другой все дверцы и прошел вдоль них с тетрадь, делая пометки и напевая под нос: «Пиннетки, пилюльки, порошочки от чесотки, чихоты, чахотки...»

Отметив все лекарства, которые нужно было пополнить, аптекарь закрыл шкафы и склонился над кассовым аппаратом. Дернув за рычажок сбоку, мистер Лемони уставился на окошко с ячейками-цифрами, которые тут же начали быстро сменяться. Механизм принялся подсчитывать дневную выручку, и это не заняло много времени — сегодня в аптеке было не так уж много посетителей.

Аппарат звякнул, и ячейки составили: «*154 п.ф. 75 п.п.*»

Лемюэль грустно покивал: его конкурент, господин Медоуз из «Аптеки Медоуза», столько выручает за пятнадцать минут. Когда-то «Горькая Пилюля Лемони» была единственной аптекой в Тремпл-Толл и дела у нее шли не в пример лучше нынешних, но с тех пор прошли годы, и амбициозный и безжалостный господин Медоуз сделал все, что мог, чтобы вытеснить старинное семейное дело Лемони из жизни Саквояжного района. Это было несложно, учитывая, что «Горькой Пилюлей» сейчас управлял Лемюэль, у которого не было той предприимчивой жилки, которой славился его прадедушка...

— Ах да, прадедушка! — воскликнул мистер Лемони. — Чуть не забыл...

Аптекарь вытащил из бокового ящика кисть, выбрался из-за стойки и открыл шкаф-витрину, примостившийся возле дверей.

На одной из полок, среди баночек с противоядиями, стоял побуревший от времени череп в лимонном парике. Прадедушка при жизни был отъявленным франтом, таким же он остался и после смерти: формой парик походил на луковицу и пах полынью и кардамоном — правнук не забывал регулярно осеять череп парфюмом и следить, чтобы волосы не поникли.

Лемюэль принялся аккуратно, дотошно и со всем возможным почтением чистить череп от пыли кистью. Не пропуская ни одного зуба, прошелся по челюсти, широкими «мазками» стер пыль с лобной кости, взялся за глазницы...

— Все идет своим чередом, прадедушка, — сказал аптекарь. — Люди болеют или думают, что болеют, и приходят за лекарствами. Сегодня заглядывала парочка любопытных посетителей: у одного мистера время от времени вспыхивают волосы — буквально загораются! Согласен: это просто поразительно. Я выдал ему раствор от изжоги — поглядим, вдруг поможет. Если нет, придется что-то придумывать. — Мистер Лемони всунул кисточку в носовую полость черепа, прочистил ее и, перейдя к волосам, продолжил: — Еще была дама, которая сбрасывает кожу, как змея. О, тебе бы такое понравилось: ей лет семьдесят, но выглядела она не больше, чем на двадцать... беда в том, что несчастная испытывает сильное жжение всякий раз, как «обновляется» — доктор прописал ей «Антижгин Перре». Что? Побочные эффекты? Ну разумеется, я помню о побочных эффектах. Куда ж без них...

Помимо того, что старый господин Лемони (прадедушка Лемюэля) был модником, он еще и обладал гением — не только в изобретении лекарств, но и в том, как заставить людей покупать больше этих лекарств. Какой-нибудь бездарь на его месте попросту стал бы добавлять в состав пилюль вещества, вызывающие привыкание, но старый господин Лемони придумал кое-что... интереснее. Он намеренно снабдил все свои лекарства побочными эффектами — не сильными, но крайне неприятными и зачастую весьма непредсказуемыми. К примеру, лосьон от выпадения волос вызывал у больного бессонницу. Капли от бессонницы, в свою очередь, заставляли его непроизвольно грызть пуговицу на манжете. А пилюли от неврозов с «пуговичным эффектом» приводили к неконтролируемому слюноотделению. И так далее... По сути, господин Лемони в корне изменил аптекарское дело и посадил весь город на постоянное лечение от различных и нескончаемых напастей — недаром с тех пор говорят: «Здоровых людей в Габене нет. Есть те, кто пока не купил первое лекарство в аптеке».

— К слову, сегодня в обед приходил один джентльмен с очень странным побочным эффектом: всякий раз, как он принимает пилюли от аллергии на плохие новости, к нему слетаются вороны. «Обратный эффект пугала» — не представляю, что его вызывает... Нужно проводить исследования, но это что-то новенькое...

В окно раздался стук, и аптекарь едва не подпрыгнул на месте от неожиданности. Поймав выскользнувшую из пальцев кисточку, он испуганно повернул голову.

— О, мисс Трикк! — воскликнул Лемюэль Лемони, и тут же зажал рот рукой: если мадам Клопп, его ворчливая теща, услышит, ему несдобровать.

В любом случае это было не радостное удивленное «О! Мисс Трикк! Как хорошо, что она решила заглянуть: может, эта приятная молодая дама даже принесла что-нибудь вкусненькое к чаю!» Нет, это было досадливое и раздраженное «О-о-о... Мисс Трикк!

Проклятье! И за чем она заявила на этот раз? Теперь точно хлопот не оберешься!»

Глядя на него через окно, Полли Трикк ткнула пальцем в сторону двери и со значением приподняла бровь: мол, мистер Лемони, не соблаговолите ли открыть?

Аптекарь бросил испуганный взгляд на дверку за стойкой, но мадам Клопп сейчас, по всей видимости, уже сидела в своей комнате, опустив ноги в тазик с пиявками.

Мистер Лемони затворил створки шкафа и, насилу отодрав себя от того места, где стоял, подошел к двери. Рукой заглушив колокольчик над притолокой, он отодвинул засов и приоткрыл дверь: мисс Трикк не стала дожидаться, пока та откроется пошире, и проскользнула в щель.

Аптекарь снова запер дверь и, бросив преисполненный подозрительности взгляд в окно, чтобы убедиться, что никто не наблюдает, повернулся к незваной гостье.

— Мы уже закрыты, мисс Трикк.

— Я не займу много вашего времени, мистер Лемони.

— Ваша микстура еще не прибыла, — пробурчал аптекарь. — Мы ведь договаривались, что я сам вам сообщу, когда ее можно будет забрать.

Полли покачала головой.

— Я здесь не из-за микстуры. Меня привело к вам дело.

Мистер Лемони вжал голову в плечи и, приставив ладонь ко рту, прошептал:

— Это Ее дело? Или ваше личное?

Полли поглядела на аптекаря так пристально, что он не выдержал и отвернулся.

— Существует вероятность, что дело, которым я занимаюсь, в какой-то момент станет Ее делом.

Аптекарь часто-часто затряс головой, и Полли достала из кармана баночку с пилюлями.

— Мне нужно узнать, что это такое и от чего его принимают.

Мистер Лемони взял баночку. Прищурившись, он оглядел пилюли и покивал своим мыслям.

— С виду это «Тингельтангель», — сообщил мистер Лемони, и Полли вздохнула — еще бы аптекарь сообщил что-нибудь новое для нее.

— Что это за лекарства и от чего их принимают? — повторила она.

— «Тингельтангель» — довольно редкие пилюли, и достать их было непросто. Пришлось заказывать из Тарабара.

Полли усмехнулась: она так и знала, что в город «Тингентангель» попал через аптеку «Горькая Пилюля Лемони».

— Судя по тому, как отреагировал мистер Медоуз, когда я его спросила об этом лекарстве, это нечто запрещенное.

Лицо Лемюэля Лемони вытянулось:

— Вы ходили к Медоузу? — В его голосе прозвучала легко считываемая обида — еще бы, ведь мисс Трикк сперва заглянула к его конкуренту.

— Разумеется, — как ни в чем не бывало ответила Полли. — В Тремпл-Толл всего две аптеки, и я должна была проверить все возможные варианты.

— Но если бы вы сперва зашли ко мне...

— Мистер Лемони, — прервала аптекаря Полли, — мне казалось, вы не так уж и рады мне, учитывая то, как вы бледнеете всякий раз, как я оказываюсь у вас на пороге.

— Нет, что вы! Это честь для меня помогать вам, помогать... Ей!

— «Тингельтангель», — напомнила Полли.

— Да-да! Это лекарство принимают от так называемой цирковой лихорадки.

Полли нахмурилась, и аптекарь пояснил:

— В прежние времена во многих цирках широко применялся порошок «Дерблюкк»: его распыляли в зрительском зале во время представления, и он усиливал впечатление от зрелища — небольшая (или большая, смотря как на это смотреть) хитрость владельцев цирков. Как однажды выяснилось, порошок этот весьма ядовит, впрочем меньше применять его не стали. И если зрители, посетившие представление, подвергались его воздействию в весьма краткосрочный период и отделялись легким головокружением да мигренью на следующее утро, то сами циркачи травились им постоянно. Лихорадка, вызванная «Дерблюкком», со временем становилась хронической.

Полли слушала очень внимательно и вдруг поймала себя на том, что концы оборванных ниточек в голове неожиданно связались друг с другом. Перед ее мысленным взором встал сундук со странными нарядами, ей вспомнились слова мадам По о «пудре, которая делала местных женщин похожими на дохлых клоунов»...

— Значит, она — циркачка! Они все — циркачи!

— Кто? — непонимающе уставился на нее аптекарь.

— Мистер Лемони, мне нужен список всех, кому вы отпускали «Тингельтангель».

Лемюэль неуверенно потер руки, но Полли предвосхитила любые отговорки:

— Речь о похищениях, — приглушенно сказала она, и мистер Лемони взволнованно прикусил губу. — В деле задействована полиция, и вы прекрасно понимаете, что это значит: если я их не опережу, существует большая вероятность того, что они схватят не тех, кого нужно. Мы не можем этого допустить, не так ли, мистер Лемони?

Полли Трикк смотрела на него, не моргая, и аптекарь никак не мог заставить себя отвести взгляд. Эта мисс казалась такой искренней и хрупкой — чуть наивной и совершенно неуместной в прогнившем, трухлявом Габене. Она походила на посылку, которую доставили не по тому адресу.

Но это был обман. Полли Трикк, или, вернее, Та, кто за ней стояла, не была ни наивной, ни хрупкой, и в ней не набралось бы искренности даже на наперсток. А еще Она подходила этому городу, как шнурок к башмаку.

— Не так ли, мистер Лемони? — повторила Полли, вырвав аптекаря из оцепенения.

Лемюэль задрожал, пробормотал «Да-да, конечно!» и бросился к стойке. Выдвинув верхний ящик, он извлек на свет большую книгу учета с тиснением в виде витиеватой буквы «Л» на обложке.

Подойдя к мистеру Лемони, Полли достала блокнот и карандашик и приготовилась записывать.

— Что ж... кхм... — начал аптекарь, листая страницы. — О, нашел! Одним из тех, кто приходил за «Тингентальгелем», был Невероятный Бабул, самый сильный человек в мире. Далее...

Полли недоуменно округлила глаза, но записала Бабула. Аптекарь продолжил называть имена, и вскоре у нее был список.

Она прочитала вслух:

— Невероятный Бабул, самый сильный человек в мире. Гуттаперчевый Тоффини, гимнаст. Господин Левиттус, жонглер. Мимесса Куртуазная Кло. Воздушная Дива Вивиан. Фантасмагоричный Фокарио, фокусник... Эти имена мне ничего не говорят и...

Полли вдруг замолчала. Она торопливо перелистнула несколько страниц в блокноте и

сверилась со списком похищенных. Все совпало! Вспомнить только те странности, которые были присущи пропавшим! Это они! Все они представлялись аптекарю, называя сценические псевдонимы... Мистер Бурк, боксер, — это силач Невероятный Бабул. Немая семафорщица Лайзе — это мимесса Куртуазная Кло. Повар Подрик с его «живущими своей жизнью ножами» — это жонглер Левиттус. Трубочист Дорман, способный забраться даже в самый узкий дымоход, — гимнаст Гуттаперчевый Тоффини. А торговка пудрой Хелен Хенсли — это...

— Воздушная Дива Вивиан, — закончила она вслух.

— Фумнамбулистка, — сказал аптекарь.

— Что?

— Фумнамбулистка, — повторил мистер Лемони. — По-простому, акробатка и канатоходец.

Полли кивнула — ну, разумеется: кем еще могла быть ловкачка из квартала Странные Окна?!

И все же одного человека в списке похищенных не было.

— Фантасмагоричный Фокарио, — пробормотала она.

— О, доктор Барроу, — сказал аптекарь и пояснил: — Он выписывал рецепты остальным и себе самому.

Полли поковыряла ногтем пропалину в блокноте, оставленную папиреткой, и поцокала языком. Вот роль скользкого доктора из больницы во всем этом и раскрылась...

— Знаете, мистер Лемони, — Полли закрыла блокнот и спрятала его в карман пальто, — кажется, только что это дело неожиданно стало Ее делом.

Если мерзкий доктор Барроу не стал ничего говорить милой и доброжелательной газетчице Полли Трикк, то пришло время привлечь кое-кого, кто развяжет ему язык. И этот «кое-кто» не будет таким милым и доброжелательным.

— Благодарю за сведения, мистер Лемони. — Полли кивнула аптекарю и направилась к двери.

— Мисс Трикк! — окликнул девушку Лемюэль Лемони, и она обернулась. — Постойте. Есть еще один господин, который покупал «Тингельтангель».

— Имя?

Мистер Лемони сглотнул вставший в горле ком и потянулся за платком, чтобы вытереть проступивший на лбу пот.

— Имя, мистер Лемони! — повторила Полли Трикк.

Глава 3. «Добро пожаловать в...»

Если вы думаете, что Саквояжный район Тремпл-Толл — это отвратительное и крайне неудобное место, то вы попросту не бывали по ту сторону канала, в Фли.

Вот это действительно дыра так дыра. О Фли не сплетничают даже болтливые матроны, туда не заходят почтальоны, и там чужака запросто могут сожрать. Правды ради, стоит уточнить, что сожрать там могут даже местных.

Район-задворки, район-трусоба... Перейдя единственный ведущий в Фли мост, глупец, решивший проверить собственное везение на зуб, сразу же оказывался в лабиринте тесных улочек, среди домов, о каждом из которых можно было сказать: «Видимо, здесь произошло что-то зловещее».

Что ж, зловещего в Фли хватало: именно сюда, скрываясь от полиции или разоблачения, устремлялись преступники различных мастей, сумасшедшие, сбежавшие из психиатрической лечебницы «Эрринхаус», и личности намного-намного хуже них. По слухам, именно в Фли обретался жуткий Некромеханик, возвращающий покойникам некое подобие жизни при помощи механизмов, а где-то, в глубине под трусобами, располагалось логово безумного доктора по прозвищу «Лоскутник», и уж об экспериментах этого типа лучше даже не вспоминать, во избежание приступов заикания, потеющих ладоней и нервных срывов.

Ну а если вы считаете, что хуже уже некуда, то это не так: с наступлением потемок Фли превращается в настоящие охотничьи угодья для многочисленных гигантских блох, которые выбираются из нор в поисках как раз тех, кто решил проверить свою удачу на зуб.

Синемундирная Тремпл-Толльская полиция в Блошиный район заглядывала очень редко, да и то лишь как следует вооружившись, заправившись до ушей «Синим Зайцем» и проглотив пилюли «Формер», заглушающие страх. И уж точно никто из храбрых служителей Дома-с-синей-крышей не рисковал соваться туда в одиночку.

Младший констебль Джон Дилби был сейчас во всем Фли, вероятно, единственным представителем закона и чувствовал себя мышонком, оказавшимся в комнате, заполненной мышеловками. Дилби не любил полицейский эль, он не проглотил ни одной пилюли «Формер» на дорогу и вообще считал, что совершил глупость, сунувшись в Фли. Но ему так хотелось впечатлить мисс Трикк, что он, не раздумывая, пересек мост Ржавых Скрепок и двинулся вглубь Блошиного района.

Мисс Трикк... Полли... она такая... такая! Она назвала его Джоном, и он не может позволить себе вновь превратиться в «Мистера Дилби»... Она и так считает, что в Доме-с-синей-крышей служат одни мерзавцы — он должен убедить ее в обратном.

Хотя ему и страшно, хотя его и преследует, словно стук поварешки по голове, наставление матушки: «Джонни, в Фли ни ногой! Если я узнаю, что ты отправился за канал, я буду очень огорчена. Ты же не хочешь, чтобы мое бедное сердечко разорвалось, если с тобой что-то случится?»

Джон Дилби не хотел огорчать матушку. Поэтому он не рассказывал ей о тех жутких делах, в которые его постоянно втирают доктор Доу и Джаспер. Матушка полагала, что ее младший сын, как и всегда, носа не показывает из полицейского архива, где самое страшное, что с ним может случиться, это приступ чихоты от бумажной пыли.

Честно говоря Джон и сам был не в восторге от тех ужасов, что свалились на него в последнее время, и сейчас, колеся на своем служебном самокате вдоль единственной

работающей в Фли трамвайной линии, он как мог пытался отгонять от себя тяжелые мысли. Но от образа домашнего завтрака с блинчиками и коронным матушкиным кленовым сиропом, которые ест все семейство, кроме него (потому что его загрызли и выпотрошили в Фли), так просто было не отделаться...

И все же, несмотря на свои опасения, до места констебль добрался без происшествий. И если бы не начало накрапывать, можно было бы сказать, что пока все обстояло не так уж и плохо.

Оставив за спиной пустую трамвайную станцию, Джон подъехал к заросшей сухим плющом кирпичной ограде. Над ржавыми воротами висела кованая вывеска:

«Добро пожаловать в...»

Остальная часть надписи скрывалась под бурыми листьями и лозами, впрочем, младший констебль знал, что там написано. Отправляясь по следу подков, он и предположить не мог, что именно сюда заведет его расследование. Столько лет он здесь не был, подумать только!..

Попрощавшись с мисс Трикк, Джон, как и обещал, первым делом отправился к кузнецу. Каково же было удивление мистера Бонтера, когда констебль продемонстрировал ему подкову. Но оно не шло ни в какое сравнение с удивлением самого констебля, когда кузнец, хмурясь и почесывая щетинистый подбородок, сказал:

— Это блошиная подкова, мистер Дилби.

Джон выпучил глаза и распахнул рот.

— Но кому могло понадобиться подковывать блоху?!

— Думаю, вам лучше узнать об этом у Дядюшки Фобба.

Джон закивал: и как он сам не подумал?!

Дядюшку Фобба в Тремпл-Толл знали все — личность была по-своему одиозная. Дело, которым он заведовал, считалось сомнительным и, как говорили, привлекало оно лишь людей с низменными вкусами, и тем не менее купить на него билет было практически невозможно. По двум причинам: во-первых, он стоил полторы сотни фунтов, а во-вторых, все билеты разлетались едва ли не в тот же миг, как окошко Дядюшкиной будочки на Поваренной площади открывалось.

Раз в неделю на рассвете небольшой дирижабль «Ферди-Флох» с двумя дюжинами тех, кто купил билет, отчаливал с Поваренной площади, полз к каналу Брилли-Моу и там, в небе у границы трущобного района Фли, зависал в ожидании открытия бегов. После чего давался старт-сигнал, помощники Дядюшки Фобба на земле открывали все шлюзы на крыше здания, которое все звали «блошинником», и гонка начиналась. Шесть дрессированных блох, самых резвых, прыгучих и злобных, одновременно стартовав, пускались в путь через весь Фли к финишной яме на восточной границе Габена. А джентльмены на борту летящего над городом дирижабля, наблюдая за прыгунами через обзорные иллюминаторы, начинали делать ставки...

Джон Дилби никогда не принимал участия в бегах — в отличие от своего старшего брата, Джеймса. Тот без умолку болтал о том, как там все устроено, вел специальную книжечку, в которой отмечал подробности, как он это называл, запрыгов, и даже мечтал как-нибудь завести себе прыговую блоху. И хоть матушка запрещала Джеймсу разговоры о «подобных отвратительных вещах», он был просто помешан на «Блошиных бегах Дядюшки

Фобба»: знал всех прыгунов поименно, разбирался в их слабых и сильных сторонах, помнил все их травмы и втайне от матушки делал ставки. Впрочем, выигрывал он редко. Когда Джеймс узнает о том, что полицейское расследование привело Джона к Дядюшке Фоббу, он еще месяц будет выпытывать у него подробности...

Джон прикатил на Поваренную площадь, и поначалу Дядюшка Фобб отказывался разговаривать с констеблем (мол, он платит старшему сержанту Гоббину не для того, чтобы его утомляли флики), но, когда Джон сказал о брате, тот несколько смягчился. Очевидно, те, кто раз за разом проигрывались на его запрыгах, были у него на хорошем счету.

— Это не моя подкова, — сказал Дядюшка, продемонстрировав Джону одну из тех подков, которыми подковывал своих прыгунов. Дядюшкина отличалась более тонкой отделкой, специальными подвижными зацепами, отверстий для гвоздей в ней было больше.

— Тогда кто мог сделать эту? — спросил Джон.

Дядюшка Фобб пожал плечами.

— Она очень старая, — сказал он. — Так больше блох не подковывают. Пойдите-ка...

Дядюшка Фобб взял нож и принялся счищать ржавчину с подковы, которую принес констебль.

— Быть не может! — воскликнул хозяин блошиных бегов. — Кто бы мог подумать?!

— Что там? — спросил Джон, и старик продемонстрировал ему отметину-клеймо в центре кованой дуги. Прочитав то, что там было выгравировано, констебль хлопнул себя по шлему — и правда: «Кто бы мог подумать!»

Так он и оказался у старой ограды, поросшей плющом, на вывеске которой ржавело: *«Добро пожаловать в цирк мадам Д.Оже»*.

Когда-то это место было сердцем Фли. Теперь же сердце не билось.

Ворота за долгие годы без движения вросли в грязь, но в одном месте прутья были отогнуты. Прислонив к решетке самокат, Джон втянул живот и пролез в проем.

Пустырь перед зданием цирка порос бурьяном и дикими плотоядными мухоловками. Почувствовав того, кем можно было бы пообедать, они зашевелились и повернули к констеблю бутоны-пасти.

Джон поежился и, положив ладонь на рукоятку дубинки, двинулся по мощеной дорожке.

Младшему констеблю было не по себе. В тумане проглядывали очертания ржавых будочек — в одной когда-то накручивали сладкую вату, в другой надували шарики, в остальных продавали кукол-марионеток, леденцы и коробочки с хихикающим Джеком на пружине. Все будочки были заперты, вывески над ними потускнели, и разобрать на них что-либо не представлялось возможным.

Остановившись у широкой лестницы, ведущей к главному входу цирка, Джон задрал голову.

Перед ним возвышалось некогда величественное здание. За годы оно сильно обветшало. Полосатая «леденцовая» краска на трубах облупилась, витраж в окнах-глазах скрылся за толстым слоем пыли, а часы над дверью стояли. Располагавшиеся по обе стороны от них статуи клоунов, тычущих в констебля пальцами, поросли мхом. Медные раструбы, из которых когда-то вырывалась задорная карнавальная музыка, были печально опущены долу: в голове Джона вдруг заиграли полузабытые завлекательно-веселенькие мелодии, и ему стало еще тоскливее.

Слева от парадного входа виднелось запертое окошко кассы.

Джону вспомнилось, как он, будучи ребенком, приходил сюда с родителями и братьями. Он не мог найти себе места, притопывая от нетерпения, пока они стояли в очереди за билетами. Маленький Джон вертел головой, пытаясь разглядеть все и сразу: и пестрые афиши, представляющие умопомрачительных и невероятных циркачей, и расхаживающих в толпе ходулистов в причудливых костюмах, и с гиканьем проносящихся на тонких тросах, растянутых над цирковым двором, гимнастов в трико.

От былого великолепия не осталось и следа: афиши обтрепались, ходулисты сгнули, а тросы валялись в грязи, оборванные.

Поднявшись по ступеням, констебль подошел к высоким темным дверям. На них висели громадный ржавый замок и — Джон Дилби поморщился — кованая печать: ворон с золотой монетой в клюве. На печати значилось: «*Собственность "Ригсберг-банка"! Не входите!*»

Ему было десять лет, когда цирк закрылся, а банк забрал его за долги. С того дня ни одного представления здесь не проводилось. И к замку, и к печати явно никто давно не прикасался.

«Может, внутрь можно попасть еще как-то?»

Джон спустился по лестнице и пошагал вдоль стены. Обойдя здание цирка, он оказался там, куда прежде ни одному из зрителей хода не было.

Все задворки цирка занимала собой свалка сломанного реквизита. Моноциклы с гнутыми колесами соседствовали с треснувшими ходулями, обрывки бархатного занавеса — с горами плесневелых костюмов. Повсюду были покореженные часовые и паровые механизмы, которые прежде использовались в представлениях, в завалах угадывались детали заводных автоматов, тут и там были разбросаны пустые коробки из-под леденцов. Трухлявые сундуки, покореженные кольца и облезлые мячики для жонглирования. Дырявые барабаны, погнутые медные трубы и контрабасы без струн. И «почетное» место среди всего этого циркового мусора занимал громадный скелет слона.

Все это было очень грустным зрелищем. Задворки цирка походили на сломанное детство.

Взгляд констебля наткнулся на пару могил с облезлыми клоунскими масками на надгробных камнях. Еще несколько могил выглядывали из-под завалов хлама, и Джон Дилби предположил, что здесь, на заднем дворе «Цирка мадам Д.Оже», разбито целое кладбище.

Он подошел к одной из могил. На надгробном камне было выведено: «*Мариетта Лакур, укротительница блох*».

Дилби помнил мадам Лакур, несмотря на то, как много лет прошло. Высокая, очень красивая, с подвитыми белыми волосами. В идеально сидящих по фигуре багровом фраке и штанах-галифе, заправленных в высокие сапоги, она прыгала по манежу не хуже своих подопечных — гигантских блох. А хлыст в ее руке громыхал так, что казалось, будто начинается гроза. Блохи под руководством своей хозяйки вытворяли нечто поистине невероятное: они скакали через кольца, выстраивались в пирамиду, запрыгивали на зрительские галереи, принося в пастях дамам розы...

К слову, о розах...

Судя по тому, что на могиле дрессировщицы лежало несколько свежих кроваво-красных цветков, помнил о Мариетте Лакур не только один констебль.

Джон огляделся и бросил взгляд на заднюю стену цирка. Двери черного хода, если они и имелись, были погребены под завалами сломанного реквизита. Констебль задрал голову и присвистнул.

— Вот как я попаду внутрь! — воскликнул он, увидев что стекло в окне на втором этаже разбито.

Голос младшего констебля пронесся над свалкой, и он, вздрогнув, велел себе не нарушать покой этого места.

Уже тише Джон сказал:

— Вот только как мне туда забраться?

Посетившая его вдруг идея на первый взгляд казалась безумной, но... почему бы не попробовать?

Джон взялся за дело: скрутил из старого занавеса, валявшегося среди циркового хлама, подобие каната, завязал на нем несколько узлов. «Крюк» обнаружился тут же, неподалеку. Констебль привязал отломанный руль от велосипеда к занавесу и подошел к стене.

Примерившись, он раскрутил свой импровизированный канат и швырнул его в сторону окна. Недолет! Руль скрежетнул о стену и упал вниз.

Вторая попытка оказалась столь же неудачной: «крюк» пролетел выше.

Младший констебль не отчаивался, продолжая раз за разом забрасывать свою снасть.

— Да!

С пятой попытки руль наконец залетел в окно.

Джон осторожно потянул за занавес — руль зацепился за что-то внутри — и подергал. Вроде бы, «крюк» держался крепко.

Схватившись за скрученный занавес, Джон повис на нем для пробы — его «канат» затрещал, но выдержал. Констебль снял форменные перчатки, чтобы руки не скользили, и, упершись ногами в стену, пополз вверх.

Подобные физические упражнения были для него в новинку, и тем не менее фут за футом, скрипя зубами и обильно потея, он взбирался все выше и выше. Руки болели, лицо покраснелось, и казалось, оно вот-вот лопнет от напряжения.

Вскоре младший констебль добрался до карниза. Вцепившись в край рамы, он подтянулся и, перевалившись через подоконник, рухнул на пол.

Тяжело дыша, Джон стянул с головы шлем и дрожащей рукой достал из кармана платок. Вытерев пот, он вернул шлем на место и оглядел помещение, в котором оказался.

В небольшой комнатке ничего не было, кроме громоздких баллонов — на их медных шильдиках значилось: «Дерблюкк». От баллонов под потолок ползли трубы. Руль-крюк зацепился за один из вентилях на них.

Поднявшись на ноги, Джон поправил форму и двинулся к двери. Та оказалась незаперта.

Приоткрыв ее, он выглянул и, никого не увидев, со всей возможной осторожностью двинулся по коридору. Констебль прислушался. Судя по стоящей в здании цирка тишине, он был здесь один.

Пройдя коридор насквозь, Джон вышел на балкончик, и у него захватило дух.

Это был он! Зал цирка, его душа...

В горле встал ком.

Джон помнил все так, будто это было вчера...

Третий звонок стрекочет, и зал темнеет... а потом вдруг загорается одинокий огонек — крошечный фонарь висит на шее обезьянки мисс Мармозетт. Обезьянка бежит по перилам галерей и звенит в колокол на ручке. Оббежав весь цирк, она спрыгивает вниз, на барьер манежа. В тот же миг загорается большой прожектор, высвечивая один из проходов. Начинают грохотать барабаны, начинается торжественный выход-марш всей труппы под

предводительством шпрыхшталмейстера, сидящего верхом на механическом коне. Конь с ног до головы выкрашен красными и белыми полосами, да и сам шпрыхшталмейстер ему не уступает в великолепии: он — в алом фраке, цилиндре и при трости, его длинные усы торчат в стороны на целый фут каждый.

За распорядителем, чеканя шаг, маршируют униформисты в мундирах и киверах, похожие на игрушечных солдат, следом из прохода на манеж выходит стройная мисс с хлыстом, за ней с поразительной покорностью появляются шесть гигантских блох.

Потом в воздух начинают вырваться языки пламени — это вышли пироартисты. Ну а за ними уже появляется и остальная труппа. Предпоследним верхом на слоне выезжает карлик. Процессию замыкает парочка клоунов на моноциклах. О, эти клоуны! Смешные и жуткие, с большими животами и красными носами, с нарисованными улыбками и здоровенными пуговицами...

Джон Дилби был так восхищен ими, что даже поклялся себе, что, когда вырастет, непременно станет клоуном. Мог ли он тогда подумать, что станет полицейским констеблем?..

В нынешнем Габене не было места радости и веселью. Старый цирк умер, больше в его зале не раздастся восторженное «Ах!» и не менее восторженное «Глядите! Там! Под куполом!» Из проходов на манеж не выбегут артисты, а слон давно издох. Под куполом живет тьма, а на дверях стоит печать, один вид которой вызывает дрожь у любого, кто на нее взглянет.

Банк сожрал цирк, как и многие места в этом городе. Вместе со зданием, он пережевал и переварил его былые славу и величие.

Джон Дилби вздохнул. Заброшенный цирк — можно ли представить зрелище грустнее?

В зале запустение ощущалось еще сильнее, чем на улице. Рядами вниз уходили деревянные галереи, обитые темно-красной тканью, на которой шевелилась бурая моль. Пахло здесь преотвратно: вместо запахов сладкой ваты, ирисок и опилок, которыми циркачи усыпали манеж, воздух был пропитан сыростью, плесенью и прелостью.

Даже с балкончика, на котором стоял Джон Дилби, нельзя было не заметить засохшее кровавое пятно по центру манежа. След трагедии, после которой цирк и закрыли, никуда не делся. Разве что труп убрали — и на том спасибо.

С трудом оторвав взгляд от пятна, Джон покинул балкончик.

Спустившись вниз, он вошел в так называемые изнаночные помещения — закулисье.

Прежде Джон здесь не бывал: зрители сюда не допускались.

Длинный коридор тянулся кругом по периметру зрительного зала. Все стены были завешаны афишами старых представлений, повсюду в беспорядке стоял цирковой реквизит: громадное колесо-мишень для метания ножей, трюковые кольца прыговых блох, различные гимнастические приспособления.

Напротив выхода на манеж располагалось большое помещение с высоким потолком. В нем так сильно воняло, что Джон даже зажал нос. Вдоль стены в несколько ярусов стояли пустые клетки, повсюду была сухая солома, тут и там виднелись одеревеневшие кучки блошиного помета. В углу примостился шкаф, заставленный пустыми банками, — судя по коричневым следам, когда-то в них была кровь для кормления блох. Слева от входа располагалась стойка со стеками, плетями и прочими инструментами для дрессуры. Рядом стоял жуткого вида аппарат, похожий на смесь кофейного варителя и пневмоуборщика: от

бронзового проклепанного цилиндра шупальцами отрастали длинные резиновые шланги с насадками-форсунками; в продолговатую нишу приемника была вправлена очередная банка.

Джон бросил тяжелый взгляд на клетки — их дверцы были открыты. В городе поговаривали, что в суматохе, когда цирк опечатывали, все здешние блохи сбежали. Выбравшись в Фли, они быстро расплодились и заполонили район. Было ли так на самом деле, младший констебль не знал, и сейчас его это не особо заботило — к его делу нашествие блох на Фли отношения не имело.

Он подошел к стене, на которой на крючках рядами висели подковы. Сняв с пояса ту, что была найдена в квартире Хелен Хенсли, Джон сравнил их. Никаких сомнений: подковы, которые оставлял похититель, были отсюда.

Констебль задумался.

След привел его в цирк. По всему выходило, что это место каким-то образом связано с похищениями. Похититель выбрал подкову в виде своей визитной карточки не случайно. Она явно подразумевалась, как некий знак. Знак тем, кто поймет. Но что он значит?

«Почему именно подковы? — подумал Джон. — Дело тут не просто в цирке, а именно в блохах. Кто может иметь отношение к блохам?»

Ответ напрашивался сам собой: Мариетта Лакур. Вот только Джон видел ее могилу.

Нужно продолжать поиски. Может, что-то прояснится...

Джон вышел из помещения, где прежде держали блох, и двинулся по закулисию.

В коридор выходили двери гримуборных: судя по всему, циркачи не только готовились в них к представлениям, но и жили. Все комнатки были довольно бедны и походили на лачужки. В каждой, помимо кровати и зеркала, стоял здоровенный сундук, очевидно, заменявший артисту шкаф. Прямо на полу валялись разбросанные вещи — видимо, собирались циркачи в спешке.

Джон заглядывал в одну гримуборную за другой и продолжал путь — везде его встречали запустение и беспорядок. Он так и видел носящихся и голосящих циркачей, которых изгоняли из их дома черные тени-футляры, вооруженные угрожающей вежливостью и равнодушными конторскими улыбками.

У одной гримерки младший констебль остановился. То, что она принадлежала Мариетте Лакур, сомнения не вызывало: вся противоположная от входа стена была завешана детскими рисунками, изображавшими блох.

Каморка мадам Лакур почти ничем не отличалась от прочих: спичечный коробок, в котором тесно даже чихнуть. Напротив двери стоял туалетный столик с потускневшим от времени зеркалом, к нему был приставлен стул, со спинки которого свисало алоеперьевое боа. По обе стороны от прохода разместились две пружинные кровати: одна обычная, и другая — чуть поменьше.

Ответ на то, кому принадлежала маленькая кровать, отыскался сразу же: над туалетным столиком, среди угольных рисунков, висел большой красно-желтый плакат. На нем было изображено нечто странное, лишь отдаленно похожее на человека; кричащие подписи призывали всех и каждого лицезреть *«Уникальнейшее зрелище, равного которому нет во всем мире! Существо, вышедшее прямоком из страны снов и страшных сказок — ужасно-прекрасного и кошмарно-замечательного Поразительного Прыгуна, мальчика-блоху»*.

Джон нахмурился. Поразительный Прыгун... Он помнил это прозвище: братья рассказывали ему о мальчике-блохе из Фли, когда он только появился в цирке, но увидеть его своими глазами констеблю так и не довелось.

— Что же с тобой стало? — пробормотал Джон, глядя на плакат.

Вроде бы, мальчик-блоха сгинул тогда же, когда закрыли цирк. Он то ли заболел и умер, то ли попал под трамвай...

Джон изо всех сил попытался вспомнить, что произошло с Поразительным Прыгуном, и не смог. Единственное, в чем он был уверен, что мальчик-блоха умер.

— А это еще что такое? — пробормотал младший констебль.

Плакат (как и большая часть зеркала под ним) был покрыт коричневыми брызгами. Одного взгляда Джону хватило, чтобы понять, что перед ним — засохшая кровь. Это место хранит еще одну мрачную тайну? Слишком много крови как для цирка...

Джон ковырнул одно из пятен и нечаянно проткнул пальцем дыру в плакате.

— Ну вот, — досадливо пробормотал констебль и вдруг понял, что за плакатом — пустота.

Констебль заглянул в дырку. Тайник! Подковырнув булавки, которыми плакат крепился к обоям, он отодвинул его в сторону.

В стене была проделана небольшая ниша, и в ней лежала потрепанная пухлая тетрадь в красной обложке с изображением блохи в кольце.

Джон открыл тетрадь и прочитал: «*Мариетта Лакур*».

— Это же дневник! — понял констебль и сморщил лоб: матушка говорила, что читать чужие дневники — плохо, и так поступают только злыдни. «Ты же не хочешь быть злыднем?» — спросила она его как-то.

Джон не хотел быть злыднем, но беда в том, что он был уже кое-чем намного хуже обыденного злыдня. Он был полицейским констеблем на службе.

Найдя последнюю запись в дневнике, Джон начал читать, ощущая легкое покалывание совести, как от чесучей вязаной кофты.

— Не может быть... — прошептал он. Спина констебля похолодела, руки задрожали. Перед мысленным взором предстало пятно крови на манеже: — Так вот, что тогда произошло... А ведь все думают, что это было самоубийство! Нужно рассказать обо всем мисс Трикк и...

Неподалеку стукнула дверь.

Джон застыл.

Кто-то был в цирке! Был в коридоре! И этот кто-то, судя по звуку шагов, приближался!

Джон испуганно оглядел гримуборную. Захлопнув дневник, он бросился к кровати дрессировщицы блох и забрался под нее. Замер, прислушиваясь.

Меньше, чем через минуту в комнатку кто-то вошел. Скрипнули половицы, зашелестела одежда. Незнакомец прошел мимо кровати. Джон лежал, затаив дыхание, — все его мысли были лишь о том, чтобы дышать как можно тише.

— Я не смог... — раздался тихий приглушенный голос, а за ним и скрип стула — вошедший уселся у туалетного столика. — Не смог, понимаеш-ш-шь? — В голос добавилось шипение.

Младший констебль недоумевал, с кем этот человек говорит, а тот меж тем продолжал:

— Я долш-ш-шен был просто схватить их... не убивать.

Джон вздрогнул. Это он! Похититель! Здесь! Только руку протяни...

Закусив губу, младший констебль осторожно потянулся к краю покрывала и, взяв его двумя пальцами, чуть отодвинул в сторону.

Незнакомец был очень близко — Джон мог бы коснуться полы его угольного пальто, и все же констебль не видел его лица — лишь полосатый красно-черный шарф и высокий джентльменский цилиндр.

Человек на стуле вдруг ответил кому-то:

— Да, я знаю... Знаю! Убить их сразу ш-ш-ше было бы слиш-ш-шжом просто. Они все долш-ш-шны были предстать перед цирковым судом и ответить за то, ч-ч-что сделали... Казнь... их всех ш-ш-шдала казнь, но последний ублюдок был готов. Он сопротивлялся. И он выгрыз себе легкую смерть.

«Что?! — пронеслось в голове Джона. — Он убил кого-то?!»

— Прости меня... Я подвел тебя... Я не нароч-ч-чно, ч-ч-честно... Ты бы знала, как тяш-ш-шело мне было себя сдерш-ш-шивать, но я пытался. Сдерш-ш-шивать ненависть к каш-ш-шдому из них. Но это нич-ч-чего не меняет — остальные ответят за то, ч-ч-что сделали с тобой...

Незнакомец чуть повернулся и стащил со спинки стула боа. Джон задрожал, увидев его руку. Хотя «рукой» это назвать язык не поворачивался: у незнакомца была тонкая, покрытая редкими черными щетинками темно-серая конечность, оканчивающаяся двумя изогнутыми когтями.

Младший констебль понял, кто перед ним.

— Скоро... скоро я отомщ-щ-щу за тебя, мама...

«Поразительный Прыгун! Значит, мальчик-блоха не умер! И он... вырос...»

Человек-блоха качнулся и поднялся на ноги. Джон убрал руку от покрывала кровати.

Поразительный Прыгун двинулся к выходу из гримуборной.

Когда звук его шагов стих, младший констебль выбрался из-под кровати. Спрятав под мундир дневник Мариетты Лакур, Джон подкрался к двери. Выглянул. Коридор был пуст.

Сняв с пояса дубинку, констебль осторожно двинулся мимо гримерок. Он понимал, что дубинка не особо поможет ему, если человек-блоха нападет на него, но ничего существеннее при нем не было.

Джон добрался до прохода, ведущего на манеж и застыл.

Убийца и похититель был там — стоял в центре цирковой арены. Склонив голову, он разглядывал пятно крови.

Дубинка в руке младшего констебля задрожала.

Человек-блоха, высоченный, в пальто с четырьмя рукавами, выглядел не просто пугающе — он ужасал. Глядя на него, Джон почувствовал, как пот стекает из-под шлема на глаза, но поднять руку и вытереть лицо он не решался.

Человек-блоха шевельнулся. Чуть покачнувшись, он присел, а потом — Джон распахнул рот от неожиданности — прыгнул.

Констебль бросился по проходу, задрал голову и выискивая монстра в темноте наверху. Он успел заметить шевеление на мостках, рядом с которыми был натянут трос канатоходца. А затем Человек-блоха прыгнул снова и исчез в проломе купола.

Не раздумывая, Джон ринулся обратно в коридор, следуя к каморке с баллонами и трубами. Он должен выбраться отсюда! Должен проследить за Человеком-блохой!

Полли Уиннифред Трикк умела терпеть насмешки.

В редакции «Сплетни» почти все, начиная с господина главного редактора и заканчивая мальчишками-газетчиками, относились к ней с пренебрежением и снисхождением. Быть газетчиком — это, мол, не работа для хрупкой мисс. Это грязное, опасное дело, и нужно достаточно собак съесть, чтобы им заниматься. Ей не поручали важные дела, не подпускали к печатной машинке и не позволяли «сплетничать». Никто в газете попросту не воспринимал ее всерьез.

И хоть Полли это порядочно злило, она то и дело напоминала себе: «Тебя ни в чем не заподозрят, когда от тебя ничего не ждут». Тут стоит отметить, что мисс Трикк, личную помощницу ведущего репортера «Сплетни», было в чем подозревать. Назвать то, что она скрывала от коллег, банальным словом «тайна», было бы слишком просто и не смогло бы передать ту мрачную суть, которую она прятала.

Нет, это была никакая не тайна. Полли Трикк скрывала от них целую жизнь. Особа, которую она привела с собой в редакцию, не любила показываться, но именно Она требовала, чтобы обычная девушка, приехавшая погостить к тетушке в Габен, проникла в логово сплетен, дешевого пойла и зловонного табачного дыма. Из-за Нее Полли Трикк и терпела постоянные насмешки, из-за Нее ей приходилось вертеться в кругу закоренелых циников и ехидных злыдней.

Редакция газеты «Сплетня» являлась тем самым котлом, в который, словно по трубам, стекались новости о происшествиях со всего Тремпл-Толл. Они варились в этом котле, готовились с едкими приправами и жгучими специями, после чего часть из них выплескивалась на страницы газеты в виде статей. Но больше их оседало на «внутреннем редакторском сите», после чего сливалось в архивные папки и навсегда отправлялось на полки. Неважные, безынтересные, несущественные недоновости. Так их называли проженные газетчики, но именно за ними Полли и пришла в «Сплетню» — чтобы знать о том, чего нельзя прочесть в утреннем выпуске за чашкой кофе. У нее (или, вернее, у Той особы) было свое видение того, что действительно важно. Кто знает: вдруг, кажущееся незначительным наблюдение за соседями от какой-то досужей старухи или подслушанный кэбменом разговор его пассажиров, которые Бенни Трилби и прочие пираньи пера пропустили мимо внимания, таят в себе нечто важное.

Задачей Полли было вынюхивать, выискивать существенное. После чего она должна была передавать сведения Ей. И уже Она пойдет по следу — и, возможно, благодаря этим сведениям, Ей удастся предотвратить преступление или спасти чью-то жизнь.

И Ее ничто не остановит, ведь Она, особа, которую скрывала Полли, — это тот монстр с плакатов о розыске. Она — безжалостная мстительница в маске Зубная Фея.

Дело о пропавших людях было первым, за которое Полли взялась в роли газетчицы. Она хотела провести это расследование сама, не прибегая к помощи Зубной Феи, но обстоятельства сложились таким образом, что больше откладывать было нельзя.

Газетчица мисс Трикк не владела рычагами, которые могли бы разговорить доктора Барроу, но у Зубной Феи такой рычаг был. К тому же, в отличие от Полли, ей не нужно записываться на прием или покупать больничный билет. Ей не нужно даже заходить в больницу через парадные двери...

Пройдя по карнизу третьего этажа Зубная Фея оказалась у окна кабинета доктора Барроу. Оно было открыто. За ним все тонуло в темноте.

«Что-то не так!» — пронеслось в голове.

Зубная Фея достала из кобуры на бедре пистолет-«москит» и забралась на подоконник. После чего бесшумно спустилась на пол.

— Доктор Барроу? — негромко позвала она, уже зная, что никто не отзовется.

Света, проникающего с улицы, хватило, чтобы разобрать разгром, учиненный в кабинете. Кресло, в котором во время неудавшегося интервью сидел доктор, лежало на полу, перевернутое, повсюду валялись бумаги. На столе все было вперемешку: медицинские инструменты, записи, портсигар... из лежащей на боку чернильницы натекла черная лужица.

Хозяин кабинета обнаружился с другой стороны стола. Он лежал на полу на спине. Выражение его лица исказилось от ужаса. Но не это было самым пугающим.

Его кожа облепила мышцы, щеки ввалились. Казалось, он попросту усох, словно в нем не осталось ни капли крови. На правом плече у доктора зияла рваная рана, похожая на след от укуса — на ней также не было крови. Чуть в стороне, рядом с откинутой рукой, лежал скальпель — словно за мгновение до смерти доктор Барроу тянулся за ним.

— Кто же на тебя напал? — прошептала Зубная Фея.

На груди у мертвеца что-то лежало, и, приблизившись, она различила...

— Еще одна подкова!

Тот, по чьему следу шла мстительница, больше не был простым похитителем. Убийца. И никак иначе.

Зубная Фея склонилась над доктором.

В тот момент, как она взяла в руки подкову, дверь кабинета открылась.

— Доктор Барроу, вы просили...

Взгляды Зубной Феи и старухи-медсестры встретились.

Медсестра потрясенно распахнула рот.

— Что?.. Я... доктор...

А потом она закричала.

Зубная Фея отшатнулась и, развернувшись, бросилась к окну. Одним движением вскочила на подоконник и выпрыгнула.

Вслед ей несло:

— Убила! Зубная Фея убила доктора Барроу!

* * *

Два крошечных колесика шатались и скрипели от натуги. Да и сам младший констебль Джон Дилби шатался и скрипел — зубами и, казалось, даже внутренностями.

Его самокат прыгал по кочкам, качался из стороны в сторону, но упорно продолжал двигаться.

Джон отталкивался ногой, которая по ощущениям уже давно перестала быть, собственно, ногой и превратилась в сбитень, стоптень и еще в мозолень. Руки в форменных перчатках крепко сжимали руль, и все равно он то и дело норовил вывернуться. В какой-то момент самокат будто бы ожил и принялся показывать свой норов.

Джон потел, шморгал носом и отчаянно боролся с головокружением. И несмотря ни на что продолжал преследование.

— Не упустить... не упустить... — срывалось с дрожащих губ.

Не упустить Человека-блоху было невероятно сложно, ведь тот прыгал по крышам, в то время как сам констебль, не разбирая дороги, колесил за ним через Фли.

Джон полагал, что четырехрукий монстр попытается затеряться в глубине трущоб, но тот задумал нечто противоположное. Человек-блоха держал свой путь не куда-нибудь, а в Тремпл-Толл.

В Саквояжный район вел лишь один мост — мост Ржавых Скрепок. Очевидно, бывшему цирковому прыгуну перепрыгнуть канал Брилли-Моу было не по силам. Джон успел увидеть, как тот спустился под мост и пополз, цепляясь за стропила всеми своими шестью конечностями.

Не останавливаясь, младший констебль заехал на мост и поколесил вдоль трамвайной линии. Где-то внизу полз Человек-блоха...

У харчевни «Подметка Труффо» стояло несколько нетрезвого вида типов. Завидев Джона, они завопили, заулюлюкали и все, как один, демонстративно сняли шляпы — вовсе не в знак уважения, но напротив, с вызовом и насмешкой: в Тремпл-Толл появляться на улице без головного убора было запрещено, но младший констебль сейчас и не подумал останавливаться.

Преодолев мост, он выехал на улицу Файни. Человек-блоха оказался в Саквояжном районе быстрее него — он запрыгнул на уличный фонарь, а с него — на крышу ближайшего дома.

Джон свернул в переулок и помчался следом. В голове стоял гул, в животе мутило, но младший констебль все гнал и гнал по мостовой следом за быстро отдаляющимся Человеком-блохой.

Он не знал, что станет делать, когда нагонит его, но сейчас об этом и не думал.

Улица, переулок, сквозной проход через дом и двор-колодец... Колесо угодило в выбоину! Проклятье! Вытащить... продолжить преследование...

Джон не обращал внимания ни на что кругом, а между тем вокруг появилось много прохожих. Зазвенел трамвай. Из рупоров уличных вещателей раздавалось оповещение о том, что дирижабль «Бреннелинг» готовится к отбытию в Старый центр...

Погоня привела младшего констебля на Чемоданную площадь.

Задрав голову, Джон увидел, как Человек-блоха перепрыгнул с крыши пневмопочтовой станции на купол здания вокзала. После чего пополз по нему, а затем прошмыгнул в большое круглое окно возле часов и скрылся из виду.

— Будь я проклят! — воскликнул младший констебль. — И что тебе там нужно?

Впрочем, раздумывать об этом времени не было.

Джон направил самокат в переулок у здания вокзала. Соваться внутрь через парадные двери ему совсем не хотелось, и у того было две причины: первая — это вокзальный констебль мистер Бэнкс, и вторая — это его напарник вокзальный констебль мистер Хоппер. Обе эти личности могли помешать его делу, так как славились не только злобой, но и крайней недалекостью: чего только стоят их бесконечные неудачные попытки дослужиться до повышения и получить новенькие паровые самокаты.

Проехав под аркой, младший констебль увидел зеленую дверь, над которой висела вывеска: «Камеры хранения багажа». Рядом примостилась еще одна дверка: «Бюро пропавших вещей», — именно туда Джон, оставив свой самокат у входа, и вошел.

Его тут же окатило из рога граммофона слезливым, сиропным романсом о потерянной любви — старый добрый репертуар миссис Громбилль, от которого у всех прочих, кроме самой смотрительницы, сводит скулы.

В «Бюро пропавших вещей» горела одинокая лампа, по сторонам от узкого прохода громоздились деревянные стеллажи, забитые всем тем, что теряли люди в Саквояжном районе. Рядом со шляпами, перчатками и зонтиками соседствовали совсем уж необычные предметы, наличие которых здесь вызывало больше вопросов, чем содержало ответов: чучело рыбы-меч, автоматон, мумия из Хартума, плотоядное растение в горшке и связка сушеных и сморщенных собачьих голов. На стуле в глубине помещения храпел потерянный человек.

У стойки происходил спор.

Там топтался, потирая руки, небезызвестный в узких кругах — Джон не сдержался и поморщился — Шнырр Шнорринг. Бродяга пыжился, потел и пускал слюни в попытках доказать, что некий женский клатч с бахромой принадлежит именно ему.

Миссис Громбилль, тучная престарелая дама, разумеется, не верила ни одному слову бродяги и тыкала в него тростью.

— Убирайся, Шнорринг! — утомленно восклицала миссис Громбилль. — Ты и правда думаешь, что я тебе выдам потерянный предмет?

— Но этот клатч принадлежал моей бабушке!

— Ну и кому ты врешь?! Нет у тебя никакой бабушки!

— А вот и есть! В смысле была! Ее сожрали крысы!

— Ты мне надоел, Шнорринг! Ты и твои нескончаемые попытки стащить что-то отсюда! Если не уберешься, я спущу на тебя крокодила!

— Кто-то потерял крокодила? — удивился Шнырр и тут же, спохватившись, добавил: — То есть это мой крокодил! Я его потерял недавно! Он принадлежал моему дедушке!

— И зачем тебе крокодил, скажи на милость?

— Говорят, они очень вкусные...

— И кто так говорит?

— Люди, обедающие крокодилами, само собой!..

Младший констебль воспользовался тем, что на него не обращают внимания, и прошмыгнул в боковой проход под табличкой: «В зал ожидания».

Вокзал гудел. У перронов толпились пассажиры, среди них виднелись служащие Паровозного ведомства в темно-зеленой форме, автоматоны катили багажные тележки, груженные чемоданами.

Джон выглянул из-за трубы. Бэнкс и Хоппер были на посту у своей тумбы. Если это, конечно, можно было так назвать. Хоппер, труся головой, бродил туда-обратно вдоль скамейки и, судя по всему, показывал напарнику, как ходят голуби, а Бэнкс ухахатывался и швырял в него хлебными крошками.

Младший констебль двинулся к лестнице, ведущей на старую платформу «Драппгейт». Быстро преодолев два пролета, он проскочил мимо рубки вокзальной пневмопочты, пробежал галерею вдоль ряда пыльных витражных окон и, толкнув дверь в тупике, оказался у основания ржавой винтовой лестницы, которая тонула в потемках. Младший констебль начал подъем на ощупь, стараясь ступать по железным ступеням, не создавая шума.

Вскоре он добрался до вершины лестницы и оказался перед очередной дверью. Замер,

прислушиваясь.

Из-за двери доносился перезвон часового механизма — там располагались большие вокзальные часы.

Джон сглотнул, вытер перчаткой пот со лба.

Уняв дрожь, он снял с пояса дубинку и сжал руку на дверной ручке. «Не бояться... только не бояться, Джонни...»

Закусив губу, младший констебль аккуратно повернул ручку и приоткрыл дверь.

Это место называли «вокзальным чердаком». И не только потому, что оно находилось под самой крышей. Многие годы сюда стаскивали различный хлам: у стен громоздились медные рупоры вещания, рядом с кучей ржавых ключей для перевода стрелок соседствовали багажные тележки без колес, нагруженные деталями для автоматов, — и кому понадобилось все это сюда тащить? Сломанный семафор приветствовал констебля разбитыми стеклами. Пыль, паутина и затхлость... пахло здесь, как на обычном чердаке: нафталином, средством против гремлинов и позавчерашним, слегка тронутым плесенью прошлым.

И если бы не мерный звон шестерней, можно было бы решить, что это место впало в кому.

В центре чердака располагался громадный механизм, приводивший в движение стрелки одновременно на двух циферблатах: одни часы выходили на Чемоданную площадь, а другие — внутрь здания вокзала. Рядом с первыми располагались два круглых окна — разноцветные стекла витража в одном складывались в рисунок, изображающий локомотив, а в другом стекла и вовсе отсутствовали. Именно через него в здание вокзала и проник тот, за кем Джон следил...

«Что ты делаешь?! — одернул себя младший констебль. — Зачем сунулся сюда в одиночку? Что станешь делать, когда найдешь его? Болван...»

На миг констебля посетила мысль побежать в зал ожидания за Бэнксом и Хоппером, но он тут же одернул себя: «Мало того, что они все испортят, так еще и потребуют ответов. А что если они не согласятся помочь и, испугавшись жуткого монстра, сообщат в Дом-с-синей-крышей?»

Джон осторожно двинулся вдоль ряда вешалок с устаревшей формой Паровозного ведомства. Задрав голову, он вглядывался в темноту под куполом. Балки и стропила напоминали прутья клетки.

«Где же ты прячешься?..»

На миг ему показалось, что что-то темное шевельнулось наверху, но как он ни вглядывался, ему не удалось ничего там разобрать. А затем он услышал звук шагов. Кто-то прошел за медленно проворачивающимися шестернями!

По спине побежали мурашки.

«Это не моя... совсем не моя работа — гоняться за монстрами! Я ведь перебираю бумажки в архиве! Что я тут делаю?!»

Младший констебль двинулся на звук. Подняв дубинку, он выглянул из-за стойки с цепными барабанами. Там никого не было...

За спиной скрипнула половица. Джон обернулся и... в следующий миг что-то тяжелое ударило его по голове. Удар был так силен, что шлем треснул, но младший констебль этого уже не понял.

Джон рухнул на пол. Четыре руки схватили его за ноги и куда-то поволокли.

Глава 4. Позвольте представиться: Бетти Грю!

«Колокол и Шар», паб служителей закона и порядка на Полицейской площади, сам на себя не походил.

В обычное время здесь было шумно, о столы стучали кружки, не смолкали песни и хохот, а чего только стоили заключаемые посетителями пари, в которые неизменно втягивались все, кто в пабе, присутствовал. Но сейчас, когда часы над стойкой только пробили шесть часов вечера, «Колокол и Шар» непривычно пустовал. Еще бы, ведь почти все констебли Тремпл-Толл как раз либо сменялись у своих тумб, либо отчитывались в Доме-с-синей-крышей, либо третировали закрывающихся лавочников.

Ничего, буквально через час обладатели синих мундиров снова набьются в паб, словно селедки в бочку. Ну а пока заведение, которое в городе шепотом называли «притоном фликов», будто застыло в меланхоличном ожидании.

На высоком стуле у стойки, обхватив задубевшими пальцами полупустую кружку эля, сидел хмурый сержант, устроивший себе поздний обед или, вернее, ранний ужин. Под стеной, завешанной газетными вырезками в рамочках, дружно храпела парочка стариков-завсегдатаев — отставные констебли не забывали при этом покуривать папиретки и лениво выдыхали колечки синего дыма. Еще трое полицейских играли в «Мокрого Пса», расхожую среди служителей закона карточную игру, и время от времени у их стола раздавалось: «Шерсть дыбом!», «Скручивай нос!» и «Трехлапый!»

Вот, пожалуй, и все, кто сейчас был в «Колоколе и Шаре», если не считать мистера Брекенида, бывшего констебля и нынешнего хозяина заведения. Ну и еще не стоит забывать вусмерть пьяного гремлина по кличке «Пробкер», который, развалившись, устроился в своей клетке среди бутылок. Пробкера однажды притащил в «Колокол и Шар» констебль Домби, неизвестно каким чудом изловивший коротышку. Домби решил, что гремлин может зачем-то понадобиться мистериу Брекениду: констебль слегка сел на мель и вознамерился обменять мелкого вредителя на кружку «Зайца». К удивлению самого Домби, хозяин паба принял его предложение — Брекениду тогда показалось, что сделать из гремлина помощника, который станет суетиться за стойкой вместо него, будет очень забавно. Но пока выдрессировать Пробкера не особо удавалось: тот разве что научился пить эль, курить папиретки и тошнить через прутья клетки.

В пабе властвовала полутьма — мыть окна у мистера Брекенида руки не доходили. Да и зачем? К нему приходят не за видом из окна... Лампы над стойкой и на столах едва теплились. Негромко бубнил радиофор — по нему что-то говорили о погоде (туман, как и все последние дни), о повышении цен на почтовые марки (стоимость каждой марки повысилась на 5 пенсов) и о «Замечательном желудевом сиропе миссис Эйкель» (пальчики оближете!).

Сонливую меланхоличную атмосферу паба неожиданно прорезал совсем немелодичный свист, словно в помещении вдруг завелся стриж, и у этого стрижа в клюве застряла канцелярская скрепка. Некоторые присутствующие даже подпрыгнули на своих местах.

Мистер Брекенид открыл вентиль на патрубке пневмопочты и извлек капсулу. Прочитав пришедшую в ней записку, он дернул за веревку колокола.

Все замерли в ожидании. Даже старики по такому случаю продрали глаза.

— Господа! — провозгласил мистер Брекенид на весь паб. — Написал констебль Тромпер. У нас еще одна!

Подойдя к висевшей на стене за стойкой грифельной доске, он пририсовал мелом к строчке, которая начиналась с изображения сломанной дубинки, еще одну черту.

— Итого уже восемь! Очередная дубинка треснула, столкнувшись с головой какого-то проходимца! Вы знаете, что это значит: объявляется «Час Пьяниц» — всем присутствующим по кружке «Зайца» за счет заведения!

Констебли встретили его слова дружным стуком кружек по столам. И только сержант встретил новость без особого воодушевления.

Крупперт Кручинс был уже порядком навеселе, хотя правильнее будет сказать, что он был *назле*. С каждой новой опустошенной кружкой «Синего Зайца» сержант становился все хмурее и раздраженнее.

Перед ним лежал замусоленный и покрытый пятнами от эля выпуск «Сплетни». Как Кручинс и полагал, нового о похищениях не писали — а это значило, что курносая газетчица ничего не развела. Что немного утешало.

Эта мерзкая девчонка грозила доставить хлопоты, в то время как сержант не мог допустить, чтобы кто-то влез в его дела — только не сейчас! И почему в «Сплетне» вдрут решили заняться пропажами?..

«Проклятье! — думал Кручинс. — Где носит этого Дилби? Сколько нужно времени, чтобы поставить девчонку на место?»

Сержант бросил взгляд на часы над стойкой, и его посетила неприятная, но весьма реалистичная догадка: зная тюфяка Дилби, не будет удивительно, если эта дрянь из газеты сама его как следует отделала...

— О чем задумались, сержант? — спросил хозяин паба, вырвав Кручинса из размышлений.

— Да так, проныры из «Сплетни» под ногами пугаются.

Мистер Брекенрид с усмешкой подставил Кручинсу еще одну кружку.

— Дайте угадаю: Трилби снова что-то учудил?

— Не он.

— Хатчинс? Или Уиггинс?

— И не они. Некая Полли Трикк.

Хозяин паба пошевелил усами.

— Та самая Полли Трикк?

— Та самая?

— Статья про ламантина — это ее работа, — напомнил мистер Брекенрид. — Недавно выходила. Наши возмущались еще — и по делу: они взяли в газету девчонку! Куда катится этот город?

— Вот-вот. Еще бы какого-нибудь гуталинщика приезжего взяли бы! Позорище! Было уважаемое издание...

— Но статья про ламантина была не плоха, нужно признать.

— Согласен. Я, к слову, этого аэронавта залетного лично оштрафовал — за то, что он пришвартовал свой шар в неподобающем месте. Будет знать, какие у нас тут порядки. А то, понимаешь, явился из своего этого Льотомна, никаких разрешительных бумаг не имеет, всю Саквояжню переполошил. «Путешественник», скажешь тоже! Не нравятся мне такие...

— От этих приезжих одни беды, — кивнул Брекенрид. — Баламутят воду, в истории попадают. Будь моя воля, я бы и вовсе закрыл Саквояжню, чтобы не лезли. Еще и из Льотомна. Был у нас уже тут один Человек-из-Льотомна, и чем все обернулось?

— Мигренью для почтенных людей, — согласился Кручинс. — Вы же знали, что я был одним из тех, кто отыскал украденный миллион?

— Неужели?

— Своим шлемом клянусь! Гоббин меня поставил на дело. Я лично докладывал господину управляющему банка Портеру. Отыскал денежки и вернул их «Ригсбергам». И что, думаете, получил премию? Или благодарность? Даже в газете не упомянули.

— Вот так всегда: о лучших людях ни словечка не напишут! — поддержал мистер Брекенрид. — Все дела в Саквояжне делаются натруженными руками констеблей, и хоть бы одна крыса пискнула...

Кручинс сделал глоток из кружки и вернулся к волнующей его теме.

— Еще и эта девчонка Трикк свалилась на нашу голову. Все думаю, как бы ее прижучить.

— Ну, это несложно, — усмехнулся Брекенрид, — был бы шушерник...

— А костюмчик по размеру сошьется, — закончил сержант.

Дверь паба открылась, и в помещение вошел тип в латаном пальто и настолько грязном котелке, что его будто выловили из сточной канавы.

При появлении бродяги сидевшие неподалеку констебли пробурчали что-то нелестное, а хозяин паба поморщился. Кручинс наделил его тяжелым взглядом.

— Это я позвал Шнорринга, мистер Брекенрид, — сказал сержант. — Не спешите пересчитывать ему зубы.

— А что их пересчитывать, — с досадой в голосе ответил хозяин паба, — ровно дюжина осталась после того раза, как эта мерзость попыталась стащить чужого «Зайца» со стола.

Подойдя к стойке, «мерзость» приветливо приподняла котелок и осклабилась:

— Добренький денечек, сэр.

Шнырр Шнорринг взобрался на стул рядом с Кручинсом и принялся алчно разглядывать бутылки за спиной мистера Брекенрида.

— И что в нем доброго? — буркнул сержант.

Шнырр Шнорринг усмехнулся. За день, в его понимании, произошло довольно много приятных вещей.

Утро Шнырра началось с того, что он решил позавтракать. Выбравшись из своей трубы, Шнорринг залез на крышу, где должна была стоять миска с копячим молоком — миссис Брюквинс подкармливала соседскую кошку... ну как подкармливала — она ненавидела эту кошку и добавляла в молоко крысиный яд, а потом все удивлялась, отчего кошка никак не издохнет. Откуда ей было знать, что молоко выпивает Шнорринг, который давно выработал к крысиному яду иммунитет.

Впрочем, на крыше Шнырра ждала неприятная встреча — он нос к носу столкнулся с другим бродягой, мистером Совински, который также нацелился на молочко.

По законам задворок и подворотен они должны были сразиться за добычу. И они подрались... хотя «подрались» — это слишком громко сказано: они решили все через расхожий в среде бродяг и детей бой на пальцах. И Шнырр честно победил... ну как честно — он незаметно уколол нестриженным ногтем мистера Совински в ладонь — тот от неожиданности ослабил хватку, и тогда Шнырр зажал его большой палец так крепко, как только мог.

Мистер Совински сдался и был вынужден удалиться несолоно или, вернее, немолоко-с-ядом хлебавши восвояси.

Позавтракав, Шнырр подкараулил у вокзала некоего приезжего господина и, выяснив, что тот впервые в Габене, очень ловко порекомендовал ему мистера Боури — «лучшего во всем городе кэбмена». Приезжему господину нужно было попасть по адресу «Чемоданная площадь, 14», который находился ровно напротив выхода из здания вокзала, но это не помешало Шнырру спровадить его кэбмену, который без зазрения совести повозит его кругами почти полчаса, после чего вернет на площадь и затребует тройную плату «за дальность».

Мистер Боури выплатил Шнырру полагавшиеся ему полфунта, и мистер Шнорринг отправился на, как он это называл, «барахольную рыбалочку» — в «Бюро пропавших вещей» в надежде что-то оттуда умыкнуть.

И пусть миссис Греннобиль ничего ему не дала, в итоге он придумал, как к ней подступиться — нужно только отыскать подходящую «бабушку», которая потеряла на вокзале свой клатч с многообещающим содержимым. В общем, все складывалось как нельзя хорошо. А потом еще и подвернулась работенка от сержанта Кручинса. Так что день, можно сказать, уже удался. И это не считая различных мелких приятностей, которые злорадный и злокозненный Шнырр Шнорринг наблюдал в городе. Их он тут же и озвучил:

— Буквально только что видел, как дворник отлупил одного из уличных мальчишек — тот ревел и вопил на всю улицу. Лучшая музыка! Вы ведь тоже обожаете, когда лупят детей, верно, сэр?

— Не без этого.

— А еще прямо на моих глазах одного джентльмена обдало грязью из-под колес кэба, — продолжил Шнырр. — Сколько ругани было... А потом его еще и собака укусила, представляете? Но самое забавное — это горшок.

— Горшок?

— Да, с цветком. Свалился на голову какой-то дамочке с какого-то окна. Прямо по макушке ее стукнул. Она шлепнулась на тротуар, смешно растопырив руки.

Сержант сделал глоток из кружки и проворчал:

— И что, рядом не оказалось ни одного болвана-констебля, который бы ее спас и потом до конца жизни был вынужден терпеть эту гримзу?

— Нет, гримзу увезли в лечебницу.

— Какая жалость...

— Мистер Брекенрид, плесните наперсток «Зайца»! — попросил Шнырр Шнорринг. Хозяин паба наделил его презрительным взглядом.

— Наливаем только полицейским.

— Но я почти... почти полицейский!

— Еще чего! — буркнул мистер Брекенрид и принялся протирать тряпкой стойку.

Губы Шнырра зашевелились в беззвучной ругани. Озвученную ругань он себе здесь позволить не рисковал.

— Что узнал, Шнорринг? — спросил сержант.

— О, я много чего узнал, сэр... Хотя для этого и пришлось попотеть.

— Давай только без потения — от тебя и так смердит, как от подвальной крысы.

Шнырр Шнорринг кивнул и перешел к делу:

— Карлик, о котором вы говорили, сэр. Он и правда встречался кое с кем.

— С кем? Не теми!

— К нему в харчевню приходила дамочка. Миленькая и стройненькая. Вся такая в

черном, похожая на траурную кошку, — в старомодной шляпке-клош и длинных бархатных перчатках. При ней был большой медный клаксон, а еще она курила папиретку на мундштуке.

Сержант Кручинс поморщился. Ему мучительно захотелось сплюнуть на пол, но он подумал, что мистер Брекенрид подобного не оценит, и с трудом себя сдержал.

— Подведенные сажей глаза, мушка над верхней губой и красный клоунский нос? — уточнил сержант.

Шнырр выпучил глаза.

— Вы ее знаете?

— О, еще бы. Это Шарлотта из банды уличных клоунов «Тупицы Бромбеля», впрочем, сами они зовут себя труппой. Труппа, тоже мне... Эта прохвостка и ее приятели частенько гостят в камере на Полицейской площади. И о чем карлик сплетничал с этой мерзкой клоунессой?

— Я слышал не все. Вот если бы вы мне дали немного денежек на слуховой рожок...

— Шнорринг, не выводи меня из себя! — Сержант стукнул кулаком по стойке, и его собеседник едва не свалился со своего стула.

Шнырр тут же прекратил все попытки набить себе цену и выжать из сержанта хотя бы пару лишних пенсов. Схватив собственную задрожавшую челюсть пальцами и тем самым уняв тряску, он сказал:

— Они говорили о каком-то «дельце». Дамочка требовала больше денег. Она твердила, что Бетти Грю запросто может пережевать их и выплюнуть и за те жалкие крохи, что карлик платит, никто с ним связываться не станет.

— Бетти Грю... — задумчиво проговорил сержант. — Клоун с Семафорной площади...

Шнырр потарабанил пальцами по стойке и пожевал сухими потрескавшимися губами.

— Еще один клоун? Что ж это делается-то, сэр?

Кручинс с задумчивым видом уставился в свою кружку.

— Разборки между бандами, возможно, — предположил он, рассуждая больше сам с собой, чем отвечая Шноррингу. — Думаю, коротышка нанял Тупиц, чтобы устранить конкурента.

— А кто он, этот карлик? Не припомню его прежде в Саквояжне, хотя я думал, что всех здесь знаю...

— Шарлотту из Тупиц ты между тем не узнал, — резко ответил сержант Кручинс. — А карлик... он здесь недавно. Прибыл всего неделю назад. Подозревается в похищениях.

— А-а, я слышал что-то такое. Повар Подрик с вокзала исчез и еще несколько других. Это ведь о них речь?

Сержант пристально глянул на бродягу.

— Что тебе об этом известно?

— Да так, ничего особенного. Просто слышал кое-что — кэбмены болтают разное. Думаете, за похищениями стоит карлик этот приезжий? И что это клоуны забирают людей?

— Есть такая вероятность.

— А почему вы вообще подумали на карлика? Он оставил какие-то карличьи улики?

Кручинс отхлебнул эля, вытер посиневшие усы перчаткой и нехотя сказал:

— Мы всегда проверяем различных типов, которые прибывают в город. Бэнкс и Хоппер с вокзала сообщают в Дом-с-синей-крышей обо всех особо подозрительных приезжих. Карлик заявился в Габен накануне первого исчезновения. Это очень подозрительно. А еще

его видели возле дома одной из жертв.

— Почему он похищает... ну, тех, кто пропал? Что карлику от них нужно? И как с этим связан клоун Бетти Грю?

— Шнырр, не шнырь! — рявкнул сержант, по привычке схватив рукоятку дубинки. — Что-то ты разлюбопытствовался. Не забывайся!

Шнорринг вжал голову в плечи, но дубинка сержанта осталась висеть на поясе, и он чуть осмелел.

— Гм... вы правы, сэр. Уже убрал нос. А что с моим... кхе-кхе... вознаграждением за услуги высшего сорта?

— Это ты, конечно, загнул: про высший сорт. Тухловатая работенка на самом-то деле.

— Ну-у-у, сэ-э-эр... — заныл Шнорринг.

Сержант Кручинс смилостивился:

— Сегодня карман дырявый — жалованье выдают завтра. Утром заглянешь в Дом-с-синей-крышей, я велю дежурному констеблю передать тебе твоё «вознаграждение».

Крупперт Кручинс сделал очередной глоток из кружки, поморщился и выплюнул все обратно — осадок «Синего Зайца» был на редкость мерзким.

— Вы будете допивать, сэр? — Шнырр Шнорринг алчуще уставился на кружку.

— Забирай, — буркнул сержант и, повернувшись к трактирщику, сказал: — Мистер Брекенид, на мой счет! Утром расплачусь.

Шнырр Шнорринг между тем схватил кружку и с жадностью приложился к ней. Допив все, что там было, он вытер губы рукавом, приглушенно рыгнул и даже причмокнул от удовольствия.

* * *

Небольшой ржавый пароход с гнутыми дырявыми трубами и расхлябанными гребными колесами, рассекая черную воду канала Брилли-Моу, приблизился к мосту, замедлил ход и прислонился бортом к бочкам отбойников.

— Эй, Чешуя, не забудь вернуться за мной через два часа! — воскликнул щуплый тип в длинном пальто и коричневом котелке. Из-за темно-синей повязки, скрывающей нижнюю часть его лица, голос звучал приглушенно.

Стоявший за штурвалом старик в мятой фуражке и точно такой же, как и у типа в котелке, повязке, махнул рукой.

— Больно ты мне нужен, Пенс, — проворчал он, но упомянутый Пенс этого не услышал. Он ловко перебрался с палубы на скоб-трап опоры моста, тянувшийся от водной глади канала вверх, и покарабкался по ржавым ступеням.

Пароход отошел и продолжил путь в сторону Керосинной заводи и вскоре исчез в тумане.

Пенс между тем забрался на самый верх. Под мостом, среди свай и балок, виднелся квадратный люк, рядом с ним торчал рычаг. Владелец синей повязки дернул его, давая сигнал хозяину заведения, и вскоре крышка люка поднялась.

Типа в котелке сразу же окутало выползшее через проем дымное облако, но он быстро преодолел последние скобы-ступени и выбрался в общем зале харчевни. Крышка люка за ним опустилась.

«Подметка Труффо» была весьма примечательным местом. Ветхий трехэтажный домишко, сотрясающийся всякий раз, как мимо по мосту шел трамвай, нависал над каналом, и многие в Саквояжне делали ставки, когда же эта развалюха наконец свалится вниз.

В харчевне всегда было не протолкнуться: за пошарпаными круглыми столами, скрючившись, сидели рабочие с канала и местные пьянчужки, приросшие к шатким стульям и неделями не сдвигающиеся с места, порой заглядывали члены различных уличных банд. Собственно, один из них как раз в «Подметку Труффо» и заглянул.

Оглядев общий зал, Пенс увидел знакомую фигуру за столиком у окна, и размашистым шагом двинулся к ней.

— Кого я вижу?! — усмехнулся он, подойдя и опустив платок на шею. — Да это же сам Берни Догвилль! Что, Мамаша выпустила своего любимчика из-под юбки? Поговаривают, вы там все прикованы цепями к ее лодыжкам, чтоб не разбегались.

Короткостриженный громила с приплюснутым носом и длинным шрамом-улыбкой, тянувшимся из левого уголка рта до самого уха, поднялся со стула, упер мохнатые кулачищи в стол и, языком засунув почти докуренную папиретку в рот, прожевал ее. Шумно проглотив папиретку, он пробурчал, исподлобья глядя на дерзкого обладателя синей повязки:

— Ржавый Пенс... давно не виделись. Что, твой босс уже зализал раны после той встречи на Носатом мосту? Помнится, мы вам тогда недурного перцу всыпали.

Пенс прищурился. В его блеклых глазах блеснула ярость. Он потянулся в карман пальто. Берни Догвилль не шелохнулся.

Пенс достал из кармана засаленную колоду карт.

— Сыграем?

Кивнув члену конкурирующей банды на пустующий стул, Догвилль уселся за стол.

Пенс принял приглашение и крикнул хозяину харчевни:

— Эй, Труффо! Подметку-бифштекс — и лучка не жалеи! И две кружки «Угля»!

— Будет исполнено, мистер Пенс! — отозвался трактирщик.

Ржавый Пенс стянул с головы котелок и принялся тасовать карты.

— Во что? В «Семь ворон?» Или в «Крота»?

— В «Крота», — ответил Берни Догвилль, подкуривая очередную папиретку. — В него у тебя не выйдет шулерить.

— Что?! — деланно возмутился Пенс. — Люди Меррика не жульничают.

— Смешная шутка. Ты так же не жульничаешь, как и его жирное сиятельство судья Сомм. Раздавай...

Пенс хмыкнул:

— Думаешь, Сомм будет мухлевать?

— Само собой. Хотя это ведь бридж — игра зануд и скупердяев: в нее даже двухдневный мертвяк выиграет.

— Лучше и не скажешь.

Началась партия. Оба бандита погрузились в нее с головой, и это уж точно был не скучный бридж, в который играли в основном экономки, престарелые дамы из миленьких пряничных коттеджей в Сонн да судьи. Страсти кипели нешуточные: Пенс то и дело ругался в нос, а Догвилль пару раз хватался за нож и время от времени громыхал по столу кулаком — треклятый Крот все ускользал от игроков.

Принесли заказ.

Стукнули кружки:

— За Мамашу Догвилль!

— За мистера Меррика!

Бандиты выпили и вернулись к картам.

Время шло, кружки опустели, бифштекс был съеден, а Крот все не отыскивался.

— Глубоко зарылся, — ворчал Берни Догвилль.

— Ничего, я его отыщу, — с энтузиазмом отвечал Пенс. — Нужно только «лопату» собрать.

— Он точно есть в колоде? — с подозрением спросил громила.

— А как без него? Валет желудей, как-никак. Весомая карта.

— И где ж он тогда?

— Ставлю пятифунтовик, что он в следующей десятке карт.

— Ну ты и хлыщ, Пенс! Думаешь меня нагреть? Тут всего-то карт десять и осталось. Вот я ставлю на то, что эта подлая тварюка будет в последней. Один к десяти. Что скажешь?

Ржавый Пенс не ответил. Он вдруг принялся. После чего неожиданно сгреб все карты со стола.

— Ты чего творишь?! — разъяренно рявкнул Берни. — Мы ж не доиграли!

Пенс выхватил оставшиеся карты из руки Догвилля и спрятал колоду в карман.

— Запахло «Моржом», — прошептал он, бросив многозначительный взгляд на дверь харчевни.

Догвилль подобрался и втянул носом воздух. Его кустистые черные брови сложились в линию.

— Уверен?

— О, еще бы.

«Морж» — крайне зловонный сорт табака, который курили по большей части лишь флики. «Запахло “Моржом”» на языке изнанки Габена значило, что поблизости полиция и самое время «натирать башмаки».

Швырнув на стол несколько мятых фунтовых бумажек, Ржавый Пенс и Берни Догвилль поднялись и надели котелки. Ржавый натянул синий платок на нос, и они двинулись к люку.

Вскоре бандиты скрылись на лестнице...

Нос Пенса не обманул. Не прошло и минуты после того, как они с Догвиллем покинули заведение, как раздался грохот, дверь вылетела, и все здание харчевни на мосту вздрогнуло.

В «Подметку Труффо» ворвались четверо полицейских — трое констеблей-громил под предводительством толстого усатого сержанта.

Завсегдатаи вскочили на ноги и бросились врассыпную. Даже те, у кого не было ног — Счастливчик из банды нищих слепого Бэзила попытался было прошмыгнуть мимо полицейских на своей плоской тележке-каталке, но один из бравых служителей закона пнул его башмаком, и Счастливчик перевернулся. Колесики на каталке продолжали крутиться, калека завыл.

Зазвенели бутылки, на пол упала задетая кем-то миска с супом. По заплыванным доскам поползло то, что прежде в нем плавало.

— Где он?! — заревел сержант Кручинс, протопав к стойке. — Подать его мне немедленно! Полиция требует!

Хозяин заведения, обладатель морщинистого, нависающего тяжелыми складками лба и кожи цвета ржавчины отшатнулся и стукнулся спиной о полки. Зазвенели бутылки.

— Мне повторить вопрос? — рявкнул Кручинс. — Глухота одолела?

Сержант обернулся к подчиненным:

— Ищите его, парни. Этот крысеныш где-то здесь.

Разделившись, констебли бросились на поиски. Один ринулся к двери кухни, другой — к узкой деревянной лесенке, ведущей на верхние этажи: там располагались комнатки, в которых за небольшую плату клопились те, кто не мог позволить себе местечко получше.

Последний констебль встал в дверях «Подметки», чтобы никто не проскользнул.

— Что вы себе позволяете?! — воскликнул перепуганный мистер Труффо. — Что вам нужно?!

Кручинс пожевал губами, отчего его подкрученные рыжеватые усы заходили ходуном.

— Нам сообщили, что в этой дыре творится непотребство, — сказал он. — Здесь видели разыскиваемых полицией клоунов из труппы мерзавца Бромбея.

— Я н-не... н-ничего...

Сержант перекинул хозяина харчевни:

— Бебебебе... бубубу...

— Это произвол! — завопил мистер Труффо. — Я плачу сержанту Гоббину! Буквально вчера сюда приходил констебль Пайпс за недельной платой.

— За незаконную деятельность в виде различных преступлений ты тоже платишь сержанту Гоббину?

Хозяин харчевни отчаянно закивал.

Кручинс почувствовал себя болваном: и то правда, ведь Гоббину частенько платят, чтобы он закрывал глаза на то, что проворачивают местные, с позволения сказать, «занятые люди».

— Но уж навряд ли ты платишь налог на похищения, не так ли? Где бы ты нашел столько денег.

То, что у полиции можно было получить дозволение на что угодно, вплоть до похищения, знали в Саквояжном районе многие. Впрочем, мало кто мог себе позволить подобное недешевое удовольствие. Разумеется, чаще всего различные маньяки, сектанты, ищущие материал для жертвоприношений, или простые бандиты, похищающие кого-то ради выкупа, не особо обременяли себя оформлением бумаг и оплатой, отчего спрос с них был двойным.

Мистер Труффо воскликнул:

— Я не имею отношения к похищениям!

— Зато твой кузен-недомерок имеет.

— Теофилиус? Но он ведь только приехал в Габен. Еще и недели не прошло...

Сержант злобно зыркнул на трактирщика.

— И недели не прошло с первого похищения.

К Кручинсу подошел один из его констеблей.

— Его нигде нет, сэр. Карлик не обнаружен.

Сержант кивнул на трактирщика, и констебль, зайдя за стойку, схватил бедолагу за ворот рубахи и приподнял, оторвав его от пола.

— Говори, где он! — прорычал Кручинс. — Иначе пожалеешь.

— Я н-не знаю! Не знаю!

— Уинегри, освежи память нашему другу!

Констебль подтащил трактирщика к большому круглому окну, распахнул створки и вытащил бедолагу наружу.

Трактирщик заверещал и замахал руками.

Сержант рассмеялся — так нелепо тот выглядел.

— Говори, в какую нору запрятался твой кузен, иначе бултыхнешься в канал. А водичка, поговаривают, холодная. Ну и падать высокоовато...

— Я скажу... скажу!.. Только в канал не бросайте!

Констебль Уинегри затащил Труффо обратно и, положив тяжелую ладонь ему на плечо, придавил трактирщика почти к самому полу.

— Я слушаю, — сказал Кручинс.

— Теофилиуса здесь нет, — затараторил Труффо. — Он ушел два часа назад — у него дело в городе.

— Где именно? И что за дело?

— Семафорная площадь... Это все, что я знаю. Он не сказал, что за дело. Своими портками клянусь!

Сержант хмыкнул. Этого было достаточно: он получил, что хотел.

— Портки свои вонючие оставь себе, — Кручинс демонстративно зажал нос пальцами, — и сменить их не забудь — а то некрасиво выйдет, когда вы с кузеном рядышком повиснете на пеньковых воротниках в Хайд в грязных портках.

Трактирщик заскулил:

— Я ничего не сделал! Это все Теофилиус! Я не знал, что он в похищениях замешан!

— Об этом господину Сомму расскажешь — и надейся, что он будет в хорошем расположении духа: бридж — такая непредсказуемая игра. — Кручинс повернулся к констеблям. — Парни, на выход. Мы здесь закончили.

— А с этим мистером Вонючие Портки что? — спросил Уинегри.

— После им займемся — нас ждет рыбка покрупнее. Хотя... — сержант задумался, — это ведь карлик, так что, наверное, все же помельче. Но зато позубастее. Вперед, парни, нас ждет одна глупая пиранья, заплывшая не в тот пруд.

* * *

Убийство.

Оно мгновенно меняет все. Особенно, если в нем обвиняют тебя саму.

Полли знала, что времени почти не осталось. Скоро все в этом городе будут считать, что Зубная Фея убила доктора Барроу. И на обычную медлительность служителей закона сейчас рассчитывать не стоило: они все время ищут повод выставить ее обычной преступницей, а тут она сама дала им превосходную возможность.

После больницы, вновь став собой, Полли первым делом отправилась в редакцию.

Печатный зал пустовал. Все репортеры сейчас были в джентльменском клубе «Лаймгроу», где вскоре должна была состояться пресловутая партия в бридж, и лишь у окна возле батареи раструбов пневмопочты сидела парочка пересыльщиков.

Изобразив взбудораженность и взволнованность, Полли поспешно приблизилась к ним и затараторила, что, мол, Бенни Трилби ожидает важные сведения из Больницы Странных Болезней и из Дома-с-синей-крышей. Она сообщила, что в больнице произошло убийство и что мистер Трилби уже занимается этим делом, а посему все, что придет в редакцию в связи с этим, следует сразу же пересылать ему по адресу «Чемоданная площадь, 8. На почтовый

ящик 34-15-гп» (это был ее личный почтовый ящик в Паровозном ведомстве).

Пересыльщики отвесили ей парочку скабрёзных шуток, но пообещали исполнить все в точности. Ну а Полли, выиграв таким образом немного времени, снова отправилась в город. Она должна найти убийцу как можно скорее!

Отчаянно надеясь, что Джон Дилби разузнает все по поводу подков, она меж тем продолжила следовать по ниточке пилюль от цирковой лихорадки.

Обладатель последнего имени из списка тех, кто покупал «Тингельтангель», обретался на задворках Саквояжного района.

Семафорная площадь, напоминающая комодный ящик, больше походила на большой двор, чем на уважающую себя площадь. И хоть на ней размещались кольцо трамвайной ветки и станция, трамваи сюда давно не заглядывали, а рельсы скрывались под толстым слоем грязи, опавших листьев и обрывков газет. Афишная тумба неподалеку от «Меблированных комнат мадам Ши» выглядела, как престарелая оборванка: ни одного названия на побуревших от времени и непогоды афишах прочитывать было решительно невозможно. У стен домов громоздились кучи золы и экипажные колеса с гнутыми ржавыми спицами.

Место, которое искала Полли, обнаружилось быстро. У входа в глухой переулок, прислонившись к стене дома, стоял большой, слегка покосившийся темно-красный фургон. Из трубы лениво полз дым...

Полли боялась, что опоздала и последний из списка уже или похищен, или и того хуже. Если, конечно, он сам не причастен к имевшим место похищениям.

Полли подошла к двери. Над притолокой висела составленная из кривых ржавых букв вывеска: «*БЕТТИ ГРЮ*» — ниже, на самой двери, располагалась потрескавшаяся маска с красным клоунским носом.

Полли поежилась: клоунов она не любила еще с детства. Однажды мама забыла ее на карнавале «Шпигельтодд». Пара тамошних злобных клоунов решила подшутить над ней: нацепив жуткие накладные пасти, они гонялись за ней по всему цирку, пока не загнали ее на колесо обозрения. Они стояли внизу, потешаясь над перепуганной плачущей девочкой, и всякий раз, как ее сиденье оказывалось рядом с ними, швыряли в нее жонглерскими мячиками. И все это продолжалось до тех пор, пока мадам Барбуда, бородатая женщина, не взгрела их как следует, увидев, чем они занимаются.

Потом Полли очень долго снились кошмары, в которых она снова оказывалась на колесе обозрения, вот только клоунов там было не двое, а десятки: они толпились внизу, сидели на всех креслах колеса...

Полли уже давно была не девочкой и понимала, что по большей части клоуны — это жалкие, глубоко несчастные личности, и все же, стуча в дверь фургончика Бетти Грю, она почувствовала, как где-то в глубине души все склеивается, словно от сладкой ваты.

Надежды на то, что клоун Бетти Грю окажется добродушным, приятным малым, развеялись мгновенно, когда из-за двери раздалось грубое:

— Чего надобно?

Голос напоминал скрипучую дверь, которую кто-то раз за разом намеренно открывает и закрывает, чтобы издать как можно более омерзительный звук.

— Мистер Грю?

— В Габене что, объявили день дурацких ответов на дурацкие вопросы? — проворчали из фургончика. — Меня не оповещали. Не знал, что мое имя — это ответ на вопрос «Чего надобно». Хотя...

Повисла тишина. Видимо, клоун вдруг понял, что ответ был именно таким, каким и нужно. Должно быть, гостье именно этого и надобно — мистера Грю.

И тут клоунская маска на двери шевельнулась и со скрежетом выдвинулась вперед на длинной гармошечной шее. В черневших до того прорезях появились глаза. Лишь упрямство и внезапно поднявшийся в душе гнев не позволили Полли отшатнуться.

— Представления умопомрачительного и квазивосхитительного Бетти Грю проходят раз в три дня, — сообщила маска. — Следующее послезавтра.

— Мистер Грю, я из газеты и...

Гармошечная шея резко сложилась, и маска стукнулась о дверь. Глаза исчезли из прорезей.

— Разговор закончен!

Полли ожидала подобное развитие событий. Многие в Тремпл-Толл воспринимали газетчиков, как старых знакомых или соседей, которые всегда где-то поблизости и с которыми можно задушевно поболтать, но еще больше было тех, кто считал (и не без причины), что — они настырные проходимцы, которые только и ждут, чтобы вызнать все ваши секреты, а потом извратить их в своих заметках.

Полли подготовилась.

— Я принесла вам кое-что.

— Ничего не требуется, если это не подарок!

— Вам понравится!

Клоунская маска снова ожила. В блеснувших глазах проявились любопытство и алчность.

— Показывай!

Полли достала из сумки зеленоватую бутылку, на этикетке которой было выведено: «*Серпентинн*».

Из-за двери раздался отчетливый звук сглатывания слюны.

— Положи в почтовый ящик, — велели из фургончика.

— Еще чего! — воскликнула Полли. — У меня к вам дело, мистер Грю: вы и правда рассчитывали, что я отдам вам бутылку просто так?

— Утоми-ми-мительно! Ла-а-адно!

Глаза исчезли, а затем дверь распахнулась.

Бетти Грю вполне соответствовал своему голосу. Грузный и отталкивающий, в полосатом серо-сером клоунском комбинезоне, покрытом бурыми пятнами, и потертом фраке, в петлице которого вместо розы-бутоньерки сидела зубастая мухоловка. Из-за большой красной бабочки создавалось ощущение, что у клоуна перерезано горло.

Лицо Бетти Грю было не лучше его костюма: широкое, с вислыми щеками и глубоко посаженными, тонущими в черных кругах глазами. Три застарелых шрама над верхней губой не смог скрыть даже грим. Красный резиновый нос непрестанно ходил ходуном, а зубы... это была не улыбка — Бетти Грю словно пытался сжевать нижнюю губу, и кривой полумесяц его верхних зубов сильно выдавался вперед.

Клоун выхватил из руки Полли бутылку и, не сказав ни слова, скрылся в фургончике. Дверь осталась открытой, и мисс Трикк восприняла это, как своеобразное приглашение.

Первым, что встретило Полли в жилище клоуна, был запах: дохлятина, гниль и плесень. Повсюду валялись фантики от конфет, куда ни кинь взгляд, стояли пустые бутылки из-под желудевой и каштановой настоек. Керосиновая лампа с закопченным плафоном едва давала

свет, но его хватило, чтобы Полли разобрала продавленную пружинную кровать, небольшой гардероб, пару картин, на которых были изображены слоны на шаре, и чадающую печку — больше дыма проникало внутрь фургона через прорехи в трубе, чем выходило на улицу. У покосившегося гардероба стоял большой деревянный молоток.

Клоун уселся на трехногий стул, надсадно заскрипевший под его тушей, и встряхнул бутылку, взболтав как следует ее содержимое.

Полли ожидала, что Бетти Грю поищет штопор, но тот, судя по всему, ему был без надобности.

Клоун высунул длинный синеватый язык и, поднеся горлышко ко рту, каким-то невероятным образом стремительно вытащил языком пробку!

Полли не сдержала удивленное «Ох!»

Бетти Грю между тем приложился к бутылке и не выпускал горлышко изо рта, пока не осушил ее содержимое на половину.

— Фу-марфу! — скривился он, уставившись на Полли. — Гадость! Могла бы и что-то получше принести! Ну, чего еще взять от дурацкой газетной девчонки! Надеюсь, тебя посадят в чулан и лишат сладкого!

— Вы не очень-то добрый клоун, — проворчала Полли.

— Что? Я еще очень добрый, вообще-то. И сама любезность. Ведь я сейчас в своем Добром костюме. Вот если бы я надел Злобный костюм...

Полли поймала себя на том, что не может представить степень гадостности этого типа, если тот наденет Злобный костюм, учитывая, что и в Добром он был явно не тем, с кем захочется мило поболтать, обсудить погоду, последние новости или возмутительный рост цен на пирожки с рыбой.

— Мистер Грю, меня привело к вам важное дело, — начала Полли, не дожидаясь, пока клоун предложит ей стул, — да и по правде ей крайне не хотелось прикасаться хоть к чему-то в этом отвратном месте.

— Стараюсь не связываться с важными делами, — сообщил клоун.

— Даже если они касаются вас?

— Особенно, если они касаются меня!

Полли открыла блокнот и направила на страничку карандашик.

— Мистер Грю, я здесь из-за пропаж людей в Тремпл-Толл. Думаю, вы читали в газетах.

Клоун фыркнул.

— Фу-марфу! Я не читаю газеты! Там все вранье и вообще не смешно!

— Дело серьезное. Похищено пять человек и один убит.

— Рутина!

Полли замолчала и выжидающе поглядела на клоуна, ожидая, что его любопытство пересилит и он попросит деталей. Но ждала она напрасно.

— Все похищенные и несчастный, который был убит, — бывшие циркачи.

Клоун растянул губы в усмешке и расхохотался.

— Это чушь! Бывших циркачей не бывает. Бывают циркачи без цирка, и только. Даже болваны, которые считают, что давно оставил циркачество, лгут сами себе, как толстуха, клятвенно уверяющая свое чувство вины, что эта конфета, мол, последняя!

— И тем не менее. Я назову вам несколько имен, а вы скажете, знакомы ли они вам. — Полли глянула в блокнот. — Невероятный Бабул, Куртуазная Кло, Левиртуозный Левиттус,

Гуттаперчивый Тоффины, Воздушная Дива Вивиан...

Клоун рассмеялся.

— О, какие мерзкие имена, прямо как на подбор!

— Они вам знакомы?

— Ну разумеется! Половину я сам придумал. Старая добрая труппа...

Полли застрочила в блокноте.

— Значит, все пропавшие состояли в одной труппе? И вы тоже?

— Эй, полегче с оскорблениями! — Бетти Грю одним глотком допил вино и отшвырнул бутылку в сторону: пролетев половину фургончика, она перевернулась в воздухе и аккуратненько встала среди прочих пустых бутылок на откидном столике. — Состоял, тоже мне! Я ею командовал!

— Прошу прощения.

— Ты сказала, что кто-то убит. Только бы не Гуттаперчивый — он мне нравился. Пусть это будет Левиттус, никогда его не любил: посредственный жонглиер и ужасный повариха. Скажи, что это был Левиттус!

— Не могу. Потому, что это был Фантасмагоричный Фокарио, фокусник.

Клоун задрал голову, и из его глаз вверх прыснули фонтаны слез. Он взвыл:

— О, Фокарио! На кого ж ты нас покинул?! Как же мы без тебя?!

Полли поморщилась. Ей было совсем не смешно.

— Мистер Грю!

Клон прекратил лить искусственные слезы и, опустив голову, потянул из кармана платок. Платок казался бесконечным... В итоге, вытащив из кармана целую простыню, Бетти Грю уголком промокнул глаза.

— Фокарио был хорошим, а как он распиливал женщин! Просто загляденье: полтела в одной стороне, а полтела — в другой. Не всегда, правда, ему удавалось соединить их обратно, но кто же обращает внимание на такие мелочи. Фокарио любил резать людей — не зря, когда мы покинули цирк, он устроился в Душегубку Придурочных Недугов.

— Больницу Станных Болезней, — машинально исправила Полли. — Вы работали в цирке?

Бетти Грю достал из кармана небольшую табличку с надписью «Глупость!»

— Что? Глупость?

Бетти Грю поджал губы.

— Фу-марфу! Не то!

После чего достал другую табличку. На ней было написано: «Ностальгия».

— О, цирк... — начал он, облизнувшись. — Какое же это было мерзнейшее и тошнотворнейшее местечко. Я его обожал. «Цирк мадам Д.Оже» в Фли. Гнусные, отвратные деньки... Лучшее время! Ах, какие мы творили глупости: зрители уходили с вздыбленными волосами и вывихнутыми от смеха челюстями... — подумав, он добавил: — и с мокрыми штанами. Обмочиться от смеха — что может быть лучше. погоди, девочка, я тебя сейчас как рассмешу!

— Прошу вас, воздержитесь!

Бетти Грю сложил руки рупором и, имитируя станционного диспетчера, пророкотал:

— Зануда! Внимание! В вагоне обнаружена зануда! Вышвырнуть зануду из вагона!

Полли глянула на клоуна тяжелым взглядом, и он вернулся к ностальгии.

— Эх, старые времена... кого бы прирезать, чтобы они вернулись... Шутка. Мы

развлекали и развлекались. И все было так здорово! А потом карга-хозяйка цирка задумала всем насолить, наперчить и плюнуть в суп — она решила себя прикончить и прыгнула из-под купола, прямо на манеж. Кто бы мог подумать, что она выкинет такой фортель! Был ли я удивлен? Я был удивлен! Но радовались мы недолго: в цирк заявились мрачяки с площади Неми-Дрё: они сказали, что мадам была вся в долгах и заложила цирк. Ты представляешь? Вот ведь дохлая дрянь! Главный банковский мрачник... как там его звали? Шатц? Фатц?.. сказал, что мадам Д.Оже пару дней назад прислали уведомление о том, что ее включили в Грабий список. Неудивительно, что она решила построить птичку! И что было дальше? Цирк опечатали, а нас всех вышвырнули! Прямо под дождь! Прямо под пронизывающий ветер! Мы едва успели схватить пожитки! Ублюдки! Это был наш цирк! Наш дом! В общем, так мы стали не просто сиротами без нашей мамочки, но еще и бездомными! Мне, конечно же, пришлось хуже прочих. Клоун без цирка, как судья без парика... — подумав, он добавил: — и без панталон! Ты знаешь, кто такой Бетти Грю, девочка?

— Видимо, лысый голозадый судья, — предположила Полли.

Клоун расхохотался.

— Ха-ха-ха-трихаха, если бы я куда-то не задевал свой клоунский пистолет для шуток, я бы пальнул: «Бам»! Хотя ладно, у меня все равно патроны кончились.

Полли достала из кармана пальто картонные кругляши, найденные у пропавших.

— Полагаю, вы знаете, что это такое.

— О, цирковые метки!

— Для чего они нужны?

Клоун обнажил два ряда кривых желтых зубов и сказал:

— Всем, кто состоял в труппе, изредка приходит такая метка. Она — как та, черная, но значит не «приговор», а «общий сбор». Мы иногда собираемся, вспоминаем старые времена. Жуем прошлое, заливаем его настоящим...

— Когда вы собирались в последний раз?

— Давно... неделю назад.

Полли нахмурилась.

— Члены труппы начали пропадать ровно неделю назад. Что произошло на вашей встрече?

— Самая скучная встреча из всех. — Толстый клоун со второй попытки закинул ногу на ногу и почесал зад. — Ничего не было. Все ныли, как им безрадостно живется — еще бы, ведь из всех только я один не превратился в унылого котелочника.

— Кто был на встрече?

— Я.

— И?..

— Ну и прочие.

— Кто еще состоял в труппе? Из тех, кто покинул цирк после того, как его забрал банк?

— Все униформисты пошли на войну, где их и прибили, пришили и вздернули. Остальные разбрелись по городу. Господин Фармалетто, наш старый шпрыхталмейстер, поступил на службу в аэро-Ведомстве — у него всегда превосходно выходило управлять цирковыми номерами, и с дирижаблями на станции он управлялся не хуже. Какие у него были усищи! Именно они его и подвели. Около десяти лет назад он отправился в цирюльню, задержался там допоздна и по дороге домой сгинул в туманном шквале. Его изломанное тело нашли под мостом Сирот. Еще были Пламенеющие Шапеллини, чета цирковых

огневи́ков, — они сгорели в пожаре много лет назад: не стоило им учить своего сыночка играть со спичками. Ну а прочие... их ты уже перечислила.

— Как думаете, кто мог желать зла труппе?

— Разочарованные зрители?

— Наверяд ли. Подумайте, может, вы кого-то оскорбили?

— Вздор! Мы очень добродушные и приятные личности.

Полли никак не отреагировала на эту очевидную ложь.

— В домах, из которых были похищены члены вашей бывшей труппы, — сказала она, — похититель оставлял «визитную карточку»: подкову.

Клоун изменился в лице.

— Я так понимаю, вы знаете, о чем и о ком идет речь. Вы знаете похитителя. Кто это, мистер Грю?

— Кое-кто из прошлого. Неважно!

— Это очень важно. Кто-то охотится на труппу мадам Д.Оже. Вы и сами в опасности!

— Опасность — мое второе имя.

— Вас зовут Бетти Опасность Грю?

Клоун вскочил со стула, метнулся к сундуку и, повозившись в нем, достал жердь с рукой в белой перчатке на конце. После чего сложил пальцы искусственной руки и указал ею на дверь.

— Я устал! Реприза пшик! Добро пожаловать отсюда!

— Но мне нужно знать! — возмутилась Полли. — Расскажите, кто стоит за похищениями? Кто убил вашего фокусника?

— Ничего не знаю. Память отшибло.

Полли была в ярости: они ведь только-только подошли к сути, едва пробравшись сквозь все это невыносимое клоуничанье!

— Он явится за вами! Вы это понимаете?

— Ну тогда я его покусая, нападая ему по заднице и плюну ему в его уродливую морду. Попрыгунчик пожалеет, что не издох тогда, двадцать лет назад, если сунется... Ой!

Бетти Грю понял, что сболтнул лишнее, и зажал себе рот ладонью.

— Что еще за Попрыгунчик? Что произошло двадцать лет назад? Это связано с изгнанием вас из цирка?

— Это связано с изгнанием тебя, глупая курица, из моего фургончика.

Полли захлопнула блокнот.

— И зачем я только пытаюсь вам помочь?! Думаю, вскоре я буду выяснять подробности уже вашего похищения, мистер Грю. И поделом вам!

Сказав это, Полли с досадой развернулась и направилась к двери.

— Подожди! — воскликнул вдруг клоун. — А подарочек? Никто не уходит от Бетти Грю с пустыми руками.

Это прозвучало весьма угрожающе.

— Не нужно, благодарю.

— Собачку! Я подарю тебе скрюченную собачку!

— Избавьте меня от вашей собачки из шарика...

— Фу-марфу! У меня закончились шарики. — Бетти Грю принялся оглядывать свое захламленное жилище. — Тут где-то пару недель назад сдохла шавка. Погоди, я отыщу ее... как помнится, она очень скрюченная... — Он заглянул под кровать. — Если тебя не

беспокоит запах, конечно. Хотя ты же из газеты — видимо, давно привыкла к вони... Что скажешь?

Бетти повернулся, но в фургончике он уже был один. Дверь, скрипя, покачивалась на петлях.

* * *

Нет ничего хуже, чем несмешной клоун. Даже война, голод и нищета со значительным отрывом проигрывают несмешному клоуну. Особенно, если клоуна зовут Бетти Грю.

«А разве Бетти — не женское имя?» — постоянно спрашивали клоуна.

«Нет!» — злобным рыком отвечал он, пытаясь получше запомнить обидчика, чтобы потом как-нибудь ему отомстить.

«Но почему ты просто не сменишь имя? — спрашивали так называемые друзья Бетти Грю. — Возьми псевдоним! Что может быть проще?!»

«Я не могу, — хмуро отвечал Бетти. — Меня все знают под именем Бетти Грю. Я ведь не могу вдруг взять и появиться в обществе, называясь, к примеру, Вонючкой Доком! Мое имя — это марка. Глупо было бы его менять!»

«Ну, Вонючка Док — не лучшая альтернатива Бетти Грю», — заявляли предпоследние друзья, тут же становясь бывшими предпоследними друзьями.

«И тем более, какая там, к конфетти, марка? Тебя ведь никто не знает!» — имели неосторожность добавить последние друзья, тут же становясь бывшими последними друзьями.

Наличие друзей переоценивают, так считал сам клоун: друзья вечно напрашиваются на ужин, не затыкаясь, талдычат о каких-то скучных вещах и обижаются, когда ты забываешь поздравить их с праздником. Так они считали: что Бетти забывал, но он прекрасно помнил обо всех праздниках всех друзей и злонамеренно никому не рассылал открытки. Самая большая польза от друзей, по мнению Бетти Грю, — это возможность занять у них денег. Беда в том, что бывшие друзья Бетти наличием денег в карманах особо не отличались. И Бетти избавился от друзей.

Первой мыслью, чтобы спастись от этих бестолковых, ноющих прилипал, было сымитировать свою смерть, но, с толком поразмыслив, клоун отверг эту идею: если все будут считать, что он мертв, то как он сможет в таком случае выступать под своим именем? И Бетти Грю сымитировал смерть друзей. Кто-то из них споткнулся на лестнице и сломал шею, кто-то так сильно тер глаза, что попросту их выдавил, кто-то задохнулся в дыму, застряв в дымоходе, ну а кто-то задушился собственным галстуком. Вот ведь несчастье! И Бетти тут был совершенно ни при чем (у него имелись те, кто мог засвидетельствовать, что во время всех несчастных случаев он был в другом месте. Даже если не был).

Так Бетти остался один. Со своим именем. Одна дамочка, ее звали Элизабет Как-то-там, тоже пыталась заявлять, что Бетти — это женское имя: мол, она сама тому яркий пример. Клоун выдрал ей все волосы и дал мисс Как-то-там прозвище «Плешивая Элизабет».

Избавившись от друзей и отомстив недоброжелателям, Бетти Грю решил поступить на службу в цирк (он всегда об этом мечтал). Очень удачно в цирке как раз освободилось местечко — тамошний клоун Зевака умер от старости: все знают, что, когда ты старый и у тебя хлипкая дряхлая шейка, лучше ею не вертеть, а то можно нечаянно свернуть.

В цирке имя Бетти пришлось весьма к месту, а цирковой народец быстро понял, что с новым клоуном лучше не шутить.

А потом цирк закрылся, и Бетти Грю снова остался один. Хотя, стоит признать, у него все же был один друг. Герберт.

Герберт был хорошим другом: он не ныл, не молол чепуху и не ожидал открытку на день рождения. А все потому, что Герберт являлся растением-мухоловкой.

Клоун украл его у одного безумного ученого-ботаника: тот странный профессор ставил на Герберте эксперименты и уверял, что пытается научить его разговаривать. Что ж, вскоре выяснилось, что ему это удалось...

— Почему они больше не приходят? — спросил Герберт.

— Кто? — Клоун поглядел на питомца — тот сидел в лотке для газет почтового ящика.

— Почтальоны. Они уже давно не появлялись.

— Еще бы. После того, как ты откусил последнему пару пальцев, они не рискуют совать ручонки в мой ящик.

— Вкуснятина... — Мухоловка облизнула зубы.

— Ты очень плохо ведешь себя, Герберт, — проворчал клоун. — Из-за тебя мне приходится ходить за газетами к тумбе.

— Я люблю пальчики, что поделаешь.

— А собачонку ты зачем загрыз?

Пару недель назад Бетти привел в фургончик карликовую собаку — он планировал выдрессировать ее и поставить с ее участием парочку номеров. Но Герберту собака не понравилась.

— Эта мерзкая тварь постоянно сопела и пускала слюни. Жалко, я слишком маленький, чтобы ее переварить. А ты, Бетти, не позволяешь мне расти — ни разу не купил у мистера Финикуса удобрения...

В голосе мухоловки послышалась обида, но Бетти Грю был непреклонен:

— Не хочу, чтобы ты рос — ведь иначе ты перестанешь уместаться в петлицу.

Мухоловка клацнула зубами.

— Что ты делаешь? — спросил Герберт, отметив особую оживленность клоуна.

— Готовлюсь.

Бетти Грю мельтешил у открытого гардероба. Он уже успел переодеться в черный костюм: угольный клоунский комбинезон, фрак и перчатки. Красная бабочка осталась. Подпрыгивая на одной ноге, он зашнуровывал башмак.

— Ты всерьез думаешь, что девчонка была права, и нам стоит ждать гостей? — спросил Герберт.

— Девчонка не понимает, что творится. Если бы она знала, то не совала бы свой нос в эти дела.

— Он убил Фокарио...

— Я помню.

— Ты боишься?

— Похоже, что я боюсь?

— Да.

Клоун справился со шнурком, протопал к почтовому ящику и склонился над мухоловкой:

— Пасть захлопни, сорняк! Я тебе все листики повыдергаю!

Схватив Герберта, Бетти поместил его в петлицу.

Герберт уже собирался что-то сказать, но клоун прошипел:

— Тише. Ты слышал?

Откуда-то сверху раздался скрип: Бетти Грю задрал голову. По крыше фургончика кто-то ходил. Клоун усмехнулся.

— А вот и вы... — прошептал он. Клоун поднял руку и принялся загибать пальцы: раз, два, три, четыре...

Клац!

На крыше фургончика раздался стук сработавшей мышеловки, за которым последовал вой.

Бетти ждал их. Ловушка на крыше была всего лишь приветствием.

Вой стих, а потом в дымоход что-то упало. Бетти Грю успел увидеть пеструю шутиху, а потом она начала шипеть и испускать дым. Бурый зловонный дым, пахнувший тухлыми яйцами и немытыми подмышками. Фургончик стал стремительно заполняться им.

— Думаете меня выкурить? — проворчал Бетти Грю и открыл крышку люка в днище фургона. — Я сам прекрасно выкурюсь!

Клоун прыгнул в проем.

Труба, в которой он оказался, была довольно широкой. Даже со своим брюхом Бетти чувствовал себя в ней вполне комфортно. Кряхтя и пыхтя, он пополз по трубе на четвереньках, и вскоре она привела его к решетке. Отодвинув ее, клоун выбрался в глухом переулке. Не тратя время на то, чтобы отряхнуть костюм от грязи, он подкрался к углу дома и осторожно выглянул из-за него. Как он и ожидал, они были там, караулили его возле двери фургончика.

Тупицы Бромбеля не особо напоминали клоунов — скорее, в своих видавших виды черных одеждах, они походили на обнищавших клерков. С клоунами их роднили только красные резиновые носы да подведенные сажей глаза.

Сам Бромбель, бородатый тип в цилиндре, Шарлотта, в черном платье и шляпке-клош, и худая, как спичка, Фифи, стояли у двери фургончика, замерев и сжимая в руках здоровенные медные клаксоны. Реми-доходяга лежал на крыше, свесившись, — он держал старый театральный занавес. Их план был прост как чугунный уют: они ожидали, что он, Бетти Грю, выскочит из двери, и тут-то они его как следует загудят, после чего захомутают, набросив на него занавес. Но в их плане был один недочет — этот план придумали тупицы.

Бетти был даже немного разочарован: уж для того, чтобы его схватить, можно было придумать что-то и поинтереснее. Что ж, он преподаст им урок бессовестного клоуничанья и хитроумного изобретательства.

Бетти достал из кармана шарик и профессионально его надул парочкой выдохов. Завязав шарик, он прикрепил к нему коробочку с пропелером, несколько раз провернул ключик, и отпустил свой крошечный аэростат. Жужжа, шарик направился в сторону фургончика. Следя за ним, Бетти принялся потирать руки в предвкушении. Тупицы ничего не замечали. Шарик завис прямо над ними.

Реми вдруг услышал жужжание и поднял голову.

— Эй, босс!

Тупицы уставились на шарик, и тут он лопнул. Вместе с ним взорвалась и коробочка. В воздух вырвалось облако красного и белого конфетти. Банда клоунов оказалась полностью им облеплена.

— Ай, жжется! Жже-е-ется! — завизжали Тупицы.

Они принялись вертеться и отряхиваться, что напоминало сумасшедший танец.

Не дожидаясь, пока Тупицы придут в себя, Бетти Грю с размаху наступил себе одной ногой на другую, и башмак распух до весьма впечатляющих рамеров, после чего сорвался с места и ринулся к негодяйским Тупицам.

Первой на его пути оказалась Шарлотта, она дергалась и вертелась в попытках стряхнуть с себя перечное конфетти. Бетти с размаху пнул ее раздувшимся башмаком под зад. Удар был так силен, что Шарлотта отлетела на несколько шагов и, минуя стоявшего на пути, но вовремя отскочившего Бромбеля, врезалась в стену фургончика.

Затем настала очередь Фифи. Клоунесса поняла, что он задумал, развернулась на каблуках и приспустила прочь, но Бетти догнал ее двумя прыжками и ускорил ее побег очередным точным пинком. Фифи с визгом подлетела на несколько ярдов в воздух и, выписав впечатляющую дугу, приземлилась на крышу фургончика рядом с Доходягой.

Разделавшись с Фифи, Бетти повернулся к Бромбелю, но тот был готов. В голову Бетти Грю врезались часы с кукушкой. Корпус часов треснул, звякнули шестеренки и пружины, загудел чугунный лоб клоуна. Впрочем, подлая атака Бромбеля не возымела особого эффекта. Бетти прикладывали по голове нередко: однажды его стукнули трамваем, а ему хоть бы хны.

Бромбель вскинул сжатые кулаки и двинулся к нему танцующей походкой.

— Клоунский бокс? — осклабился Бетти и поднял кулаки, встав в пружинящую стойку. — На циркового чемпиона лезешь, детка!

— Я надеру тебе нос! — отозвался Бромбель. — Меня называют Кулак-молния!

— И кто же тебя так называет? Ты сам?

— Нет, все те, кого я взгрел своим кулаком-молнией!

— А другой?

— Что?

— Другой кулак. У него есть имя? Думаю, он зовется Вялый Джонни!

Бромбель побагровел.

— А вот и нет! Его зовут Мистер Апперкот!

— А мои зовутся: Левый, Правый и Прихлоп.

— Что?

Бромбель не успел как следует задуматься о несоответствии количества рук и имен, когда на животе Бетти Грю открылась дверка, и из нее выпрыгнул кулак на гармошечном механизме.

Кулак стукнул Бромбеля прямо в нос. Бетти подскочил к главарю труппы уличных клоунов и пнул его между ног. Клоунский бокс никогда не был честным спортом.

Пока Бетти расправлялся с Бромбелем, Реми-доходяга пришел в себя.

Он раскрыл зонтик и спрыгнул с крыши фургончика. Плавнo приземлившись, он сложил зонт и набросился на Бетти Грю. Град зонтичных ударов обрушился на голову толстого клоуна, и тот начал отступать. Механический кулак забрался обратно в ящик на животе, но для того лишь, чтобы выскочить вновь для нового удара.

Доходяга был ловким и прытким — он увернулся, плюнул в Бетти и продолжил лупить его зонтом.

Но если этот носатый решил, что совладеет с Бетти Грю, то он ошибся, зазнался и прокололся.

Толстяк выхватил из кармана шарик, за мгновение надул его и лопнул прямо у лица Доходяги.

От неожиданности, но больше от грохота тот отшатнулся, распахнул глаза и затрусил головой. В руке у Бетти появился нож, и толстый клоун сделал подлую и весьма коварную вещь — ту, что в среде уважаемых клоунов считается поступком, порочащим доброе имя любого клоуна. Впрочем, имя Бетти Грю добрым никогда не слыло, и если бы можно было повторить содеянное, он бы, не задумываясь, повторил его.

Толстяк стремительным движением вспорол шов на штанах Доходяги, и те рухнули на землю, обнажив дырявые и покрытые пятнами полосатые кальсоны.

Реми машинально наклонился, чтобы подобрать штаны, и тогда Бетти схватил его за нос.

В обычное время у Реми-доходяги в коллекции его гримас было всего два выражения лица: отвратительная трегольная улыбка и недоуменно тупая вытянутая морда. И сменялись они сугубо друг на друга, как в захудалом слайдшоу, в котором было лишь два фотослайда.

Что ж, Бетти Грю научил его кривить лицо по особому.

Доходяга выпучил глаза и заверещал, принявшись размахивать руками.

И все же толстяку удалось насладиться триумфом и унижением Реми недолго. Тому на помощь пришли Фифи и Шарлотта. Одна из клоунесс выхватила из-под боа флакон-пульверизатор и плеснула в глаза Бетти Грю облако жгучих духов, а другая, склонившись к ногам толстого клоуна, быстро связала ему шнурки на башмаках.

Бетти сделал шаг и рухнул — прямо на брюхо. Тупицы всем скопом, включая подобравшего штаны Доходягу и Бромбеля с расквашенным носом, набросились на него и принялись пинать его ногами, зонтом и клаксонами. При этом они вопили, забрасывали его ругательствами и подзуживали друг друга.

— На тебе!

— Получай!

— Бей его, Шарлотта!

— Бей его, Фифи!

— Да не меня! Его бей!

Бетти Грю ревел от боли: многие думают, что раз ты толстый — соответственно мягкий и тебе не больно, но это заблуждение. Трижды заблуждение! Бетти мог лично засвидетельствовать это.

И все же ему удалось достать из кармана короткий картонный цилиндрок, с торчащим из крышки шнурком. Толстяк дернул за шнурок, и прогремел взрыв.

Хлопушка отбросила Тупиц, но особо им не повредила. И тем не менее этого хватило, чтобы Бетти успел вскочить на ноги и пуститься наутек.

Тупицы быстро пришли в себя и ринулись следом.

Бетти забежал в переулочек, у которого стоял его фургончик, преодолел почти дюжину футов и... встал, как вкопанный. Клоун уперся носом в облезлую стену тупика.

За спиной раздался смех.

— Добегался, толстяк?! — спросил кто-то из Тупиц, и Бетти Грю обернулся.

Все четверо стояли в переулке, перегородив выход. Все торжествующе ухмылялись.

— Я знаю, кто вас послал, — ответил Бетти. — Надеюсь, он вам заплатил достаточно, и это стоит ваших унижений!

Бромбель прогнусавил (расквашенный нос несколько подпортил триумфальную речь):

— Футы-нуты! Унижений? Да для нас это смех один! Тупицы Бромбеля, как всегда... где, Реми?

— На высоте, босс, — подсказал Доходяга, придерживая штаны.

— Верно! На высоте! А ты, Грю, так просто не отделаешься. Твоя песенка спета! Карта бита! Партия сыграна! И если ты еще и сыграешь во что-то, то только в ящик! Тебе от нас никуда не деться — мы тебя загнали в ловушку!

Бетти Грю рассмеялся. Его смех был таким беззаботным, таким радостным, что улыбки Бромбеля и его прихвостней куда-то испарились. Уличные клоуны переглянулись. Фифи с Шарлоттой почесали носы.

— Вот ведь тупицы! — провозгласил Бетти Грю. — Это не вы загнали меня в ловушку, а я вас!

Бромбель нахмурился.

— Что? О чем это ты?

Бетти всесто ответа кивнул на что-то под ногами Тупиц. Они, не сговариваясь, опустили головы, и увидели на камнях мостовой прямо на том месте, где они стояли, нарисованный белым мелом крест.

После чего, содрогнувшись, уставились на толстого клоуна. Тот схватился за свисавшую откуда-то сверху на цепочке деревянную рукоятку и потянул за нее.

В тот же миг над головами Тупиц раскрылся большой холщовый мешок, и прямо им на головы из него выпала стая разъяренных уличных котов.

Выражение про кота в мешке вдруг обрело для Бромбеля и его прихвостней особое значение.

Коты, пронзительно воя, принялись рвать и метать. Когти и зубы вонзались в головы и плечи, в выставленные в попытках защититься руки. Причем звери не спешили разбежаться — кажется, они решили отомстить за свое заключение хотя бы кому-то.

Тощий серый кот вцепился когтями в лицо Фифи, еще парочка, полосатых и зловредных, пытались откусить уши Шарлотте. Схватившись зубами за нос Реми, как прищепка, на нем повис грязно-рыжий котяра. Ну а сам Бромбель не на жизнь, а на смерть сражался с остальными: на него напали, по меньшей мере, пятеро плешивых и хвостатых злыдней.

Вожак банды клоунов схватил одного из котов за шкуру и куснул его за хвост. Другого кота он укусил прямо за его наглую морду. Еще одного он пнул ногой, и тот, пролетев пару шагов, вонзился когтями всех своих четырех лап в спину Реми, отчего тот заорал еще сильнее.

Побоище стало напоминать свалку. Кошачий ор, крики клоунов-Тупиц и смех наблюдавшего за всем действием Бетти Грю разносились по переулку.

Из-за всей этой сутолоки, никто не обратил внимания, как на площадь выехал старенький полосатый «Трудс». Экипаж подкатил к фургончику Бетти Грю и остановился. Скрипнула, открывшись, дверца...

Толстый клоун тем временем хохоча обошел Тупиц и направился к выходу из переуллка, но не смог не позлорадствовать напоследок. Он обернулся и воскликнул:

— Так вам и надо! Будете знать, как лезть к Бетти Грю! Вздумали шутить со мной?! Я не понимаю шуток!

— Добрый день, — раздалось за спиной. — Я, конечно, сильно извиняюсь...

Бетти повернул голову. Рядом стоял высокий, как фонарный столб, субъект в котелке и

с резиновым клоунским носом.

— Да что б вас... — успел бросить толстяк, когда дубинка в руке долговязого опустилась ему прямо на макушку.

Бетти Грю совсем забыл, что Тупиц Бромбеля пятеро: остальные члены банды нечасто брали с собой Жильбера — он был занудой и медлительным флегматиком. Пятый Тупица всегда появлялся лишь, когда то или иное дельце уже было обстряпано. Впрочем, сейчас он появился как нельзя вовремя.

Толстый клоун рухнул в грязь как подкошенный.

Жильбер уставился на схватку приятелей с котами и еще около пяти минут рассуждал, нужна ли им его помощь. После чего, решив, что нужна, неторопливо достал из сумки большой медный клаксон и, направив раструб на дерущихся с котами клоунов, лениво сжал резиновую грушу.

Клаксон издал громоподобный гудок, и коты в ужасе прыснули в разные стороны. Тупицы еще какое-то время продолжали отбиваться и махать руками, пока не поняли, что сражаться больше не с кем.

— Вы поглядите, кто явился! — гневно бросил Бромбель, заметив долговязого клоуна.

— Явился — не запылится, — кивнул Жильбер.

Бромбель достал из кармана платок и попытался вытереть им расцарапанное лицо, но платок представлял собой сплошные лоскуты.

— Реми, Шарлотта, — велел главарь, — тащите занавес!

Клоуны бросились вон из переулка и вскоре вернулись с занавесом, который все это время дожидался их на крыше фургончика. Тупицы запеленали пребывающего без сознания Бетти Грю, обвязали его шнурами и поволокли к экипажу.

Не без труда затащив свою нелегкую ношу в «Трудс», клоуны уселись в салоне, Жильбер медленно надел большие водительские очки и перчатки, а затем толкнул рычаг. Из выхлопных труб с хлопками вырвалось несколько облачков темно-красного дыма, и полосатый экипаж тронулся в путь.

Когда он скрылся за углом, из-за старой афишной тумбы, стоявшей неподалеку от места клоунской схватки, выглянул громила-констебль. Еще двое вышли из ближайших подворотен.

На площадь выкатил лязгающий полицейский фургон и, когда констебли забрались внутрь, машина двинулась следом за клоунским экипажем.

Вскоре Семафорная площадь погрузилась в тишину.

Глава 5. Вокзал и его жители

«Внимание, пассажиры! Восьмичасовой вечерний поезд на Уиллабет отходит с платформы “Дурчинс”!» — раздалось из бронзовых рупоров на столбах, и проводники, докурив папиретки, забрались в вагоны. Темно-коричневый, похожий на старый чемодан, поезд, кашляя дымом из труб, медленно отошел от платформы.

Автоматон, служащий Паровозного ведомства, занес данные об отбытии на большую механическую панель, висевшую на стене у платформы, а господин старший перронщик ударил в колокол, соблюдая старую, как подвалы этого города, традицию.

Вскоре последний вагон выбрался из здания вокзала, и оно вновь погрузилось в тишину и покой.

Но ненадолго.

Двери распахнулись, и в зал ожидания, сжимая подмышками дорожный чемодан и извивающегося ручного спрута, вбежал человек в шапоκляке и полосатом пальто.

Мистер в шапоκляке подскочил к окошку кассы и завопил:

— Два билета до Уиллабета! Один — регулярный, другой — для питомца!

— С вас тридцать пять фунтов.

Мистер в шапоκляке поспешно заплатил, схватил билеты и, глянув в них, ринулся к платформе.

Оказавшись на месте, он в недоумении огляделся по сторонам в поисках поезда. Бросил взгляд на большие вокзальные часы, после чего бегом вернулся к кассе.

— Поезд на Уиллабет — где он?!

Из окошка раздалось:

— Это который восьмичасовой?

— Да!

— Это который должен отходить с платформы «Дурчинс»?

— Да! Да!

— Он отошел в восемь часов. Не зря же он восьмичасовой.

Мистер в шапоκляке побагровел.

— Что?! Как?! Это же Габен, тут никогда поезда вовремя не отходят!

— Все случается впервые.

Подобный неприкрытый цинизм окончательно вывел из себя мистера в шапоκляке. Он уже приготовил порцию отборнейших ругательств, которым позавидовали бы и самые прожженные среди моряков, но смог выдать лишь:

— Верните деньги за билеты!

— Боюсь это невозможно, сэр, — ответили из окошка. — Правила Паровозного ведомства.

— Вы продали мне билеты, зная, что поезд ушел! Это возмутительно! Я буду жаловаться!

— Это ваше право, сэр, — прозвучало в ответ. — Следующий поезд на Уиллабет отходит в полночь. Желаете купить билеты на него?

— Проклятый город! — возопил мистер в шапоκляке, после чего стиснул зубы и процедил: — Два билета.

— С вас тридцать пять фунтов.

Взяв билеты, мистер в шапоκляке в гневе пробурчал:

— Пойдем, Барри...

Спрут затрусил щупальцами, и его хозяин сказал:

— Нет уж! Мы опоздали из-за тебя. Из-за того, что ты так долго ужинал. Второй ужин будет уже в поезде.

Мистер в шапоκляке двинулся к скамейкам зала ожидания. Плюхнув на одну из них чемодан, он опустил спрута на пол и привязал его поводок к ножке скамейки. После чего огляделся в поисках одного из кофейных автоматов, но, вспомнив, что сам он находится не где-нибудь, а в Тремпл-Толл, где их еще не изобрели, пожал плечами и испустил тяжкий вздох. Впрочем, особо отчаиваться мистер в шапоκляке не стал — вместо этого он переключил под ручкой чемодана пару рычажков. Вскоре чемодан задрожал, и в его крышке открылась дверца, из которой выдвинулась исходящая паром чашка...

До полуночного поезда было еще так долго...

Тем временем наблюдавший за ним некий господин записал в свой блокнот:

«Непунктуальщик № 34. Шапоκляк, трясущиеся щеки, выпученные глазенки, разные носки, неправильно застегнутые пуговицы, пальто в чернилах и ручной спрут».

Дописав, вокзальный констебль мистер Бэнкс закрыл блокнот и растянул лягушачьи губы в улыбке: в его коллекцию опаздывающих добавился еще один экземпляр.

— Тридцать четвертый, — сообщил констебль.

Вовсю храпящий на скамейке рядом напарник, мистер Хоппер, не просыпаясь, буркнул:

— Хпрфффф... Я счастлифффф... пфф...

Вокзальные констебли Бэнкс и Хоппер любили свою работу, хотя она и была зубодробительно скучной. За годы, проведенные у своей сигнальной тумбы, они научились скучать профессионально. Большую часть времени, сменяя друг друга, Бэнкс и Хоппер дрыхли. И хоть считалось, что закон не дремлет, но иногда все же этот самый закон бессовестно и с тем совершенно беззаботно спит на посту, когда ничего интересного не происходит... Вокзальные констебли считали, что раз они присутствуют, этого достаточно.

Бэнкс спрятал блокнот в карман мундира и раскрыл вечернюю газету. Почти всю первую половину выпуска занимали статьи и заметки о предстоящей судейской партии в бридж. Скука смертная...

О ногу констебля что-то ударило и кто-то сказал: «Ой!»

— Смотри, куда прё... — Бэнкс оборвал себя, увидев того, кто потревожил его полицейский покой.

Перед ним стояла миниатюрная девушка в темно-зеленом форменном мундире Паровозного ведомства; из-под фуражки выбивались короткие каштановые волосы. Девушка сжимала в руках трость и незряче глядела мимо констебля.

— О, мисс Летти! — Толстяк Бэнкс попытался втянуть живот и сел ровно, словно девушка могла увидеть это.

Мисс Летиция Бракнехт была внучкой господина начальника вокзала, но констебль робел в ее присутствии не поэтому. В его понимании, кого-то милovidнее представить было сложно, и ее не портили даже плохо затянувшиеся ожоги вокруг глаз — следы старой трагедии.

Сбоку раздалось ехидное «Хм», и Бэнкс поморщился: Хоппер знал о симпатиях, которые он питает к мисс Летти, и всячески над ним насмехался из-за этого.

— Добрый вечер, мистер Бэнкс, добрый вечер, мистер Хоппер, — сказала девушка.

— Как поживаете, мисс Летти? — спросил Бэнкс, демонстративно не замечая, как Хоппер тычет его в бок локтем. — Вышли прогуляться?

Почти все время мисс Летти проводила на вокзальном чердаке, где следила за большими часами. Кто-то мог бы усомниться, что это подходящая работа для слепой, но несмотря ни на что часы вокзала Тремпл-Толл неизменно показывали точное время. Сами констебли недоумевали, как Летти Бракнехт удается настраивать их, не видя ни стрелок, ни шестеренок, но спросить они не осмеливались.

— Да вот вышла за газетой, — сказала девушка.

Еще одна странность: зачем слепой газета?

Но об этом ни Бэнкс, ни Хоппер и вовсе никогда не задумывались. Раз в день мисс Летти спускалась в зал ожидания и покупала в тумбе вечерний выпуск.

— Возьмите мою! — Бэнкс поспешно сложил газету и протянул ее девушке. Та не отреагировала, и он, залившись краской, вложил вечерний выпуск в ее руку.

— О, благодарю. — Девушка одарила темно-синюю полицейскую тумбу, стоявшую рядом с Бэнксом, улыбкой.

Бэнкс чуть сдвинулся, чтобы оказаться напротив улыбки.

— Что-то интересное пишут? — спросила мисс Бракнехт.

— Ни словечка, — ответил толстяк. — В Саквояжне все помешались на судебском бридже — только о нем и болтают.

— О, бридж! Вы, должно быть, болеете за господина Сомма?

— Само собой, — кивнул Бэнкс.

— Начальство, как-никак, — добавил Хоппер. — Но господин Сомм выиграет, в этом нет сомнений. Мы в нетерпении ждем полуночи, когда партия состоится. От победы нашего достопочтенного судьи многое зависит.

— Правда? — удивилась мисс Летти. — Что именно?

— Благосклонность господина Сомма и его душевный покой на ближайший месяц как минимум, — сказал толстяк. — Он же лопнет от ярости, если проиграет, и этот взрыв затронет всю Саквояжню.

Мисс Летти звонко рассмеялась. Констебли поддержали, гулко расхохотавшись, хотя им было совершенно не смешно: если главный судья Тремпл-Толл проиграет своим коллегам из других районов, тогда несдобровать всем, и перво-наперво он выместит злобу на служащих Дома-с-синей-крышей, как было в тот раз, когда выиграл господин Китчинсли, главный судья с Набережных.

— Лично я надеюсь, — сказал Хоппер, — что господин Сомм проявит весь свой талант в жульничанье и пережулит своих партнеров по игре. Хотя и те не промах. Думаю, на этот раз нас всех ждет самый нечестный бридж, который только можно представить.

Мисс Летти кивнула и повернула голову к пустующим платформам. Сейчас там не стояло ни одного поезда. Зал ожидания был непривычно тих.

— Какой спокойный вечер выдался, — заметила она.

— Побольше бы таких, — согласился Бэнкс. — Никто не бежит, не суетится, не мельтешит. Никуда не нужно ходить, никого не нужно хватать за шиворот...

— А что сегодня было интересного на вокзале? У вас тут, наверное, весь день

приключения какие-нибудь?

— Не без того, — напустив на себя важный вид, сказал Бэнкс. — Приключений хоть отбавляй. Утром ловили Вокзальщика и почти поймали его, но этот ловкий мерзавец снова ускользнул.

Вокзальщика здесь все знали. Хотя правильнее будет сказать, что все знали о его существовании. Хитроумный и неуловимый вор багажа был местной легендой. Никто не знал, ни как он выглядит, ни как действует. Констебли могли лишь строить предположения. Бэнкс считал, что Вокзальщик носит специальный маскировочный костюм, делающий его похожим на стопку чемоданов, а более суеверный Хоппер и вовсе полагал, что вор — это призрак.

— К сожалению, нас отвлекли, — добавил Хоппер, почесывая квадратный подбородок. — У одного из пассажиров взорвался чемодан прямо на перроне, и весь зал ожидания затянуло мыльной пеной. Почти три часа пришлось потратить на то, чтобы полопать все пузыри. Механоиды полдня чистили плитку.

— Но на этом приключения наши не закончились, — сказал толстый констебль. — Думаю, вам будет любопытно узнать, мисс Летти, что я проявил сегодня чудеса личной наблюдательности. Заметил, что в багаж одной приезжей дамочки забрался греmlin — когда открыли ее дорожный вализ-гардероб, там почти все было сожрано, а сам негодник исчез. Пришлось вызывать ловцов...

— А пассажиры? — спросила мисс Летти. — Были какие-то интересные пассажиры сегодня?

— Само собой! — воскликнул Бэнкс. — Прибыла целая делегация обезьяньих гуталинщиков... кхе-кхе... в смысле, смуглых господ из Хартума. Все они были в громадных тюрбанах, расшитых звездами, их сопровождала настоящая армия слуг, которая выстилала перед ними ковер и обмахивала их опахалами. То еще зрелище! Но и помимо этих хартумцев, было много странных приезжих...

— К примеру, Толстяк-Обжора! — подсказал напарник.

— Толстяк-Обжора? — удивилась мисс Летти.

Хоппер пояснил:

— На полуденном поезде из Роузмар прибыл такой толстый джентльмен, что даже наш Бэнкс — просто грустный доходяга в сравнении с ним. Не представляю, как он вообще попал в вагон. При выходе из поезда он застрял в проеме — понадобилось шестеро служащих Ведомства, чтобы вытиснуть его наружу. Так и что вы думаете, мисс Летти?! Он ни на мгновение при этом не отрывался от поедания своего торта! И даже Бэнкса не угостил, — Хоппер с усмешкой поддел напарника. — Хотя наш Грубберт Бэнкс так и хотел стащить у него кусочек.

Бэнкс хмуро глянул на Хоппера и поспешил сменить тему, пытаясь отвлечь мисс Летти, чтобы она ни в коем случае не успела решить, что и он — обжора:

— Снова приходила та сумасшедшая женщина с полосатой ковровой сумкой и билетом пятидесятилетней давности. Как и всегда, простояла час на платформе, прождала свой несуществующий поезд на несуществующий Харпеллинг.

— Бедняжка, — сочувственно сказала Летти Бракнехт. — Надеюсь, вы помогли ей? Сказали, что поезда не будет?

— Ну да, — хмыкнул Хоппер. — Бэнкс уверил чудачку, что нужный ей поезд просто задерживается, и ей стоит прийти завтра.

— Как жестоко с вашей стороны, мистер Бэнкс!

— Да ничего такого я не говорил, — пробурчал толстяк. — Хоппер все врет. Напротив, я ее утешил, лично проводил и даже угостил чаем. А еще показал карту, на которой никакого Харпеллинга нет и в помине. Она поверила и покинула вокзал в весьма возвышенных чувствах. Из-за моего обхождения, разумеется.

Внучка господина начальника вокзала покивала.

Бэнкс досадливо поморщился — ему показалось, что она не особо поверила в его благородство. Еще и Хоппер этот бесстыжий — все норовит его поддеть и высмеять...

— Сколько всего любопытного успело произойти за один только день, — сказала мисс Летти.

— Да уж, — ответил Бэнкс. — Жаль, вы ничего не видели... кхм... в смысле, вы бы и не увидели... то есть, я хочу сказать...

Мисс Летти опустила голову:

— Пожалуй, не буду больше отвлекать вас от службы, господа.

— Что вы! Вы совсем нас не отвлекаете...

— Хорошего вечера, — сказала девушка, и Бэнкс вскочил на ноги.

— Может быть, вас проводить?

— Не стоит, благодарю.

Мисс Летти повернулась и, постукивая тростью, двинулась к двери, ведущей на лестницу служебных помещений.

Бэнкс с понурым видом глядел ей вслед.

— Ну ты и тюфяк, — хмыкнул Хоппер. — Зря стараешься — мисс Летти на такого, как ты, даже не посмотрит.

— Она ни на кого не посмотрит, — буркнул Бэнкс, усевшись обратно на скамейку. — Ладно, до прибытия следующего поезда еще полчаса. Моя очередь спать.

— Вот еще! — возмутился Хоппер. — Я не доспал еще свои пять минут.

Ответом ему был протяжный паровозный храп напарника...

* * *

К тиканью часов, мерному гулу механизмов и порой доносящимся из зала ожидания сигналам оповещения добавился скрип открывшейся двери.

На пороге вокзального чердака на миг появилась стройная женская фигура, после чего дверь закрылась, и все снова погрузилось в темноту. Скрипнул ключ в замке, потом на мгновение все стихло.

— Они ничего не знают, — сказала вошедшая на чердак девушка.

— Ты уверена? — раздалось откуда-то сверху, из-под купола.

— Не думаю, что эти дуболомы что-то задумали. Вокзал пуст — на засаду не похоже.

— Знач-ч-чит, этот тип говорит правду. Он здесь один.

С балки спрыгнул комок мрака. Человек-блоха разогнулся и, покачиваясь, двинулся к констеблю, привязанному к деревянной колонне. Пленник задергался и замычал сквозь кляп.

За время, проведенное в этом месте, глаза Джона Дилби привыкли к темноте. Хотя он и предпочел бы не видеть.

Младший констебль никогда храбрецом не слыл. А еще он никогда не попадал в подобные передряги. Да уж, его стол с бумагами в полицейском архиве сейчас был очень далеко, и Джон многое отдал бы, чтобы оказаться за ним.

Но он был здесь. В лапах у монстра и его... сообщницы. Язык не поворачивался назвать Летицию Бракнехт возлюбленной Человека-блохи.

Джон искренне не понимал, как можно испытывать к монстру нежные чувства, но, судя по тому, как вела себя Летти Бракнехт, судя по тому, что говорила, она не видела в Человеке-блохе монстра.

Не видела, да... Если бы она только увидела его...

Из их разговоров Джон понял, что Человек-блоха живет здесь уже много лет. Подумать только! Ни пассажиры, ни полиция, ни даже служащие вокзала — никто в этом проклятом городе и не догадывается о том, что совсем рядом — прямо над их головами устроило себе логово четырехрукое чудовище.

Возможно, если бы еще вчера Джону Дилби кто-то рассказал обо всем этом, его посетило бы множество вопросов: «Чем питается Человек-блоха?», «Откуда он берет еду?», «Как так вышло, что никто о нем не знает?»

Но сейчас его мучил лишь один вопрос: «Что он со мной сделает?!»

Летти Бракнехт, постукивая тростью по полу, шагнула к монстру.

— Ты должен остановиться, Мартин! — взмолилась она. — Прощу тебя!

— Слнш-ш-шжом поздно. Ч-ч-что я долш-ш-шен, так это довести дело до конца.

— Но полиция...

— Он здесь один. Никто за ним не придет.

— Умоляю, Мартин! Давай отпустим его. Мы просто забудем, что он здесь был. Пусть все будет, как раньше... Мы заведем часы, ты считаешь мне газету, мы... просто... обо всем забудем...

— Нич-ч-что уш-ш-ше не будет, как раньш-ш-ше, Летти. Думаеш-ш-шь, он забудет? Флик первым ш-ш-ше делом приведет сюда других фликов. Они схватят и убьют нас. Мы для них — уроды и ч-ч-чудовищ-щ-ща. И твой дед не помош-ш-шет. Он скаш-ш-шет, ч-ч-что не знал обо мне. Нас разоблач-ч-чили, как ты не понимаеш-ш-шь? Но пока о нас знает только этот флик. Пока это просто заноза...

Человек-блоха склонился над констеблем. Джон Дилби с ужасом глядел в черные блестящие глаза; суставчатые щупики монстра зашевелились. Пленник ощущал исходящий от него запах — жженая резина и подвальная затхлость.

— Что ты будешь с ним делать? — испуганно спросила девушка.

— Я вытащ-щ-щу досаш-ш-шдающ-щ-щую занозу.

— Нет, не делай этого! Прощу тебя! Он здесь ни при чем!

— Что скаш-ш-шеш-ш-шь? — прошипел Человек-блоха, обращаясь к пленнику, — его рот походил на уродливую вытянутую рану со сморщенными краями, в которой проглядывал подрагивающий хоботок. — Ты ни при ч-ч-чем?

Джон Дилби отчаянно закачал головой.

— Мне нуш-ш-шны ответы. И сперва ты мне все расскаш-ш-шеш-ш-шь. — Человек-блоха подцепил когтем кляп и вытащил его изо рта констебля.

Джон тяжело задыхался. Губы и подбородок были все в слюне, но он этого не замечал.

— Я из полиции... — начал констебль. — Меня будут искать...

— Возмош-ш-шно. Но здесь они тебя не найдут. И никто ничего не заподозрит, если ты

просто упадеш-ш-шь с какой-то крыш-ш-ши...

Слепая девушка приблизилась.

— Мартин...

Человек-блоха вскинул руку, останавливая ее, и она замерла в нескольких шагах от того места, где сидел привязанный к колонне констебль.

— Стой где стоиш-ш-шь, Летти! — воскликнул монстр.

— Мартин, прошу тебя... Ты ведь не такой! Ты добрый... — Летти заплакала, но Человек-блоха ее не слушал. Всем его вниманием завладел констебль.

— Ты напрасно сунул нос в это дело, флик. Ты влез в мое прош-ш-шное, и мое прош-ш-шное тебя сош-ш-щрет. Ты взял то, что тебе не принадлеш-ш-шит... — Он поднял дневник Мариетты Лакур, который держал в одной из своих четырех рук, и отвесил им констеблю пощечину.

Джон вскрикнул. На глазах проступили слезы.

— Откуда у тебя дневник моей матери? — прорычал Человек-блоха.

— Нашел... я нашел его в цирке! В примерке...

— Зач-ч-чем ты проник в цирк? Ч-ч-что надеялся там узнать?

Перед мысленным взором Джона вдруг предстала мисс Полли — он не может ее подвести! Не может выдать этому монстру! Констебль демонстративно сжал губы, и Мартин Лакур приставил коготь к его горлу.

— Отвеч-ч-чай мне!

Ощувив холод на шее, Джон мгновенно сдался. Нет, он совсем не храбрец. Ну почему он такой трус!

— Я... я же сказал, что расследую похищения. Подковы... они привели меня в цирк. Я хотел найти похищенных бедолаг, хотел найти похитителя...

— И ты наш-ш-шел его. «Бедолаги»! Ты это слыш-ш-шала, Летти? Он их назвал бедолагами! Ты нич-ч-чего не знаеш-ш-шь, флик.

— Я знаю, зачем ты все это делаешь... — сказал Джон.

— Ты ничего не знаеш-ш-шь, проклятый синемундирник...

— Я читал дневник! Твоя мать...

Человек-блоха в ярости обхватил горло констебля двумя когтями, как клещами.

— Не смей...

— Ты хочешь отомстить ему! — выдавил Джон. — За то, что он сделал...

Мартин Лакур застыл.

— Ч-ч-что ты сказал?!

— Я прочитал. Последняя запись...

Человек-блоха отстранился и раскрыл дневник. Нашел последнюю запись.

Какое-то время он стоял, не шевелясь. Летти не выдержала и шагнула к нему.

— Что? Что там, Мартин?

Человек-блоха затрясся. Дневник в его верхних руках задрожал, нижние при этом обхватили бока, царапая пальто когтями.

— Я не верю... — потрясенно прошептал он. — Это оч-ч-чередная лош-ш-шь? Но это ведь ее поч-ч-черк... она это написала!

— О чем ты говоришь, Мартин?

— Я долш-ш-шен все узнать! — Человек-блоха говорил сам с собой. — Я спрош-ш-шу его! Спрош-ш-шу...

— Что происходит? — испуганно проговорила Летти. — Я ничего не понимаю...

Человек-блоха захлопнул дневник и повернул голову к Летти Бракнехт.

— Я скоро вернусь. Не вздумай подходить к флику.

— Куда ты?! — воскликнула девушка.

— Я отправлюсь на Трубный пустырь, дош-ш-шдусь его и потребую ответы... —

Мартин Лакур вдруг оборвал себя: — Нет, на это нет времени! Я отправлюсь напрямик к нему!

Человек-блоха повернулся к констеблю и, выхватив торчащую из кармана пальто дубинку, которую он отобрал у незваного гостя, с размаху ударил пленника по голове.

Джон Дилби дернулся, голова его безвольно повисла.

— Сторош-ш-ши его, Летти.

— Прощу тебя, Мартин! Не уходи!

— Я долш-ш-шен все узнать... Если то, ч-ч-что написано в дневнике, — правда...

— Мартин!

Человек-блоха прыгнул на балку, а оттуда — в пролом в куполе.

— Мартин! — крикнула Летти, но на вокзальном чердаке, кроме нее и связанного констебля, уже никого не было.

* * *

Мисс Летиция Бракнехт была любопытной с самого детства. И это несмотря на то, что трагедия, которую она пережила, стала следствием как раз таки ее любопытства.

Впервые Летти увидела Мартина, когда ей было семь лет. Она хорошо помнила ту холодную дождливую ночь, когда он появился.

Незадолго перед полуночью к дедушке, который уже тогда был начальником вокзала, кто-то пришел. Она не видела позднего посетителя, но слышала его голос — скрипящий и скрежещущий, очень неприятный голос.

Летти пряталась за дверью дедушкиного кабинета и пыталась разглядеть что-нибудь в замочную скважину, но, к ее огорчению, посетитель будто нарочно встал там, где его видно не было. Зато она видела большой ящик, стоящий у дедушкиного стола.

Незнакомец и дедушка спорили. Дедушка велел ему убираться, но обладатель скрежещущего голоса что-то произнес (Летти смогла разобрать лишь то, что это было сказано на каком-то чужом языке). Лицо господина начальника вокзала вытянулось — Летти прочитала на нем смесь удивления и страха.

Дедушка спросил, что позднему гостю нужно, и вместо ответа тот открыл ящик.

— Это мой сын, — сказал обладатель скрежещущего голоса. — Он немного приболел...

Дедушка поднялся из-за стола и, заглянув в ящик, вскрикнул:

— Это ведь он! Тот, о ком писали в «Сплетне»! Но почему он здесь?!

— О, вы узнаете, почему он здесь, а не там, где должен быть, уже очень скоро — все будет в утреннем номере «Сплетни». — В голосе незнакомца явно слышалась ненависть, но тогда Летти еще не понимала, почему.

— Вы думали, что обманете меня? — спросил дедушка. — Я знаю, кто он. Он не ваш сын.

— Мой, — ответил незнакомец. — Хотя я и не особенно рад этому. Но вам придется

поверить мне на слово, господин Бракнехт. И сделать все, что я потребую. Впрочем, вы запросто можете отказать мне, если хотите, чтобы в утреннем номере «Сплетни» также появилась статья о... — и он снова сказал ту фразу на непонятном языке, после чего продолжил как ни в чем не бывало: — Его мать мертва, а я не хочу с ним возиться. Мне нужно, чтобы вы укрыли его у себя. Не навсегда — на время. Через полтора месяца сюда прибудет господин Люммиберг, хозяин цирка уродов из Рабберота, и заберет его — я уже написал ему: думаю, он будет счастлив пополнить свою трупку подобным уродцем.

Дедушка смотрел на содержимое ящика не в силах отвести взгляд.

— Что с ним случилось? На нем ведь живого места нет!

— Неудачно упал.

— Ну разумеется! — с недоверием бросил дедушка. — Он вообще дышит? Кажется, он мертв! Вы не думаете, что милостивей будет просто закопать его где-нибудь у канала прямо в этом же ящике?

— Нет. И хоть подобное решение всерьез облегчило бы мне жизнь, все же я очень рассчитываю на вознаграждение от господина Люммиберга за его нового уродца.

— И что мне с ним делать до того, как его заберут? Если его здесь найдут... если кто-то узнает...

— Тогда в ваших же интересах сделать так, чтобы его не нашли и никто о нем не узнал, — сказал незнакомец. — Просто спрячьте его где-нибудь, где никто не появляется. Уверен, на вокзале полно таких мест.

— И чем прикажете мне его кормить? А если он нападет на служащих или на пассажиров? Вы об этом думали?

Незнакомец рассмеялся.

— Он не нападет. Если он проголодается, то попросит его накормить — мамочка хорошо его воспитала. Да и вообще он не опаснее котенка с вырванными когтями. А ест он... полагаю, одной квартовой банки в день пока хватит.

— «Пока хватит»? И... банки чего?

— Думаю, вы догадываетесь.

Судя по изменившемуся лицу дедушки, он понял, о чем идет речь.

— И где, по-вашему, я должен ее добывать?

— Могу посоветовать мистера Рэбберга из «Скотобоев братьев Рэбберг».

— Не оставляйте его здесь, прошу вас... — взмолился господин начальник вокзала.

— Нет, это решенное дело. Да не тряситесь так, Бракнехт: если бы он был опасен, я бы держал его в клетке. Уж поверьте: мне меньше всех нужно, чтобы он кого-то выпотрошил здесь и не попал из-за этого к Люммибергу. Если уж так хотите, посадите его на цепь, хотя, как по мне, это лишнее. В любом случае скоро его здесь уже не будет...

Впрочем, все произошло не так, как говорил незнакомец. Через месяц после появления на вокзале таинственного ящика и его обитателя газеты запестрели заметками о том, что господин Люммиберг мертв — его убил один из его же собственных ручных уродов. И таким образом тот, кого принесли в ящике, остался на вокзале.

Но до того времени господин начальник вокзала тешил себя надеждой, что скоро избавится от возложенного на него бремени. Той же ночью ящик «со списанным автоматом» перенесли на вокзальный чердак.

Летти изнывала от любопытства. Она в нетерпении ждала утреннюю газету, о которой говорил незнакомец. И когда та появилась, девочка прочитала весь номер, даже раздел

объявлений и страничку погодных новостей. В статьях о различных происшествиях можно было потеряться — так этих происшествий было много. На канале Брилли-Моу произошел пожар, в котором обвиняли главаря банды Свечников, Бартоломью Бёрнса, который, по словам очевидцев, поджег полицейскую тумбу на мосту Ржавых Скрепок голыми руками. Также описывались последствия перестрелки между полицией и бандой братьев Лэмп из Фли на улице Флоретт. Представитель Дома-с-синей-крышей утверждал, что сыщики вышли на след Замыкателя, которого называли Последним Габенским Злодеем, и что скоро он будет схвачен. Еще писали о том, что «Цирк мадам Д.Оже» закрылся и что банк с площади Неми-Дрё имеет к этому отношение.

Как ни искала Летти хоть что-то, связанное с незнакомцем и его сыном, она так ничего и не нашла...

Ее тянуло на чердак — хоть одним глазком увидеть, кого же незнакомец принес. Той же ночью Летти стащила с дедушкиной связки ключ от чердака и, взяв керосиновую лампу, поднялась в часовую комнату. Ящик стоял у стопки старых чемоданов, он был открыт.

Затаив дыхание, Летти на цыпочках подкралась к ящику и заглянула внутрь: открывшееся ей зрелище было настолько отталкивающим и отвратительным, что она едва не выронила лампу. В ящике лежал жуткий монстр! В ворохе каких-то тряпок проглядывало скрюченное темно-серое тело насекомого! Шесть покрытых редкими длинными волосками конечностей шевельнулись, на девочку уставились два черных блестящих глаза.

Летти с криком сорвалась с места и бросилась к выходу из чердака. Стремительно распахнула дверь и... натолкнулась на дедушку.

Дедушка был зол, его брови сложились в хмурую линию. Но Летти этого будто и не заметила.

— Там... там... этот... монстр! — крикнула она. — Он хочет меня съесть!

Дедушка схватил Летти за руку и, затащив внучку на чердак, закрыл дверь.

— Не вопи ты так, дуреха! Кто-то услышит...

— Но там... монстр!

— Успокойся, Летиция. Никто не хочет тебя съесть. «Монстр» не ест маленьких девочек. В отличие от меня. Если ты мне сейчас же не скажешь, что ты здесь делаешь, я сам тебя съем!

— Я просто хотела... хотела...

— Твое любопытство однажды доведет тебя до беды, Летиция, — строго сказал дедушка — он словно предвидел то, что вскоре должно было произойти. — Стащила ключ, пролезла куда не следовало, обзываешь нашего гостя монстром... Знаешь, этот «монстр» в ящике воспитан намного лучше тебя, а он между тем вырос в цирке.

Летти вспомнилась утренняя газета: цирк — вот та статья, о которой говорил незнакомец!

— Послушай, Летиция, — дедушка уже не злился, но он был очень серьезен, — никто не должен узнать, что юный циркач находится здесь. Это очень важно. Я знаю, что ты умеешь хранить тайны. Никому не говори о нем. Ты понимаешь меня?

Летти, все еще испуганная, кивнула, и дедушка продолжил:

— Мне понадобится твоя помощь, Летиция. Наш гость болен и очень голоден. Его нужно кормить каждый день, чтобы он поправился. Если я буду постоянно сюда подниматься, кто-то что-то заподозрит. Но ты вечно лазишь по всему вокзалу, путаешься под ногами у служащих станции и не вызовешь подозрений.

— Ты хочешь, чтобы я... — потрясенно прошептала девочка. — Чтобы я его кормила?

Дедушка кивнул и протянул ей большую банку, наполненную чем-то темно-красным. Летти взяла ее, но тут же замотала головой.

— Я не хочу! Я боюсь!

— Ну же, Летиция, это не так уж и страшно. Тебе нужно будет всего лишь раз в день приносить сюда такую банку и оставлять ее в ящике. Дальше наш гость и сам справится.

— А если он меня укусит?

— Он не кусается. Он вообще безобидный. И пьет только... гм... свой сироп.

— Но он страшный!

Дедушка наделил внучку своим коронным дедушкиным взглядом: строгим, но с явно читаемым задором.

— Гм. А я-то думал, что мисс Летиция Бракнехт — храбрая девочка. Ладно, верни мне банку и возвращайся в свою комнату. Придется мне поискать кого-то, кто не такой трусишка.

Разумеется, прослыть трусихой девочка, которая мечтала однажды стать самым главным в мире Паровозником и ездить повсюду на личном локомотиве, не могла.

Наделив дедушку осуждающим взглядом, Летти крепко сжала губы и, собрав всю свою храбрость в кулак, шагнула к ящику.

Не глядя внутрь — подобное было уже выше ее сил, — она поставила банку, а затем отпрыгнула назад. После чего подбежала к дедушке и схватила его за руку.

— Я в тебе не сомневался, — сказал дедушка, и вместе они направились к двери. — И помни: никто не должен о нем знать.

Летти кивнула и пообещала сохранить все в тайне...

* * *

Девочка боялась того, кто жил на вокзальном чердаке. Но любопытство было сильнее страха. К тому же она пообещала дедушке помочь.

Наутро еще одна банка с сиропом появилась в ее комнате. Летти взяла ее и пошагала на чердак.

Никто не обращал на девочку внимания — служащие станции как обычно носились по коридорам и лестницам, а старший багажник мистер Дрилли как всегда о чем-то переругивался со старшим вокзальным механиком мистером Хофмером.

Летти поднялась на чердак и прикрыла за собой дверь.

Ящик стоял там же, где и ночью. Из него раздавались хрипы.

Девочка едва сдержала себя, чтобы не убежать, но, напомнив себе, что нужно быть храброй, осторожно подошла к ящику и дрожащими руками опустила туда банку. После чего... не выдержала и бросилась вон, с чердака.

На следующее утро ее ждали очередная банка с сиропом и новый подъем на чердак. Она снова опустила банку в ящик, но на этот раз не успела ее поставить — тот, кто жил внутри, схватил банку.

Летти взвыла и, не оборачиваясь, ринулась к двери.

Утром следующего дня жуткий гость уже поджидал ее. Поднявшись на чердак, она увидела его голову, торчащую из ящика — вытянутую скуластую и безносую голову с

похожими на бакенбарды заостренными отростками по бокам. Черные глаза пристально глядели на нее. Летти застыла у двери, не в силах пошевелиться.

— Не бойтесь, мисс... — едва слышно прошипел монстр. — Я не прич-ч-чиню вам вреда.

— Я и не боюсь! — с вызовом воскликнула Летти. — Я вообще-то очень храбрая!
Голова монстра чуть склонилась набок.

— Могу я попросить вас дать мне банку, мисс? — спросил монстр, и Летти вдруг поймала себя на том, что и правда не боится — как и говорил дедушка, их гость был очень хорошо воспитан.

Она подошла и протянула ему банку.

Из ящика высунулись две тонкие темно-серые конечности с парой когтей на каждой и затащили банку внутрь. До Летти донесся скрип отвинчиваемой крышки, за которым последовало хлюпанье — монстр пил свой сироп.

— Как тебя зовут? — расхрабрившись, спросила Летти.

— Мартин, — ответили из ящика. — Мартин Лакур.

— А я Летти Бракнехт. Ты ведь из цирка?

— Да, — ответил Мартин, и в его голосе прозвучала тоска.

— Что с тобой случилось?

Какое-то время монстр молчал, и Летти уже решила, что он не ответит.

— В цирк проник ш-ш-шпион наш-ш-шего врага, господина Помпео. Папа сказал, ч-ч-что он... напал на меня, убил маму и мадам Д.Ош-ш-ше.

— Это ужасно! — воскликнула девочка и вдруг услышала, что из ящика доносится плач.

— Моя мама тоже умерла, — с грустью сказала Летти. — И папа тоже. Мы с дедушкой их иногда навещаем на Чемоданном кладбище.

Девочка вытащила из кармана носовой платок и засунула его в ящик — ей стало очень жаль этого маленького монстра.

Летти попыталась разговорить Мартина, но он ничего не отвечал и только плакал.

— Я приду завтра, — сказала она.

— Обещ-щ-щаешь-ш-шь? — всхлипнул мальчик-блоха.

— Обещаю, — сказала Летти.

* * *

Летти пришла на чердак на следующее утро. И на следующее... Страх перед «монстром из ящика» больше не было: она понимала, что Мартин Лакур — никакой не монстр, а простой ребенок, сирота, прямо как и она сама, хоть он и выглядит иначе.

Поначалу мальчик-блоха был не особо разговорчив, очень стеснялся и не хотел рассказывать ей о себе, но Летти с каждым разом стала все больше и больше времени проводить на чердаке, и он постепенно стал к ней привыкать.

Девочка рассказывала ему о своей жизни на вокзале, о дедушке, о служащих станции. И даже поделилась с ним своей мечтой:

— Однажды у меня будет свой собственный паровоз! Это будет очень красивый паровоз! Я слышала, что в Льотомне есть поезд, выкрашенный в узор из желтых и красных осенних листьев. Мой паровоз тоже будет так покрашен!

— Ч-ч-что такое «паровоз»? — спросил Мартин.

Летти удивилась: как можно подобного не знать! И когда она описала ему паровоз, он даже не поверил, что такая невероятная штука существует.

Мальчик-блоха заинтересовался поездами и паровозами и начал засыпать Летти вопросами — его интересовало буквально все, что с ними связано: для чего они нужны, как работают, зачем им уголь.

Постепенно Мартин Лакур стал разговорчивее. И уже не стеснялся Летти.

Он рассказал ей о цирке, описал чудесные номера, которые видел и в которых сам принимал участие. Мальчик-блоха рассказывал о своей маме и никогда не говорил об отце.

Летти слушала его с восхищением — она почти не покидала здание вокзала и никогда не была в цирке...

Внучка господина начальника вокзала и мальчик-блоха целые дни проводили вместе. Разговаривали о разном, наблюдая через прорези цифр внутреннего циферблата за суетой в зале ожидания. Летти научила Мартина своей любимой игре: находя какого-нибудь причудливого пассажира в толпе, она придумывала ему невероятную и забавную историю. Вдвоем играть было интереснее...

Мартин был очень умным, он любил книги, и Летти таскала ему все, до которых могла добраться. По большей части это были справочники по железнодорожному делу.

Девочка и монстр с вокзального чердака стали настоящими друзьями. Летти не хотела, чтобы Мартина забирали — она изо дня в день уговаривала дедушку позволить ему остаться, но дедушка был непреклонен: оставить мальчика-блоху здесь не в его власти.

Мартин тоже не хотел отправляться в цирк уродов и ждал появления господина Люммиберга со страхом. Ему нравилось на чердаке, нравились книжки про поезда, сами поезда и пассажиры, но больше всего ему нравилось общаться с внучкой господина начальника вокзала.

Мартин постепенно восстанавливался, и вскоре его конечности почти зажили. Он начал выбираться из ящика. Летти видела, как ему тяжело и больно — нижняя пара ног все еще не желала гнуться как следует, но он упрямо отказывался передвигаться ползком, и тогда она стащила для него из «Бюро потерянных вещей» трость.

Шли дни... Однажды Летти поднялась на чердак и не нашла Мартина. Она звала его, но никто не откликался. Девочка заглянула в каждый уголок, но ее друг исчез!

И тут откуда-то сверху раздался смех.

— Эй, Летти, я здесь!

Здрав голову, она увидела Мартина — он сидел на балке и сотрясался от хохота.

— Ты дурак! — возмущенно воскликнула девочка. — Я испугалась, что тебя забрали... Как ты туда залез?

— Запрыгнул! Как ш-ш-ше ещ-щ-ще?

— Что? — удивилась девочка. — Это же значит...

Мартин спрыгнул вниз.

— Я вылеч-ч-чил! Я снова могу прыгать! Гляди!

Поджав ноги, он чуть присел, а потом за один миг перепрыгнул Летти. Та восторженно ахнула.

— Ух ты! Покажи мне еще!

И Мартин показал ей. Он скакал по чердаку, запрыгивал на балки и карабкался по деревянным колоннам с невероятной ловкостью.

— Поразительный Прыгун снова прыгает! — смеялся Мартин. — Снова прыгает!

Мальчик-блоха перекувыркнулся в воздухе через голову, приземлился перед Летти и отвесил ей церемонный поклон. Девочка зааплодировала.

И тут ей вдруг стало грустно.

— Теперь ты можешь сбежать, — сказала она, потупив взгляд.

Мартин покачал головой.

— Я не хоч-ч-чу сбежать. Мне некуда идти. Но я хоч-ч-чу выбраться отсюда хотя бы ненадолго и поглядеть на...

— На что?

— Я хоч-ч-чу взглянуть на локомотивы поблиш-ш-ше... — сказал Мартин. — Но это невозмож-ш-шно... Если меня увидят...

Летти осенило.

— Никто тебя не увидит!

Она бросилась прочь, и Мартин недоуменно глянул ей вслед.

— Ты куда?!

Девочка подбежала к вешалке со старой вокзальной формой и принялась перебирать висящие на ней костюмы.

Мартин подошел к Летти, и она протянула ему один из мундиров и форменные брюки.

— Думаеш-ш-шь, это сработает?

— Еще бы! Здесь всегда все торопятся — никто не обратит внимания на еще одного служащего вокзала.

Летти помогла Мартину надеть форму, натянула ему на голову темно-зеленую шапочку, какие носили багажники с тележками.

— Как я выгляш-ш-шу?

— Вылитый паровозник! — рассмеялась Летти.

Мартин выглядел очень забавно в форме: мундир и штаны были ему велики, по полу волочились края штанин, скрывая его блошинные ноги. Из-под шапочки выглядывали черные глаза. В общем-то, он походил на огородное пугало.

— Никто тебя не узнает, — заверила Летти. — Нужно только скрыть лицо. У дедушки есть несколько шарфов, возьмем один...

И все действительно сработало. Летти и Мартин спустились в зал ожидания и смешались с толпой. Как раз прибыл поезд из Керруотера, и на перроне было не протолкнуться. Никто не обратил внимания на девочку и маленького «носильщика», и они незамеченными подошли к паровозу. Мартин принялся рассматривал его.

— Поразительно... просто поразительно, — бормотал он.

— Мисс Летти! — раздался рокочущий голос за спиной.

К девочке, громыхая и лязгая, подошел вокзальный констебль мистер Бомунд. Из-за его скрежещущих и стучащих механических конечностей Летти называла его Бом-Бомундом. Констебль держал за шиворот вырывающегося типа, к перчаткам которого прилипло несколько бумажников.

— Вы ведь знаете, что вам запрещено заходить на перроны, мисс! — сказал Бом-Бомунд. — Ваш дедушка выдал мне четкие указания на этот счет. Прошу вас, вернитесь в зал ожидания.

Летти повернулась к тому месту, где только что стоял Мартин, но того там уже не было.

— Хорошо, мистер Бом... Бомунд.

— Кого вы высматриваете, мисс Летти?

— Никого, сэр.

Констебль проследил за тем, чтобы она покинула платформу и отправился к своей тумбе — передать воришку коллегам с площади.

Летти, не теряя времени даром, бегом поднялась на чердак. Мартин уже ждал ее там.

— Бом-Бомунд едва тебя не увидел! — воскликнула она.

Но Мартина не заботил констебль — все его мысли занимал паровоз. Он еще долго после того восхищался им и, хоть мальчик-блоха и пообещал Летти не покидать больше чердак, чтобы посмотреть на локомотивы, она поняла, что он навряд ли сможет сдержать слово.

Впрочем, едва не обнаружили Мартина вовсе не из-за паровозов. А случилось это из-за совершеннейшей, как тогда казалось, глупости...

— Ч-ч-часы отстают, — сказал как-то Мартин, ткнув рукой в большой циферблат.

— Правда? — удивилась Летти.

— Да, на восемнадцать минут. Это оч-ч-чень плохо. Господин Фармалетто говорил, что если ч-ч-часы показывают неверное время, то это знач-ч-чит, ч-ч-что без пяти минут, как все развалится.

— Кто такой господин Фармалетто?

— Это оч-ч-чень ваш-ш-шный ч-ч-человек. Ш-ш-шпрехш-ш-шталмейстер.

— Кто?

— Господин Фармалетто руководит всеми представлениями, командует униформистами и следит за выходами на манеш-ш-ш. У него есть оч-ч-чень красивые золотые ч-ч-часики на цепочке — он всегда ругается и тыч-ч-чет в них, когда кто-то опаздывает. «Десять секунд до выхода!» — его любимая фраза. Ч-ч-часы Фармалетто всегда ш-ш-шли оч-ч-чень точ-ч-чно.

— А давай переведем вокзальные часы, — предложила Летти.

— Ты уверена?

— Конечно! Я часто вижу тех, кто опаздывает на поезд. Если часы не будут опаздывать, то и пассажиры тоже!

— Это оч-ч-чень умно! — согласился Мартин. — А ты знаеш-ш-шь, как это сделать?

— Старый часовщик мистер Дербри показывал мне, как управлять стрелками. После того, как он умер, следить за часами стало некому.

— Мы мош-ш-шем следить за ними! И никто больш-ш-ше не будет опаздывать...

Кто мог тогда подумать, к чему приведет перевод времени на каких-то, казалось бы, жалких восемнадцать минут. Стоило лишь шестерням прокрутиться, а стрелкам встать на новые отметки, как вокзал, а с ним и Чемоданная площадь, на которой он находился, вскипели и вспучились. Все вдруг сломалось. До того шаткая и валкая, ленивая и нерасторопная, но хоть какая-то работа встала. В отправлениях и прибытиях началась пуганица. Зал ожидания наполнился ничего не понимающими пассажирами, на один перрон попытались одновременно прибыть два поезда. Диспетчеры в рубке стали напоминать малых детей, которых кто-то зачем-то допустил к вещателям. Один сообщил об отбытии поезда, который еще даже не прибыл, другой, в противовес ему, прокаркал, что на платформу «Корябб» прибыл поезд, которого и близко там еще не было. Началась паника. Тележки с багажом принялись сталкиваться и переворачиваться, сигнальная тумба мистера

Бомунда взвыла, констебля обступила возмущенная толпа, требуя ответов и разъяснений, которых у него не было.

Летти и Мартин потрясенно наблюдали через прорези цифр циферблата за происходящим на станции. Снаружи здания вокзала, со стороны площади, раздались крики и гудки экипажей.

Дети бросились к окну. У входа в здание вокзала сумятица не уступала происходящему на станции. Там смешались в заторе кэбы, трамваи и городские экипажи. Люди в недоумении тыкали пальцами в циферблат.

Из дверей соседствующего со зданием вокзала Паровозного ведомства вышли несколько важных господ в черных цилиндрах и при портфелях. Расталкивая столпившихся зевак, они направились к вокзалу.

— Ой-ой! — испуганно прошептала Летти. — Кажется, мы натворили дел...

— Лучше и не скажешь, — раздался голос за спиной.

Летти и Мартин обернулись. У дверей чердака стоял господин начальник вокзала. Настолько злым дедушку Летти еще не видела.

— Мы просто... перевели часы, — залепетала девочка. — Восемнадцать минут... они отставали...

Мальчик-блоха выступил вперед.

— Это была моя идея, господин Бракнехт, — сказал он. — Летти была против, но я ее не послуш-ш-шал.

— Это очень благородно с вашей стороны, мастер Лакур, но я слишком хорошо знаю свою внучку, — раздраженно ответил господин начальник вокзала. — Вокзал работал, как часы!

— Как отстающ-щ-щие ч-ч-часы.

— Неважно! Работа станции была основана на этом отставании. И теперь из-за глупости каких-то детей придется все менять и перестраивать!

Летти заплакала.

— Прости, дедушка, я не подумала...

— Как и всегда. Ты меня очень разочаровала, Летиция...

Он вдруг замолчал, к чему-то прислушиваясь. Тут и дети различили звук быстрых шагов на лестнице.

— Мастер Лакур, вам лучше спрятаться, — сказал господин Бракнехт. — И поскорее.

Мартин кивнул и запрыгнул на балку. Оттуда перебрался на еще одну на ярус выше и затаился в полутьме под куполом.

— Молчи, Летиция, — велел дедушка, и в тот же миг на чердак вошла группа джентльменов в цилиндрах. Их лица были белы от ярости.

— Что здесь происходит, господин Бракнехт?! — прорычал один из них, старик с выпученными глазами и посеребренными бакенбардами.

— А что такого происходит, сэръ Немерли? — состроил недоумение на лице господин начальник вокзала.

— Вы, видимо, шутите! График нарушен! Вокзал сломан!

— Все идет своим чередом, — ответил господин Бракнехт. — Была проведена запланированная смена времени, о которой Ведомство было оповещено заранее.

— Что? Заранее?!

— Разумеется, — сохраняя хладнокровие, ответил господин начальник вокзала. — Я

оповестил Ведомство о том, что часы будут переведены, еще неделю назад.

Сэр Немерли повернулся к спутникам, те покачали головами.

— Мы ничего не получали, — сказал он.

— Видимо, уведомление затерялось во время пересылки, — сказал господин Бракнехт. — Или же оно до сих пор проходит бесконечные столы клерков на этажах Ведомства. Бюрократия как она есть. Мы и так долго тянули с переводом времени: наш часовщик умер уже год назад, за часами никто не следил, и они начали отставать. Я решил наконец исправить это упущение.

— Вы решили?

— Разумеется. Уж не думаете ли вы, что это решила моя внучка?

— Само собой, я так не думаю. — Сэр Немерли потер бакенбарды, бросив взгляд на испуганную девочку. — Что ж, если перевод времени был запланирован, полагаю, у вас тут все под контролем.

— Как и всегда, сэр Немерли. Разве я когда-то давал вам или Ведомству повод усомниться в моей работе на должности начальника вокзала?

— Само собой, не давали. Я надеюсь, вы восстановите работу в кратчайшие сроки, господин Бракнехт.

Тут один из спутников сэра Немерли вдруг встрял в разговор.

— Сэр! Что это там, наверху?

Присутствующие задрали головы, вглядываясь в темноту под куполом. Сердце Летти сжалось.

— Что вы там увидели, Сайкс?

— Мне показалось, там кто-то прячется...

— Ничего не вижу, Сайкс, — проворчал сэр Немерли.

— Должно быть, птица залетела, — сказал господин начальник вокзала. — Все из-за этого пролома в куполе. Я уже давно отправлял запросы в Ведомство на то, чтобы отремонтировать крышу.

Сэр Немерли почесал нос.

— Как вы знаете, Ведомство ограничено в средствах, господин Бракнехт, — сказал он. — Но я думаю, мы что-то решим с этим. Скорее всего, на следующей неделе... Да, ближе к концу недели, мы пришлем к вам ремонтников. Но не это сейчас первоочередное.

— Согласен, сэр, — кивнул господин Бракнехт. — Восстановление работы вокзала идет полным ходом. Старшие служащие станции и констебль Бомунд уже ожидают в моем кабинете.

— Рад это слышать. Что ж, тогда мы не будем вам мешать. А клерк, ответственный за получение уведомлений с вокзала, будет наказан.

Сэр Немерли кивнул на прощание, развернулся и пошагал к выходу с чердака. Его спутники последовали за ним.

Когда они скрылись на лестнице, господин начальник вокзала наделил внучку грозным взглядом.

— Не только клерк из Ведомства будет наказан, Летиция, — сказал он. — С этого момента тебе запрещается сюда подниматься.

— Но, дедушка...

— А еще ты отправишься под начало старшего багажного носильщика — будешь таскать чемоданы. И я предупрежу его, чтобы он не делал тебе поблажек.

— Но мистер Дрилли мерзкий! Я не хочу...

— Я все сказал. За мной!

Дедушка направился к двери. Девочка засеменила следом.

— Но кто будет кормить Мартина?

— Я решу этот вопрос. С этого момента ты наказана, Летиция.

— Я просто думала, что если часы не будут опаздывать, то и пассажиры тоже...

— Эх, Летиция...

Глава 6. Вокзал и его жители. Продолжение

Летти Бракнехт любила дедушку и не хотела его огорчать, но то и дело выходило так, что ему приходилось из-за нее тяжело вздыхать и говорить: «Эх, Летиция...» Непоседливая, юркая, почти все время пребывающая без присмотра, внучка господина начальника вокзала вечно находила неприятности.

Но в основном головную боль она доставляла не кому-нибудь, а вокзальному констеблю. Тот постоянно ворчал, мол, мисс Летти создает больше суматохи, чем все местные шушерники вместе взятые и будь его воля, он бы давно посадил ее на поводок.

Бом-Бомунд ловил ее то на перронах, то в вагонах поездов, то в кабинах паровозов, отгонял, словно собачонку, от пассажиров, когда она приставала к ним с расспросами об их каких-то тайнах, а еще, чтобы его позлить, Летиция Бракнехт частенько включала сигнальную тумбу и воровала его газеты. Однажды она и вовсе привела в движение ни много ни мало целый паровоз, и, когда ее поймали, с невинным взглядом хлопая ресничками, сказала, что просто хотела немного на нем поездить. «Мисс Летти хуже гремлины! — возмутился констебль. — Ну что за непослушная девчонка!»

В тот роковой полдень, который Летти запомнила на всю жизнь, Бом-Бомунд сам на себя не походил. Она слишком хорошо его знала, чтобы понять: констебль нервничает, и не просто нервничает, а не находит себе места от волнения. Он всегда был показательно спокоен и хладнокровен, и казалось просто не существует вещи, которая могла бы вывести его из равновесия. Если не считать, конечно, саму Летти Бракнехт.

Но на этот раз внучка господина начальника вокзала была ни при чем.

Констебль все утро бродил у своей тумбы, звеня конечностями и пыхтя трубами, как старый чайный варитель, а затем уселся с газетой на свою скамейку, вот только его явно не волновало, что в ней напечатано. Его пальцы дрожали, а прищуренные глаза чуть виднелись над разворотом — взгляд Бом-Бомунда полз, вглядываясь в людей, снующих по вокзалу. Усы констебля при этом ходили ходуном, а сам он ерзал, не в силах усидеть на одном месте.

Полицейский будто чего-то ждал...

В зале ожидания между тем творилось что-то непонятное. С виду все было как обычно, но Летти знала, что это не так. Она чувствовала повисшее в воздухе напряжение — оно проглядывало во всем и во всех. В стоящих в очереди к кассам пассажирах, в рваных оповещениях диспетчеров из рупоров, в дерганных фигурах прибывающих и отбывающих, частично скрытых в облаках пара. Нервозность слышалась в разговорах, в лязге багажных тележек, в скрипе вокзальных автоматов и даже читалась в позе сидящего на газетной тумбе Саквояжика, полосатого кота Бом-Бомунда. Обычно лениво валяющийся на крышке тумбы зверек сидел, подобравшись, помахивая кончиком хвоста и поджав уши, с таким видом, будто ожидал, что его вот-вот обрызгают водой. Саквояжик сейчас даже не обращал внимания на расплывающийся от столиков вокзального кафе запах кофе, к которому всегда был весьма равнодушен.

Летти было страшно. Она вслушивалась в разговоры, вглядывалась в лица, все пыталась отыскать хотя бы намек на то, что происходит.

— Мисс Летти! Хватит витать в облаках! — прикрикнул на нее старший багажник мистер Дрилли. — Чемодан!

Летти дернулась. Прицепив медную бляшку с номерком на ручку очередного чемодана,

она нажала на педаль под тележкой, и механизм наклонился — чемодан тут же исчез в квадратном стенном люке камеры хранения.

Внучка господина начальника вокзала провела все утро в самом темном углу зала ожидания, навешивая номерки на багаж под присмотром мистера Дрилли, который сидел на своей табуреточке рядом, читал крошечную книжонку «*Любовь с привкусом отравы в купе № 134*» (имелась у него страсть к дамским романам) и дымил папиреткой. Порой он отрывался от чтения лишь для того, чтобы «встряхнуть необычайно сонную и потерянную» мисс Летти.

— Вам не кажется, что здесь происходит что-то странное, мистер Дрилли? — спросила девочка.

Старший багажник почесал уголком книжки бородавку на носу и поднял мохнатую бровь.

— Странное? В чемодане? Вы слышали, как кто-то скребется внутри? Мне позвать гремоловов?

— Нет же! — возмутилась Летти. — Гремлины здесь ни при чем. Я имею в виду, на вокзале.

— На вокзале?

— Да, что-то странное происходит на вокзале.

Мистер Дрилли окинул зал ожидания безразличным взглядом.

— Вы о чем? Все как всегда.

— Я... не знаю... Бом-Бомунд выглядит так, будто его вот-вот удар хватит.

— Может, у него что-то там в его шестеренках и пружинах заклинило? — хохотнул старший багажник. — Пара капель машинного масла, и он придет в норму. Чемодан!

Летти навесила номерок и отправила новый чемодан в люк. Слова мистера Дрилли ее не убедили.

«Вот бы поговорить с Мартином, — подумала она. — Жаль, это невозможно, пока дедушка не прекратит злиться...»

Как Летти ни пыталась, за привязыванием номерков она все не могла отвлечься от повисшей в здании вокзала угрозы...

...Все случилось, когда вокзальные часы начали отбивать полдень.

Летти почувствовала, как ее волосы становятся дыбом, а кожу слегка покалывает, она ощутила едва уловимую вибрацию, исходящую от тележки.

Кот Саквояжик шмыгнул с тумбы и нырнул в какую-то щель.

Летти бросила взгляд на констебля, но того на скамейке уже не было — газета, которую он читал, валялась на полу.

В зале ожидания раздался какой-то шум. У скамеек рядом с лавкой «Шиффоньерс. Все для путешествия на поезде» завyla карликовая собачонка какой-то мадам. Заплакал маленький мальчик, натянув свой поводок. Его сидящий рядом отец, к запястью которого конец поводка и был прикреплен, попытался успокоить сына: «Мы ведь уже обсуждали это, Малкольм: я сниму его, когда мы сядем в вагон. На вокзале детям нельзя находиться без поводка — ты же не хочешь потеряться?..»

Но Малкольм не успокаивался. Было видно, что дело не в поводке...

И тут раздался крик.

— Я вас вижу! — закричал джентльмен в длинном иссиня-черном пальто и цилиндре,

сжимающий под мышкой чемодан. Его лица девочка не видела из-за высоко поднятого воротника и больших очков с круглыми синими стеклами.

Он пятился по проходу, ведущему на платформу «Корябб», вскинув перед собой трость с витым серебристым набалдашником. Люди со всех сторон повернули к нему головы, на лицах пассажиров застыл тот же вопрос, который мучил и Летти: «Что здесь творится?!»

— Я знаю, что вы здесь! — кричал человек с тростью. — Даже не думайте подходить! И тут появились они.

Один из них отлип от столба, к которому прислонялся, якобы читая газету. Другой убрал ногу с подставки чистильщика обуви мистера Смитти. Третий поднялся из-за столика кафе. Четвертый вышел из дверей «Шиффоньерс». Пятый, шестой и седьмой встали с скамеек в разных частях зала ожидания. Еще двое отвернулись от механической панели с указанием прибывающих/отправляющихся поездов. И последний вышел из очереди к окошку билетной кассы.

Летти смотрела на них во все глаза. На первый взгляд в этих людях не было ничего особо примечательного, кроме того, что... нет, это уже второй взгляд! Люди, к которым обращался джентльмен с тростью, все были... горбунами.

Таиться больше не имело смысла, и все они сбросили с себя пальто, явив потрясенным взорам пассажиров и служащих станции свои странные костюмы: на каждом из этих «горбунов» будто была надета птичья клетка. Тонкие гнутые прутья охватывали их корсетами, а горбы... оказались вовсе не горбами — это были стеклянные баллоны, в которые проволочные прутья и вращались. В руках у всех «горбунов» появилось оружие — странной формы продолговатые пистолеты.

Один из людей-в-клетках, человек с пышными бакенбардами, воскликнул, обращаясь к джентльмену с тростью:

— Именем закона, сдавайся, Эзрин! Все кончено!

По залу ожидания пробежали преисполненные благоговейного ужаса шепотки: «Он сказал “Эзрин”?», «Это же Эдвард Эзрин!», «Замыкатель! Это Замыкатель!»

Летти потрясенно распахнула рот. Джентльмен в иссиня-черном пальто, в очках и с тростью был тем самым Последним Габенским Злодеем, о котором писали в газетах! Личный враг полиции и лучший друг ужасного злодея Горемычника! За его поимку была назначена награда в десять тысяч фунтов!

Замыкатель меж тем продолжал пятиться. Люди-в-клетках, которые на деле оказались полицейскими, подняв оружие, осторожно двинулись к нему.

— Ну разумеется! Сержант Лоусон, личная собачонка комиссара! Кого бы он еще мог отправить! — крикнул он. — Не подпускай ко мне своих грязных свиней, Лоусон, если не хочешь потом собирать их в виде пепла в обувные коробки!

— Твое время ушло, Эзрин! — ответил сержант Лоусон. — Мы отловили или отправили на кладбище всех твоих дружков! Даже Горемычник тебя бросил. Никого не осталось! Сдавайся по-хорошему, и тебя ждет уютенькая палата в «Эрринхауз», не вынуждай меня поступать с тобой грубо!

Замыкатель почувствовал движение за спиной. Чуть повернув голову, он увидел, что путь на платформу «Корябб» ему преградили еще трое людей-в-клетках, среди которых — Летти даже не поверила своим глазам! — стоял Бом-Бомунд. Вокзальный констебль был одет так же, как и прочие «горбуны».

Непричастные люди на станции застыли на своих местах, кто где стоял или сидел.

Словно загипнотизированные, они наблюдали не моргая за происходящим. Кто-то негромко проговорил:

— Сейчас... сейчас будет злодейский монолог! Не могу поверить, что услышу настоящий злодейский монолог своими ушами...

Но не тут-то было. Последнего Габенского Злодея захлестнуло отчаяние. Поняв, что ловушка захлопнулась, Замыкатель резко развернулся и ткнул тростью в сторону полицейских на платформе.

И тут произошло то, чего все ждали с потаенным страхом еще с того самого момента, как услышали имя джентльмена в иссиня-черном пальто, — вот только это был отнюдь не монолог.

Раздался оглушающий, режущий уши треск. Сверкнула сорвавшаяся с набалдашника трости молния.

Вспышка света прошла волной, лизнув плиты зала ожидания и перрона, и молния врезалась в одного из полицейских.

Летти хотела зажмуриться от охватившего ее ужаса, но веки застыли, словно их, кто-то сперва оттянул в стороны щипцами, а после приклеил воском.

Принявший молнию грудью полицейский вовсе не превратился в кучку пепла, как угрожал Замыкатель. Его лишь оттолкнуло на два шага назад. И хоть он дымился с головы до ног, будто только что выпрыгнул прямиком из пожара, видимого вреда молния ему не причинила. Летти успела заметить, как разряд, столкнувшись с решетчатым корсетом полицейского, прополз синеватым червем по одному из прутьев и забралась в стеклянный резервуар за его спиной, где и остался клубиться и сотрясаться в судорогах в виде светящегося комка без надежды вырваться на волю.

Констебль лишь тряхнул головой.

— Вперед! — раздался крик сержанта Лоусона, и полицейские со всех сторон ринулись к Замыкателю.

Эдвард Эзрин принялся выпускать из трости молнию за молнией. Зал ожидания наполнился треском, в нос Летти ударил тяжелый, сладковатый запах грозы.

Оцепенение спало с людей. Бросив чемоданы и саквояжи, они с криками ринулись к выходу из здания вокзала, расталкивая друг друга локтями. Началась паника. Перевернулась багажная тележка. Затем другая. Среди пассажиров носились служащие вокзала, а автоматы просто замерли — на подобный случай инструкций у них явно не было.

Мистер Дрилли вскочил со своего стульчика и скрылся за служебной дверью. Летти поспешила за ним, но прямо перед ее носом клацнули замки. Она подергала ручку — заперто!

Лихорадочно оглядевшись по сторонам, она увидела единственное место, где можно было спрятаться. Девочка шмыгнула к багажному люку и, забравшись в него, притворила заслонку. Уже почти захлопнув ее, она вдруг остановила себя — нет! Она должна увидеть, чем все закончится!

Вокзал поглотило безумие. Крики. Топот. Кто-то падает. По кому-то топчутся, отдавливая пальцы, носы и уши. Сверкают и трещат молнии. Люди-в-клетках окружают Замыкателя...

Полицейские хорошо подготовились. Молнии Эдварда Эзрина не могли причинить им вреда, уходя по молниеотводам прямо в ловушки. Но, несмотря на это, он продолжал выпускать заряд за зарядом.

Сержант Лоусон что-то крикнул, и загрохотали выстрелы. Летти пораженно распахнула рот, глядя, как вместо того, чтобы убить или ранить Замыкателя, пули взрываются со всех сторон в шаге-двух от него, и из них вырываются непроглядно-черные клубы дыма, не рассеивающиеся, но наоборот, все сгущающиеся и уплотняющиеся. Летти своими глазами видела, как, разворачиваясь, Замыкатель буквально ударился об одну из этих туч локтем, словно о стену — настолько они были плотными.

— «Молниеловы» Механиста! — в ярости заревел Эдвард Эзрин. — «Беспросветы» Мраккса! Вы украли у моих коллег их секреты! Но мои молнии вы не получите! Нет, не получите!

К своему удивлению, Летти поняла, о чем он говорит. Как-то она подслушала разговор дедушки и его друга господина Биркинса с главпочтамта. Они обсуждали то, что полиция Тремпл-Толл применяет технологии тех злодеев, которых они уже поймали, для ловли других. Господин Биркинс тогда высказал убежденность в том, что целью комиссара уже давно не является спасать простых людей от городских злодеев и что он охотится на них, потому что ему нужны их «инструменты». С каждым побежденным злодеем полицейские становились все сильнее. По словам господина Биркинса, комиссар помешался на собирательстве и обретении злодейских технологий и в тот момент, как будет пойман последний из злодеев, в Габене появится кое-что похуже каждого из них — полиция, вооруженная такими силами, что никто не сможет ей ничего противопоставить. И тогда люди из Дома-с-синей-крышей подчинят себе весь город.

И вот они загнали последнего...

Впрочем, сдаваться просто так Замыкатель был не намерен.

Протиснувшись между двумя тучами за миг, до того, как они срослись, он с силой стукнул чемоданом об пол. В движение пришли скрытые внутри механизмы, защелки отпрыгнули, и крышка, а за ней и боковые стенки откинулись в стороны. Стремительно выдвинулась тренога, на которой начала разворачиваться весьма угрожающего вида машина: блестящие цилиндры, диски-роторы, обмотанные медной проволокой катушки и подковообразные магниты со звоном встали на свои места, в центре машины сложился из лепестков большой металлический шар.

Не теряя времени даром, Замыкатель воткнул свою трость в специально предназначенный для нее паз, и таким образом она превратилась в рычаг. Эзрин толкнул его, и машина включилась: двигатели завращали роторы, сердцевина загудела, и вокруг нее начали появляться синеватые искорки, постепенно превращаясь в крошечные молнии. По периметру шара, поднимаясь, начали выстраиваться кольца на ножках, напоминающие иглы с круглыми ушками.

Гул нарастал с каждой секундой, а молнии стали удлиняться и раздваиваться, из них начали отрастать, словно у деревьев, кривые дрожащие веточки.

— Догг! — закричал сержант Лоусон. — Он вот-вот запустит «Молниум»! Ящик Погодника! Сейчас! Габбли, Брейр! Батарей! По моей команде! Не попадите в генератор! Он нам нужен!

Один из полицейских, видимо, тот самый Догг, сорвал с плеча ящик на ремне и, нажав на встроенную в него педаль, отскочил на пару шагов.

В тот же миг крышка отлетела в сторону, и на волю из ящика вырвалась стая угольно-черных птиц, похожих на дроздов и будто бы сотканных из грозových туч. Все кругом потонуло в рваном карканье, от которого по залу ожидания прошли громовые раскаты.

Стая устремилась к Замыкателю и за какое-то мгновение охватила его клубящимся, трепыхающимся облаком.

Эдвард Эззрин отпустил рычаг и принялся отмахиваться от птиц. Но те были проворными, юркими и очень злыми. Они стащили с него цилиндр, и по плечам рассыпались длинные пепельные волосы; сорванные очки отлетели под ближайшую скамейку. Когти и клювы начали впиваться в лицо Эззрина. Истошно крича, он выхватил из-под пальто пистолет, нажал на спусковой крючок, и из ствола вырвалась очередная извивающаяся молния. Пара птиц, столкнувшись с ней, рассыпалась пылью, а Замыкатель продолжал стрелять.

— Проклятые твари! — ревел Эдвард Эззрин. — Это же я! Что вы делаете! Я же помогал вашему хозяину вас лечить, я кормил вас!

А генератор между тем гудел все сильнее, молнии, которые порождала его сердцевина, все удлинялись — словно нити в игольные ушка, они уже заползли в кольца вокруг нее.

Птиц, напавших на Замыкателя, становилось все меньше, но то, что он отвлекся на них, позволило полицейским приблизиться на требуемое расстояние.

Двое из них подскочили к «Молниюму». В то же время остальные окружили и самого Эдварда Эззрина.

И в следующий миг все было кончено. Генератор прекратил гудеть и выключился, а молнии погасли. На Замыкателя обрушились дубинки. Он упал, но удары не прекратились.

И тут Летти не выдержала и зажмурилась, не в силах смотреть, как лицо и пепельные волосы Последнего Габенского Злодея окрашиваются кровью.

Осмелилась приоткрыть глаза она, только когда раздался голос сержанта Лоусона.

Избиение прекратилось. Замыкатель лежал на полу без движения. За то короткое время, что Летти ничего не видела, его уже по самую шею затащили в кожаный смирительный кокон, обхваченный парой дюжин ремней. Сержант раздавал указания подчиненным:

— Тащите его в фургон. Догг, Прюитт, упаковать «Молниюму». И трость не забудьте. Мы здесь закончили.

— Все получилось, сэр! — воскликнул один из полицейских. — Мы и генератор заполучили, и схватили Замыкателя живым!

— Да, тот, кто предал его, все просчитал. Но не будем радоваться раньше времени. Нужно доставить генератор господину комиссару. Он его уже заждался...

— Поршни и пружины! Что вы тут учинили?! — раздался яростный голос, и Летти увидела дедушку, который в сопровождении нескольких служащих вокзала стремительным шагом направлялся к месту схватки.

— О, господин Бракнехт, вы вовремя, — сказал сержант. — Как раз подоспели, чтобы я смог выразить вам благодарность лично от господина комиссара за содействие в поимке преступного Замыкателя.

— Что за бред?! — прорычал начальник вокзала. — Какое еще содействие?! Никто меня не уведомил! Я не знал, что вы тут такое устроите! Если бы знал...

— И что бы вы сделали господин Бракнехт? — прищурился сержант. — Вы утверждаете, что воспрепятствовали бы воле господина комиссара и полиции Тремпл-Голл?

Господин начальник вокзала сжал зубы и не ответил. Лишь бросил испепеляющий взгляд на констебля Бомунда — тот опустил глаза.

— Хорошего дня, господин Бракнехт. Ожидайте от Дома-с-синей-крышей особую благодарность в самое ближайшее время. И последнее... прошу вас пока воздержаться от

наведения здесь порядка до того, как придут фотографы и наш человек из «Сплетни».

Дедушка Летти пробурчал что-то, и полицейские, подняв Замыкателя, подхватив его трость, цилиндр и генератор, снова принявший вид чемодана, направились к выходу из здания вокзала.

Господин Бракнехт с ненавистью глядел им вслед. Повернувшись, он что-то сказал мистеру Дрилли, и тот ткнул пальцем в Летти. Девочка вздохнула и выбралась из люка.

Дедушка подошел к ней. Пригладил ее вздыбленные, беспорядочно торчащие волосы.

— Мне жаль, Летиция, что ты стала свидетелем этого возмутительного... Я и подумать не мог, что они... Если бы ты пострадала, я...

— Ты видел? Я все видела! — взбудораженно затараторила девочка. — Они... клетки... молнии... видишь эти тучи?.. они же не растворяются! Потом птицы... и бах-бах! А еще Бом-Бомунд! А Замыкатель!

— Я рад, что с тобой все в порядке, внучка. Посиди пока в своей комнате. У меня очень много работы. Нужно узнать, как развеять Беспросветные Тучи Мраккса, а потом привести здесь все в порядок, встретить прессу и оторвать голову констеблю Бомунду за то, что посмел... Вот ведь мерзавец — за моей спиной!

— А можно я?.. — начала Летти, но дедушка все и так понял:

— Да. Мне сейчас не до того. Можешь отправиться на чердак и повидать своего блошиного друга. Главное — пока не броди здесь. Договорились?

Летти счастливо запрыгала на месте.

Дедушка покивал своим мыслям и направился к ожидавшим его подчиненным. А Летти припустила к распахнутой двери входа на служебные этажи. Она уже почти-почти поставила ногу на первую ступеньку, как вдруг ей в голову пришла некая мысль.

Она развернулась и бросилась обратно в зал ожидания. С опаской глянула на дедушку, окруженного людьми в темно-зеленой форме Паровозного ведомства, но тот был слишком занят, чтобы ее заметить.

Летти направилась к месту, где произошла схватка. И почему она тогда просто не поднялась на чердак? Зачем туда пошла? Эти вопросы она будет задавать себе всю жизнь.

Но в тот момент Летти ничего не знала. Она поддалась любопытству.

Пробравшись через разбросанный багаж и перевернутые тележки, Летти подошла к ползущим и расширяющимся черным облакам, окинула их заинтересованным взглядом. Они пахли чернилами. Плиты пола — девочка вздрогнула — были забрызганы кровью. Рядом истончались и ломались птичьи тушки.

Летти огляделась, чтобы убедиться, что на нее никто не смотрит, а потом, нырнув под ближайшую скамейку, достала оттуда очки Замыкателя. В суматохе полицейские совсем о них забыли!

Стоило девочке коснуться оправы очков, как кончики ее пальцев закололо, а волосы поднялись дыбом.

Очки Замыкателя походили на настоящее чудо: синие стекла переливались сапфиром и казались бездонными, а самое странное — в них ничего не отражалось.

— Интересно, а как выглядит все вокруг, если посмотреть через них... — прошептала Летти.

Она бросила взгляд на дедушку, на большие часы, за которыми ждал ее Мартин, и... надела очки.

Больно не было. Вернее, ей так показалось в первое мгновение.

Летти успела увидеть лишь свои руки, которые словно бы утонули в синих чернилах, а затем услышала собственный крик.

А потом... яркий голубой свет и... тьма.

Больше Летиция Бракнехт, внучка господина начальника вокзала, ничего в своей жизни не видела.

* * *

Пришла в себя Летти в крошечной темноте. Она не знала, где находится и сколько прошло времени, не знала, что произошло.

Она вспомнила лишь собственные руки, тонущие в синих чернилах, и яркую голубую вспышку, а потом...

Глаза жгло. Летти попыталась их разлепить и вдруг поняла, что они открыты... но тогда почему... почему кругом так темно?

— Не вижу... — прошептала она пересохшими губами. — Ничего не вижу...

Раздался стук каблучков по плитке пола. Кто-то подошел к Летти. Она ощутила сильный перечный запах.

— Гертруда, она пришла в себя! — Голос женщины был резким и каркающим.

Застучала еще одна пара каблучков, приближаясь.

— Вот ведь незадача, Грета! — голос Гертруды был очень похож на голос Греты — такое же неприятное воронье карканье.

— Ты проиграла пари, сестрица, — рассмеялась Грета. — С тебя десять фунтов.

— Вот еще! — ответила Гертруда. — Еще неизвестно, пришла ли она в себя в действительности.

Левую руку что-то кольнуло, и девочка вскрикнула.

— Видишь?

— Ладно, твоя взяла...

Летти слушала этих двух каркающих женщин со страхом.

— Где я? — спросила она. — Что со мной? Почему я ничего не вижу?

Женщины рассмеялись. Их хохот слился в единый режущий уши лязг.

— Можно я ей скажу? — спросила Грета. — Обожаю сообщать плохие новости...

— Что? Нет! — возмутилась Гертруда. — Ты и так выиграла десять фунтов. Плохие новости за мной!

— Подумаешь... — проворчала «сестрица».

— Ты в Больнице Странных Болезней, девочка, — сказала Гертруда. — Я — сестра Грехенмолл.

— И я — сестра Грехенмолл, — вставила Грета, и Гертруда, шикнув на нее, продолжила:

— Ты попала сюда два дня назад, девочка, сразу после происшествия на вокзале. Не стоило тебе надевать очки Замыкателя.

— Да, не стоило! — хохотнула Грета Грехенмолл.

— Эти очки сожгли тебе глаза, — с удовольствием «облизывая» каждое слово, добавила Гертруда Грехенмолл. — Ты больше не можешь видеть.

— Ты ослепла! — радостно вставила ее сестра.

Летти заплакала.

— Я не хочу... нет... я хочу видеть... почему я не вижу?.. дедушка... где мой дедушка?..

Ледяной когтистый палец прикоснулся к ее щеке и подхватил слезу. Послышалось хлюпанье, словно палец облизали.

— Его здесь нет. Он бросил тебя. Сказал, что ему больше не нужна такая глупая внучка.

— И слепая к тому же!

Лихорадочно колотящееся в груди сердце Летти вдруг словно куда-то провалилось, но тут над головой снова раздался хохот.

— Шутка! — воскликнула одна из сестер Грехенмолл.

— А она и поверила, Гертти! — поддакнула другая. — Какая глупая...

Летти почувствовала, как страх в ней съеживается комочком, и ее наполняет ярость.

— Где мой дедушка?! Говорите, вы, злобные, мерзкие...

Ее слова прервала пощечина. Девочка вскрикнула и заплакала с новой силой, а в самое ухо ей процедили:

— Осторожнее со словами, маленькая дрянь, а то лишишься не только глаз, но и языка.

Летти взвыла.

— Хватит реветь! — процедила Гертруда Грехенмолл. — Господин начальник вокзала все два дня провел внизу, в вестибюле, пока над тобой колдовал наш замечательный доктор Скруллинг. Пару часов назад господина Бракнехта вызвали на Чемоданную площадь. Он ждет от доктора сообщение о том, что ты пришла в себя.

— Вот только он его не дождется!

— Да, не дождется.

— Но почему? — провыла Летти.

— У доктора Скруллинга на тебя особые планы.

Больше сестры Грехенмолл не сказали ни слова. Летти ощутила укол в шею, и ее мысли и страхи расплылись и затопили собой все. Веки тяжело опустились.

* * *

— Я-я... вижу-ижу... вижу-ижу... — раздался над головой жуткий вкрадчивый голос, который звучал так, словно одновременно говорило несколько человек.

— Я-я... хочу-чу... услышать-ышать...

Летти ощутила, как на грудь ей поставили что-то тяжелое и холодное. Что-то металлическое.

Она пришла в себя от нестерпимого запаха, проникающего в ноздри: плесень. Так пахло в сыром подвале здания вокзала, который то и дело затапливает во время сильных дождей.

Вот только эта вонь сейчас исходила не от стен или пола, а от человека. Он перемещался вокруг койки Летти, и запах перемещался следом за ним.

Девочка попыталась разлепить веки и не смогла. Она попыталась пошевелиться — и это тоже не вышло. Ни ноги, ни руки не слушались, она их совсем не чувствовала, словно, пока она была без сознания, злобные медсестры Грехенмолл ампутировали их. Сейчас Летти испытывала лишь жжение в глазах, холод от металлической штуковины у нее на груди и еще ощущала шевеление в изножье койки.

Она мучительно захотела повернуться, открыть глаза, сделать хоть что-то, но добилась

лишь того, что сердце заколотилось с такой силой, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди.

Летти услышала, как оно стучит: ту-тум, ту-тум, ту-тум... — и звук шел вовсе не оттуда, откуда должен был идти. Стук сердца раздавался из рожка того самого механизма, который стоял у нее на груди.

— Хорошее-шее... сердце-ердце... сильное-ное...

— Оно нам подходит, доктор Скруллинг? — с легко различимым подобострастием спросила Грета Грехенмолл.

— Нам-ам? — Жуткий многоголосый говор, очевидно, принадлежал доктору Скруллингу.

— Я хотела сказать, *вам!* — медсестра Грехенмолл спустилась со ступеньки «восторженное подобострастие» на ступеньку «испуганное лебезение». — Это сердце вам подходит, господин доктор?

— Да-а... Нужно-ужно вырезать-ырезать...

— Но что мы скажем ее деду, сэр? Господин Бракнехт — уважаемый в городе человек: за ним стоит Паровозное ведомство... — осторожно сказала Гертруда Грехенмолл. В отличие от лебезящей сестры, она, хоть и испытывала почтение к доктору, все же осмелилась вызвать его неудовольствие.

— Скажете-те... ему-му... не пережила-жила... операцию-ацию... очки-чки... убили-или ее-е... Я-я... лично-ично... проведу-веду... извлечение-чение...

Летти закричала. Беззвучно. Стылый ужас заполонил ее.

Механизм сняли с груди девочки, стук сердца стих.

— Готовьте-товьте... ее-е...

Запах плесени исчез, когда доктор Скруллинг покинул палату.

— Думаешь, это сердце его устроит, Гerti? — прошептала Грета Грехенмолл.

— Он ведь сказал, что оно подходит, — ответила сестра.

— Он так же говорил и в прошлый раз, а что в итоге вышло? Сердце того мальчишки не подошло. Как думаешь, зачем ему эти сердца? Что он на самом деле ищет?

— Не имею ни малейшего представления и меня это нисколько не заботит. У нас есть своя работа, и мы должны ее исполнять. Нужно подготовить операционную. За мной, Грета.

Сестры Грехенмолл удалились, и Летти осталась наедине со своими страхами. Все ее существо противилось осознанию, что ее вот-вот выпотрошат. Они скажут дедушке, что ее убили очки Замыкателя! Он так и не узнает, что с ней случилось!

«Это кошмар... просто кошмар... — пронеслось в голове. — Я сплю в своей комнате, и вот-вот проснусь... Проснись! Проснись, Летти!»

— Проснись... проснись, Летти! — раздался тихий голос откуда-то из-под койки.

В первое мгновение Летти показалось, что ей мерещится. Этот голос... знакомый...

«Мартин!»

Летти услышала шорох и шуршание, кто-то потянул край простыни. Ее руки кто-то коснулся.

— Поч-ч-чему ты не просыпаеш-ш-шься, Летти?

«Мартин! Я не сплю! Я слышу тебя!»

— Я все слыш-ш-шал, Летти! — испуганно зашептал Мартин. — Я все время был тут прятался... Эти злобные ш-ш-шенц-щ-щдины-близняш-ш-шки и этот страш-ш-шный доктор хотят забрать твое сердце!

«Помоги... помоги мне, Мартин! Не дай им забрать мое сердце! Не дай!»

Он будто услышал ее немые крики.

— Я не позволю им, Летти! Я спасу тебя!

Судя по раздавшимся в палате звукам, Мартин подошел к окну и раскрыл его.

Вернувшись к койке, он прошептал:

— Не бойся, Летти... Все будет хорош-ш-шо...

Она почувствовала, как откидывается одеяло, и руки Мартина берут ее под плечи и под коленками.

А потом он оторвал ее от койки, как безвольную тряпичную куклу. Чуть покачнулся, но устоял.

Поднеся девочку к окну, мальчик-блоха положил ее на подоконник, забрался туда сам, а потом снова поднял Летти на руки. Внучка господина начальника вокзала ощутила ветер на лице.

Из-за двери раздался знакомый перестук каблуков, и все внутри у Летти сжалось.

— Не бойся... — прошептал Мартин и в тот же момент, как со скрипом раскрылась дверь палаты, он прыгнул.

Летти вскрикнула, но с ее губ не сорвалось ни звука. Ветер. Уши заложило. Потом удар и встряска. А потом очередной прыжок.

Летти завизжала...

* * *

Крошечная комната внучки господина начальника вокзала, казалось, была забита народом под завязку, хотя на деле, помимо самой Летти Бракнехт, лежащей на кровати, там присутствовали лишь трое. Господин Бракнехт, скрежещущий зубами от ярости, застыл у двери, а у кровати стояли два джентльмена-военных в фуражках и черных мундирах с двумя рядами пуговиц, на которых был изображен герб: шестеренка с зубчиками в виде патронов. На поясах у обоих висели сабли в ножнах, каждый являлся обладателем черного кожаного саквояжа с тем же гербом на застежке, что был и на пуговицах.

Также из коридора в комнату заглядывал констебль Бомунд. Прочие же служащие вокзала сейчас старались держаться от этого места и от своего начальника как можно дальше. Констебль не спускал взгляда с господ военных врачей, которые занимались маленькой пациенткой.

Когда внучка господина Бракнехта вернулась на вокзал и ее дед узнал о том, что пытались с ней сделать больничные, он нацепил ледяную маску, но эта маска была намного хуже, чем если бы он рвал и метал. В первую очередь нужно было позаботиться о Летиции, и он разослал всех своих служащих на поиски доктора. Констеблю повезло больше других: он вытащил из вагона уже почти отошедшего от перрона поезда господина военврача и его молодого ассистента — они отправлялись на пустоши Дербаргамот, где уже разместились VII парострелковая дивизия генерала Гроттля, к которой они были приквартированы. Несмотря на решительные отказы со стороны доктора, отбытие поезда было задержано, а они с ассистентом были препровождены в комнату к пациентке.

Доктор — его звали Конрад Ш. Коллинз — приступил к осмотру, попутно слушая рассказ господина начальника вокзала. На сообщение о том, что она надела очки

Замыкателя, он лишь осуждающе покачал головой, но, услышав о случившемся в больнице, бросил прищуренный взгляд на ассистента — тот с мрачным видом кивнул.

Доктор Коллинз ввел Летти средство, которое окончательно сняло парализующий эффект. Девочка заплакала. Ее дед попытался ее утешить, но у него не вышло.

— Что думаете, Доу? — спросил доктор Коллинз.

Ассистент, хмурый бледный парень лет шестнадцати, проскрипел:

— Мы имеем еще одно подтверждение того, что в этой больнице творятся гадкие вещи. Мы должны сообщить в Коллегию, господин доктор, а также поставить в известность полицию. — Он повернулся к констеблю. — Какие действия предпринимаются, сэр?

— Я обо всем доложил в Дом-с-синей-крышей, — ответил мистер Бомунд. — В больницу уже отправлены констебли.

— Надеюсь, вы проследите за тем, чтобы эти люди не ушли от расплаты, — сказал Доу, и констебль закивал. И хоть ему не понравился тон, с каким этот мальчишка с ним говорил, спорить или ставить его на место он не решился.

Доктор Коллинз потер каштановую с проседью бороду.

— Я спрашивал ваше мнение о травме пациентки, Доу, — сказал он. — Итак, ваш вердикт?

Парень достал из саквояжа монокуляр и склонился над девочкой.

— Прошу вас, мисс, не шевелитесь какое-то время. Также я был бы вам признателен, если бы вы прекратили плакать.

После чего приставил монокуляр сперва к одному глазу Летти Бракнехт, затем к другому.

— Наличествуют повреждения верхних слоев кожи век с ожоговыми пузырями, — сказал он, всматриваясь в линзу. — Области вокруг глаз также сильно обожжены. Роговица обуглена...

— Она выживет? — спросил начальник вокзала.

— Угрозы для жизни я не наблюдаю, — ответил Доу и бросил взгляд на доктора Коллинза. Тот кивнул, подтверждая слова ассистента.

— Но, боюсь, — продолжил парень, — повреждения глаз юной мисс слишком серьезное, и зрение утрачено необратимо.

Летти взвыла. Ее дед спрятал лицо в ладони, не в силах совладать с эмоциями.

В коридоре раздался звук торопливых шагов, и к комнате подбежал старший багажник.

— Мистер Бомунд! Сэр! Пришло сообщение, которого вы ждали!

Он протянул констеблю конверт. Тот поспешно его развернул и прочитал записку.

— Что там, Бомунд? — спросил господин начальник вокзала.

— Сэр, сержант Гофф пишет, что доктор Скруллинг все отрицает. Он уверяет, что ни о каком изъятии сердца у пациентки ничего не знает и высказывает предположение, что ей все примерещилось из-за действия эфира, который применялся во время операции. Никаких подтверждений тому, что в Больнице Странных Болезней происходит что-либо незаконное, сержант не обнаружил. Также доктор Скруллинг выражает глубокую печаль и озабоченность из-за необоснованных обвинений в свой адрес. Сержант пишет, что у полиции есть лишь слово девочки, которая была под воздействием эфира, против слова уважаемого главврача главной больницы в Тремпл-Толл.

Господин Бракнехт зарычал:

— Твари! Разумеется, они все отрицают! Но, помимо моей внучки, есть еще свидетель,

который слышал каждое их гадкое слово!

— Кто этот свидетель, сэр? — спросил констебль. — Это надежный человек? Его словам поверят?

Господин начальник вокзала сжал зубы и нехотя покачал головой.

Мистер Бомунд опустил взгляд в листок и продолжил:

— Также, по словам сержанта, доктор Скрулинг выражает надежду, что «клеветническим заявлениям больной девочки» не будет дан ход, и в таком случае он обещает не подключать к «этому неприятному инциденту» своего близкого друга, нового главного судью Тремпл-Толл господина Сомма.

Господин Бракнехт сжал зубы.

— Боюсь, мы ничего не можем сделать, сэр, — печально заключил констебль.

— Но это же правда! — сквозь слезы сказала Летти. — Они... Эти ужасные люди... они хотели забрать мое сердце! Я не вру!

— Мы верим вам, мисс, — сказал доктор Коллинз. — Но, к моему глубочайшему сожалению, полиция и правда ничего не может с этим поделать.

— Мартин все слышал! Спросите Мартина!

— Кто такой Мартин, мисс Летти? — спросил констебль.

— Никто, — угрюмо сказал господин Бракнехт. — Его словам никто не поверит.

— Мы должны что-то сделать, сэр! — воскликнул ассистент доктора Коллинза. — Нельзя оставлять все, как есть! Эти мерзавцы свили в больнице себе гнездо и, пользуясь безнаказанностью, творят ужасные вещи!

— Вы правы, Доу, но вы слишком молоды, чтобы понять...

— Я слишком молод, чтобы понять, что есть человеческая мерзость? — перебил доктора ассистент.

Доктор Коллинз дернул щекой.

— Не забываетесь, Доу! — жестяным голосом проговорил он. Парень отвернулся, и доктор Коллинз чуть смягчился: — К сожалению или же к счастью, вы и правда пока слишком мало знаете о человеческой мерзости, Доу. И боюсь, что в скором времени вы познаете ее в полной мере.

— Что произойдет в скором времени? — спросил констебль, и доктор, тяжело вздохнув, ответил:

— Война. В скором времени начнется война.

Комната погрузилась в тишину. Доктор Коллинз нарушил ее. Повернувшись к начальнику вокзала, он сказал:

— Боюсь, мы не можем более здесь задерживаться, сэр. Генерал Гроттль ожидает нас на пустошах. Дивизия разворачивается, и мы должны присутствовать. Я откланиваюсь. Мой ассистент оставит вам список лекарств, которые потребуются, чтобы ожоги зажили как можно скорее.

Кивнув на прощание, он покинул комнату, а парень, достав из саквояжа листок и ручку с чернильницей, быстро написал список и протянул его господину Бракнехту.

— Если состояние мисс ухудшится, напишите мне, сэр. Я указал внизу мой личный код для военной почты — где бы я ни оказался, мне передадут, и я отвечу вам сразу как выпадет возможность. Мое имя Натаниэль Френсис Доу, и, если мне суждено будет выжить на войне и вернуться в Габен, я не оставлю просто так то, что произошло в больнице. Даю вам слово джентльмена и врача, я разоблачу и вытащу на свет всех этих тварей, которые не имеют

права именоваться докторами. Они не уйдут от расплаты.

Достав из саквояжа пачку печенья «Твитти», он вложил его в руку Летти и что-то зашептал ей на ухо. Девочка вдруг прекратила плакать и кивнула.

— Мое почтение, господа, — сказал Натаниэль Френсис Доу и покинул комнату.

* * *

Оглушающе тикали часы, из зала ожидания доносился привычный шум, а из-за окна, выходящего на Чемоданную площадь, — рокот и клаксонирование экипажей.

Все эти звуки в голове Летти превращались в мешанину, и все же она пыталась разобрать каждый из них. Вот — лает собака (судя по всему, небольшая, хотя с этими собаками так просто и не поймешь). Вот — звенит трамвай. Вот — кричит мальчишка-газетчик, сообщая прохожим последние новости. Вот — раздается рекламное бормотание, предлагающее приобрести модный крем для бороды «Господин Рыжж» и расхваливающее новую пьесу «Незнакомка с фонарного столба», которую показывают в кабаре «Тутти-Бланш» (механический голос перемещается, а значит, он идет не из будки, а из рупора пешего вещателя). Но это все далеко, а рядышком... лишь звон и стук механизмов больших вокзальных часов.

Осторожно переставляя ноги, Летти брела по чердаку с завязанными глазами, при этом широко расставив перед собой руки.

— Эй, слепой кот! Я здесь! Найди меня! — раздалось слева... или справа? Девочка была не уверена.

Летти двинулась на голос Мартина и наткнулась на одежную вешалку. И тут она услышала, как скрипнула балка над головой.

— Эй, туда забираться нечестно! — воскликнула она. — Я же так тебя никогда не поймаю!

Мартин рассмеялся и спрыгнул вниз. После чего затих, а потом его голос зазвучал со стороны внутреннего циферблата:

— Слепой кот, я здесь! Если найдешь-ш-шь меня, дам тебе селедку!

Летти повернулась и пошла на голос...

Они с Мартином играли в «слепого кота» каждый день. Летти училась ориентироваться на слух. Эта игра и сам мальчик-блоха не давали ей опустить руки после того, что с ней случилось.

С того дня, как Мартин спас ее из лап жуткого доктора Скруллинга и его коварных помощниц, медсестер Грехенмолл, она ни разу не плакала. Дедушка спросил ее: «Что тебе сказал этот Натаниэль Доу?» — но Летти так и не ответила.

Это было ее, сокровенное, и она не могла поделиться этим даже с дедушкой. Да и, если задуматься, то ассистент доктора Коллинза не сказал Летти чего-то такого уж важного, но его слова помогли ей лучше, чем лекарства.

«Сейчас вам кажется, что жизнь закончена, мисс, но это не так. То, что с вами случилось, ужасно, но вы должны быть сильной, мисс. Не ради себя — ради вашего дедушки. Попробуйте представить, что это все игра. Что вы просто играете в «слепого кота». Я знаю, что у вас выйдет, мисс. Вы храбрая. Вы всем докажете, что ни проклятые очки, ни эти злыдни вас не победили. Если вам станет больно и грустно, напишите мне, и я отвечу. Я

помогу вам...»

И она ему поверила. От этого молодого джентльмена исходила такая уверенность, что не поддаться ей было невозможно.

И она начала играть... она стала «слепым котом».

Временами было очень тяжело притворяться, но в моменты, когда хотелось просто рухнуть на пол и начать вопить от отчаяния, Летти напоминала себе слова Натаниэля Доу: «Вы должны быть сильной, мисс...»

И мисс странным образом находила в себе силы. А еще она писала Натаниэлю Доу. Прошел месяц, и она, с помощью Мартина написала ему уже три письма.

Вот только пока что он ей не ответил. Она не винила его — новости за столь короткое время сгустились, словно чернила, которыми они были отпечатаны на страницах «Сплетни».

Война началась. Весь последний месяц далеко на севере шли ожесточенные бои, и с фронта приходили сплошь неутешительные вести: враг отдавливал габенские войска, и те терпели существенные потери и отступали. Гнетущее напряжение охватило весь город. Из Габена отходили все новые эшелоны с солдатами, артиллерией и боевыми механоидами. Над городом подняли аэростаты заграждения, поговаривали, что вскоре начнутся бомбардировки.

Летти со страхом слушала новости с фронта, которые читал ей Мартин, опасаясь услышать в списках погибших имя Натаниэля Доу. VII парострелковая дивизия сражалась на передовой, но молодой ассистент доктора Коллинза в газеты пока не попадал.

Летти надеялась и верила, что он вернется. А пока училась жить в крошечной темноте.

Дедушка, как мог, пытался ей помогать, но сейчас он был невероятно занят — Паровозное ведомство перешло на военное положение. Впрочем, одну Летти не оставляли.

И кто бы мог подумать, но под свою опеку ее взял лично... Бом-Бомунд. Вокзальный констебль, очевидно, ощущал свою вину в том, что произошло. Если бы он только вовремя заметил очки Замыкателя...

За короткое время констебль стал ей кем-то вроде заботливого, хоть и ворчливого дядюшки. Он учил ее управляться с тростью, часами заставлял подниматься и спускаться по лестницам, открывать и закрывать двери. Однажды Бом-Бомунд даже приволок за шиворот Слепого Бэзила. Молодой нищий явно притворялся слепым, но, по словам констебля, все же мог многому научить мисс Летти. В первую очередь он ее научил тому, что если не мыть уши с мылом, то будешь вонять, как старый носок.

Она бродила с Бэзилем и Бом-Бомундом по залу ожидания, и те учили ее самому важному, что нужно уметь слепому на вокзале: не наткаться на людей и не попадать под багажные тележки.

«В этом городе, мисс, — говорил нищий, — все без исключения джентльмены чем-нибудь да дымят. И все эти дымные штуки воняют по-разному. А дамы... даже самая бедная дамочка в Саквояжне не купит себе краюху хлеба, но раздобудет какой-нибудь парфюм. Бедняцкая гордость и зловонная прокуренность Саквояжни помогут вам избежать столкновений...»

Когда Летти спросила, а как быть с детьми, которые обычно не курят и не осеняют себя парфюмом, Бэзил сказал: «Дети шумные. Они сопят, пыхтят, фыркают, шморгают носами... а еще спотыкаются, цепляют предметы и хрустят внутренностями, как сломанные куклы — с детьми еще проще...»

Учиться ориентироваться по запаху и звуку было очень тяжело, и Летти казалось, что

она никогда этому не научится. Но сильнее всего девочку печалило то, что ее мечта стать самым главным в мире паровозником теперь неосуществима. Мартин пытался ее утешить и уверял, что однажды она все же раздобудет свой собственный паровоз. От этих слов ей становилось еще грустнее.

И все же она была благодарна Мартину. Летти просто не могла представить себе, что его больше нет, а между тем день, когда его должен был забрать господин Люммиберг из цирка уродов, все приближался...

Через две недели после ареста Замыкателя и трагедии Летти, когда стало известно о смерти господина Люммиберга, на вокзал заявился отец Мартина.

Бедный Мартин прятался на чердаке, ожидая худшего, а Летти, как и в прошлый раз, подслушивала за дверью дедушкиного кабинета.

Отец Мартина полыхал от ярости из-за того, что его планам не суждено было сбыться. Он хотел немедленно забрать сына, чтобы... продать его в кунсткамеру «Диковинные необычности и странные чудовинки Горака». Дедушка Летти ужаснулся подобному решению, но отец Мартина был непреклонен:

— Я рассчитывал на вознаграждение от господина Люммиберга, — сказал он. — Но теперь никакого вознаграждения мне не видать: хозяин цирка убит, а его уроды разбежались. И что мне теперь прикажете делать, господин Бракнехт?

— Ваш сын ведь, как и прежде, вам не нужен, я верно понимаю?

— Верно, я не собираюсь с ним возиться.

— Юный мастер Лакур дорог для моей внучки, — сказал господин начальник вокзала. — Он стал ей другом.

— Вашей внучке стоит подыскать себе нового друга.

— Вы ведь знаете, что с ним сделают в кунсткамере?

— Полагаю, его заспиртуют и выставят в стеклянном ящике на всеобщее обозрение, — с безразличием в голосе ответил этот жестокий человек. — И господин Горак сострижет немало денежек со всех, кто захочет поглядеть на мальчика-блоху. А таковых, поверьте мне, будет немало, ведь каков экспонат! «Невероятная тварь, доселе невиданная природой!» — обыватели обожают такое...

— Он не экспонат, а ваш сын!

— Да-да, надеюсь, вы сохранили ящик, в котором я его к вам доставил...

Господин Бракнехт постучал пальцами по столу и сказал:

— Если вам плевать на его судьбу и вас заботят лишь деньги, я думаю, мы можем решить этот вопрос.

— Каким это, спрашивается, образом?

— Хочу напомнить вам, что сейчас очень тревожное время, — многозначительно начал господин Бракнехт.

— Треклятая война, — согласился отец Мартина. — И что?

— Не лучшая пора для выставок диковинок. Вряд ли сейчас, когда ожидаются бомбардировки города, люди будут на них ходить. Я вижу, что вас посещали такие мысли.

— Положим, — нехотя признал отец Мартина. — И что вы предлагаете?

— Вокзалу нужен новый часовщик, — ответил господин Бракнехт. — И юный мастер Лакур прекрасно подходит на эту должность.

— И что с того?

— За свою работу он будет получать жалованье от Паровозного ведомства. Это

жалованье я буду отправлять вам. Ровно двадцать фунтов в неделю. Сколько вы рассчитывали получить от господина Люммиберга или от господина Горака?

Отец Мартина задумался. Он признавал, что в военное время мальчика-блоху у него, скорее всего, никто не купит, ну а если тот задержится на вокзале хотя бы на пару лет, в итоге за него можно будет выручить намного больше, чем заплатили бы Люммиберг или Горак. Ну а если Мартин пробудет здесь дольше...

— Не худшее предложение, — наконец сказал он. — Но я сразу оговорю, что любые последствия от его пребывания здесь не должны меня коснуться: если его увидят или поймают, я не имею к нему никакого отношения. И еще хочу отметить, что кровь для него будете добывать сами — никаких вычетов из жалованья. И если по какой-то причине я хоть раз не получу оплату, я немедленно заберу его и продам Гораку или на худой конец в Университет Ран и Швов — они всегда в поиске различных человеческих уродств для своего хирургического театра.

Господин Бракнехт кивнул, и они ударили по рукам. Отец Мартина оставил адрес почтового ящика для отправки жалованья и ушел.

Сразу, как мальчик-блоха попал под опеку господина начальника вокзала, между ними состоялся разговор.

— Это наименьшее, что я мог для вас сделать, мастер Лакур, за то, что вы спасли мою внучку, — сказал господин Бракнехт Мартину. — И я надеюсь, вы не станете лезть на рожон и покидать чердак, ведь если вас увидят, я не смогу вам помочь. Этот город не принимает тех, кто отличается...

Мартин пообещал сохранить тайну своего пребывания на чердаке, и таким образом на вокзале появился свой часовщик.

Шли годы.

Война длилась долгих восемь лет. За эти годы Габен бомбили три раза. Улицы пребывающего на военном положении города были пустынными, ежедневно выла воздушная тревога, и вскоре она стала частью обыденности. Каждую неделю с фронта возвращались раненые и искалеченные в боях люди, а на фронт уезжали вагоны новых солдат.

К дедушке Летти были приквартированы джентльмены из Министерства Военных Дел — он практически не покидал свой кабинет, а Летти почти не покидала чердак. На вокзале было слишком шумно, и она боялась потеряться в толпе или попасть кому-то под руку.

Мартин читал ей газеты. В первое время новости ее ужасали, но постепенно она с ними свыклась.

А потом ей написал Натаниэль Доу. Однажды Летти получила сразу три письма — ассистент доктора Коллинза просил прощения за несвоевременный ответ, объясняя это тем, что их дивизия попала в окружение и военные почтальоны не могли к ним добраться. Он интересовался ее самочувствием и узнавал о трудностях, с которыми она сталкивается. Летти написала ему о своих тренировках, об игре в «слепого кота», о новостях, которые бродили по городу и вокзалу.

Так шли годы... Мартин заводил часы, дедушка занимался вокзальными делами, а Летти прозябала в темноте. Понадобилось время, чтобы она смирилась со своей слепотой.

Натаниэль Доу в своих письмах сообщал ей о различных новых лекарствах, которые в теории могли ей помочь, но ни одно из них не срабатывало. Летти понимала, что ассистент доктора Коллинза таким образом пытается ее утешить, и была ему благодарна.

За два месяца до окончания войны письма от Натаниэля Доу внезапно прекратились.

Летти переживала, что случилось ужасное, отправляла запрос за запросом в Министерство Военных Дел, но оно молчало.

А потом однажды, когда она сидела в зале ожидания и «слушала вокзал», к ней подошел мистер Дрилли и сказал, что дедушка ожидает ее в своем кабинете и дело это неотложное. Летти, дрожа от волнения, отправилась в кабинет.

Лишь только зайдя, она сразу же поняла, что, помимо дедушки, там есть еще кто-то. Она различила целую палитру новых запахов: мягкий аромат помадки для волос «Брюноттин», джентльменский парфюм «Синнаман», вишневый табак и запах кофе с корицей.

— Летиция, тут кое-кто хочет тебя видеть, — сказал дедушка.

— Добрый день, мисс Бракнехт.

Этот голос! Прошло восемь лет, но она его мгновенно узнала.

— Натаниэль? Это вы?! Я не могу... не могу поверить...

— Это я, мисс Бракнехт, — сказал Натаниэль Доу, и не в силах сдержать чувства, Летти бросилась к нему на шею.

— Летиция, где твои манеры? — проворчал больше для порядка дедушка. — И полегче: доктор Доу ранен.

— Ранен?! — в ужасе воскликнула Летти.

— Угрозы для жизни нет, мисс Бракнехт, — сказал Натаниэль Доу. — Но все же я предпочел бы, чтобы вы так крепко меня не сжимали — ребра еще не зажили, и если корректирующий корсет сдвинется...

— Простите... простите меня... — Летти вдруг повернулась к дедушке. — Постой! Ты сказал... «доктор»?

— Я больше не ассистент, мисс, — сказал молодой доктор. — Ребра, мисс Бракнехт, прошу вас...

Летти отстранилась, что-то на груди доктора Доу звякнуло.

— Что это? — спросила девушка.

— Ничего особенного, — проворчал доктор Доу.

— Вы очень сильно преуменьшили, господин доктор, — рассмеялся начальник вокзала. — Два золотых льва и серебряный чертополох — это что угодно, но только не «ничего особенного»!

— Я не понимаю, зачем Министерство заставляет меня их носить, — сказал доктор Доу. — Эти ордена привлекают слишком много внимания — ко мне то и дело подходят незнакомцы, жаждущие пожать мне руку, — это крайне утомительно. А один джентльмен и вовсе — вы не поверите! — попытался меня сфотографировать. Мне не нужны знаки внимания или отличия.

— Но ведь эти ордена показывают ваш героизм, господин доктор! — возмутился дедушка Летти, на что доктор сказал:

— Это не героизм. Я просто выполнял свой долг. К тому же война проиграна...

— Но ведь война не проиграна! Мы заключили с ними мир...

— Мир был и восемь лет назад, а потом какие-то важные и очень богатые люди из дорогих джентльменских клубов взъелись друг на друга, и тысячи стали жертвами их вражды. Эти важные господа жали руки друг другу восемь лет назад, жмут их сейчас. Что изменилось? Жизнь не стала лучше, чем была. Просто пролились галлоны крови, чтобы какие-то толстяки в цилиндрах и с сигарами, разрешили свои взаимные обиды.

Бессмысленно. Если война закончилась тем же, что было до нее, она проиграна, невзирая на то, какая из сторон убила больше солдат.

В голосе Натаниэля Френсиса Доу прозвучала такая ненависть, что Летти стало страшно...

Доктор Доу сменил тему:

— Полагаю, вы думаете, что я забыл о своем обещании, данном вам перед войной, мисс Летти, но это не так.

— Обещании?

— Разоблачить мерзавцев из Больницы Странных Болезней, — сказал он, и Летти вздрогнула.

— Господин доктор поступил на службу в больницу, — сказал дедушка. — На должность штатного хирурга.

— Что?! — Летти ужаснулась.

— Я проникну в логово заговорщиков и выясню, что там происходит.

— Но это... это очень опасно!

— К сожалению, иного выхода нет, — сказал доктор. — В любом случае долго я там оставаться не планирую...

Но все вышло совсем иначе. Случилось то, чего боялась Летти. И хоть больничное руководство не разоблачило доктора Доу, он увяз там, будто в трясине.

Его пребывание в больнице растянулось на годы. Со временем он стал заместителем старшего хирурга. Доктор Доу не приходил на вокзал, но по его редким письмам Летти понимала, что Больница Странных Болезней изменила его. Он стал замкнутым, холодным и злым.

А потом, около двух лет назад, в больнице кое-что произошло. Дедушка сообщил Летти, что доктор Доу больше не состоит в штате и открыл частную практику в Тремпл-Толл. Вскоре на вокзал пришло и письмо:

«Дорогая мисс Бракнехт, — писал доктор. — Считаю своим долгом сообщить вам, что исполнил некогда данное вам обещание.

К моему глубокому сожалению, обстоятельства сложились таким образом, что передать в руки закона всех заговорщиков не представляется возможным. Но спешу вас уверить, что я сделал все от меня зависящее, чтобы злодеяния доктора Скруллинга и всех причастных без наказания не остались. Я сделал это по-своему и хочу заверить вас, что эти люди больше не посмеют забрать сердце ни у одного ребенка.

*С наилучшими пожеланиями,
Натаниэль Френсис Доу»*

Летти ничего не понимала. Ее терзали страхи и сомнения. Нет, она не сомневалась в том, что доктор Доу и правда сдержал обещание, но она подозревала, что все это как-то связано с той жутью, о которой писали в «Сплетне». В больнице произошла, если цитировать газетчиков, «кровавая резня» и «чудовищная бойня», и монстр, который ее совершил, так и не был схвачен.

Летти не верила... не хотела верить, что доктор Доу причастен к ней, но... Она

заставляла себя думать, что эти вещи не связаны...

Между тем жизнь на вокзале шла своим чередом. Прибывали и отбывали поезда. Часы показывали самое точное время во всем Тремпл-Толл. К огорчению Летти, старый добрый Бом-Бомунд вышел на пенсию, и ему на смену пришли неотесанные Бэнкс с Хоппером.

В общем-то, это было спокойное и, по мнению Летти, замечательное время. И хоть в городе происходили удивительные события, начиная с дерзкого ограбления «Ригсберг-банка», нападения жутких монстров-мухоловок и появления невероятной Зубной Феи, Летти и Мартина они не затрагивали.

Прошлые страхи и ужасы постепенно блекли и стирались из памяти. Летти заперла в банку воспоминания о Замыкателе и о кошмаре, пережитом в Больнице Странных Болезней. Рядом примостилась воображаемая банка Мартина с трагедией в цирке.

С момента появления мальчика-блохи в ящике на вокзальном чердаке прошло двадцать лет. Отец Мартина не появлялся, лишь изредка давая о себе знать в письмах, в которых поминал «старые деньки», жаловался на лишнюю радость жизни и винил во всем обстоятельства, черствых людей, банкиров Ригсбергов и злодейского Помпео. Мартин отвечал на его письма с холодной вежливостью: он хорошо помнил, что отец хотел продать его в цирк уродов и в кунсткамеру — к тому же тот до сих пор продолжал забирать жалованье часовщика.

Мартин нечасто покидал чердак — раз в месяц он дожидался ночи и выбирался в Фли, чтобы навестить могилу матери. Возвращаясь, он еще какое-то время был печален, но Летти изо всех сил старалась отвлечь его от грустных мыслей.

Мисс Бракнехт и мистер Лакур дни напролет, как и прежде, проводили на чердаке: читали газеты и купленные девушкой в вокзальной лавке «Паровозный роман» книги, сочиняли способы, как добыть для Летти паровоз, и играли в «тайну пассажира».

Бывший цирковой Поразительный Прыгун описывал ей причудливых личностей, прибывающих на вокзал, и они, смеясь и шутя, «разоблачали их».

Впрочем, спокойное и замечательное время не могло продлиться долго, и однажды, а если точнее, ровно неделю назад, оно внезапно закончилось.

И кто бы мог подумать, что всему виной станет та самая детская и невинная игра «тайна пассажира».

Было раннее утро, и на вокзал прибыл поезд из Браммадина. Бэнкс с Хоппером, как обычно, принялись высматривать в толпе новоприбывших того, кого можно было бы «потрясти», мистер Дрилли и его помощники взялись за разгрузку багажа, а Мартин и Летти устроились у внутреннего циферблата.

— О, быть не мощ-ш-шет! — воскликнул Мартин. — Ты не повериш-ш-шь, кого занесло в Габен!

— Кого? Кого?! — в нетерпении воскликнула Летти. — Опиши мне скорее! Кого занесло в Габен? Человек-из-Льотомна вернулся?!

— Ну нет! — рассмеялся Мартин. — Но этот ч-ч-чудик нич-ч-чуть не хуш-ш-ше!

— Опиши же мне его скорее!

— А ты угадай, как он выглядит!

Летти гневно ткнула Мартина локтем, и тот смилостивился.

— Ладно-ладно! На платформе «Корябб», у указателя, стоит высокий худой господин в корич-ч-чневом пальто и цилиндре...

— А необычное?!

— А рядом с ним стоят...

— Кто? Кто рядом с ним стоит?

— В том и дело. Не «кто», а «ч-ч-что». Это костюмы! Пустые костюмы! Они стоят и озираются!

— Врешь!

— А вот и не вру! Там правда стоят три пустых костюма! О, каш-ш-шется, они привлекли внимание наш-ш-ших хмырей. Бэнкс и Хоппер направились к костюмам и их спутнику со своим коронным нелепым деловым видом. Ха-ха! Они требуют у костюмов предъявить билеты!

— Уморительно!

— Каш-ш-шется, у господина в пальто есть все нуш-ш-шные бумаги. Бэнкс и Хоппер разоч-ч-чарованы. Господин и костюмы уходят... Как думаешь-ш-шь, ч-ч-что это все знач-ч-чит?

— Ну, тут точно какая-то тайна, — сказала Летти. — Думаю, этот господин повсюду возит с собой... призраков!

— Призраков? — испуганно спросил Мартин.

Летти улыбнулась: она знала, как Мартин боится призраков после того, как прочитал историю «Кровавый призрак старого пассажа» и особенно после того, как здесь, на вокзале, завелся свой призрак — таинственный дух со старой платформы «Драппгейт».

— Ну да, — сказала девушка. — Самых настоящих призраков — это они в костюмах. Но это добрые призраки. Они помогают господину в коричневом пальто во всех его делах.

— В каких, например?

Летти не замедлила с ответом:

— Один — ходит за покупками, второй — чистит одежду, а третий — призрак-адвокат — занимается разными адвокатскими делами, ставит печати и подписывает бумаги.

— Нет, думаю, это не призраки, — сказал Мартин. — Я ставлю на то, ч-ч-что это невидимки. А господин в корич-ч-чневом пальто — какой-то гениальный уч-ч-ченый: он изобрел эликсир невидимости, но так и не смог изобрести эликсир видимости, и теперь невидимки бродят за ним по пятам, ош-ш-шидая, когда он вернет им нормальный вид. — Мартин вдруг загрустил. — Вот бы выпить эликсир невидимости... хотя бы плоточ-ч-чек. Я бы тогда смог ходить повсюду, и люди меня бы не боялись...

Летти поспешила перевести тему, пока Мартин не впал в хандру: в последнее время он все чаще рассуждал о том, как жалеет, что не может выйти и побродить по залу ожидания.

— А кто там еще есть? — спросила она. — На платформе есть еще чудачки?

Мартин отвлекся от своих грустных мыслей.

— Из вагона вышла дама в пальто с лисами.

— С лисами?

— Да. У нее воротник с лисами. Думаю, она не кто иная, как Лисья королева.

— Ух ты! Лисья королева! А у нее есть корона?

— Ее ш-ш-шляпка похош-ш-ша на корону.

— А что она делает в Габене?

— Приехала из лесной страны Норич-ч-ч, ч-ч-чтобы отыскать свою бедную падч-ч-черицу, которая сбеш-ш-шала от нее в Габен.

Летти рассмеялась.

— Прямо, как в «Сказках лесной страны», которые мы читали! А что, мне нравится! Думаю, падчерица Лисьей королевы живет в городском Зоосаду — злая мачеха превратила ее в лисицу, и никто не знает, что это на самом деле не лисица, а девочка.

Мартин хмыкнул.

— Бэнкс с Хоппером подош-ш-шли к Лисьей королеве. Каш-ш-шется, они хотят потребовать у нее какое-то разреш-ш-шение. Мош-ш-шет, даш-ш-ше на лисьи воротники.

— Она же сейчас превратит их в лисов! — с восторгом воскликнула Летти, во всех красках представив себе двух лисов, бегающих по залу ожидания в полицейских шлемах и синих мундирах.

— Эх, она их не превратила, — с досадой сказал Мартин. — Они все такие ш-ш-ше, неотесанные и глупые. Лисья королева дала им ч-ч-чаевые и села на скамейку в зале ош-ш-шидания. Мош-ш-шет, на следующ-ш-щем поезде прибудет охотник, который помош-ш-шет ей найти падч-ч-черицу.

— А есть еще кто-то необычный в зале ожидания?

— Есть! — радостно ответил Мартин. — Низенький господин стоит у зеркала мистера Мигрича. Он поправляет костюм и причесывает гребешком бакенбарды.

— Низенький господин?

— Да, не выш-ш-ше десятилетнего ребенка.

— Карлик? Ух ты!

— У него точ-ч-чно есть тайна! Карлики — оч-ч-чень таинственные. Я знавал одного карлика, и он...

Мартин вдруг замолчал. Летти ощутила, как он напрягся.

— Что? Что случилось?

— Не мош-ш-шет быть... — прошептал Мартин. — Я не верю... Здоровяк...

— Что? Какой еще здоровяк? Там есть еще кто-то высокий?

Мартин не ответил, и Летти испугалась. Она прикоснулась к руке человека-блохи, и тот дернулся.

— Мартин?

— Этого не мош-ш-шет быть! — повторил он. — Ты ш-ш-ше долш-ш-шен быть мертв!

— Что происходит, Мартин? Скажи мне! Я боюсь...

— Он сказал, ч-ч-что ты мертв! — закричал Мартин.

Летти потянулась к нему. Мартин стоял вплотную к циферблату, просунув шпоры-когти в прорезь одной из цифр. Он мелко дрожал.

Страх от непонимания охватил Летти. Она ощутила исходящий от Мартина гнев.

— Скажи... скажи мне...

— Нет! — резко воскликнул Мартин и отстранился. — Он уходит... Я долш-ш-шен все узнать... долш-ш-шен...

— Ты не можешь! Не уходи... тебя увидят!

— Неваш-ш-шно! Я иду за ним!

— Мартин... — умоляюще начала Летти, но он ее не слушал.

Мартин запрыгнул на балку, а потом покинул вокзальный чердак через прореху в крыше...

...Летти не могла найти себе места от волнения. В груди образовалась пустота. Она пыталась унять дрожь в руках, но ничего не помогало. Она плакала и ждала...

Когда Мартин вернулся, Летти набросилась на него с вопросами. Она требовала, чтобы он все ей рассказал, но то, что он открыл ей, вогнало ее в еще больший ужас.

— Все эти годы я думал, ч-ч-что его нет в ш-ш-шивых. Ч-ч-что наш-ш-ша труппа отомстила ему. Ч-ч-что его скормили маминым блохам...

— О ком ты говоришь?

— О том, кто убил мою маму и едва не убил меня...

Летти зажала рот ладонями.

— Ты ведь рассказывал, что это был шпион вашего конкурента Помпео.

— Все не так. Вернее, не совсем так. Это был заговор... они сговорились, понимаешь-шь? Ш-ш-шпион Помпео их подговорил... Они все замеш-ш-шаны... Они думают, ч-ч-чтс спустя столько лет, ч-ч-что все забыли...

— Что ты задумал, Мартин? — одними губами проговорила Летти.

— Они ответят за то, ч-ч-что сделали...

— Прощу тебя, Мартин! Ради меня! Не надо...

— У меня нет выбора...

...С того момента Летти жила в кошмаре. Мартин стал пропадать все чаще — и даже днем. Теперь его не заботило, увидит ли его кто-то.

Мартин стал другим. Летти начало казаться, что она его совсем не знает, хотя прожила по соседству с ним столько лет. Ее милый и добродушный Мартин стал злым, в его голосе слышалось нечто новое: ненависть, всепоглощающая и всежигающая. Как и доктор Доу в свое время, он изменился, и, как и с ним, мисс Бракнехт, никак не могла на это повлиять. Впервые после своего спасения из Больницы Странных Болезней она чувствовала себя совершенно беспомощной.

Наивная, она просила его почитать ей его любимую книгу о поездах или новый роман Кэт Этони, но он и слышать не желал ни о каких книгах. Мартин говорил об ужасных вещах — постоянно твердил о каком-то «цирковом суде». Он ни о чем больше не думал.

Но не его слова, не исчезновения и даже не планы, которые он строил, были самым страшным.

Все стало хуже некуда, когда на чердаке появился полицейский констебль.

Мартин поймал его. Он не обращал внимания на ее мольбы остановиться или отпустить пленника. Летти чувствовала: грядет нечто ужасное. Она боялась, что Мартина поймают или убьют. Или что... он совершит что-то непоправимое...

И вот он снова исчез. Прочитав что-то в дневнике матери, Мартин сбежал, оставив ее наедине с пребывающим без сознания констеблем и собственными страхами.

Она истоптала в волнении и ожидании весь чердак — и не единожды, а его все не было. Летти порывалась освободить констебля или рассказать обо всем дедушке, но понимала, что сделает этим только хуже...

А потом он появился.

Летти встретила его с холодностью — все время, что его не было, она заставляла себя быть твердой: больше так продолжаться не могло — во все это, как-никак, была замешана полиция. Летти искала нужные слова, чтобы образумить Мартина, но, когда он вернулся, с ее губ сорвалось лишь:

— Ты узнал, что хотел?

— Нет. Его там не было... но я узнаю. Я потребую ответы. Но не сейч-ч-час. Мне нуш-

ш-шно подумать. Кое-ч-ч-что произош-ш-шло. Я встретил ее... Летти, я встретил ее!

— Кого? — недоуменно спросила девушка, и тут над головой, откуда-то из-под купола, раздался жуткий ледяной голос:

— Злодеи в злодейском логове! Замечательно!

Глава 7. Поразительный Прыгун

С призраками у Полли Уиннифред Трикк отношения давно не заладились. Еще после случая на платформе «Драппгейт» она относилась к ним если не сказать с предубеждением, то со здоровой опаской и настороженностью точно.

И все же один конкретный призрак вызывал у нее теплые чувства, и сейчас Полли спускалась по лестнице в подземные архивы газеты «Сплетня» с тяжелым сердцем. Еще бы, ведь она отсюда буквально сбежала, чем до глубины души обидела здешнего обитателя.

Мистер Филдс не был призраком — не настолько, чтобы проходить сквозь стены или завывать в темных коридорах. По крайней мере, Полли за ним подобного никогда не замечала. От него не веяло загобным холодом, он не носил саван, да и парению в футе над полом предпочитал свой удобный стул. В общем-то, «Унылым Привидением» его называли только газетчики сверху, и, по мнению Полли, это прозвище ему так же соответствовало, как «сухарь» — пирожному.

Этот забавный старик унылым не был — напротив: живой, общительный и очень душевный, он знал множество интересных историй из прошлого как газеты, так и всего города, поскольку когда-то был тем, кем сейчас себя считал Бенни Трилби — ведущим репортером «Сплетни».

Полли Унылое Привидение нравилось, и обижать ей его не хотелось. К тому же мистер Филдс был единственным во всей редакции, кто отнесся к ней по-доброму...

Открыв низенькую дверь, она оказалась в хранилище. Все место здесь занимали кипы старых газет, поднимающиеся под самый потолок. Меж этих кип темнели проходы, ведущие вглубь фондов.

Старый смотритель архива был на своем месте — сидел за столом и читал газету.

Полли подошла.

— Мистер Филдс?

Старик никак не отреагировал. Лишь перевернул страницу.

Полли вздохнула.

— Мистер Филдс, я принесла вам кое-что...

Девушка положила на стол шоколадку «Трескучая Треска» со вкусом рыбы — по мнению Полли, гадость редкостная, но смотритель обожал «Треску» и постоянно жаловался, что она ему не по карману.

Мистер Филдс поспешно сложил газету и схватил шоколадку. Разворачивая фольгу, он поднял на Полли прищуренный взгляд. В стеклышках пенсне блеснули огоньки от керосиновой лампы.

— Хотите задобрить меня? — прошамкал смотритель беззубым ртом. — Вижу, уроки Трилби не прошли для вас даром.

— Я знаю, вы злитесь...

— Я не злюсь, мисс Трикк. Я все понимаю. — Он поднес шоколадку к лампе, чтобы она чуть подтаяла. — Молодой девушке не пристало прозябать в этом бумажном подвале со стариком. Вы не первая, кого эти злыдни сверху сюда сослали. Они используют Филлиуса Филдса как тюремщика для неугодных. Я знал, что вы покинете меня, просто не думал, что это произойдет так скоро. Рано или поздно все не выдерживают, пакуют вещички и уходят и из подвала, и из этого гнезда сплетников — подыскать что-то получше.

— Нет уж, так просто они от меня не избавятся, — сказала Полли. — Им придется терпеть: пусть скрежещут зубами, недовольно зыркают и насмеваются, но я тут надолго.

Старик удивленно глянул на нее.

— Кажется, я вас недооценил, мисс Трикк. Я вижу, вы что-то придумали.

Полли кивнула.

— Я выцарапаю себе место в печатном зале. Чего бы мне это ни стоило. И сейчас я как раз этим занимаюсь. Мистер Филдс, я кое-что расследую, и мне нужна ваша помощь.

Старик отломал губами кусочек размягченной шоколадки, и его лицо расплылось в блаженстве.

— Что вы ищете?

— Мне нужно все, что связано с цирком. Да с цирком, вы не ослышались. То, что я ищу, происходило двадцать лет назад. Странное, невероятное, может, подозрительное — меня интересует все. Может быть, найдется, что-то связанное с... — Полли смущенно потупилась, — попрыгунчиком.

На удивление, мистер Филдс не рассмеялся. Он сморщил лоб и почесал седые бакенбарды.

— Попрыгунчик... попрыгунчик, — задумчиво произнес он. — Хм! Кажется, я догадываюсь, о чем речь.

— Об этом писали в «Сплетне»?

— Милая моя мисс Трикк, — добродушно улыбнулся мистер Филдс, — в «Сплетне» писали обо всем, что когда-либо происходило в городе. Ну да ладно. — Поднявшись на ноги, смотритель кивнул Полли, указывая ей на стул. — Я все разыщу и принесу.

Бормоча «Цирк. Двадцать лет назад. Попрыгунчик...», мистер Филдс скрылся в глубине архива, а Полли села за стол.

Ждать долго не пришлось. Меньше, чем через пять минут старик вернулся с газетой — такой же дряхлой, как и он сам.

— Советую начать отсюда, мисс Трикк, — сказал он. — Известная передовица. Наделала шуму в свое время.

Отдав Полли газету, смотритель пошаркал обратно, и девушка, бросив взгляд сперва на оставшуюся стоять на столе лампу, а затем на темный проход между кипами, в очередной раз удивилась: и как мистер Филдс умудряется ориентироваться в фондах без света?

Впрочем, сейчас времени задумываться об этом у нее не было.

Расправив газету, она прочитала заголовок на передовице и недоуменно почесала кончик носа.

— Поразительный Прыгун?

Полли не смогла сдержать улыбки, увидев, кто автор статьи. Да это же шеф! Значит, заметка еще из тех времен, когда господин главный редактор «Сплетни» стирал подметки в качестве обычного репортера. Видимо, он не всегда был неповоротливым вальяжным котом, который ненавидит ходить пешком, презирает лестницы и терпеть не может любую суету поблизости от себя. А чего только стоит его старое прозвище!

Пододвинув лампу, Полли взялась за чтение.

«ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПРЫГУН. НЕБЫВАЛОЕ ЧУДО ИЛИ РАЗДУТЫЙ ПШИК?»

Дорогие читатели, этой ночью я, ваш любимый “сплетник” Томми “Принюх” Вирдпен,

посетил известное в Габене место — “Цирк мадам Д.Оже” в Фли.

За последние годы это местечко заметно подгнило и подсырело. Былая слава заведения мадам Д.Оже померкла, а ведь, помнится, были времена, когда билет туда было не достать. Теперь же моими соседями в партере были призраки, которые все представление храпели напропалую, я видел в зале всего дюжину джентльменов в цилиндрах, остальные были в уличных котелках, а некоторые — фу! — и вовсе с непокрытой головой. Публика обмельчала — и это неудивительно, учитывая последние события: почтенные зрители больше не жаждут стать нечаянными жертвами клоунских разборок.

Само представление было не ахти — толстый клоун несмешно шутил, у огневиков то и дело гасли фитили, жонглер пыжился-пыжился, и в какой-то момент уронил мячики, а во время “смертельного номера” даже не умер ни один акробат, но я с тающим, как кубик сахара над свечкой, терпением все ждал обещанный “звездь программы”.

Афиши утверждали, что зрителя ждет что-то новенькое, невиданное и невероятное. Признаюсь, я ни на что особо не рассчитывал, но, когда номер был, наконец, объявлен... что ж, чуть опережая события, позволю себе заверить вас: афиши не лгали.

Под “Марш Шестиногих” из-под купола цирка на канате спустилась неизменно прекрасная Мариетта Лакур. Раскланявшись, она свистнула, щелкнула бичом-шамбальером, и... прямо из зрительного зала на манеж выпрыгнули блохи.

Я был удивлен: до сего момента блохи, одетые в костюмы и цилиндры, мастерски прикидывались зрителями, терпеливо ожидая своего выхода.

Оказавшись на манеже, шестиногие выстроили пирамиду, а потом, сломав ее, принялись выполнять трюки: прыгали друг через друга, в горящие кольца и в кольца с лезвиями, хватали в прыжках пастями ножи, которые метала во все стороны мадам Лакур. Завершилось все блошинным степом.

Скучно! Тухло! Плесневело! Все уже видели подобное, и не раз. Я почувствовал, что меня пытаются нагреть, всучив один и тот же товар дважды, но в какой-то момент появился тот, на кого хозяйка цирка, очевидно, возлагала особые надежды.

Не кривя душой, скажу, что для меня было полной неожиданностью, когда все блохи, кроме одной, разбежались и уюстились на бортике манежа в то время, как оставшаяся... поднялась на задние ноги и выпрямилась.

Из рупоров раздался голос господина шпрыхиталмейстера: “А теперь, дамы и господа! Позвольте представить вам! То, чего вы так ждали! Тот, кого вы хотели увидеть! Поразительный Прыгун! Мальчик-блоха!”

И затем Поразительный Прыгун сорвал с головы цилиндр и поприветствовал зрителей. Зрелище было поистине невообразимым. Мальчик-блоха выглядел почти как человек, и если бы не блошинная голова и не шесть конечностей, его было бы ни за что не отличить от обычного ребенка. Скажу честно, я ожидал подвоха: думал, что Поразительный Прыгун — это сплошная бутафория и подделка — какой-нибудь заводной автоматон или и вовсе кукла.

Поразительный Прыгун прошелся вдоль манежа, отвешивая поклоны и рассылая зрителям воздушные поцелуи.

Затем началось его представление. Он скользил через кольца, ездил верхом на обычных блохах и прыгал, прыгал, прыгал...

Впрочем, номер состоял не только из демонстрации его ловкости. В какой-то момент на манеж вышел слон Оливер, на котором сидел его неизменный спутник, карлик Генерал Труффо, также известный как “Здоровяк”.

Мальчик-блоха лег навзничь в центре манежа, а Оливер подошел и встал на него всеми четырьмя ногами, после чего принялся поворачиваться. До моих ушей долетел чудовищный хруст, что-то восклицали дамы в зале, обещая осчастливить окружающих своим обмороком.

Но страшного не произошло. Слон сошел с мальчика-блохи, и тот как ни в чем не бывало вспрыгнул на ноги.

Оливер ушел, а представление продолжилось. Мариетта Лакур стреляла в мальчика-блоху из пистолетов, метала в него ножи, но тому все было нипочем.

Когда «блошинность» Поразительного Прыгуна все оценили, настал черед демонстрации его человеческой стороны. Униформисты вынесли чайный столик и сервиз, и мальчик-блоха принялся пить чай. Признаться, это было намного поразительнее, чем любые прыжки в кольца. Затаив дыхание, зрители глядели на то, как он кладет в чашку кубики сахара, размешивает чай ложечкой и чинно отпивает, после чего вытирает губы — или что там у него было — салфеткой.

В завершение Поразительному Прыгуну вынесли рупор на ножке, и он принялся петь. О, этот голос! Настоящий человеческий голос! Слегка подпорченный шипением, но и только.

В зале раздались крики: “Обман!”, “Подделка!”, “Фокус!”

Зрителей можно было понять: я и сам заподозрил, что звучит запись, но тогда Мариетта Лакур подошла к рупору и сказала, что любой желающий может задать Поразительному Прыгуну вопрос.

И вот тогда началось настоящее представление. Это и был тот самый “гвоздь”. Вопросы посыпались из зала, и мальчик начал отвечать.

— Сколько тебе лет?

— Десять!

— Как тебя зовут?

— Мартин Лакур!

— Лакур? Кем тебе приходится мадам Лакур?

— Она моя мама!

— Но как так вышло?!

— Когда я жил у нее в животе, ее укусила блоха-грубб, а потом появился я!

— Где ты жил все это время?

— Здесь, в цирке!

— Почему ты не показывался раньше? Тебя скрывали?

— Мама говорила, что я не готов. Но я много учился! И уже я готов!

— Что ты ешь?

— Я пью свиную кровь, как и все здешние блохи!

— Ты когда-то кусал человека?

— Нет! Мама говорит, что это запрещено!

— Как такого урода носит земля?

Мальчик неуверенно поглядел на мать, и та, отодвинув его от рупора, воскликнула:

— Вы о себе, сэр?! Тогда, полагаю, стоит спросить у вашей дражайшей матушки!

Зал отозвался хохотом, и Мариетта Лакур сказала:

— Представление подошло к концу! Мартин, попрощайся!

Мальчик-блоха приподнял цилиндр и заголосил в рупор:

— Я — Поразительный Прыгун! Я здесь, чтобы дарить вам радость и восторг.

Приходите в “Цирк мадам Д.Оже”! Только здесь! Только у нас! Я буду ждать всех! Я буду рад всем! Расскажите знакомым обо мне! Приходите в “Цирк мадам Д.Оже”!

В воздух вылетели шутихи, манеж заволокло багровым дымом и алыми искрами.

Представление закончилось, ну а я глядел в свой бинокль на окошко над ложей для важных персон: там была комнатка, в которой мадам Д.Оже лично наблюдала за всеми представлениями. Хозяйка цирка, полагая, что ее не видят, не скрывала восторга. Ставки были высоки, и ее новый артист оправдал ожидания — судя по реакции зрителей, благодаря ему, она планировала вернуть былые времена, когда на галереях было не протолкнуться.

Что ж, представление, без сомнения, удалось. По пути в редакцию меня не оставляли мысли о Поразительном Прыгуне. Мадам хозяйке цирка удалось удивить меня, а я, тешу себя надеждой, смог удивить вас, мои дорогие читатели.

Если вы все еще сомневаетесь, стоит ли идти в цирк, отриньте все сомнения! Что-то подсказывает мне, что вскоре вам придется побороться за билетик. Ну а я уже взял билет на следующее представление с участием мальчика-блохи, и мне не терпится спросить у него, умеет ли он писать и знает ли счет. Поразительный Прыгун ждет вас! До встречи в цирке!»

— До встречи в цирке... — прошептала Полли и, отложив газету, уставилась в одну точку.

«Попрыгунчик... Поразительный Прыгун... Мальчик-блоха... Очередной монстр, порожденный этим гадким городом... Это ведь о тебе говорил Бетти Грю. Видимо, клоун считает, что именно ты стоишь за всеми похищениями, убил доктора-фокусника и оставил подкову. А ведь и правда: Ты запросто мог забраться в окно его кабинета в больнице... Но зачем тебе похищать циркачей из своей прежней труппы? Какой мотив? Это месть? Или что-то еще?..»

Перед Полли на стол с грохотом опустилась стопка газет, и, вздрогнув, девушка подняла взгляд на зрителя. Она так глубоко задумалась, что даже не заметила, как он подошел.

— Здесь все, что связано с цирком?

— В фондах есть еще... — сказал мистер Филдс.

— Очевидно, в прежние времена «Цирк мадам Д.Оже» нередко попадал в газеты.

Старик покачал головой и нахмурился:

— Здесь не только заметки о «Цирке мадам Д.Оже». Вы ведь не уточнили, мисс Трикк, какой именно цирк вас интересует.

Полли закусила губу. Она и правда допустила оплошность, полагая, что в Габене, как и в Льотомне, откуда она сюда приехала, лишь один цирк.

— Значит, в Габене было... сколько?... два городских цирка? Или больше?

— Два, — ответил зритель архива. — Но второй... он... гм... не то, чтобы городской. «Великий цирк семьи Помпео» — это странствующий цирк-шапито и карнавал, который прежде часто останавливался на пустошах у станции «Тарабар» — это в ста милях южнее Габена. Но так как хозяева этого цирка родом из Тремпл-Толл, да и большинство их артистов отсюда же, то...

— Да, их можно причислить к цирку из Габена, — согласилась Полли. — Я так понимаю, Помпео и мадам Д.Оже навряд ли питали друг к другу добрые чувства.

Старик кивнул.

— Все так. Они были злейшими врагами, конкурировали друг с другом и в своем

противостоянии не чурались никаких методов, даже самых гадких. Я хорошо все это помню, мисс Трикк, ведь в то время был одним из тех, кто освещал имевшую место мерзость. Это была настоящая цирковая война. Начиналось все в виде простых шуток, но постепенно уже всем перестало быть смешно. И дело было не только в грязных слухах о конкурентах, распускаемых обеими труппами. Однажды мадам Д.Оже выкупила все билеты на представление в цирке Помпео, а потом ее человек в газете (нет, это был не наш нынешний шеф) устроил настоящий разнос: мол, у Помпео такое отвратное шоу, что никто на него даже не пришел. В ответ господин Помпео подменил порошок «Дерблюкк» в цирке мадам, и во время представления и зрителей, и самих артистов одолела жуткая чихота. Реакция мадам Д.Оже не заставила себя ждать. И так началось их противостояние... В обоих цирках действовали шпионы, которые то и дело устраивали саботаж. Шпионы разваливали акробатические пирамиды, подпиливали тросы канатоходцев, начиняли мячики для жонглирования взрывчатыми смесями. Люди мадам портили конструкции шатров в шапито Помпео, отчего шатры складывались и падали на головы зрителям. А люди Помпео устраивали поджоги в цирке в Фли. Труппы захлестнули паранойя и охота на шпионов — хозяева цирков самолично избавлялись от любого, на кого падало малейшее подозрение. А потом началась так называемая «гонка трюков», призванная переиграть конкурентов: «У этих бездарей вы никогда подобного не увидите! Только у нас! Представление, от которого волосы встанут дыбом!» И Гораций Помпео, и мадам Д.Оже требовали от своих циркачей все более опасные и смертельные номера, и в какой-то момент то, что прежде было «гвоздем программы», стало ничем не примечательным «разогревом» толпы. В обоих цирках артисты начали погибать в попытках исполнить нечто такое, чего нет у конкурентов. «Смертельные номера» и правда стали смертельными. Но противостояние и не думало стихать. Доходило и до прямых столкновений, как у настоящих уличных банд. Как сейчас, помню клоунские дуэли или схватки гимнастов, переплетавшихся, словно змеи в клубке, или изрешеченные метательными ножами трупы в канавах у обочин улиц. Кто-то из людей Помпео отравил Оливера, слона мадам, отчего он издох прямо во время представления. Мерзкая история: бедняга принялся биться в судорогах и замертво свалился с шара, на котором катался по манежу. Я не буду показывать вам фотографии из газет, но поверьте, это зрелище еще долго преследовало всех, кому не повезло его увидеть.

— Какой ужас! — воскликнула Полли.

— Почти все собранные с продажи билетов деньги, мадам Д.Оже и Гораций Помпео тратили на свою войну. Ну а кое-кто из них тратил не только деньги с билетов. Оба цирка были на грани разорения. Полагаю, именно это и вышло боком мадам Д.Оже.

— Я выяснила, что мадам была в долгах и даже заложила цирк Ригсбергам. А потом, когда получила извещение из банка о том, что цирк подлежит конфискации, покончила с собой, прыгнув на манеж из-под купола.

Старик пожевал сухими губами и сказал:

— Там была очень темная и запутанная история. А дела, в которые сует свои скрюченные пальцы «Ригсберг-банк», все темные и запутанные.

Полли вздрогнула.

— Поймите, вы намекаете на то, что мадам Д.Оже не сама прыгнула? Думаете ей кто-то помог?

— Тогда ходило много слухов. Одни говорили, что она не собиралась расставаться с жизнью, но от отчаяния вдохнула так много дурманного дыма, что ноги сами понесли ее на

мостки под куполом. Другие сплетничали, что ее толкнул пробравшийся в труппу шпион Помпео, а третьи и вовсе полагали, что ее убил кто-то из ее же циркачей.

— У этих «сплетен» были свои основания?

— Э-эм, погодите, мисс Трикк.

Старик повернулся к газетной стопке и провел по ней пальцем, бормоча: «Это было где-то здесь...» После чего — Полли так и не поняла, как он это сделал — смотритель архива ловко выхватил из основания кипы один из номеров. Та при этом даже не качнулась.

Найдя нужную статью, мистер Филдс протянул газету Полли.

Мисс Трикк не сдержалась и поморщилась. Почти всю страницу занимали фотографии, на которых с разных ракурсов было запечатлено изломанное и искореженное тело на цирковом манеже. Лужа крови растеклась из-под него большим пятном. Одна рука мадам была вывернута, а другая лежала у искаженного, залитого кровью лица.

— На что я должна смотреть? — спросила Полли, не в силах отвести взгляд от завораживающе отвратительных изображений покойницы.

— Ее левая рука, — подсказал мистер Филдс.

Полли взяла со стола лупу и пригляделась. Почти сразу она поняла, о чем говорил смотритель архива. Под тремя длинными заостренными ногтями мадам Д.Оже виднелось что-то белое.

— Это же...

— Грим, — кивнул старик. — Полицейский сыщик, занимавшийся этим делом, отметил это, а учитывая, что мадам никогда не пользовалась цирковым гримом, он предположил, что...

— Перед смертью она поцарапала того, кто ее толкнул, — закончила Полли.

Мистер Филдс тяжело вздохнул.

— Когда в цирк пришли агенты банка, расследование было мгновенно свернуто, и официальной версией стало самоубийство. Когда в каком-то деле замешан «Ригсберг-банк», полиция Тремпл-Толл очень быстро его закрывает. Даже если убийство и имело место, убийца остался безнаказанным. Цирковая война завершилась безоговорочной победой Помео. Впрочем, долго наслаждаться триумфом ему не довелось. Во время гастролей на его шапито напала непонятная болезнь. Она выкосила почти всех циркачей, и из всей семьи Помпео остался лишь сам господин Гораций. Цирк закрылся. Поговаривали, что это был последний «подарочек» от мадам Д.Оже...

Полли уже не слушала. Она не мигая глядела на руку покойницы, запечатленную на фотографии, и в голове у мисс Трикк медленно, словно нехотя, связывалась очередная ниточка.

Грим под тремя ногтями (указательным, средним и безымянным)...

Три старых шрама на мерзко улыбающемся клоунском лице...

Полли вскочила на ноги.

— Мисс Трикк? — недоуменно глянул на нее смотритель.

— Вы даже не представляете, как помогли мне, мистер Филдс. Я у вас в долгу. Но сейчас мне нужно спешить.

— Куда вы?

Полли сжала зубы.

— За убийцей.

Старик ошарашенно заморгал.

— Не нужно, мисс Трикк, прошу вас! Гоняться за убийцами очень опасно! Это дело полиции, а не хрупкой девушки из газеты...

На губах Полли появилась жуткая улыбка, заставившая старого зрителя вздрогнуть.

— О, мистер Филдс, уверяю вас: ловить убийцу отправится вовсе не хрупкая девушка из газеты.

* * *

Семафорная площадь. Окруженная со всех сторон темными мрачными кварталами, сверху она напоминает колодец. Вот только монетку с желанием бросать туда совершенно не хочется: во-первых, желание точно не сбудется, а во-вторых, монетку тут же поднимут чьи-то грязные руки с обломанными ногтями. После чего монетка эта затеряется в глубине паба «Вертляк» и вряд ли пойдет на благие дела.

Зубная Фея замерла на карнизе, оглядывая Семафорную площадь в бинокль. Из дымоходов «Меблированных комнат мадам Ши» поднимались струйки дыма. Над землей полз туман.

Сейчас это место казалось самым тихим и спокойным во всем Тремпл-Толл, хотя Зубная Фея знала, что в ближайших домах всегда что-то затевается.

Экипажей здесь не было, если не считать парочку ржавых, поросших бурьяном развалюх без колес у обочин. Прохожие тоже предпочитали проходить где-то в других местах.

Полноценной жизнью жил лишь паб «Вертляк» — его окна светились, а из труб валил дым. Возле входа, обняв шарманку и храпя на всю площадь, спал старый шарманщик.

На площади кто-то появился. Из подворотни дома, над которой висела вывеска «Почта Габена», вышли двое рыжих в серых пальто.

По вздернутым, похожим на огоньки свечи, прическам Зубная Фея узнала в рыжих своих «приятелей» из банды Свечников. Сейчас ей не было до них дела, да и, судя по тому, что они направлялись в сторону «Вертляка», их больше заботили собственные пустые желудки, чем кражи, грабежи и прочие «милые забавы», которые Свечники обычно устраивают.

У заброшенной полицейской тумбы, сиротливо примостившейся у входа в заколоченную лавку «Крыса в шапокляке», рыжие остановились, закурили папиретки, над чем-то посмеялись и продолжили путь к пабу.

Когда свечники, походя пнув дрыхнувшего шарманщика, исчезли за дверью «Вертляка», раздался лязг, и на площадь с Твидовой улицы выехало нечто ржавое и шаткое.

Заваливающийся с боку на бок омнибус подкатил к «Вертляку», из него вывалилось четверо помятого вида типов. Нетвердой походкой они пошагали к питейному заведению и вскоре скрылись внутри. Омнибус развернулся и двинулся обратно, в сторону вокзала.

Семафорная площадь снова погрузилась в тишину.

Зубная Фея перевела бинокль на стоявший в дальнем конце площади темно-красный цирковой фургончик. От одного взгляда на него ее тут же посетило чувство глубокого омерзения.

Бетти Грю... один из самых отталкивающих типов, с которыми она встречалась в Габене, и это притом, что все свое время она проводила на изнанке этого города, роясь в ней, словно старьевщик на мусорной свалке. Грабители, похитители, убийцы, констебли...

толстый клоун был хуже их всех — они, по крайней мере, не имели склонности шутить ужасно тошнотворные и мерзопакостные шутки.

А еще от него, словно от марионетки, сбжавшей от своего кукловода, куда-то в прошлое тянулись гнилые, извалянные в грязи нити.

Все, что происходило сейчас, напрямую было связано с тем, что случилось в цирке много лет назад.

Бетти Грю убил мадам Д.Оже. Столкнул ее с мостков под куполом, и она разбилась. «Решила соорудить птичку», — так он это назвал.

Был ли клоун шпионом Помпео, или же хозяйка цирка ему чем-то не угодила, пока скрывалось за занавесой тайны. Но то, что именно к этому событию нити и вели, сомневаться не приходилось. Было всего два варианта: либо остальные циркачи как-то прознали о том, что этот толстый уродец сделал, начали его шантажировать, и он решил от них избавиться. Либо трупна с самого начала была с Бетти Грю в сговоре, и их всех, одного за другим, настигло прошлое. А прошлое, и Зубная Фея это знала лучше многих, только и ждет своего часа, чтобы постучаться в двери и с коварной улыбочкой спросить: «Что? Не ждали?»

В любом случае скоро она все выяснит. С нее хватит! Бетти Грю потратил достаточно ее времени, но теперь она поговорит с ним по-другому. Пусть немного покорчится от зубной боли — возможно, так из его глотки вылезет хотя бы немного правды...

Спрятав бинокль, Зубная Фея сделала шаг с карниза, из ее кофр-ранца за спиной вырвались два механических крыла, и она устремилась к фургончику.

Немного не долетев до него, Зубная Фея свернула в переулочек и, спрятав крылья, приземлилась среди прогнивших ящиков, наполненных дождевой водой бочек и трухлявой мебели, которой тот был загроможден почти до самых карнизов.

Зубную Фею встретило шипение и раздраженное мяуканье — весь проход между домами был полон котов, и все они выглядели весьма недружелюбно.

— Тише-тише, пушистики, — прошептала девушка, хотя обитателям переулочка больше подошло бы прозвище «плешивики». — Прошу прощения за вторжение. Я к вашему соседу. Злобный толстый клоун — знаете его?

С упоминанием Бетти Грю коты взвыли и бросились врассыпную — вверх по водостокам, ржавым трубам и старым гардеробам.

— Видимо, знаете...

Зубная Фея достала из кобуры на бедре пистолет-«москит» и осторожно выглянула из переулочка.

Судя по всему, хозяин был дома. Фургончик то и дело вздрагивал, натужно скрипели оси колес — толстяку бы поменьше набивать свое брюхо, а то однажды эта хлипкая конструкция возьмет и развалится.

Впрочем, ждать, пока клоуна погребет под собой собственный домишко, Зубная Фея была не намерена.

Подняв пистолет, она вышла из переулочка и, стараясь обходить лужи, беззвучно приблизилась к фургончику.

Дверь была приоткрыта, клоунская маска на ней тоскливо повисла на шее-гармошке. В фургончике свет не горел.

Заглянув внутрь, Зубная Фея различила в темноте громадную черную фигуру.

Это был не Бетти Грю — кто-то намного страшнее клоуна.

Фигура в пальто и цилиндре, покачиваясь, подошла к окошку и одним движением смела

со стоящего под ним столика все что там находилось; зазвенели разбивающиеся бутылки.

На миг уличный свет из окна упал на уродливое... язык не поворачивался назвать это лицом. На покатоЙ блошиной морде чернели два больших глаза, нос отсутствовал, по уголкам рта-пасти шевелились покрытые щетинками щупики.

Зубная Фея вздрогнула. Увидев четыре рукава на пальто у монстра и выглядывающие из них тонкие конечности с кривыми когтями, она мгновенно поняла, кто это.

«Быть не может!» — пронеслось в голове.

Газетная статья, которую Полли Трикк прочитала в архиве, будто бы ожила. А в мыслях тут же возник доктор Барроу, лежащий на полу кабинета — иссушенный и обескровленный...

И вот теперь Поразительный Прыгун пришел за Бетти Грю! А ведь она его предупреждала! Вот только Человек-блоха не застал Бетти, и это явно привело его в ярость.

Зубная Фея потянулась к большому замку, висевшему на краю почтового ящика, намереваясь запереть похитителя и убийцу в фургончике.

И тут Человек-блоха заметил ее.

Он издал разъяренное шипение и бросился к ней.

Схватив замок, Зубная Фея захлопнула дверь и задвинула засов. Одно быстрое движение, и замок щелкает, закрываясь.

Дверь сотряслась от удара. Но выдержала.

Держа ее на прицеле своего «москита», Зубная Фея попятилась. Нужно было что-то предпринять! Вот только что? Положим, она заперла его внутри, но это не может продлиться долго и...

И тут ее мысли подтвердились.

Фургончик закачался, когда Человек-блоха ударил в стену. Одно из колес не выдержало и треснуло. Жилище клоуна накренилось...

Человек-блоха продолжал биться внутри. Было очевидно, что этот «ящик» долго не продержится. Стены и крыша ходили ходуном и трещали, изнутри раздавался звон перекачивающихся и сталкивающихся друг с другом бутылок, за ним последовал скрежет вырванной печурки.

Зубная Фея лихорадочно соображала, что делать дальше. Пули-ампулы из ее пистолета-«москита» не причинят никакого вреда этому страшилищу. Мстительнице вспомнилось описание циркового номера: мадам Лакур стреляла в Прыгуна, метала в него ножи, но он этого даже не замечал. Проклятье, да на него вставал слон!

Не сразу она заметила, что фургончик прекратил сотрясаться...

Зубная Фея замерла, приготовившись к тому, что сейчас... вот-вот... последует удар такой силы, что дверь просто не выдержит и слетит с петель. Время потянулось невероятно медленно...

Ну же...

Ну давай...

Чего же ты ждешь?..

Ничего не происходило.

«Он все еще там, или?.. — Зубная Фея вздрогнула от собственной догадки. — Неужели здесь есть задняя дверь?!»

Держась на расстоянии от фургончика и держа его под прицелом, мстительница двинулась вдоль боковой стенки дома на колесах, заглянула за него, но ничего, кроме крюка,

за который можно было бы прикрепить фургончик к экипажу, не обнаружила. Во второй боковой стенке, той, которая почти вплотную располагалась у стены дома, тоже не было никаких дверей — да там вообще пробраться было бы затруднительно.

«Значит, он еще внутри...» — подумала Зубная Фея, но она ошибалась.

За спиной раздался голос:

— Меня ищ-щ-щещ-ш-шь?

Зубная Фея обернулась.

Человек-блоха сидел на конусной крыше старой афишной тумбы, которая стояла шагах в двадцати от фургончика.

— Потайной ход под землей? — спросила мстительница.

Голова в цилиндре склонилась в знак согласия. Нападать Поразительный Прыгун не спешил. Он не шевелился, разглядывая девушку с любопытством.

— Я знаю, кто ты, — сказал Человек-блоха. — Ты та, о ком пиш-ш-шут в газетах! Зубная Фея! Зач-ч-чем ты приш-ш-шла?

— А вы сами, как думаете, мистер? Похищения... убийство...

Человек-блоха повел головой, но спорить не стал.

— Они заслуш-ш-шили!

— Это связано с гибелью мадам Д.Оже?

— Ч-ч-что ш-ш-ше за день такой? Поч-ч-чему мне сегодня постоянно попадаются те, кто думает, ч-ч-что все знает и понимает?!

— Почему вы убили доктора?

— Он не долш-ш-шен был умереть так просто. Он долш-ш-шен был присоединиться к остальным. Но он ш-ш-шдал меня. Кто-то его предупредил.

Зубная Фея поморщилась — кажется, именно она была той, кто предупредил доктора Барроу.

— Что с другими похищенными? Они живы?

— Им недолго осталось.

— Зачем вы это делаете?

Человек-блоха не ответил.

— Не лезь в это, Зубная Фея. Тебя это не касается!

— Меня касаются все убийства и похищения в Тремпл-Толл.

Человек-блоха какое-то время молчал, словно обдумывая ее слова.

— Я знаю, ч-ч-что ты делаеш-ш-шь добрые дела, спасаеш-ш-шь и защ-щ-щищ-щ-щещеш-ш-шь. Я ч-ч-читаю о твоих делах с интересом: ты пытаеш-ш-шь изменить этот город, несеш-ш-шь надежду. Но это не тот случ-ч-чай. Они — ублюдки, не стоящ-щ-щие сош-ш-шаления, не стоящ-щ-щие защ-щ-щиты или сострадания. Этот город без них будет чищ-щ-ще!

— Возможно, но это неправильно.

— А ч-ч-что тогда правильно? Отдать их под суд? Или вырвать им все зубы?

— Я не могу позволить вам продолжать делать то, что вы делаете.

Монстр на крыше афишной тумбы опустил голову, всем своим видом выражая сожаление.

— Тогда прош-ш-шу принять мои извинения.

Сказав это, Человек-блоха прыгнул.

Зубная Фея выхватила из кобуры гарпунный пистолет и выстрелила. Крюк вонзился в карниз второго этажа ближайшего дома, зашуршал, наматываясь на катушку трос, и Зубная

Фея сорвалась с места.

Зацепившись за карниз она обернулась. Раздался грохот: на том месте, где она только что стояла в воздух поднялся фонтан ломанной брусчатки. Человек-блоха повернул голову в ее сторону и прыгнул снова.

Зубная Фея без промедления высвободила крюк и выстрелила — крюк вонзился в кирпичный дымоход дома напротив. И в тот момент, когда Человек-блоха оказался на карнизе, ее там уже не было.

Быстро вскарабкавшись по жутко скрипящей и угрожающей в любой момент обвалиться лестнице, она забралась на крышу и побежала. В воздух вспорхнули потревоженные голуби.

Человек-блоха был рядом — оказавшись на крыше, он прыгнул и приземлился на дымоход, преграждая ей путь.

Зубная Фея бросилась в сторону. Перебежав на соседний дом по переброшенным доскам-мосткам, она ринулась по крыше, пробираясь между птичниками, погодными тумбами, скоплениями труб.

Человек-блоха перепрыгнул следом за ней.

Зубная Фея остановилась у одной чердачной двери, подергала ручку — заперто! Бросилась к другой. Там ее ждала та же картина...

План был прост: нужно попасть внутрь дома — в узком пространстве ее преследователь не сможет прыгать.

— Заперто! Ну почему везде заперто?!

За спиной раздался грохот.

Человек-блоха сидел на дощатой крыше птичника, возле которого в несколько ярусов стояли пустующие клетки с открытыми дверцами.

Он был в дюжине ярдов от нее! Следующий прыжок ее точно достигнет!

И Зубная Фея сделала единственную вещь, которая в данных условиях казалась ей разумной. Сорвавшись с места, она побежала к краю крыши.

Соскочив с карниза, мстительница раскрыла крылья. Человек-блоха прыгнул. За мгновение до того, как он схватил Зубную Фею в полете, она резко потянула на себя левый манипулятор и свернула вбок.

Обладатель черного пальто пронесся мимо и приземлился на соседнюю крышу.

Зубная Фея повернула голову. Он готовился для нового прыжка...

Отвлеклась на преследователя она напрасно. Впереди прямо по курсу были натянутые и уходящие куда-то в небо пять якорных цепей: одна — толстая и остальные — чуть тоньше.

Едва не врезавшись в взявшуюся словно из ниоткуда преграду, Зубная Фея в последний момент изменила направление полета. Описав дугу вокруг цепей, она задрала голову: чугунными пуповинами, вместе с присоединенной к центральной цепи бурой от ржавчины квадратной трубой, они уходили на многие футы вверх. Там, высоко, среди густых графитовых туч, висел большой аэробакен, на котором была установлена швартовочная площадка для малых дирижаблей и воздушных шаров.

«Туда! — пронеслось в голове. — Там он меня не достанет... просто не допрыгнет...»

Зубная Фея потянула рычаги манипуляторов на себя. Рули высоты повернулись на шарнирах, и мстительница устремилась вверх.

Датчики на кофр-ранце попискивали, на кожаном браслете левой руки в круглом окошке вариометра, прибора показывающего вертикальную скорость, застыла отметка в 30 узлов, на браслете правой руки с глухим щелканьем сменялись ячейки высотомера: «200

футов»... «300 футов»... «500 футов»...

Вскоре Зубная Фея уже была над площадкой. Высотомер показывал: «655 футов».

Опустившись на аэробакен, она огляделась по сторонам.

В небе над городом было так холодно и сыро, что Зубная Фея ощутила это даже через лётную куртку. Дул ветер, поскрипывали основная якорная цепь и четыре тонких, анкерных, на углах площадки, предназначенных, чтобы ее не сносило. Аэробакен чуть кренился из стороны в сторону — каждый такой наклон сопровождал пугающий скрежет. Зубную Фею посетило чувство, какое бывает, когда стоишь на палубе корабля посреди беспокойного моря.

По краю площадки располагались древние леерные ограждения, между ними стояли тумбы для швартовки летательных аппаратов и носами отрастали узкие мостки для спуска экипажа. В центре аэробакема стояло семафорное устройство (фонарь горел красным), рядом торчала горловина уходящей вниз трубы. Возле нее примостилась табличка: «*Для квадратных коробок*».

Зубная Фея поняла: это почтовая труба, а значит, внизу находится отделение почты Габена. Дирижабль, груженный бандеролями, швартуется здесь, и почтальоны спускают по трубе коробки, чтобы сэкономить время и не приземлять аэростат на Семафорной площади...

Больше на аэробакене ничего не было.

Зубная Фея подошла к краю площадки и глянула вниз. Похожие на лоскуты в старом клоповьем одеяле, крыши домов, окружающих Семафорную площадь, пустовали.

«Куда он делся? — подумала девушка, всматриваясь в напоминающие спичечные коробки чердаки. — Понял, что не достанет меня здесь, и решил убраться восвояси?»

Платформа вдруг вздрогнула и качнулась. Вот только это был не обычный для нее крен из-за ветра — Зубная Фея сразу же это поняла.

Она перегнулась через леерное ограждение и увидела...

Человек-блоха карабкался по цепи. И приближался он очень быстро — черная фигура в пальто и цилиндре, цепляясь когтями всех шести конечностей за чугунные звенья, преодолевала фут за футом...

— А ты все не уймешься, как я погляжу!

Ждать появления монстра на площадке Зубная Фея не собиралась: сейчас правильнее было бы сбежать и придумать, как его одолеть, чтобы потом, при следующей встрече, уже ему пришлось бы ретироваться и прятаться...

Зубная Фея подбежала к мостку-трапу и, крепко сжав манипуляторы, сорвалась в полет.

Вернее, она была уверена, что сорвалась...

В тот миг, как ее ноги оторвались от мостка, что-то схватило ее за крыло. Повернув голову, она увидела Человека-блоху — вцепившись одной парой рук в наполненный летучим газом металлический баллон аэробакема, другой он держал ее за элерон правого крыла. Когти пробили кожу перепонки и схватились за стрингер.

— А ну, отпусти! — крикнула мстительница, но Человек-блоха и не подумал слушаться. Он с силой рванул ее к себе и затащил обратно на площадку.

Зубная Фея перецелкнула тумблер на правом манипуляторе, и монстра обдало вырвавшейся из сопла под кофр-ранцем струей пламени.

Он успел отшатнуться и высвободить когти из ее крыла, попутно разорвав два шланга, из которых тут же забили струйки пара. Крыло повисло...

Зубная Фея рухнула на одно колено.

Человек-блоха стоял в трех футах от нее — его морда, пальто и цилиндр дымились. За спиной на ветру развевался длинный полосатый красно-черный шарф.

«Да уж, вот так переплет!» — сказал бы сейчас, глядя на Зубную Фею, ведущий репортер «Сплетни» Бенни Трилби, при этом не преминув бы сделать фотографию.

Впрочем, кадр не получился бы: платформу нещадно качало, почтовая труба трещала и ломалась, анкерные цепи лязгали от натуги, грозя оборваться. Добавить к этому словно обезумевший ветер и надвигающегося на мстительницу монстра, и можно было бы смело присовокупить к прежнему высказыванию сугубо газетное ругательство: «Абзац!»

Особо не рассчитывая на успех, Зубная Фея выхватила из кобуры «москит» и выстрелила. Ампула попала монстру в грудь, но не причинила ему вреда, стукнувшись о хитиновый покров.

— Тебе не забрать мои зубы! — заревел Человек-блоха. — У меня нет зубов!

Он бросился к девушке и ударил наотмашь всеми четырьмя руками. Зубная Фея отпрянула и вскочила на ноги. Кривые когти прошли в дюйме от ее лица.

Одним движением спрятав пистолет, она выхватила из-за спины дубинку-«зуболом» — да, зубов у него нет, но вряд ли ему понравится, если эта тяжеленная штуковина встретится с его мордой...

На качающейся площадке аэробакена началась настоящая схватка. Зубная Фея с трудом держала равновесие. Крылья за спиной — одно из них к тому же поврежденное — мешали, но мстительница не могла убрать их в кофр-ранец. Монстр просто не оставлял ей времени и возможности для лишнего движения. Она едва успевала отбивать его удары «зуболомом».

Человек-блоха двигался быстро. Его четыре руки вырывались вперед то по одной, то все вместе — от ответных ударов «зуболома» он уворачивался, отпрыгивал в сторону, опускался на все свои блошинные конечности, а потом нападал снова...

Когти монстра мелькали возле ее лица, один распорол куртку, еще один разрезал предплечье. В горячке схватки она этого почти не заметила.

Человек-блоха попытался оттеснить ее к ограждению площадки, но Зубная Фея отступила за горб семафора. Монстр не стал обходить его, а попросту перепрыгнул и снова набросился на девушку, пытаясь нанизать ее на один из когтей, словно червяка на крючок.

Зубная Фея отбивалась, но этих рук было так много! С каждой новой атакой на лётной куртке мстительны становилось все больше прорех, когти скрежетали по вшитой под подкладку металлической сетке.

В ответ Зубная Фея пыталась достать «зуболомом» Человека-блоху, но дубинка лишь со свистом рассекала воздух, всякий раз проносясь мимо...

Все происходило так быстро, что в голове были лишь какие-то лоскуты из мыслей: «Я не...», «упасть...», «нужно...», «ослепить», «штурм-фитиль...»

В очередной раз ударив монстра «зуболомом», она потянулась к фонарю на поясе, но ни снять его, ни уж тем более зажечь не успела.

Увернувшись от дубинки Зубной Феи, Человек-блоха подпрыгнул на три фута в высоту и прямо в воздухе ударил ее в грудь обеими своими ногами, после чего ловко приземлился на аэробакен.

Удар был так силен, что Зубная Фея пронеслась через всю площадку и, вылетев на мостки, застыла на самом краю на одних носочках... Еще бы немного и...

— Нет! Нет... — теряя равновесие и размахивая руками, выдохнула она. Тяжелые

крылья за спиной потянули ее вниз, и с криком девушка сорвалась с площадки.

Человек-блоха одним прыжком оказался на том месте, где только что стояла мстительница.

Опустив голову, он увидел, как Зубная Фея в облаке черного дыма летит вниз, переворачиваясь в воздухе. Сломанное крыло суматошно трепыхалось, а другое, хоть и работало, но остановить падение было не в состоянии.

Вот она уже преодолела половину высоты до земли, лихорадочно дергая манипуляторы... вот у нее, вроде как, даже вышло немного выровняться и прекратить вращение, а уже в следующее мгновение она рухнула на какую-то крышу, и пробив черепицу, исчезла из виду.

В воздух на том месте, куда она упала, поднялась туча бурой трухи и пыли.

Человек-блоха перебрался с мостка под платформу и пополз по цепи вниз.

Спустившись на крышу дома, он быстро нашел место падения — в черепичной кладке зиял большой пролом...

Человек-блоха подполз к краю, заглянул в пролом и увидел Зубную Фею. Она лежала на чердаке в куче какого-то тряпья. Ее крылья распластались, одно торчало ребром, изломанное в нескольких местах. Посадка явно не прошла для мстительницы даром, но все могло быть хуже, если бы не одно работающее крыло, которому все же удалось чуть замедлить падение.

Зубная Фея держалась за голову и стонала от боли.

Увидев наблюдавшего за ней Человека-блоху, она вскинула руку, направив на него «москит».

Тот даже не шевельнулся.

— Ну давай же! — крикнула она. — Чего ты ждешь? Можешь спуститься и попытаться убить меня!

Она ждала, что Человек-блоха примет ее приглашение — еще бы, такая легкая добыча! — но он просто продолжал на нее глядеть.

Оценив плачевный вид мстительницы, он лишь сказал:

— Мне незнач-ч-чем тебя убивать. Зубная Фея мне не враг. Но если ты ещ-щ-ще раз попытаеш-ш-шься меня остановить, то тут уш-ш-ш я сделаю то, ч-ч-что нуш-ш-шно. Луч-ч-чш-ш-ше бы тебе не меш-ш-шать моей мести, Зубная Фея!

Сказав это, он исчез.

Зубная Фея снова застонала. Громко и протяжно. Потом подумала, что, кажется, уже начинает слегка переигрывать, да и попрыгун уже явно ее не слышит.

Можно прекратить притворяться.

Мстительница рванула рукой пряжки на ремнях, расстегнула пояс и выскользнула из лямок кофр-ранца. Перевернувшись, она принялась быстро переподсоединять шланги, перекрыла винтом один клапан, открыла другой, вправила на место один из вывернутых лонжеронов крыла, затем перетянула ремни. Правый элерон был разломан — придется пока обойтись без него.

Кому-то может показаться, что летать на механических крыльях, невероятно сложно. Что ж, так и есть, но Зубная Фея могла заверить, что падать и притворяться, будто не контролируешь падение — в разы сложнее. Это было для нее чем-то совершенно новым — сколько артистизма она вложила в это падение!

Самым трудным было сдерживать себя, чтобы не схватиться раньше времени за манипулятор и не выровнять полет. По правде, она могла улететь в любой момент, но в тот

миг, когда она падала и вращалась, словно скомканная тряпка в тетушкином стиральном аппарате «Даухвитц», у нее появилась... нет, не мысль — сформулировать мысль в таких обстоятельствах она бы не смогла. Ее посетила вспышка идеи. Хитрость... вот, что она сделает...

Вероятность того, что Человек-блоха попытается ее добить, была высокой, но ей было нужно, чтобы он решил, что какое-то время она для него угрозы не представляет. И тогда он уйдет, а она проследит за ним и отыщет его логово — и, возможно, даже тех, кого он похитил...

Мстительница надела кофр-ранец и, потуже затянув пряжки пояса и лямок, запустила двигатели.

Взмыв вверх, она на миг сложила крылья и вылетела через пролом, словно нитка в игольное ушко, после чего вновь их раскрыла. Поломка была устранена и больше не беспокоила. А вот раненое плечо и ушибленная грудь беспокоили довольно существенно. Впрочем, последствиями схватки сейчас заниматься времени не было.

Зубная Фея быстро оглядела площадь в поисках столь любезно оставившего ее в живых монстра.

— Хм... — Она увидела, как вдалеке, на один из чердаков приземлился черный комок, после чего этот же комок, выписав очередную впечатляющую дугу, опустился на дымоход соседнего здания. — Очевидно, хитрость сработала... Поглядим, куда ты направляешься...

Человек-блоха стремительно отдалялся, прыгая с крыши на крышу. Вот он только что был на здании «Меблированных комнат Фиори», а вот — уже на шпиле ротонды «Пансиона для непослушных детей мадам Лаппэн»...

Зубная Фея держалась на безопасном расстоянии, не решаясь приближаться — если он ее заметит, все пропало. Поразительный Прыгун двигался на восток, в сторону канала Брилли-Моу.

«Ну разумеется, — думала преследовательница. — Куда бы тебе еще направляться? Блоха из Блошиного района. Где бы ты еще устроил себе логово? Видимо, ты так и не смог оставить старый цирк...»

Впереди была уже Чемоданная площадь...

Пробежав по крыше Паровозного ведомства, он оттолкнулся от дождевого желоба и, перепрыгнув через переулок, в котором располагалась станция кэбов, оказался на куполе здания вокзала. Карабкаясь по черепице, как самая настоящая блоха, он прополз над часами, и скрылся из виду на другой стороне купола.

Зубная Фея ожидала, что Человек-блоха вот-вот снова прыгнет, но он все не появлялся.

«Куда ты делся?»

Она подлетела ближе и сделала круг над зданием вокзала, всматриваясь в дымоходы, карнизы и водостоки. И тут она увидела...

В куполе здания вокзала зиял чернеющий пролом.

«Твоя нора находится на вокзале?!» — удивилась Зубная Фея.

Подлетев к пролому, она зацепилась за его край и спрятала крылья. Заглянула внутрь — темно!

Собравшись с духом, Зубная Фея пролезла под купол и нащупала ногами деревянную балку, которая тут же под ней скрипнула.

Зубная Фея замерла. Нет, кажется, ее не услышали.

До нее донесся голос — говорил совершенно точно не Человек-блоха.

— Ты узнал, что хотел? — голос принадлежал женщине.

«Так-так... — подумала Зубная Фея. — Значит, ты здесь не один. Любопытно...»

Зубная Фея бесшумно переместилась на балку ниже. Ее глаза привыкли к темноте, и она разобрала очертания чердачного хлама и...

У колонны прямо под ней на полу сидел... Дилби!

Зубная Фея сжала зубы. Что он тут делает?! Неужели он первым отыскал Человека-блоху и его логово?!

Констебль, судя по всему, был без сознания. Он не шевелился, его голова склонилась на грудь, рядом лежал полицейский шлем.

В нескольких шагах от него, у часового механизма, стояли двое: Человек-блоха и девушка в зеленой форме Паровозного ведомства.

«А ты еще кто такая?»

Девушка выглядела взволнованной и испуганной, но боялась она явно не своего чудовищного собеседника.

В руке служащая вокзала сжимала трость. Прищурившись, Зубная Фея различила глаза незнакомки — пустой, невидящий взгляд мгновенно все прояснил.

«Ты слепая!» — поняла мстительница.

Человек-блоха между тем ответил девушке:

— Нет. Его там не было...

«Видимо, он говорит о Бетти Грю», — догадалась Зубная Фея.

Монстр продолжал:

— Но я узнаю. Я потребую ответы. Но не сейч-ч-час. Мне нуш-ш-шно подумать. Кое-ч-ч-что произош-ш-шло. Я встретил ее... Летти, я встретил ее!

— Кого?

Зубная Фея поняла, что прятаться больше не имеет смысла: Дилби, все дело в нем!

Она пока не знала, что будет делать, но в одном была уверена: она не покинет это место без констебля. К тому же то, что монстр был не один, все изменило...

— Злодеи в злодейском логове! — достав «москит» и нацелив его на Поразительного Прыгуна, воскликнула она. — Замечательно!

Человек-блоха и его собеседница вздрогнули и задрали головы.

Увидев замершую на балке Зубную Фею, монстр сперва не поверил своим глазам — он ведь избавился от нее! Почему она здесь?!

Первое недоумение прошло, и он гневно прошипел:

— Это не логово! Это наш-ш-ш дом. И мы не злодеи!

— Неужели? — спросила Зубная Фея. — Похищения циркачей, убийство доктора... Кто же вы, если не злодей, мистер Прыгун?

— Я — такой ш-ш-ше, как и ты. Я мщ-щ-щу... Я — мститель!

Зубная Фея покачала головой и ткнула дулом пистолета в констебля Дилби.

— Он тоже заслуживает отмщения? Этот человек ничего не сделал...

— Он меня наш-ш-шел! Он знает обо мне! А знач-ч-чит, скоро и вся полиция будет знать. Я не могу этого допустить...

— Кто... кто это? — испуганно спросила слепая девушка. — С кем ты говоришь, Мартин?

— Это та, о ком мы ч-ч-читали в газетах, Летти, — сказал Человек-блоха. — Зубная

Фея.

— Собственной персоной! — добавила мстительница.

— Зубная Фея?! — со смесью страха и восхищения спросила Летти. — Вот бы я могла ее увидеть...

Поразительный Прыгун, в отличие от нее, никакого восторга не испытывал.

— Ч-ч-что тебе от меня нуш-ш-шно?

— Скажите, где похищенные, отпустите констебля и сдайтесь.

— Этого не будет!

— Тогда вы не оставляете мне выбора, мистер Прыгун...

Монстр глядел на нее своими черными блошиными глазами. Щупики у его рта мелко подрагивали.

— Ты уш-ш-ше попробовала один раз! Думаеш-ш-шь, сейч-ч-час получ-ч-чится? Твои пули меня не берут...

— Верно, — сказала Зубная Фея. — Но в вас пытаться стрелять я больше не буду, мистер Прыгун.

Жестокая мстительница сделала то, чего никогда не сделала бы Полли Трикк из газеты — она перевела оружие и нацелила его на Летти.

Человек-блоха застыл.

Летти, разумеется, не видела этого, но почувствовала, как что-то изменилось. Что-то в голосе Зубной Феи заставило ее ужаснуться.

— Что происходит? Мартин?

Вместо ответа Человек-блоха спросил Зубную Фею:

— Ты ш-ш-ше не станеш-ш-шь стрелять в слепую?

— Вы меня вынуждаете...

— Я тебе не позволю! — закричал Человек-блоха и поджал ноги, собираясь прыгнуть, но Зубная Фея была быстрее.

Раздался выстрел.

Пуля-ампула вонзилась в грудь девушки, и та дернулась. Дрожащей рукой она вытащила иглу.

Монстр повернулся к ней.

— Летти...

На лице девушки застыло искреннее и совершенно детское непонимание.

А в следующий миг Летти выронила трость и закричала, зажав рот руками.

— Пока это просто боль, — безжалостно сказала Зубная Фея, переводя на пистолете какой-то неприметный рычажок. — Но второй выстрел лишит ее зубов.

Второго выстрела монстр ждать не стал. Он бросился к Летти и, подхватив ее на руки, запрыгнул в оконный проем.

Перед тем, как выпрыгнуть наружу, Человек-блоха обернулся.

— В газетах все лош-ш-шь, — прошипел он. — Ты не спасительница. Ты — такая ш-ш-ше, как и те, кого ты ловиш-ш-шь... Злодейка...

После чего, прижав к груди воющую Летти Бракнехт, выпрыгнул в окно.

Зубная Фея не мигая глядела на то место, где только что был монстр, сжимающий в нежных объятиях слепую девушку. В сердце что-то закололо.

В чуланном и провонявшем нафталином Тремпл-Толл в ходу была поговорка: «Не ходи под мост в темноте!»

Ее часто говорили своим воспитанникам нянюшки, при этом все они непременно добавляли от себя какую-нибудь жуткую городскую легенду: каждая — свою. Под мостом одной нянюшки якобы жил громадный сом, который подстерегает наивных детишек, чтобы ими полакомиться. Под мостом другой обитал разумный и очень злобный Мистер Пес, который отлавливает юных джентльменов и мисс и превращает их в бродячих собак. Под мост третьей кукольники сбрасывали неудавшихся или сломанных кукол, и из них однажды собрался жуткий кукольный монстр. У еще одной — сам мост был живым и, как только какой-нибудь ребенок приближался к нему, он хватал его своей прожорливой каменной пастью...

Фантазии нянюшкам, желавшим запугать ребенка, было не занимать, но все они, в общем-то, говорили правду: под мосты в Саквояжне с наступлением темноты лучше не соваться. И быть может, не под каждым обреталась какая-то зловещая городская легенда, но зато под каждым ночами творились весьма неблагоприятные дела.

Взять, к примеру, мост Слизней, который находился на самом краю Фонарни: то, что происходило там этой ночью уж точно не предназначалось для детских глаз.

На крючке под аркой моста висел фонарь с битым плафоном. В его темно-рыжем, почти коричневом, свете плясали черные тени.

Под фонарем лежал большой тюк. Тюк шевелился, из его глубины то и дело вырывались возгласы, настолько непотребные, что, услышь их, даже самый пьяный из всех матросов в порту сказал бы: «Снимаю шляпу».

Возле ругающегося тюка на пустом ящике из-под химрастопки восседал, закинув ногу на ногу, карлик в дорогом костюме и цилиндре. Напротив него на трухлявых ящиках и гнилых бочках сидели невзрачного вида типы (и типессы) с клоунскими носами и полосатыми леденцами в руках.

Господин помоек и повелитель безвкусицы Бромбель, размахивая руками и чуть ли не выдирая из бороды клочки волос, расхаживал туда-обратно и во всех красках рассказывал своему низкорослому нанимателю о том, как все прошло. Главарь Тупиц врал, как в последний раз, живописуя собственные подвиги, а его прихвостни кивали и облизывали леденцы.

Карлик с утомленным видом слушал Бромбеля, лениво покручивая за хвост дохлую крысу, подобранную здесь же, под мостом.

Теофиллиус Труффо по прозвищу «Здоровяк» был человеком неглупым и сразу же понял, к чему ведет вся эта напускная клоунская экспрессия Бромбеля: Тупицы явно решили вытрясти из него еще и чаевые. Хотя Труффо и ожидал чего-то подобного, ни пенни больше оговоренной суммы платить он не собирался.

Бромбель между тем ткнул в ругающийся тюк:

— Вы только гляньте, какой он жирный, сэр! Самое сложное было дотащить его до нашего клоун-мобилера.

Карлик прищурился.

— То есть по сути дело было легким?

Тупицы принялись перешептываться, а их главарь возмущенно воскликнул:

— Что? Нет! Мы едва не расстались с жизнями! Трое наших полегло прямо там, на Семафорной площади!

— Значит, теперь доля каждого из тех, кто остался, выросла?

Бромбель понял, что сам себя закапывает. И решил подкинуть еще немного земли:

— Вообще-то это наш дебют в похищениях! А билеты на дебюты — и все это знают! — стоят дороже!

— Вы ведь меня уверяли, что собаку съели на похищениях, — заметил карлик.

Бромбель пожевал губы, осознав, что сказал что-то не то, и заявил:

— Нет, вы просто не поняли. Мы съели собаку. Перед тем, как вы нас наняли. Было вкусно. Мы часто едим собак. К похищениям наше обеденное меню не относится...

— Договор был о сотне фунтов за похищение, — непреклонно ответил Труффо. — Я вам уже заплатил. Так?

— Э-э-э, да, — Бромбель замялся. — А возместить нам расходы?

— Что еще за новость?

Бромбель недоуменно уставился на карлика.

— Какая такая новость? Я говорил о расходах...

Труффо сжал зубы, чтобы не взвыть от подобной тупости, и с ледяной улыбкой спросил:

— Что за расходы?

— Наканифолить носы, наполировать клаксоны. Дамы сделали себе прически у мадам Клотильды. Джентльмены выкурили по сигаре. Я прикупил новенькие часики.

— И зачем вы все это сделали?

— Как зачем? Чтобы быть во всеоружии, само собой!

— Это ваши личные расходы, — начиная злиться, сказал Труффо. — То, как именно вы планировали проворачивать дельце...

— Антре! — вскинув палец, важно уточнил клоун.

— Пусть так. Вы должны были все учесть.

— Но мы поиздержались...

Труффо перебил его:

— Ладно! Вы все-таки исполнили свою задачу, и заслуживаете... награды.

Тупицы переглянулись и принялись беззастенчиво потирать руки. Карлик продолжил:

— Но это будут не деньги.

Шесть клоунских лиц синхронно вытянулись.

— Не деньги?

— Кое-что получше. Скоро в Габен прибудет мой хозяин — джентльмен, которого я имею честь представлять. Ему нужны верные и исполнительные люди для предприятия, которое он готовит. И я порекомендую ему обратить внимание на труппу Тупиц Бромбеля.

— И все? — разочарованно протянул главарь клоунов.

— Вы ведь не знаете, кто мой хозяин. — Карлик жестом подозвал Бромбеля и, когда тот подошел, велел ему поклониться. После чего шепотом назвал имя.

Пару мгновений Бромбель стоял в недоумении и хлопал ресницами.

— Тот самый? — с восторгом спросил он.

— Тот самый, — усмехнулся карлик.

Бромбель задрожал от возбуждения, и, повернувшись к Тупицам, сообщил:

— О да, это то, что нам нужно.

— Раз уж мы со всем разобрались, — сказал Труффо, — пришло время поболтать с нашим жирным другом.

Бромбель подозвал Доходягу и Жильбера и втроем они не без труда приподняли тюк, прислонили его к бочке и принялись возиться с шнурами.

— Проклятье! — воскликнул Бромбель. — Кто завязал такие узлы? Это ты, Доходяга?

— Нет, босс! Это все Жильбер! Это его узлы! Просоленные морем, как и его задница!

— Вообще-то, — флегматично возмутился Жильбер, — я не был моряком. Я всего лишь служил на маяке. Не знаю, откуда пошел слух о том, что я имею к морю отношение. Я вообще, прошу заметить и не забывать, не очень-то жалую море.

— Что, правда? — удивился Бромбель. — Я всегда думал, что ты был каким-то... э-эм... моцманом.

— Правильно — «боцман», босс! — исправил Рэми.

— Нет, правильно «моцман». Мне лучше знать. Я повидал на своем веку моцманов, вообще-то. Я про морское дело все знаю: чайка, румпель, якорь, кок и мель. Как тебе такое?

— Значит, это ваши узлы, босс?

Бромбель почесал клоунский нос и буркнул:

— Не умничай! Откуда бы мне знать морские узлы?

— Но вы же сказали, что знаете все про морское дело...

Труффо не выдержал и, подойдя, велел клоунам расступиться. После чего достал из-под пальто внушительных размеров нож и разрезал шнур, но только сверху, чтобы жертва похищения не освободилась.

— Осторожнее, сэр! — предупредил Бромбель. — Он может укусить или плюнуть!

— Ну, я надеюсь, наш старый добрый мистер Грю вспомнит о манерах и не станет плеваться.

Карлик стянул с головы пленника занавес и вовремя отскочил в сторону. Плевок пролетел мимо, и угодил в глаз стоявшему чуть поодаль Доходяге. Бромбель заблаговременно раскрыл зонтик и спрятался за ним.

— Как некрасиво, Бетти, — проворчал Труффо. — Будешь плеваться, я велю этим джентльменам сломать тебе нос.

— Вообще-то, — подала голос Фифи, — в нашей труппе я отвечаю за сломанные носы! Возмутительно недооценивать дам! А я, между прочим, неплохо натренировалась ломать носы на своих семнадцати братьях!

Бетти Грю повел шеей, быстро оглядел место, в котором оказался, и заскучал.

— Если хотел поболтать со старым приятелем, нужно было просто заглянуть в мой фургончик с парой бутылочек «Па-па-пьяни». Зачем было посылать этих идиотов?

— Мы — Тупицы! — гневно вставил Бромбель.

Карлик вскинул руку, веля ему молчать и не вступать.

— Время дружеских разговоров закончилось, Бетти, — хмуро сказал он. — Пора потолковать с тобой так, как ты того заслуживаешь.

— Фу-марфу! Не пугай клоуна несмешной шуткой, Труффо! Что ты удумал? Прирезать меня в этом чудном местечке? Смотри, ножичек не затупи о мою бегемотовую шкуру!

— Даже у бегемотов есть слабые места, — сказал карлик. — Так что, думаю, ты уже не выберешься из-под этого гостеприимного моста. Но сперва ты ответишь на мои вопросы.

— Фу-марфу! Скучные вопросы! Что-то я не в настроении!

— Ты мерзкий, злобный выродок...

— О, оскорбления! Это мне нравится больше, чем скучные вопросы.

— Я знаю, что все это твоих рук дело. Будешь отпираться? Я ходил к Вивиан, Кло и Бабулу... да и к прочим. Они все исчезли! Я сразу же все понял!

Бетти Грю оскалил кривые желтые зубы.

— Ты знал, к чему все приведет, когда собирал нас, Труффо. Это ты виноват в том, что с ними случилось.

— Неужели? Я должен был знать, что ты похитишь остальных, лишь бы они не примкнули к моему хозяину? Я должен был предугадать твою зависть?

— Это не зависть. Ты так ничего и не понял, Труффо. Это моя труппа. Моя! Мы не будем плясать под дудку твоего... — он с презрением сплюнул на землю, — хозяина.

— Ты глупец, Бетти! — воскликнул карлик. — Ты как греmlin в кондитерской! Сам не ешь, и другим не даешь! Я предлагал им лучшую жизнь! Я хотел разбудить их и напомнить, кто они такие на самом деле!

— Не-е-ет, — протянул толстый клоун. — Тебе плевать на них... на нас! Твоему хозяину нужны циркачи мадам Д.Оже. Только поэтому ты объявился спустя двадцать лет и собрал нас. Но знаешь что? Он не получит никого из нас!

— Что ты с ними сделал? Они живы?

— Некоторые. Пока.

— Где они?

Бетти Грю фыркнул.

— Тебе стоит переживать не за их шкуры, а за свою.

— Что это значит?

Толстый клоун ослабил.

— Ты и правда думаешь, что эти кретины смогли бы меня схватить, если бы я этого не хотел?

Бромбель в гневе с шумом выпустил воздух изо рта и... прочих отверстий.

— Мы — Тупицы! И мы тебя победили честно!

— Я поддался.

— А вот и нет!

— А вот и да!

— Заткнитесь все! — рявкнул карлик. — Зачем тебе поддаваться?

Бетти Грю расхохотался.

— Ты не умнее этих прощелыг, Труффо. Ведь ты наивно полагаешь, что они притащили меня к тебе. Но все наоборот! Это тебя они притащили ко мне!

— Что за чепуха?

— Я, знаешь ли, порядком разленился за последние годы, — сказал Бетти. — Еще бегай за тобой по всей Саквояжне, суй нос во все щели... Думаешь, я не просчитал, что рано или поздно ты явишься сам? Я все ждал, когда ваше сиятельство вылезет из норы.

— Ты совсем спятил...

— Разумеется! И это замечательно!

Бетти Грю повернул голову к Бромбелю.

— Думаю, вам самое время наканифолить пятки. Тут, ребятки, сейчас начнут происходить дела, которые вам очень не понравятся.

— Мистер Труффо пообещал порекомендовать нас Тому Самому, так что мы никуда не уйдем, толстяк.

— Значит, вы и правда тупицы, — сказал Бетти, а затем свистнул во всю мощь легких. Клоуны заозирались, а Труффо сжал зубы — он уже все понял.

В ответ на сигнал толстяка на мосту зажегся фонарь, на брусчатку под ним легли синие отсветы.

— Полундра! Флики! — завопил Бромбель, и Тупицы бросились врассыпную.

— Стойте! — кричал им вслед Труффо, но его никто не слушал: страх перед полицией пересиливал у клоунов жажду наживы.

Карлик сорвался с места, но выбежать из-под моста не успел — путь ему преградил громадный констебль. Труффо развернулся, но с другой стороны уже стояли еще двое служителей закона.

Полицейские ринулись к карлику. Один схватил его за шиворот, как нашкодившего мальчишку, другие пару раз стукнули его по ребрам дубинками.

Труффо согнулся и захрипел. Цилиндр слетел с его головы и упал в грязь.

— Развяжите меня! — велел Бетти Грю, и двое констеблей поспешили исполнить приказ.

Карлик глядел на все это, широко раскрыв глаза от ужаса и непонимания.

— Как ты заставил их подчиняться?!

— О, это было несложно, — сказал толстый клоун, выбираясь из занавеса.

— Но почему? Почему они тебя слушаются?

— Я похитил их детей.

Бетти Грю расхохотался.

Карлик так и не понял, правда ли это, но судя по тому, как констебли заскрипели зубами, он догадался, что лучше в эту тему не углубляться.

Один из громил-полицейских, держа Труффо за шиворот, оторвал его от земли.

Толстый клоун танцующей походкой приблизился к болтающемуся в руках констебля карлику и приставил свою уродливую улыбку в упор к его лицу.

— Тебя непросто было выловить. Но мне это удалось. И теперь ты сделаешь то, что я тебе велю, иначе...

— Что ты от меня хочешь? — захныкал Труффо.

— О, знаешь, пришла моя очередь веселиться. И теперь ты, Труффо, поучаствуешь в моем антре.

— О нет...

— О да. Все прямо как в старые добрые времена.

Глава 8. Тот, кто рассылает метки

— Эй, Дилбс! — раздался над головой знакомый голос.

— Да он не слышит! — прозвучал рядом другой голос, тоже знакомый. — Ткни его!

Что-то ощутимо стукнуло младшего констебля по груди, и он с трудом разлепил глаза.

Над ним склонились Бэнкс и Хоппер.

— Что? Э-э-э... где я?

Джон Дилби приподнялся и схватился за голову. Застонал. На пол упала и со звоном закатилась под скамейку бутылка.

— Хе-хе, глянь на него, Бэнкс! Наш Дилбс не такой простак, как мы думали.

— Верно! — хохотнул толстяк. — Это что же ты, Дилбс, совсем про службу забыл? Гуляешь, констебль?

Джон мутным взглядом огляделся по сторонам. Он был в зале ожидания. Кругом сновали пассажиры. Что-то бурчал диспетчер из рупоров-вещателей.

— Как... как я здесь оказался?

— Это уж у тебя спросить нужно, — сказал Хоппер.

— И мы с радостью послушаем, — добавил Бэнкс.

Джон вспомнил чердак под крышей, жуткого четырехрукого монстра и вздрогнул. Поглядел на большие вокзальные часы.

— Вы видели его? Где он?

— Твой питейный компаньон?

Младший констебль сел на скамейке и спустил ноги на пол. Перед глазами все плыло.

— На вокзале вообще-то запрещено дрыхнуть. И для полиции нет исключения.

Джон хмуро глянул на Бэнкса: уж кто бы говорил.

— Думаю, старшему сержанту Гоббину будет любопытно, как наш Дилбс славно проводит время на службе.

Джон вздрогнул.

— Не говорите ему! Умоляю...

Хоппер бросил взгляд куда-то в начало платформы «Корябб» и ткнул напарника локтем. Там, у готовящегося к отбытию поезда, бродил рыжий тип в зеленом котелке.

— Уиррчи, вот ведь пройдоха! — радостно хмыкнул Бэнкс. — Вышел на охоту за кошельками пассажиров!

— Он ведь сегодня еще не платил нам за разрешение шмонать приезжих? — спросил напарника Хоппер.

— Видимо, замятовал.

Бэнкс нащупал под брюхом ремень и поправил висевшую на нем дубинку.

— Нам сейчас не до тебя, Дилбс, — сказал он.

— Не докладывайте Гоббину... — взмолился младший констебль.

— Так уж и быть, — смилоствился толстяк, — но мог бы своим лучшим друзьям и оставить что-то в бутылочке-то.

— Ты наш должник, Дилбс.

Вокзальные констебли развернулись и двинулись к платформе, а Джон, оставшись один, попытался подняться на ноги. Не вышло. Голова была, как чугунный шар, в ней будто звонил колокол, словно и правда после неплохой попойки. Хотя, по большому счету, Дилби было

неоткуда знать о последствиях таких попок — матушка не позволяла ему заглядывать в «Колокол и Шар».

Младший констебль поправил форму, досадливо оценил трещину на своем шлеме, оборванный ремешок и отметил отсутствие дубинки.

«Сколько я тут пролежал?»

Надев шлем, он поглядел на вокзальные часы: те показывали двадцать семь минут девятого.

В голове зароились мысли: «Человек-блоха... он там! Нужно что-то сделать! Сообщите кому-то!»

Джон резко поднялся на ноги и едва не упал.

— Это совсем никуда не годится, — раздалось за спиной, и констебль обернулся. На соседней скамейке сидела...

— Мисс Трикк!

Полли Трикк поднялась и поспешно подошла к младшему констеблю. Она была взволнована и испугана.

— Что произошло, Джон?

— Я узнал... я его выследил...

— Человека-блоху? Вы тоже его видели?

Джон недоуменно выпучил глаза.

— Что? Откуда вы о нем знаете?!

— Это долгая история. Я вам все расскажу, но сперва я должна узнать, что с вами стряслось.

Джон бросил взгляд на Хоппера, который держал за шкурку вокзального воришку, и на о чем-то разглагольствующего Бэнкса.

— Не здесь.

Полли кивнула.

— Полагаю, это ваше, — она протянула что-то младшему констеблю, и Джон, залившись краской, узнал свою дубинку.

— Где вы ее нашли?

— На вокзальном чердаке. Я сразу поняла, что с вами случилось что-то плохое... Нет, — поспешно сказала Полли, — там уже никого не было.

Джон повесил дубинку на пояс и покачнулся. Полли придержала его.

— Вам нужно в больницу.

— Нет. Я в порядке... почти...

— Тогда от чашки кофе вы, надеюсь, не откажетесь?

— Чая, — уточнил констебль. — А там будут сахарные крендельки?

— Сколько угодно, — улыбнулась Полли, и у Джона потеплело на душе — даже голова, казалось, стала болеть чуть меньше...

...Запах крепкого кофе с корицей кружил голову. Терпкий горячий чай с желудями кружил голову. Яркий искрящийся взгляд Полли Трикк и ее обворожительная улыбка кружили голову.

Джон Дилби был головокружен так сильно, что ничего кругом не замечал.

В кафе «Кретчлинс», помимо них, был лишь странный тип с длиннющими ногами; из-под краевого черных штанин виднелись резиновые нащепки ходулин. На столе, рядом с

чашкой кроваво-красного кофе и нескольких блюд с сахарными крендельками лежал чернобелый шутовской колпак. Его хозяин, лысый господин, прятался за разворотом газеты, да и вообще вел себя так, словно стыдился того, что он находится в таком милом и уютном месте. Когда в кафе вошел младший констебль, он и вовсе сжался и съежился, пытаясь прикинуться частью интерьера, видимо, не понимая, что его вид и поведение выдают его с головой. Впрочем, Джон Дилби все еще не до конца пришел в себя, чтобы обратить на него «особое полицейское» внимание.

Младший констебль и его спутница сели за столик у окна и сделали заказ.

— Вы пьете кофе с корицей? — спросил Джон. — Прямо, как доктор Доу.

Полли хмыкнула.

— Прошу вас, не говорите ему: а то он снова будет ворчать, что я не только краду его утренние газеты, но и его любимый кофе.

— Клянусь, мисс, я сохраню вашу тайну, и скорее расстанусь с жизнью, чем...

— Я же пошутила, Джон! Хотя вы уж и так, насколько я поняла, едва не расстались с жизнью.

Констебль снял шлем и поставил его на стол.

— Что правда — то правда.

— Расскажите все, что узнали, Джон.

Дилби собрал в кучку разбегающиеся мысли, смел их метелочкой и попытался вылепить из них что-то связное.

— Что ж, — начал младший констебль. — Как мы с вами и договорились, я пошел по следу подковы...

Джон чуть сбивчиво и сумбурно описал свое путешествие в Фли, рассказал о цирке и о том, как проник внутрь. Полли слушала, затаив дыхание, и, когда младший констебль поведал ей, как прятался в гримерке под кроватью от монстра, от напряжения она даже сжала кулачки. А когда мисс Трикк услышала, как на Джона напали на вокзальном чердаке, даже негромко ойкнула.

— А потом я пришел в себя. И Человек-блоха — он же Поразительный Прыгун из цирка мадам Д.Оже — устроил мне форменный допрос.

— Что он спрашивал?

— Поначалу он полагал, что я пришел не один, и пытался выяснить, как я его выследил и где прячутся остальные. Но все дело в том, что «остальных»-то и не было.

— И вы сказали монстру, что пришли в его логово в одиночку, Джон?

В голосе Полли явно прозвучало осуждение, и младший констебль, сконфуженно опустив взгляд, взял кренделек из блюда.

— Я совсем не умею врать, — признался он. — Матушка всегда меня разоблачает, когда я говорю, что помыл руки перед обедом, в то время как я их не мыл. Но о вас, мисс Полли, я и слова ему не сказал!

«Видимо, потому что он не спрашивал», — подумала Полли и сказала:

— Продолжайте.

— В общем, Человек-блоха, кажется, мне не особо поверил, но его больше интересовало другое.

— Что именно?

— Откуда у меня взялся дневник его матери.

Полли едва не поперхнулась кофе.

— Дневник его матери? Вы о нем ничего не говорили!

— Виноват. Упустил из-за волнения... Столько событий... В примерке Мариетты Лакур за цирковой афишей я нашел тайник. И там был дневник дрессировщицы блох.

Полли с задумчивым видом повертела в руке кренделек.

— Я так полагаю, Человек-блоха отобрал его, пока вы были без сознания.

Джон кивнул.

— Что было дальше?

— М-м-м... А потом он отправил мисс Летти в зал ожидания, чтобы она выяснила, не готовится ли засада.

— Мисс Летти?

Недоумение Полли выглядело настолько неподдельным, что Джон даже хлопнул себя по лбу.

— Ах да, я совсем забыл! Мисс Летиция Бракнехт, внучка господина начальника вокзала, очень милая особа. Я не раз ее видел, когда бывал по служебным делам на вокзале. Слепая настройщица часовых стрелок. Тихая и скромная. Так мне казалось когда-то, но кто мог предположить, что она помогает Человеку-блохе и... — Дилби смутился и отвел взгляд, — я полагаю, она... как это сказать?... влюблена в Человека-блоху.

— Вы шутите? Но как такое возможно?

— Думаю, это связано с тем, что она слепая. Она не видит, как он выглядит. А слова... матушка говорит, что правильные слова могут очаровывать. Вы о таком слыхали?

Полли кивнула.

— Разумеется. Нужно только отыскать эти слова и момент, в который их сказать.

Джон покраснел до корней волос.

— А вы... вы, мисс Полли, может, знаете парочку таких слов?

— Боюсь, что не знаю, — вздохнула девушка, — иначе моя работа в газете была бы намного легче и приятнее. Я бы попросту очаровала этих хмырей из печатного зала, и они прекратили бы свои насмешки.

По грустному взгляду Полли Джон понял, что подразумевала она отнюдь не коллег. Он вдруг поймал себя на неприятной мелочной мысли: младший констебль был рад тому, что мисс Полли не знает очаровывающих слов, ведь он просто не смог бы составить конкуренцию некоторым великолепным неулыбчивым господам.

— Итак, Человек-блоха отправил в зал ожидания мисс Летти, — Полли вернулась к изначальной теме разговора.

— Да. После чего она снова поднялась на чердак и подтвердила мои слова: никакой полицейской засады не было. А потом Человек-блоха прочитал последнюю запись в дневнике и впал в ярость... Он что-то говорил о Трубном пустыре, а затем... Я не знаю, что было дальше. Меня ударили по голове моей же дубинкой. Очнулся я уже на скамейке в зале ожидания и... — Констебль нахмурился. — Как вы оказались на вокзале, мисс Трикк? Как нашли мою дубинку? И... вы сказали, что тоже видели Человека-блоху... Я не понимаю. Вы говорили, что все расскажете.

Полли кивнула и взяла с блюда очередную коврижку. Помолчав немного, собираясь с мыслями, она начала рассказ: упомянула и поход в больницу, и аптеку, и встречу с Бетти Грю. Обошла стороной только события, связанные с Зубной Феей.

Слушая ее, Джон Дилби, не прекращая, кивал так, что казалось, у него вот-вот отвалится голова.

— В архиве редакции я выяснила, что, скорее всего, именно Бетти Грю стоит за убийством хозяйки цирка, и снова отправилась на Семафорную площадь, надеясь получить у клоуна ответы, но вместо него там был Человек-блоха. Он устроил настоящий погром в фургончике Бетти Грю. После чего выбрался наружу и куда-то отправился. Я последовала за ним, полагая, что он приведет меня в свое логово. Так и вышло: он привел меня на вокзал. Но когда я поднялась на чердак, там уже никого не было — там, на полу, я нашла вашу дубинку. Ну а потом, спустившись в зал ожидания, я увидела этих дуболомов Бэнкса и Хоппера — они пытались вас разбудить. Джон, хватит это делать, прошу вас!

Младший констебль прекратил кивать.

— Кажется, я знаю, за чем именно Человек-блоха пришел к клоуну, мисс Трикк, — сказал Джон. — Вы правы: именно он убил мадам Д.Оже. Бетти Грю собрал трупку и устроил заговор, чтобы избавиться от нее. И... — констебль вздохнул, — он убил не только ее.

— Вы о чем?

— Мариетта Лакур, дрессировщица блох и мать Поразительного Прыгуна. Она узнала с заговоре и хотела предупредить хозяйку цирка. Мадам Д.Оже относилась к ней, как к дочери, и она решила помешать трупке совершить это злодеяние. Но не успела...

— Откуда вы все это знаете?

— Я прочитал последнюю запись в дневнике. Там описывалось, что задумала трупка. Мадам Лакур была очень напугана, она боялась клоуна — бедняжка, если бы она только знала, что ее ждет.

Полли задумчиво закусил губу.

— Значит, Человек-блоха прочитал запись и отправился на Семафорную площадь, чтобы отомстить за убийство матери?

— Именно так.

Полли покачала головой.

— Кое-что не сходится. Если Поразительный Прыгун узнал о том, что сделали циркачи во главе с клоуном только сейчас, то зачем ему тогда похищать их до этого?

Джон нахмурился.

— Верно! Я об этом не подумал! Но может, он не знал о матери и мстил им за убийство хозяйки цирка?

— Мне кажется, здесь кроется что-то еще. Мы должны все выяснить!

— Но как мы это выясним?

Полли мрачно поглядела на констебля.

— Думаю, пора наконец схватить кое-кого за его красный резиновый нос.

* * *

— Это он? — прошептал Джон Дилби, выглядывая из подъезда дома № 24 на Семафорной площади.

— Нет, — ответила стоявшая рядом Полли.

— Но ведь Бетти Грю — клоун.

— Верно. Только это какой-то другой клоун.

— Другой? Ничего не понимаю.

— Я пока тоже.

Возле фургончика Бетти Грю сновал тощий тип в пальто, котелке и с клоунским носом. В руке он держал здоровенный керосиновый фонарь.

Поведение типа, мягко говоря, вызывало вопросы. Сперва он заглядывал в окошко, после чего, едва не возя носом по земле, принялся что-то искать в лужах у фургончика, а в какой-то момент и вовсе засунул в одну из них руку по локоть. Повозившись в луже, он извлек на свет какую-то железяку и, придиричиво ее осмотрев, отшвырнул в сторону.

— Что будем делать, мисс Трикк? — спросил констебль.

Полли улыбнулась и быстро-быстро зашептала ему на ухо.

Дилби кивнул: план ему понравился...

...Клоун обследовал уже все лужи вокруг фургончика, канаву у края тротуара и парочку водосточков. Едва не лопнув от натуги, он поднял чугунную крышку канализационного люка и даже успел заглянуть внутрь, когда рядом вдруг раздался тонкий щебечущий голосок:

— Мистер! Мистер! Вы мне не поможете?!

Клоун повернул голову и поднял фонарь.

Перед ним стояла перепуганная девушка. Она зябко куталась в пальтишко и оглядывалась по сторонам.

— Хм... — Клоун выпрямился, принял позу героя-соблазнителя из дамского романа и, послунявив пару пальцев, протер ими свой красный резиновый нос. — Что такая красотка делает одна в таком подгнившем местечке?

— Я... я шла в гости... эм-м... к подружке, — сбивчиво ответила девушка, — но... кажется, свернула куда-то не туда и совсем заблудилась. Вы не подскажете, где я нахожусь?

Клоун улыбнулся.

— Подскажу. В обмен на имя.

— Имя?

— На твоё имя, красотка. Всех красоток как-то да зовут. Как тебя зовут?

— Уинни, — представилась девушка.

— Какое прелестное имя! — Клоун облизнулся и причмокнул с таким видом, словно Уинни была миленьким лимонным пирожным на блюдечке. — Я человек слова: ты находишься на Семафорной площади, милая Уинни.

— Мне нужно на Твидовую улицу. Вы знаете, где это?

Клоун закивал.

— О, я знаю, где это. И с удовольствием скажу, но я хочу кое-что взамен.

— Но у меня ничего нет...

— Есть, — клоун подмигнул ей. — Поцелуй.

— Что?

Девушка часто-часто заморгала, хлопая ресничками.

— Поцелуй от красотки Уинни в обмен на Твидовую улицу.

— Но... я не могу...

— Тебе что, жалко? Один дружеский поцелуйчик!

Клоун танцующей походкой подошел к девушке и, вытянув шею, сложил губы трубочкой.

Девушка не отпрянула и даже не отвернулась.

В живот обладателю красного носа что-то уткнулось, на что в животе тут же

забурчало...

Опустив взгляд, клоун увидел трехствольный револьвер.

— Так что там с поцелуем? — спросила Уинни. Голос ее больше не дрожал, а в глазах появился коварный блеск.

— Что-то перехотелось...

Неудачливый соблазнитель попятился, но не сделал и пары шагов, как на кого-то наткнулся.

— Не так быстро, дружок, — раздалось у самого уха, и клоун испуганно обернулся.

— Полундра! — воскликнул он, увидев прямо перед собой полицейского.

Констебль долго не думал и схватил обладателя красного носа за шкурку.

Клоун попытался стукнуть его фонарем, но подлая «Уинни» отобрала у него фонарь и воскликнула:

— Тащите его в переулок, Джон!

Младший констебль Дилби кивнул и поволок брыкающегося клоуна к темнеющему слева проходу между домами. Полли Трикк последовала за ними.

Когда они оказались в переулке, клоун для острастки получил подзатыльник и пару весьма ощутимых тычков под ребра.

Джон Дилби напустил на себя угрожающий вид. И все равно, по мнению Полли, не злого и страшного габенского констебля из тех злыдней, что стоят у сигнальных тумб, он не походил. Искаженное лицо и выпученные глаза делали его, скорее, комичным.

— Ты кто такой?! Говори!

Клоун чихнул, испортил воздух и прошипел:

— Доходяга из труппы Тупиц Бромбеля ничего тебе не скажет, флик!

Джон и Полли переглянулись: кажется, клоун и правда был тупицей, учитывая, что он сам все рассказал.

— И что тебе здесь понадобилось, Доходяга?

— Не ваше дело!

Полли щелкнула клоуна по носу, и тот выругался:

— Ай! Больно же, выдра курносовая!

Джон побагровел и встряхнул клоуна.

— Что ты сказал? А ну ка, повтори!

Губы Доходяги выстроились в отвратительную треугольную улыбочку.

— Только за денежку! Доходяга всегда делает, что от него хотят, только за плату!

— Что у тебя за дела с Бетти Грю? — гневно хмуря брови, спросил констебль. — Говори, или я тебе все зубы пересчитаю!

— Их ровно тринадцать! Можно не считать!

В подтверждение своих слов клоун раздвинул губы, демонстрируя свои щербатые челюсти.

— Значит, тебе не впервой получать в зубы за свои шуточки...

— Вообще-то, — заметил Доходяга, — я просто открываю консервные банки зубами, вот они и ломаются...

— Держите его крепче, Джон, — угрожающе сказала Полли, — у меня где-то была прищепка: защемим ему нос, он и скажет все, что нам нужно.

Клоун задергался в руках младшего констебля, в его глазах появился ужас.

— Только не прищепка! Я ненавижу прищепки! Я даже белье не сушу!

— Тогда говори! И никаких шуток!

— Я ничего не зн-а-аю... — протянул Доходяга.

— Что ты здесь делал?

— Ничего такого. Просто искал запонку. Я потерял свою любимую запонку в драке, и вернулся, чтобы найти ее.

— Что еще за драка?

— Ужасная и великолепная драка! Мы побелили!

— Не сомневаюсь, — сказала Полли. — И с кем же вы дрались?

— С толстяком-бурдюком Грю, с кем же еще?! Мы здорово ему наподдали — так отходили этого недотепу, что он еще нескоро отойдет.

— И зачем вы с ним дрались?

— Шутки ради, — начал было Доходяга, но констебль его снова встряхнул, а Полли полезла в карман со словами «Где же моя прищепочка?», и клоун прекратил изворачиваться: — Ладно! Я все скажу! За таинственность нам не доплачивали... Только руки убери, флик, — стоять неудобно! Да не буду я никуда сбегать...

Дилби медленно отпустил клоуна. Тот поправил галстук-бабочку и вытер манжетой пальто натекащие из-под резинового носа сопли.

— Зачем вы подрались с Бетти Грю? — напомнила Полли.

— Тупиц Бромбеля нанял очень важный господин, — сказал Доходяга. — Мы должны были схватить толстяка и притащить его под мост Слизней. Ну, мы и схватили. И притащили. Тупицы — очень исполнительные. Если вам нужно кого-то похитить, лучше похитителей не найти.

— Не забывай, с кем говоришь, клоун! — воскликнул констебль. — Полиция, вообще-то, не одобряет похищения.

Полли спросила:

— Зачем этому важному господину понадобился Бетти Грю?

— Не знаю. Они старые приятели.

— Насколько старые?

— Еще со времен цирка.

Полли закусил губу.

— Как зовут этого господина?

— Труффель. Нет, «Труффель» — это же химерастопка. Труффо! Точно! Его зовут Труффо!

Младший констебль уточнил:

— Как «Подметка Труффо»? Харчевня на мосту Ржавых Скрепек?

Клоун закивал.

— Труффо, который нас нанял, каким-то родственником приходится хозяину «Подметки». То ли братом, то ли дедушкой. А может, внучатым племянником дяди по линии троюродной сестры. Не знаю точно...

— Значит, этот Труффо нанял вас для похищения прочих циркачей из труппы мадам Д.Оже, — подытожила Полли. — Какое он имеет отношение к Человеку-блохе?

Клоун вытаращил глаза.

— Что?! Какие еще похищения? Я ничего не знаю ни о каком Человеке-блохе! Мы похитили только Бетти Грю — да если хотите знать, Тупицы вообще не особо в похищениях смыслят.

— Но ты ведь говорил... — начал было констебль, но Полли его перебила:

— Где сейчас Труффо? Все еще под мостом?

— Не думаю. Что бы ему там делать? Хотя... Когда случилась полундра, карлик остался там и...

Полли дернула головой.

— Что ты сказал? Карлик?

Ей вспомнился низкорослый господин, который выходил от доктора Барроу.

— Ну да, карлик, — сказал Доходяга. — Самый карликовый карлик из всей карликовой свиты карликового короля карликов. Вам нравятся коротышки? Мне очень — они так забавно переваливают своими коротышечьими ножками, когда пытаются тебя догнать и вернуть шляпу, которую ты у них забрал... или правильнее будет — «у него забрал»? Неважно. Важно то, что господин Труффо не похож на прочих карликов — над ним не подшутишь и шляпу у него не заберешь. Хотя у него очень миленькая шляпа — красивый дорогой цилиндр, хотел бы я себе такой. Будь у меня такой цилиндр, все дамочки с моим появлением тут же падали бы в восхищенный обморок и сами забирались бы в мешок.

Джон Дилби нахмурился.

— Что, все клоуны в Саквояжне — пропащие злыдни? Вы же должны смешить людей, дарить радость, а вместо этого... фу, противно...

Доходяга осклабился, и впервые на его лице появились настоящие эмоции.

— Жизнь такая — злыдная, флик. Думаешь, мы не хотим устраивать представления? Думаешь, нам нравится шушерить и красть? Мы ведь пытались делать шоу, но глупый зритель не оценил! Наш номер «Антре без штанов» никому не понравился!

— Что такое «антре»? — спросила Полли.

— Комическая сценка и еще выход.

— Вы вышли без штанов? Понятно, почему никому не понравилось.

Доходяга вздохнул.

— Кругом одни критики... Но ты права: реприза была пшик. Не то, что «Смерть под куполом зонтика».

— А это что такое?

— Это наша мечта! — вдохновенно ответил Доходяга. — Великолепная клоунская пьеса, которую мы однажды поставим! И она будет восхитительной, умопомрачительной и... на нее нужно много денежек. Может, у вас найдется пару пенсов для новой пьески?

Констебль даже опешил от подобной наглости.

— Что? Нет! Не забывайся, клоун! Вообще-то, мы тебя допрашиваем!

Полли кивнула.

— Да, вернемся к вашему нанимателю Труффо.

— Не хочу я к нему возвращаться! Он мне не нравится!

— Я имела в виду, к разговору о нем.

— И к разговору возвращаться не хочу. Рэми Доходяга наговорился!

Констебль уже собирался как следует пнуть обладателя красного носа, как тут неожиданно раздался режущий уши скрежет.

— Это еще что такое?! — воскликнул Джон Дилби.

Котелок на голове клоуна начал ползти вверх — так, словно его волосы вдруг принялись становиться дыбом.

— Это то, чего вы не ожидали! — взвизгнул Доходяга. — Номер с рыбалочкой!

— А ну, прекрати! Немедленно! — потребовал Джон, но Доходяга и не подумал прекращать.

Его шляпа все поднималась и поднималась на невероятно скрежещущей пружинной гармошке. Пока в один момент вдруг не соскочила с головы. Приземлившись на грязную брусчатку, она попрыгала к выходу из переулка.

Полли и Джон потрясенно уставились на нее: что эта шляпа задумала?!

Ни девушка, ни констебль не заметили, как откуда-то сверху беззвучно спустился канат с крюком на конце и пополз к широко улыбающемуся клоуну.

Котелок меж тем свернул за угол и скрылся из виду.

— Неужели ты думаешь, что подобные фокусы тебе как-то помогут?

Констебль и девушка повернулись к Доходяге. Доходяга помахал им ручкой.

А в следующий миг прямо на их глазах он взмыл в воздух.

Полли и Джон задрали головы и остолбенели. Над переулком висел небольшой воздушный шар с полосатой оболочкой, из корзины которого, перевесившись через бортики, на них глядели четверо клоунов: две, если можно так выразиться, дамы и два, уж точно сомнительное наименование, джентльмена. Крутилась лебедка, наматывая канат, а Доходяга поднимался все выше и выше, повиснув на крюке, который зацепился за ворот его пальто.

Заметив, что их увидели, Тупицы Бромбеля — а кто же это еще мог быть? — засвистели и заулюлюкали и принялись тыкать пальцами.

— Ну и кто остался с носом?! — завопил Доходяга.

— С носом! С носом! С носом! — подхватили прочие Тупицы. — Дурачки остались с носом!

Лебедка, поднимавшая Доходягу, вдруг заискрила и заклинила. Клоун повис на уровне третьего этажа. От его былой уверенности не осталось и следа. А когда он увидел, что констебль ринулся к пожарной лестнице, ведущей на крышу, с намерением его перехватить, носатый явно ощутил, что пахнет жареным.

— Канифолим пятки! — закричал Доходяга. — Босс! Канифолим отсюда!

Клоун в цилиндре что-то каркнул одному из помощников, и тот, долговязый субъект с грустным лицом, толкнул рычаг. Издав парочку непотребных звуков, заработал двигатель, и шесть крошечных пропеллеров под днищем корзины начали вращаться. Главарь трупы схватился за штурвал.

Воздушный шар, постепенно набирая скорость, полетел прочь от переулка. По-прежнему висящий на канате Доходяга стукнулся сперва о трубу, затем о карниз, после чего — о водосток. При этом ежечастно вращаясь и ударяясь о стены, он не забывал ругаться во всю мощь своих легких и проклинать внезапно появляющиеся на пути преграды.

Но вот наконец воздушный шар поднялся выше, бедолага-клоун напоследок стукнулся о дымоход, и аэронавты с красными носами скрылись за черепичным скатом крыши.

— Они сбежали! — Дилбиглянул на Полли опустошенно. — Что будем делать?! Мисс Трикк?

— Нам нужно опередить их, Джон, — сказала Полли. — Они не должны успеть предупредить карлика.

Младший констебль поправил шлем и кивнул.

— Я вас понял, мисс. Нужно придумать только, как сбить воздушный шар.

Полли возмутилась.

— Что? Нет! Я имела в виду другое!

— Эм-м... а что именно?

Полли поглядела ему в глаза, а затем воскликнула:

— Побежали!

И сорвавшись с места, ринулась к выходу из переулка.

Джон бросился за ней.

* * *

— Проклятье, — прошептал Теофилиус Труффо. — Только этого не хватало. Я ведь как знал, что не надо сюда возвращаться...

Карлик стоял у стены в своей комнатке на втором этаже харчевни и, приставив ухо к медному рожку слухоскопа, слушал, что происходит в общем зале.

Там сейчас снова творился кавардак. Уже во второй раз за один только этот день в харчевню наведальась полиция. Как и в первый, констебли (карлик не знал, сколько их там) распугали посетителей и устроили бедлам.

— Говорите, где он, Труффо! — донесся до карлика рокочущий голос представителя закона, и Теофилиус Труффо испуганно вжал голову в плечи.

— Кто? — ответил хозяин харчевни.

— Ваш родственник! То ли брат, то ли дедушка. А может, внучатый племянник дяди по линии троюродной сестры. Вам лучше знать, кем он вам приходится!

— Я вообще не понимаю, о чем вы!

— Карлик! — рявкнул констебль. — Полиция требует карлика! Подать полиции карлика!

— А, так вы о кузене Теофилиусе? Его здесь нет. Я не знаю, где он...

— Не шутите со мной, Труффо! Если вы продолжите отпираться, я буду вынужден сообщить в Дом-с-синей-крышей, и через полчаса здесь будет с полсотни констеблей — они камня на камне не оставят от вашего заведения!

— Моя харчевня находится под защитой старшего сержанта Гоббина...

— Только не сегодня!.. Я повторяю свой вопрос: где ваш... эм-м... кузен Теофилиус?

Карлик вдруг услышал, как что-то скрипнуло совсем рядом, в самой комнате или возле нее. Оторвав ухо от рожка, он уставился на дверь. Скрипел замок. Кто-то пытался взломать дверь!

На глазах у потрясенного Теофилиуса Труффо торчавший с внутренней стороны двери ключ шевельнулся и выпал из замочной скважины, а затем глухо стукнулся о доски пола.

Карлик рванул к здоровенному бордовому чемодану, оттащил его в сторону и схватился за кольцо на крышке люка, за которым скрывался ход под мост.

Но не тут-то было. Люк не открылся. Как карлик ни тянул за кольцо, крышка не сдвинулась ни на дюйм.

Они все продумали!

Бросив затравленный взгляд на дверь, Труффо ринулся к шкафу и забрался внутрь.

Затаив дыхание, он замер среди затхлой одежды давно умершего дедушки Труффо и прислушался.

В комнатке раздавался приглушенный шепот, ползущий из слухоскопа — констебль в

общем зале продолжал буйствовать, и тут вдруг... скрипнула дверь. А затем и половица у входа. Кто-то вошел в комнату.

— Мистер Труффо, — раздался женский голос, в котором слышалась нотка иронии, — вылезайте из шкафа.

— Вот еще! — ответил карлик.

— Прошу вас, не заставляйте меня доставать вас клещами.

— У вас есть клещи? Зачем они вам?

— Оставайтесь там, испытывайте мое терпение и дальше, и узнаете...

Карлик вздохнул. Ему не оставили выхода — как жаль, что он так и не собрался сделать в шкафу потайной ход с лестницей, ведущей на крышу харчевни, где бы его ждал готовый к отлету воздушный шар...

— Мечтаете о чудесном побеге? — незнакомка будто прочитала его мысли. Так он сперва подумал, а потом вдруг понял, что пробубнил весь свой несбыточный план.

— Вылезайте оттуда! — велела женщина, теряя терпение.

Карлик осторожно толкнул дверцу.

На него с широкой улыбкой глядела...

— Постойте-ка! А я вас знаю! — воскликнул он.

— Нет, — ответила девушка. — Мы встречались. Но мы не знакомы. Меня зовут Полли Трикк, я работаю в «Сплетне».

— Теофилиус Труффо, — представился карлик и выбрался из шкафа. — Так вы из газеты? Что вам от меня нужно?

Полли кивнула на шипящий слухоскоп.

— Пригласите сюда моего друга-констебля. У нас к вам разговор, мистер Труффо.

Карлик нехотя подошел к стене и, переключив рычажок, склонился к раструбе, который располагался рядом со слухоскопом.

— Теодор. Пропусти его.

Из слухоскопа раздалось:

— Ты уверен?

— Да, пропусти...

Вскоре в комнату вошел констебль. Бросив взгляд на Полли Трикк, он притворил за собой дверь.

— Я ничего не сделал! — воскликнул карлик.

— Ну, это не совсем так, — сказал полицейский.

— Или, вернее, совсем не так, — уточнила его спутница. — Мы многое знаем о ваших делах, мистер Труффо.

— Неужели? Я только недавно прибыл в Габен и еще ничего не успел вытворить...

— Подумать только, он еще и отпирается! — Констебль нахмурился и положил ладонь на рукоятку дубинки.

— Мы здесь из-за похищений и недавнего убийства...

— Что?! Я никого не похищал! И уж тем более не убивал...

Полли покачала головой.

— Мы говорили с одним из ваших людей — с клоуном по прозвищу Доходяга из труппы Тупицы Бромбея.

Услышав это, карлик поморщился и поджал губы. Полли продолжала:

— Хотя больше ему подошло бы прозвище «Болтун» — он многое нам рассказал. Вы

утверждаете, что никого не похищали, но Доходяга сообщил, что вы наняли его и прочих Тупиц, чтобы они схватили и похитили клоуна Бетти Грю.

Отпираться было бессмысленно.

— Вы не понимаете...

— Мы считаем, что вы похитили своих бывших приятелей из труппы мадам Д.Оже и...

— Нет!

— ...и убили одного из них. Фокусника Фокарио, также известного, как доктор Барроу.

— Фокарио мертв?

Карлик выглядел так, словно его как следует отходили по голове пыльным мешком. Он опустился на краешек старой пружинной кровати, крытой клетчатым пледом.

— Зачем он его убил? Фокарио был добряком...

— Мы думаем, доктор ожидал, что за ним придут, и сопротивлялся.

— Все должно было быть не так!

— Это признание? — спросил констебль.

— Нет! — Труффо гневно на него уставился. — Я его не убивал! И никого не похищал... кроме Бетти Грю. Да и то я его похитил, чтобы потребовать ответы.

— Положим, сами вы руки марасть не стали, — сказала Полли. — Вы посылали своего ручного монстра...

— О чем вы говорите?

— Я говорю о еще одном члене вашей старой труппы. Поразительный Прыгун.

— Поразительный Прыгун мертв! Уже двадцать лет как! Его не стало в тот же день, когда... — Карлик оборвал себя и отвернулся.

— Что же вы замолчали, мистер Труффо? — спросила Полли, сузив глаза. — Вы хотели сказать: «В тот же день, когда Бетти Грю устроил заговор в цирке и убил мадам Д.Оже. А перед этим убил Мариетту Лакур, которая хотела предупредить ее о заговоре»?

Труффо поглядел на нее ошарашенно.

— Откуда вы все это знаете?

— Неважно, — отрезала Полли. — Давайте оставим пока дела двадцатилетней давности и поговорим о событиях последней недели. Что происходит между вами и Бетти Грю?

Карлик нервно сцепил кисти рук.

— Что вас интересует?

— Все. Начните с самого начала. И напоминаю: мы уже многое знаем, так что сразу же пойдем, если вы станете лгать.

Теофилиус Труффо тяжело вздохнул.

— Что ж, — сказал он, — все началось неделю назад, в тот же вечер, как я вернулся в Габен. Придя сюда, в заведение моего кузена, я сразу же разослал своим старым приятелям цирковые метки.

Полли достала из кармана пальто картонные кругляши и продемонстрировала их карлику. Тот кивнул.

— В среде циркачей такая метка обозначает «Общий сбор». Разослав их, я принялся ждать. Незадолго перед полуночью все стали собираться. К этому времени в «Подметке» уже не осталось трезвых посетителей, и нам никто не мог помешать. Кузен Теодор налил всем «Дурбадар» и удалился. Это был вечер воспоминаний и пережевывания прошлого...

...Старая труппа сидела за большим столом в центре харчевни. После традиционных в

среде циркачей приветствий — таких, как затрещины, оплеухи, пинки под зад и крепкие объятия, все выпили в память о былых деньках, а потом грязно пошутили, поминая «споткнувшихся» (шпрехшталмейстера Фармалетто и Пламенеющих Пламеллини). Поняв, что «Дурбадар» в голову пока не ударил, выпили еще раз и... еще дюжину раз, пока запасы пошла хозяйина харчевни не показали собравшимся «желудь с веточкой», жест, обозначающий: «Закатай губешки!», «А вот тебе, и без приправ!» и «Облезешь, но не получишь!»

Когда все куриные косточки были обглоданы, а кружки опустели, толстый клоун стукнул по столу кулаком, и члены старой труппы затихли.

— Все из наших, кто остался, здесь, Труффо, — сказал Бетти Грю. — Говори, зачем нас собрал? Ни в жизнь не поверю, что ты просто соскучился.

Все уставились на карлика.

— Гляжу я на вас, и мне делается очень грустно, — сказал Труффо, обведя сборище долгим взглядом. — Что с вами стало за эти годы...

— Ты бы на себя взглянул! — расхохотался силач, но карлик прервал его:

— Я сейчас не шучу, Бабул. Куда ушли те, старые добрые времена, когда мы были хозяевами манежа? Вы еще помните его, наш родной манеж? А его запах? А свет направленных на вас прожекторов? Еще помните грохот апплодисментов?

— Мне иногда все это снится, — сказал Фокарио. — Я изредка надеваю свой старый фиолетовый костюм, беру в руки жезл и немного фокусничаю для себя, когда никто не видит...

— «Когда никто не видит», — презрительно бросил Труффо. — Об этом я и говорю. Твой костюм и жезл должны видеть! Тобой должны восхищаться! Тебе должны рукоплескать!

Фокусник понуро опустил взгляд. Слово взял силач:

— А я по-прежнему упражняюсь с тяжестями, иногда на спор гну железные прутья и поднимаю вагонетки в порту. Недавно вот выручил на одном пари три десятка фунтов...

Карлик глянул на него уничижительно, и громила отвернулся.

— И это тот Невероятный Бабул, которого я знал? Какой позор!

— Ну а я старое ремесло не забросил, — с важным видом сообщил Бетти Грю. — Вообще-то, я до сих пор даю номера на Семафорной площади.

— И сколько зрителей приходят на твои выступления? Небось, собираешь в шляпу жалкие крохи?

— Сколько есть — все мое, заработанное потом, кровью и потекшим гримом, — огрызнулся клоун.

Труффо покачал головой.

— Я к этому и веду. Ничего нет. Как цирк закрыли и опечатали, а мы разбрелись по городу, от нас ничего не осталось. Может быть... — карлик на миг замолчал. — Знаете, я иногда думаю, что мы так и не покинули цирк, что наши тела до сих пор там валяются, в то время как призраки нас былых еще дергаются и шевелятся, выдыхая пыль. Мы были великими, в городе все знали наши имена. К нам приходил сам господин бургомистр. И что с нами стало? Нас все забыли. Назови кому-то имя «Гуттаперчивый Тоффини» или «Воздушная Вивиан», и никто не поймет, о ком идет речь. Знаете, что идет рука об руку с забытьем?

— Пилюли для памяти? — предположил старый жонглер.

— Безвестность, — раздраженно уточнил Труффо.

Слушая его, бывшие циркачи глядели в свои засыпанные обглоданными костями тарелки, а мимесса всхлипнула и вытерла проступившие на глазах слезы. Лишь Бетти Грю был все тем же ехидно усмевающимся злобным клоуном.

— Грустно-то как, прямо вот-вот разрыдаюсь, Здоровяк, — съязвил он. — Нам просто не повезло. Та жизнь осталась в прошлом. Я, конечно, несказанно рад, что ты уместил свою задницу на какое-то тепленькое местечко, учитывая твои костюмчик, цилиндр и трость, но сдается мне, что это все просто пыль в глаза. Наш цирк — наш дом! — проглотил треклятый банк. И с этим ничего не поделать. Ты собрал нас, чтобы вспороть старые раны и присыпать их солью?

Труффо чуть подался вперед.

— Нет. Я собрал вас, чтобы напомнить вам, каково это, когда ты — не пустое место, спрятавшее гордое имя на дно сундука с еденными молью пожитками.

— Как благородно, — процедил клоун. — Но тебе не заразить меня ностальгией. Я принимаю от нее пилюли: раз в два дня, строго по рецепту доктора. — Он кивнул Фокарию.

— Никакой ностальгии, — сказал Труффо. — Я не торгую прошлым. Я привез вам будущее.

— Ты перейдешь наконец к делу?!

— Что ж, полагаю, и правда, пора. — Карлик потер кривые узловатые руки. — Я не пускаю пыль в глаза, Бетти. Я в действительности могу позволить себе неплохой костюм, цилиндр и трость. Я курю только «Ноббль», одни из лучших сигар, время проверяю по золотым «Шоритц», а в Габен я прибыл в вагоне первого класса.

— Вырастил денежное дерево в Стране Дураков? Или ограбил кого?

— Нет. Это честно заработанное жалованье. Я служу личным помощником у некоего очень богатого и влиятельного господина, и он весьма меня ценит.

— К делу, — нетерпеливо прорычал Бетти Грю.

— Мой господин — а он некоторым образом причастен к нашей с вами профессии — планирует устроить в Габене грандиозное цирковое представление, и для этого ему нужна труппа.

— И наш любезный Труффо тут же вспомнил о своих старых приятелях?

— Да, — без обиняков ответил карлик. — Мой господин сперва и слушать ничего не хотел, когда я сказал ему о вас. Он подумывал позвать Брекенбока, и тем не менее...

— Что? Этого бездаря и фигляра?

— И тем не менее, я напомнил ему, что для его планов лучше старой труппы из цирка мадам Д.Оже ему никого не найти.

— И кто же, скажи на милость, твой этот таинственный богатый хозяин?

— Вы его знаете, — осторожно сказал Труффо. — И весьма неплохо.

— Хм... дай подумать! Видимо, твой господин — это Лилибом из Льотомна, кто же еще...

— Мой господин — это Гораций Помпео из «Великого цирка семьи Помпео».

Все присутствующие замерли. И если пересчитать потрясенно распахнутые рты, то их запросто могло оказаться больше, чем было бывших циркачей за столом — настолько никто не ожидал, что карлик назовет именно это имя.

Первым пришел в себя Бетти Грю. Клоун вскочил на ноги, задев животом стол, отчего все, что на нем стояло, подпрыгнуло и задребезжало.

— Предатель! Перебежчик! Ты якшаешься с врагом!

Карлик бросил на него хмурый взгляд.

— Что за чушь? Никакой войны давно нет. Она закончилась... — он запнулся, — со смертью мадам Д.Оже. Мы сами ее закончили.

— Пусть так! Но это ведь Помпео! Я не для того убивал мадам, чтобы прислуживать Горацию Помпео! Я не стану плясать под дудку этого ублюдка!

— Прошло двадцать лет, Бетти. Все распри в прошлом.

— Для меня нет!

Остальные с ним соглашаться не торопились.

— А вы что думаете? — спросил карлик.

— Они думают, как я!

— А ты за всех не циркуй, Бетти, — сказал Бабул. — Может, ты и верховодил труппой в былые времена, но никакой труппы больше нет.

Клоун обвел злобным взглядом сборище — прочие кивали в знак согласия со словами силача.

— И все же, — встрял фокусник, — меня вот лично интересует: зачем бы нам примыкать к Помпео? У всех давно своя жизнь, и неплохая, к слову.

— Говори за себя! — сказал гимнаст. — Я вот дни провожу в дымоходах — и уже давно мечтать забыл, чтобы выбраться оттуда.

— Я к тому, — уточнил Фокарио, — что он нам может посулить такого, чтобы мы взяли и согласились?

— О, вам это понравится, — сказал карлик. — Каждому будет причитаться доля от продажи билетов, господин Помпео не возьмет себе ни пенни — все поделит между собой труппа. Не этого ли ты хотел для нас, Бетти, когда устраивал заговор?

Бывшие циркачи оживились и принялись переглядываться: такого никто из них явно не ожидал.

— Подозрительно щедро с его стороны, — заметил Бетти, состроив гримасу отвращения, — какой ему резон отдавать нам все денежки?

— У него есть свои цели, — ответил карлик. — Господин Помпео хочет возродить цирковое искусство в Габене. Он хочет воплощения своих идей. Я видел проекты номеров, и, скажу вам, это нечто! Мы о таком и помыслить не могли.

— Мне все это не нравится, — сказал Бетти Грю.

— А мне вот нравится, — возразила Вивиан. — Я устала прозябать и побираться на самом дне. Труффо прав. Раньше мое имя было на афишах. А теперь я взбираюсь на канат, только чтобы изредка фраппировать соседей и местных голубей.

Мимесса горячо закивала.

— Это все дурно пахнет, — упорствовал Бетти. — И вообще, мы — не шапительы!

— И это подводит нас к самому главному: «Великий цирк Помпео» — больше не будет странствующим шапито.

— Это еще что значит? — спросил жонглер.

Но Бетти Грю и так все понял: он яростно зарычал и вонзил ногти в столешницу.

— Нет! Он не мог! Я отказываюсь в это верить!

— Я не понимаю, — буркнул Бабул, и карлик пояснил:

— Господин Помпео выкупил у банка старый цирк мадам Д.Оже. Мы возвращаемся домой...

Что тут началось! Слова Труффо имели эффект разорвавшейся бомбы. Возгласы, крики, обмороки... могли бы иметь место, но бомба была бесшумной, и за столом поселилась тишина.

— Как ему это удалось? — едва слышно прошептал клоун. — Как он заполучил цирк?

Труффо, явно довольный произведенным эффектом, достал откуда-то из-под стола припасенную бутылочку «Дурбадара» и, вытащив зубами пробку, сделал глоток.

— Я ведь уже говорил, что господин Помпео очень богат, — сказал он. — И цирк — еще не все. Он хочет встретиться с господином бургомистром и провести реконструкцию старой трамвайной ветки в Фли. А еще — построить станцию для причаливания дирижаблей и наладить регулярные рейсы «Тремпл-Толл — цирк», «Набережные — цирк», «Сонн — цирк» и «Старый центр — цирк». «Любому представлению нужен свой зритель, — так он говорит. — И мы доставим зрителя прямо к нам на порог».

— Откуда у него столько денег? «Великий цирк Помпео» ведь разорился вскоре после того, как наш цирк опечатали.

— Скажем так, — карлик замялся, — у него есть влиятельные друзья из... кхм... других мест. У них своим... гм... интересы, и господин Помпео... как бы так сказать... помогает этим интересам осуществляться.

— Это еще что должно значить?

Труффо склонился над столом и негромко проговорил:

— Я не должен этого никому рассказывать, но далеко отсюда есть... гхм... люди, которые видят потенциал в нашем Фли. — Отметив не сменяющееся непонимание на лице бывших циркачей, карлик вздохнул и сказал: — Они знают, как много можно заработать, если Фли перестанет быть трущобами.

— То есть, — прорычал Бетти Грю, — эти неведомые благодетели вознамерились подключить к Габену насос и выкачать из него как можно больше денежек, а мы им в этом потворствовать будем?

— Мы и сами будем на этом немало получать — что плохого в том, чтобы заработал кто-то еще?

— Только не чужаки!

— То есть, по-твоему, лучше пусть из Габена сосут денежки местные, вроде Ригсбергов, из-за которых город превращается в руины, чем те, кто будут вкладывать свои деньги в то, чтобы возродить Фли и заработать на его возрождении?

— Да! — яростно прошипел Бетти Грю. — Ригсбергов я хотя бы знаю и знаю, чего от них ожидать...

Из сидевших за столом не сдержался никто. Каждый из бывших циркачей издал: «У-у-у!» — хуже Ригсбергов и банка на площади Неми-Дрё, в их понимании, в Габене не было ничего.

— Я не это имел в виду... — пробормотал было клоун, но ему никто не поверил.

Труффо откинулся на спинку стула.

— В общем, я сделал то, что от меня требовалось: озвучил вам предложение господина Помпео. А принимать его, или нет — решать вам. Что вы предпочтете? Вернуть себе утраченную славу и разбогатеть, занимаясь при этом делом, для которого вы были рождены? Или ненавидеть себя до конца своих дней за то, что отказались, читая на афишах другие имена — возможно, даже имена тех же Брекенбока, Смоукимиррорбрима или кого-то за этим столом?

— Я не буду читать чужие имена на афишах, — прокрипел Бетти Грю. — Но и потворствовать Помпео не...

— Я согласна! — взволнованно проговорила Вивиан, перебив клоуна.

— И я! — поддержал Гуттаперчивый Тоффини.

— Пора возвращаться домой, — сказал жонглер Левиттус, а мимесса просто кивнула в знак согласия.

— Я в деле, Труффо! — Бабул хлопнул карлика по плечу с такой силой, что тому показалось, будто пара его костей от этого треснула.

Фокарио и Бетти Грю остались единственными, кто не спешил принимать предложение Труффо.

— Я не требую ответа прямо сейчас, — сказал карлик, потирая плечо. — Господин Помпео прибывает в Габен ровно через неделю. И когда мы поедем осматривать цирк, труппа должна быть там, иначе он обратится к Брекенбоку, и тот, уж поверьте, не упустит такую возможность...

Бетти Грю промолчал...

...Труффо закончил свой рассказ. Констебль топтался на месте и чесал подбородок, а Полли Трикк что-то строчила в блокноте.

— Теперь вы понимаете, что мне не было смысла их похищать? — спросил карлик. — При худшем развитии событий, они бы попросту отказались, и мне пришлось бы иметь дело с Брекенбоком. Но они согласились. Даже Фокарио не ответил отказом — он взял время подумать, хотя и нагрел себе неплохое, по меркам прочих, местечко в больнице. Впрочем, я рано радовался. Как гласит старая цирковая поговорка: «Не спеши стягивать трико, пока номер не окончен». Тогда я не понимал, что Бетти Грю пойдет на что угодно, только бы прочие не присоединились к нам с господином Помпео. Его злоба и зависть пересилили здравый смысл.

Полли поставила в блокноте последнюю точку и подняла взгляд на Труффо. Картина постепенно прояснялась, хотя у мисс Трикк все еще были вопросы.

— Вы отправили Тупиц, чтобы они привели к вам Бетти Грю. И они привели, если верить Доходяге. Где мистер Грю сейчас?

Карлик отвернулся и принялся рассматривать собственные ногти.

— Он сбежал. Тупицы упустили Бетти — они плохо его связали, и он освободился. Я не знаю, где сейчас толстяк. Вероятно, строит очередные козни. Но у него ничего не выйдет — господин Помпео прибывает сегодня в полночь. Бетти меня больше не заботит.

— Но он заботит нас, — сказал Джон Дилби. — Мы должны арестовать убийцу и похитителя. И отыскать всех пропавших.

— Я не знаю, где он держит тех, кого похитил. Возможно, они уже мертвы.

Полли покачала головой.

— Члены вашей старой труппы пока живы.

— Но откуда вы знаете?

— Э-э-э... да, откуда вы знаете, мисс Трикк? — добавил Дилби, и Полли поняла, что проговорила. О том, что похищенные пока живы, сказал сам похититель. Вот только сказал он это не ей, а Зубной Фее.

Полли решила чуть увести разговор в сторону:

— Вот вы сказали, мистер Труффо, что Бетти Грю стоит за похищениями. Ну а нам

доподлинно известно, что за похищениями стоит Поразительный Прыгун. Зачем вы пытаетесь нас обмануть?

— Это Бетти! Своими подтяжками клянусь! Он сам сознался, под мостом! Я знаю его много лет, мне знакомы все его ужимки, гримасы и интонации. Толстяк не лгал. За похищениями стоит именно он.

— Вы давно не виделись — возможно, за эти годы он научился новым уверткам.

— Это. Был. Он. Мне нет смысла лгать.

Полли кивнула.

— Я вам верю, мистер Труффо. Но если, как вы говорите, прочих циркачей похитил клоун, а я знаю точно — и в этом нет сомнения! — что их похищал Человек-блоха, то напрашивается единственно возможный вывод: они оба стоят за похищениями. Бетти Грю и Поразительный Прыгун работают вместе.

Карлик налился краской и затряс головой.

— Это невозможно! Попросту невозможно! Я отказываюсь в это верить...

— Потому что клоун убил мать Прыгуна?

Карлик сжал зубы.

— Постыдное прошлое настигло вас, мистер Труффо, — сказала Полли. — Расскажите, что произошло тогда, двадцать лет назад. Почему вы все согласились пойти на убийство мадам Д.Оже? Вы так ненавидели свою хозяйку?

— Напротив. Мы любили мадам, но... она просто помешалась на своей войне с господином Помпео. Наши гибли на манеже, пытаюсь вычудить что-то невероятное и увести всех зрителей у конкурентов. Почти каждая репетиция заканчивалась похоронами. Мадам не волновали жертвы. «Еще! Сложнее! Опаснее! Смертельнее!» — требовала она. Ее не заботило, что скоро в цирке никого не останется! Мы больше не могли этого терпеть.

— Ну и денежки, само собой, — хмуро напомнил констебль.

— И это тоже... Мадам забирала себе всю выручку с билетов, а нам доставались жалкие крохи. Мы болели и голодали, в то время как она регулярно посещала лучших портных и цирюльников, была завсегдатаем дорогих дирижабль-ресторанов в Старом центре. А чего только стоят все те заморские сладости, которые она ела прямо на наших глазах!

— И вы решили сами стать хозяевами в цирке, — подытожила Полли. — Но не все с этим были согласны.

Карлик угрюмо кивнул.

— Мариетта была любимицей мадам. Стоило ожидать, что она захочет предупредить ее. И Бетти ожидал — он пришел к ней в гримерку и размозжил ей голову своим деревянным клоунским молотком.

Полли сжала зубы.

— Что случилось с ее сыном?

— Огневики Пламеллини заманили Мартина к себе. Мы учили его не бояться огня, и с временем он не просто перестал бояться, но и полюбил огненные трюки. Мартин постоянно таскался за Пламеллини и всецело доверял им, как и всем нам: мы ведь были одной семьей, и парнишка, само собой, не ожидал подлости. Пламеллини сказали ему, что хотят отработать новый номер. Мартин был очень наивным — он ведь был ребенком, и поверил всему, что ему сказали. Когда он вошел в гримерку Пламеллини, его посадили в мешок, а мешок завязали. Но выбраться из него ему уже не дали. Бабул забил его своими чугунными гириями. А потом мешок вместе с Мартином выбросили на свалку у задней стены цирка. Все

не возьму в толк: как он выжил...

— Блохи очень живучи, — процедила Полли. — Что было дальше?

— Когда с Мариеттой и Мартином, как нам казалось, было покончено, Бетти заманил мадам Д.Оже на мостки под куполом и столкнул ее вниз. А потом объявил, что отныне цирк принадлежит нам. Но не тут-то было. Новость о смерти мадам быстро разошлась по городу, и уже на следующее утро в цирк прибыли агенты банка. Оказалось, что хозяйка разорена — для своей войны с Помпео она взяла у Ригсбергов ссуду под залог цирка. Нас всех вышвырнули на улицу, на двери повесили замок и печать.

— Получается, все, что вы сделали, было напрасно, — закончила Полли. — Вы убили мадам Д.Оже, убили Мариетту Лакур и почти убили ее ребенка. Бессмысленно...

— Мы не могли знать, что все так закончится.

— Ну еще бы...

Презрение, источаемое Полли, можно было есть ложками, но карлик не замечал его.

— Я не пойму, как... как Мартин доверился Бетти? Ведь именно Бетти все это устроил...

— Полагаю, он не знает всей правды, — сказала Полли. — Клоун солгал ему о том, кто именно убил его мать: видимо, он убедил вашего наивного Прыгуна, что за всем стояла труппа, но только не он. Впрочем, благодаря дневнику Мариетты Лакур, тайное раскрылось.

Карлик пожал плечами.

— Я рассказал все, что знал. Вам нужен Бетти.

Полли кивнула и повернулась к констеблю.

— Мы и правда узнали все, что нужно. Джон, арестуйте эту дрянь.

Карлик соскочил с кровати.

— Что?! Я ничего не сделал!

Джон Дилби снял с пояса наручники.

— Вы только что признались в участии в двух убийствах.

— Но... но ведь это было давно! И лично я никого не убивал!

— Заговоры запрещены в Габене. А убийства не имеют срока давности. Так что приберегите свои оправдания для главного судьи Сомма.

Констебль подошел к Труффо и, грубо развернув карлика, защелкнул наручники на его запястьях.

— Это возмутительно!

— Возмутительно убивать людей, — сквозь зубы проговорила Полли. — Возмутительно убивать детей. Возмутительно предавать тех, кто тебе доверился. Возмутительно полагать, что это сойдет с рук. Вам очень повезло, мистер Труффо, что вы попали сразу в руки полиции. Угоди вы к Зубной Фее, боюсь, вам пришлось бы отправиться на виселицу, прежде лишившись всех своих зубов.

* * *

Дверь харчевни закрылась.

Полли, Джон Дилби и арестованный Теофилиус Труффо погрузились в молочный туман, затянувший собой мост.

Чуть подтолкнув карлика в спину, младший констебль, его спутница и арестованный

Труффо двинулись в сторону Тремпл-Толл.

— Господин Помпео так просто этого не оставит! — все не унимался карлик. — Он вытащит меня, а вы получите нагоняй!

— Скорее всего, так и будет, — с безразличием в голосе ответил младший констебль.

— Вы понимаете, что тратите время? — продолжал Труффо. — Пока вы возитесь со мной, Бетти уже, вероятно, проворачивает новый план. Кто знает, что он задумал!

— Мистер Труффо, — сказала Полли. — Мне кажется, или вы пытаетесь нам намекнуть на что-то? Вы что-то знаете о планах Бетти Грю или о том, где он находится? Меня не покидает ощущение, что вы знаете о планах мистера Грю больше, чем говорите, и боитесь...

— Нет, — процедил карлик. — Я ведь уже сказал: я ничего не знаю о том, что задумал Бетти. И ни на что я не намекаю... и ничего не боюсь, кроме того, что не смогу встретить господина Помпео. Он будет недоволен. Очень недоволен. Вы должны сообщить ему, что меня арестовали. Нет! Вы должны встретить его на вокзале лично!

Дилби кивнул.

— Я попрошу вокзальных констеблей, чтобы они все сообщили господину Помпео или сопроводили его в Дом-с-синей-крышей, если он так пожелает.

— Нет! — испуганно воскликнул карлик. — Я не могу доверять полиции. Только вам!

— Что? Почему?

— Я не знаю, кто из констеблей работает на Бетти.

— Что за чушь? — возмутился Джон Дилби. — Вы хотите сказать, что нищий уличный клоун платит служителям закона?

— Гхм... возможно. — Карлик остановился. — Ладно, это нельзя скрывать. Я был с вами не совсем откровенен. Я хочу кое-что рассказать. Это связано с планами Бетти...

Договорить он не успел.

За спиной, откуда-то со стороны харчевни, раздался рокот двигателя. Из тумана появился полосатый «Трудс» со сложенной крышей-гармошкой. В салоне сидели все пятеро Тупиц.

Под сумасшедшее клаксонирование, сопровождающееся хохотом, экипаж приблизился — тормозить он, судя по всему, не собирался.

Полли и Джон отпрыгнули в сторону в последний момент — прямо перед тем, как эта полосатая махина едва их не сбила.

Все дальнейшее произошло так быстро, что они ничего не успели понять.

Не останавливая движения, экипаж пронесся мимо, при этом трое Тупиц, Доходяга и две клоунессы, перевесившись через бортик, схватили карлика и затащили его в салон.

После чего полосатый «Трудс», взвизгнув шинами, устремился прочь и скрылся во мгле.

Впрочем, далеко уехать клоунский экипаж не успел. В тумане раздался грохот — Тупицы врезались во что-то.

Полли и Джон переглянулись, а затем бросились туда.

Зрелище, им открывшееся, было мало того что престранным, но и весьма в духе Тупиц. Экипаж врезался в фонарный столб, при этом каким-то немыслимым образом умудрился частично забраться на него. Котел по-прежнему пыхтел, а из труб вырывались облачка дыма. Из разбитого фонаря пролилось масло, в воздух летели и взрывались, оставляя за собой красные искрящиеся хвосты, шутихи, повсюду были разбросаны перьевые боа и башмаки, из раскрытого чемодана вывалилась целая гора резиновых носов.

И клоуны, и карлик исчезли.

— Как же так! — огорченно воскликнул Джон. — Он ведь уже был у нас в руках!

Полли, не сдержавшись, вдруг рассмеялась, глядя на клоунскую катастрофу: этот нелепый, почти вертикально стоящий экипаж, эти носы и боа, эти шутихи...

— Мисс Полли? — недоуменно поглядел на нее младший констебль.

— Не стоит отчаиваться, Джон. Мы знаем, где будет карлик, и схватим его позже. А пока, — эхо от взрыва последней шутихи стихло, и искры растаяли — Полли стала серьезной, — мы отыщем Бетти Грю и Человека-блоху.

— Снова отправляемся на Семафорную площадь?

— Нет, Джон. Мы отправимся туда, где еще не были — вы упоминали, что Человек-блоха говорил что-то о Трубном пустыре...

Джон Дилби сглотнул.

— Вы... вы ведь не знаете, что это за место, так, мисс Трикк?

Полли не поняла, отчего ее спутник вдруг побледнел.

— Думаю, это какой-то пустырь. С трубами. Что с вами, Джон?

Младший констебль дрожащей рукой полез в карман за платком — по его круглому лицу тек пот.

— Нет, мисс. Это не «какой-то пустырь». Это худшее место во всем Габене.

— Вы преувеличиваете...

Джон Дилби опустил взгляд, и Полли поняла: младший констебль сказал ровно то, что собирался, а это значило, что их и правда ждало худшее место в Габене.

— Так что это за пустырь? — спросила Полли, чувствуя, как настроение констебля передается и ей.

Джон Дилби вытер пот, и все равно выглядел так, словно вот-вот рухнет в обморок.

— Что вы знаете о Габенских Злодеях Золотого Века, мисс Трикк?

Глава 9. Триумфальное возвращение

Глядя на четырехэтажное нескладное здание с побитой дождями темно-синей черепицей, которое стояло посреди затянутой туманом площади, сержант Крупперт Кручинс поморщился.

Он не особо любил этот дом и в обычное время, а сейчас — сержант предчувствовал — его там ожидало нечто намного хуже простой выволочки. Если уж черствяк Гоббин еще утром послал за ним Дилби, то все было действительно паршиво, ведь чаще всего Гоббин плевать хотел на то, где Кручинс пропадает, чем тот беззастенчиво пользовался. Но сегодня... сегодня, само собой, должен был состояться этот дурацкий, в смысле, судейский бридж.

В полночь главные судьи четырех районов Габена должны были собраться в клубе «Лаймгроу» и за карточным столом сразиться за звание лучшего. В Тремпл-Толл, разумеется, ставили на своего судью, господина Сомма. Кручинс даже боялся представить, что случится, если Сомм проиграет: их жирное сиятельство в таком случае непременно устроит всем по эту сторону канала, веселенькую жизнь — и первыми под раздачу попадут те, кто окажется под рукой, а именно констебли из сопровождения. В прошлые «ночи судейского бриджа» сержант Кручинс неизменно находил отговорки, чтобы в сопровождении достопочтенного господина главного судьи участия не принимать. Таким умным, впрочем, был не он один: многие констебли помнили, что случилось в тот, единственный, раз, когда Сомм проиграл, и повторения для себя подобного не желал...

Уже давно стемнело, время подбиралось к десяти часам вечера, и Кручинс очень надеялся, что страсти улеглись или хотя бы старший сержант успел принять свои пилюли.

Между тем рисковать и попадаться на глаза Гоббину совершенно не хотелось, поэтому, подойдя к Дому-с-синей-крышей, он обошел его и, надеясь проскользнуть незамеченным, направился к черному ходу, где располагался экипажный двор.

Подойдя к воротам, сержант с удивлением обнаружил, что в стоящей возле них выкрашенной в синий и белый полосатой будочке никого нет.

Обычно на посту стоял дежурный констебль, и его отсутствие поселило в душе у Кручинса недоброе предчувствие.

Толкнув пробитую в воротах дверь, сержант вошел на экипажный двор. По обе стороны выстроились темно-синие фургоны, среди них особое место занимали два громоздких и очень ржавых аэрофургона (ими давно не пользовались — Гоббин все собирался привести их в порядок, но у полиции Саквояжного района руки никак не доходили). Во дворе также не было ни души, если не считать Фонаря — пес не обратил на появление Кручинса никакого внимания, самозабвенно вылизывая пустую миску.

— Где же все? — задумчиво пробормотал сержант и, пригладив усы, пошагал по вымощенной синеватым камнем дорожке между экипажами, которая вела к зданию.

Стоило Кручинсу открыть низенькую дверь черного хода и нырнуть в общий зал, как он получил ответ на свой вопрос.

Дом-с-синей-крышей стоял на ушах. По лестницам и коридорам бегали взмыленные констебли, то и дело завывал датчик на приемнике пневмопочты, а из рога стоявшего на стойке граммофона вырывался «Синемундирный вальс». Отделение полиции Тремпл-Толл тонуло в суеде и неразберихе, и только старый констебль Лоусон как ни в чем не бывало

храпел на скамье, на которой обычно сидели задержанные.

Со стороны могло показаться, будто готовится очередной рейд в Фли или на Тремпл-Толл совершенно нападение, но на деле полицейские готовились к выходу «на паркет», что тут же выдал сам старший сержант Гоббин:

— И с этим отребьем я должен идти «на паркет»?! — негодуяще оглядывая подчиненных, прорычал старший сержант.

Горрат Г. Гоббин походил на ворона. Это был среднего роста господин с крючковатым носом, извечно поджатыми тонкими губами и незрячим левым глазом, затянутым серой поволокой.

Впрочем, сейчас старшему сержанту Гоббину прекрасно хватало и одного глаза, чтобы понять: эти бестолочи ни на что не годны.

— Вы же ни на что не годны! Бестолочи! — рокотал старший сержант на весь этаж, а выстроившиеся перед ним семеро констеблей стояли, не смея поднять взгляд.

— Поглядите на себя! И это — лучшие представители Полицейского ведомства Тремпл-Толл? Коппни, ты слишком вислощекий и еще выглядишь, как шушерник — я бы рядом с тобой придерживал покрепче свой бумажник. Да, если приглядеться, вы все похожи на ряженных жуликов! Дуббин, что это за подбородок, скажи на милость? Брайднич, ужасные брови! Домби, такие усы уже никто не носит! Тромпер, сделай что-то со своей пучеглазостью! Буппиш, вытри слюни! Уискер... — Старший сержант уже было раскрыл рот, пытаясь отыскать какой-либо недостаток в очередном подчиненном, но вдруг не смог. Констебль Уискер выглядел достойно и представительно: усы подкручены и нафабрены, бачки аккуратно подстрижены, никаких мешков под глазами, никаких оспин, царапин и морщин, в которых можно потеряться. Форма сидит превосходно, пуговицы натерты, блестят и, что немаловажно, все на месте, шлем наканифолен, ремешок идеально отрегулирован под хозяина. Одним словом — настоящий джентльмен!

Парадокс заключался в том, что Терренс Уискер был женщиной. Дамам служить в полиции запрещалось, но отец констебля Уискера, служитель закона в десятом поколении, не мог представить, что старая семейная традиция прервется только лишь из-за того, что у него родилась дочь. И так Тилли стала Терренсом. В Доме-с-синей-крышей никто не знал, кто такой на самом деле констебль Уискер, только старший сержант Гоббин.

— Вот! Образцовый констебль! Берите пример, бестолочи нескладные!

— Благодарю, сэр, — буркнул Уискер, а прочие заскрипели зубами.

— Мистер Жоббр! — воскликнул Гоббин, озираясь по сторонам. — Где вы?

— Я здесь, сэр, — отозвался немолодой мужчина с припудренным лицом, длинными, торчащими в стороны усами и нежно-кремовыми подвитыми волосами. Рядом с ним стояли трое мальчишек с похожими прическами и модными мушками над верхней губой — каждый сжимал в руках обтянутый розоватым вельветом футляр и влюбленным взглядом глядел на мистера Жоббра.

Кручинс мгновенно узнал этого франта: Дом-с-синей-крышей почтил своим присутствием сам хозяин «Завитка и Локона», известной в Саквояжне цирюльни, — сержант даже побоялся представить, сколько Гоббин ему отвалил за подобное посещение. Судя по сморщенному лицу цирюльника, он неимоверно страдал от стоящих в вотчине полиции Габена ароматов.

— Что скажете? — спросил Гоббин. — Вам удастся сделать из этих огородных пугал нечто хотя бы отдаленно похожее на людей?

— Мне понадобится много мыльной смеси, парфюма и незатупляемые ножницы. А еще чудо. Но, думаю, это возможно.

— Приступайте. Через час они должны быть готовы.

Цирюльник возмутился:

— Через час?! Да вы шутите!

— Дом-с-синей-крышей в долгу не останется, мистер Жоббр. Вы знаете, что стоит на кону!

— Мне нужно место, чтобы творить, — поджав губы, сказал мистер Жоббр. — Я бы предпочел вернуться в свою мастерскую Шедевра и Красоты...

— Это исключено. Творите ваши шедевры и красоты здесь. Можете разместиться в углу. Коппни, притащи стул для господина цирюльника. Вернее, для себя — ты будешь первым.

— Слушаюсь, сэр, — угрюмо ответил констебль и поплелся за стулом: превращаться в человека ему явно не хотелось.

Когда стул был поставлен в углу общего зала, а Коппни тяжело на него опустился, началось претворение ранее упомянутого чуда в жизнь. Подмастерья Жоббра обступили констебля с коварными улыбочками: один стащил с его головы шлем, другой по самую шею обмотал служителя закона полосатой тканью, а третий, раскрыв свой футляр, принялся замешивать пену. Вскоре весь угол, включая Коппни, скрылся в облаке розовых мыльных пузырей. Жоббр сменил пальто на фартук, отдал одному из мальчишек цилиндр и взялся за дело. Хищно заклацали ножницы. Прочие констебли с ужасом ожидали своей очереди...

— Господин старший сержант! — раздался возглас от стойки, и Гоббин раздраженно повернулся.

— Что такое, Брум?

Сержант Брум по прозвищу «Все-по-полочкам», которое он заслужил за свое утомительное следование всем без исключения служебным предписаниям, держал в руке конверт.

— Сэр, пришло уже третье письмо из Больницы Странных Болезней!

— Не сейчас, Все-по-полочкам!

— Но, сэр! Они сообщают, что Зубная Фея убила одного из докторов! Вы ведь так ждали, когда она совершит что-то такое...

— Это обождет, — отрезал Гоббин. — Завтра! Все завтра! У нас есть дела поважнее! Сегодня я запрещаю преступлениям в Тремпл-Толл происходить! И, Брум, меня не нужно дергать, когда по почте приходит очередное сообщение о каком-то непотребстве. Докладывай только если придет что-то от господина Сомма или из клуба «Лаймгроу».

— Так точно, сэр!

Общий зал внезапно заполонил скрежет, и из-за открытой двери чулана вылезла туча бурого дыма, запахло горелым.

Гоббин устремился к чулану.

— Ньютон! Что там у тебя творится?!

Полицейский механик в кожаном фартуке, перчатках и здоровенных защитных очках вывалился из чулана, сотрясаясь в приступах кашля.

— Сэр, я... кхе-кхе... не уверен, что... — начал было он, но старший сержант его прервал:

— Он мне нужен, Ньютон! Шарки должен быть отремонтирован к отбытию в клуб «Лаймгроу».

— Сэр, я его уже два раза пересоби́рал, и так и не понял, в чем там поломка.

Сержант глянул на ржавого автомата-констебля, сидевшего на ящике в глубине чулана. Механоид Шарки давно устарел, его не выпускали в город больше десяти лет. Он вечно заклинивал, его конечности то и дело начинали двигаться невпопад. Время от времени автоматон самостоятельно включался и пытался арестовать всякого, кого видел. Привести его в порядок и вернуть в строй было не легче, чем сделать так, чтобы констебли перестали походить на откровенных злыдней из подворотни.

— Мне плевать! — рявкнул Гоббин. — Судью Китчинсли с Набережных будут сопровождать механические констебли! Мы должны соответствовать! Ты же не хочешь, чтобы господину Сомму заметили, что его полиция отстаёт в техническом плане?!

— Нет, сэр, но...

— Я на тебя рассчитываю, Ньютон, и не вздумай меня подвести!

Рядом с чуланом стоял констебль Шоммпи, на нем был надет тяжелый механизированный костюм, который выглядел грозно и внушительно, и... бедолага Шоммпи не мог в нем пошевелиться: меха-костюм заклинил, и констебль замер с нелепым видом, подняв ногу для шага, с вытянутыми перед собой руками.

— Сэр, я... — начал было Шоммпи, но старший сержант перебил его:

— Даже не начинай!

— Но я так стою уже час... у меня все тело затекло...

— Приказа затекать не было, так что советую тебе побыстрее растечься. Жди своей очереди, Шоммпи: Ньютон освободится, и расцепит тебя.

Двери открылись, и в общий зал ввалился Пайпс. Вытирая пот и покашливая в кулак, громила-констебль подбежал к старшему сержанту.

— Ты нашел их? — спросил Гоббин.

— В «Колоколе и Шаре» их нет, сэр. Брекенрид сказал, что Кручинс заглядывал ненадолго, Дилби он не видел.

— Проклятье! Они мне нужны! И почему именно сегодня нужно было куда-то провалиться?! Я ведь не это имел в виду, когда вчера желал им провалиться пропадом!

— Сэр... — начал Пайпс. Его взгляд встретился со взглядом Кручинса, который притаился у лестницы. Кручинс округлил глаза и покачал головой: мол, не выдавай...

— Почему все кругом норовят меня подвести? — продолжал возмущаться Гоббин. — Почему сегодня все просто не смогло пойти по плану? Почему меня окружают одни лентяи, бестолочи и доходяги?! Никто не готов к «паркету»! У Мэдберда простуда, Хикли потерял память, Гоббс провалился в люк, Прюитт забрался на фонарный столб, Доггни застрял в дымоходе, Броуди разбила нос какая-то старуха, Тоббинса покусали крысы, Шауни и Морни подрались с пожарными, а те четверо болванов, которые напились в дрызг и свалились в канаву! За что мне все это?!

— Сэр...

— Да что такое?!

— Кручинс, сэр.

— Вот-вот! Еще и Кручинс куда-то пропал!

— Он здесь, сэр, — сказал Пайпс и ткнул рукой куда-то за спину старшего сержанта.

Кручинс вздохнул: ну вот, начинается...

Гоббин развернулся и, увидев его, побагровел.

— Ну надо же! Кто-то протрезвел и вспомнил дорогу в Дом-с-синей-крышей!

Кручинс подошел.

— Сэр, я...

— Ты совсем спятил, Крупперт? — прошипел старший сержант. — В такой день?!

— Сэр, я был очень занят и...

— И чем же ваша светлость была занята? Набивал брюхо в «У Мо»? Или гонялся за «Синим Зайцем»?! Пайпс сказал, что тебя видели у Брекенрида! И это в то время, как я тут пытаюсь собрать из этого отребья хоть что-то, за что мне не будет стыдно перед господином Соммом!

— Сэр, я был занят расследованием. Дело о похищениях...

Гоббин глянул на него, как на сумасшедшего.

— Какое еще, провались ты пропадом, расследование?! Здесь дела поважнее!

Спорить было бессмысленно, и сержант Кручинс кивнул.

— Виноват, сэр. Напрасно я все это затеял. Да и по сути меня втравил в расследование пропавших Дилби. Он пришел и...

— Дилби! — процедил Гоббин. — Где его носит?

— Он... это... не знаю, сэр. Я отправил его... гм... по следу улики еще днем, но с тех пор от него ни слуху, ни духу...

— Ни слуху, ни духу?! — яростно хмуря брови, проговорил Гоббин. — Дилби — бумажный червь из архива, искать похищенных не его ума дело! Ты хочешь, чтобы сюда снова заявила его мамаша и устроила нам всем выволочку за то, что ее сыночек, видите ли, снова подвергает свою жизнь опасности? Нет уж, мне прошлого раза хватило...

— Да, сэр. Опасная в гневе женщина.

Кручинс про себя усмехнулся, вспомнив, какой кавардак учинила здесь миссис Дилби в прошлый раз. И самое забавное, что Гоббин ничего не смог сделать — миссис Дилби была троюродной кузиной самого господина комиссара.

— В общем, мне сейчас не до Дилби и его жирной мамыши, — сказал Гоббин. — У нас бридж на носу, а тут и десяток констеблей не наберется для «паркета».

— Что от меня требуется, сэр?

— Отправляйся в «Три Чулка» и...

— В кабаре, сэр?!

— ...и найди мне там четырехрослых широкоплечих парней, которых можно будет переодеть в форму и включить в сопровождение. Желательно, чтобы у них были нормальные зубы и отсутствовали синяки. Гнилозубые и опухшие не подходят, ты понял?

— Да где ж я таких найду?

— А мне откуда знать? Я приказал — тебе искать, Крупперт. Думаю, среди вышибал в «Трех Чулках» отыщутся требуемые здоровяки. Скажешь мадам Боневрю, что это моя личная просьба и что я спишу старый должок. Все понял?

Кручинс с унылым видом пожал плечами.

— Понял — как не понять.

— Замечательно. И только попробуй еще раз исчезнуть, Крупперт.

Он собирался что-то добавить, но тут его снова позвал сержант Брум.

— Сэр, тут письмо...

— Я же велел меня не беспокоить, Все-по-полочкам!

— Это от господина Сомма, сэр. Меченые карты, которые вы для него добыли не подходят — метки слишком заметны...

— Да что ж такое! Липкие Пальчики заверял, что это его лучшие меченые карты!

— Что мне написать господину Сомму, сэр?

— Напиши, что я уже ищу новую колоду...

Воспользовавшись тем, что старший сержант отвлекся, Кручинс шмыгнул на лестницу и быстро спустился в подвалы. Пройдя мимо двери, ведущей в камеры для шушерников, он дошел до угла, свернул и оказался у трех дверей. На одной висела табличка «*Оружейная*», на второй — «*Хранилище специальных механизмов*», на третьей — «*Склад реквизированных предметов*».

Выбрав дверь посередине, он толкнул ее и вошел в темное помещение, освещенное одной лишь керосиновой лампой. Под лампой за столом сидел констебль Бейнбридж, похожий на толстую мышь из-за своих торчащих в стороны ушей и выступающих передних зубов. Кручинс предполагал, что у Бейнбриджа также имеется хвост, который он ото всех скрывает.

— Добрый вечер, сержант, — сказал констебль, даже не думая вставать со стула. — Что вас привело в мою нору?

— Мне нужен механизм «ЛБ-17», само собой, рабочий экземпляр.

Бейнбридж сверился с книгой учета имевшихся в хранилище механизмов и быстро отыскал указанный код. Прочитав расшифровку, он округлил глаза.

— Вы уверены, что вам нужен именно «ЛБ-17»?

— Приказ Гоббина. Он сказал добавить «И поживее!» Так что давай поживее, Бейнбридж.

Констебль кивнул и, с трудом оторвавшись от стула, снял с пояса ключ.

— Ждите здесь.

Развернувшись, он открыл решетку, перегородившую путь в хранилище, и кряхтя двинулся по проходу между стеллажами, заставленными различными механическими штуковинами, в разное время изобретенными специально для констеблей. В глубине хранилища виднелся громадный боевой мех, накрытый полотнищем. Его называли «Громилой» и, как и прочие здешние механизмы, давно не использовали.

Глядя на «Громилу», Кручинс думал о том, что ему предстояло сделать. Нет уж, в кабаре он не пойдет — у него есть занятие поважнее. Гоббин, конечно, придет в ярость, но ему придется волочиться за подставными констеблями самому.

Кручинс усмехнулся. Впереди его ждала очень веселая ночка...

* * *

— Ж-жу ж-жу... — раздалось с журнального столика.

Доктор Доу опустил газету.

Пчела, устроившаяся на стопке выпусков «Романа-с-продолжением», глядела на него.

— Нет, Клара, — сказал доктор Доу и снова скрылся за разворотом газеты. Перевернул страницу.

— Ж-жу ж-жу...

Доктор попытался не замечать эту настырную пчелу, но так просто от нее было не избавиться.

— Ж-жу ж-ж-жу...

Нет, это решительно невозможно!

Доктор Доу опустил газету.

— Ну почему ты все время лезешь с этим ко мне?! Миссис Трикк запретила тебя кормить — ты же знаешь, что она составила для тебя расписание! Погляди на себя, Клара! Когда мы тебя взяли, ты была размером с котенка! А сейчас что? Скоро перестанешь уместаться на журнальном столике!

Доктор преувеличивал. Хоть пчела за время, что жила в жоме № 7, и правда несколько разрослась в размерах, особенно в области брюшка, до описанных им масштабов катастрофы ей было далеко.

— Ж-жу... ж-жу...

— Ты же недавно ужинала! Еще и часа не прошло.

— Ж-жу.

— Не ври. Я сам слышал, что миссис Трикк тебя кормила.

— Ну ж-жу...

Доктор дернул головой. Вряд ли пчела издала «ну», но в ее жужжании ему отчетливо слышалось то, что Натаниэля Доу раздражало больше всего: нытье. Весь вид Клары говорил о том, что она якобы не ела целую вечность и что — и это самое ужасное! — она от него не отстанет.

— Ну ладно! — раздраженно сказал доктор и, достав из чайного варителя кубик рафинада, положил его перед пчелой. Та тут же взялась за второй ужин.

— И только попробуй меня выдать... — Доктор отгородился от пчелы газетой и проворчал: — Еще бы писали что-то интересное, а то все об этом занудном судебском бридже!

— Жу?

— Я не драматизирую, Клара. Совершенно нечего читать. Как будто в городе больше ничего не происходит, кроме подготовки к партии в клубе «Лаймгроу». «Историческое событие», как же!

— Ж-жуууу.

— Согласен. Вечер обещает быть смертельно скучным...

И только он это сказал, как в дверь постучали.

Доктор аккуратно сложил газету.

— Открой дверь, Клара, — велел он пчеле, но та никак не отреагировала, занимаясь обглаживанием кубика сахара. — Никакой от тебя пользы!

Поднявшись из кресла, доктор Доу направился в прихожую.

Прежде, чем открыть, он сверился с зеркалом на стене. Зеркало подтвердило: вид идеальный. И только тогда он взялся за ручку.

Когда Натаниэль Доу открыл дверь и увидел стоявшего за ней человека, то в первый миг даже не поверил своим глазам.

— Мисс Бракнехт?!

Летти Бракнехт прислонилась к стене. Ее лицо блестело от слез, она зажимала рот руками. Незрячий взгляд девушки был устремлен прямо на доктора, и ему в какой-то момент показалось, что она его видит.

— На... Натаниэль... — простонала внучка господина начальника вокзала, и его сердце дрогнуло.

— Вы пришли в одиночку? Где ваша трость? Что с вами случилось, мисс Бракнехт?

— Зубы... больно... очень больно...

Доктор взял ее за руку и провел в дом. Усадив девушку в кресло, он попросил:

— Откройте рот, мисс Бракнехт.

Она замотала головой — видимо, боялась показывать доктору.

— Прошу вас, мисс Бракнехт. Я должен увидеть...

Летти отняла руку от лица и открыла рот. Доктор покивал своим мыслям: все зубы были на месте.

— Болят... — простонала Летти. — Они... болят...

— Какие именно?

— Все...

— Я сейчас вернусь.

Доктор бегом бросился вверх по лестнице, забыв свое правило никогда не перешагивать через ступени. Влетев в кабинет, он раскрыл дверцы шкафчика с лекарствами и, схватив две баночки с пилюлями, побежал обратно.

Вернувшись в гостиную, он налил в чашку воду из графина, после чего достал из саквояжа «измельчитель», небольшое, размером с прищепку, приспособление, и раздавил две пилюли из каждой баночки. Высыпав образовавшийся синеватый порошок в ложку, доктор аккуратно просунул ее в рот девушки и вложил ей в руку чашку.

Та проглотила лекарство, запила.

Доктор достал из жилетного кармашка часы и открыл крышку.

— Боль утихнет через три с половиной минуты. Я взял самое сильное средство. Возможно головокружение и...

Летти схватила его за руку.

— Натаниэль...

— Да, мисс Бракнехт?

— Они... они не выпадут?

На лице Летти читался такой страх, что ему стало не по себе.

— Полагаю, нет. Почему вы думаете, что они должны выпасть?

Летти хотела ответить, но голова закружилась, и она крепче схватила руку доктора.

— Потерпите. Еще три минуты...

Он глядел на Летти, держа в одной руке часы, а в другой сжимая ее дрожащую руку.

И тут произошло кое-что неожиданное. Клара взмыла в воздух и опустилась на колени к Летти. Девушка дернулась.

— Что... что это?!

— Это моя пчела, — сказал доктор. — Не бойтесь ее, мисс Бракнехт. Клара, поздоровайся.

— Ж-жу.

Летти улыбнулась и вдруг почувствовала, что боль исчезла.

Доктор Доу захлопнул крышку часов и вернул их на место.

— Расскажите, что произошло, мисс Бракнехт. Что случилось?

Летти задрожала.

— Она пришла... на вокзал и...

— Она?

— Зубная Фея! — На глазах Летти выступили слезы.

— Что? — Доктор Доу замер. — На вас напала Зубная Фея?

— Она... да... нет... она ловила... кого-то на вокзале, выстрелила и попала в меня...

Доктор гневно сжал зубы.

— Мерзавка, — процедил он. — Я говорил! Говорил, что она несет опасность для невинных людей! Ваш дед знает о том, что произошло?

— Он... нет! — Летти выглядела такой испуганной, что доктор мгновенно все понял.

— Вы снова были там, где вас не должно было быть, мисс Бракнехт?

Летти кивнула.

Доктор вздохнул.

— Вам очень повезло, что в вас попала ампула со слабым вариантом раствора. Но боли вернутся. Я дам вам лекарство. К сожалению, еще неделю вас будут мучить приступы. Погодите, я вызову кэб и отвезу вас обратно...

— Могу я побыть у вас, Натаниэль? Я не хочу... не хочу сейчас возвращаться на вокзал.

Доктор задумчиво поглядел на нее, а затем сказал:

— Разумеется, мисс Бракнехт. Вы будете кофе? Моя экономка испекла чудесный бисквит.

Летти кивнула.

Доктор аккуратно высвободил руку и включил варитель.

— Расскажите, что произошло на вокзале, мисс Бракнехт.

Летти опустила голову.

— Я... не знаю точно. Мистер Дрилли сказал, что кто-то из пассажиров видел на станции Зубную Фею, и я... я спустилась, чтобы посмотреть на нее. Я знаю, что это глупо, я ведь ничего не вижу...

— Эх, мисс Бракнехт...

В этот миг доктор напомнил Летти ее дедушку.

— Я слушала истории про нее! Она же такая... такая... Это же Зубная Фея! Она замечательная!

Доктор покачал головой.

— Она выстрелила в вас, — напомнил он.

— Это вышло случайно. Я не держу на нее зла.

— Зато я держу, — сказал доктор. — Я никому не позволю делать вам больно, мисс Бракнехт. Пусть эта так называемая мстительница только мне попадется... А как вы добрались до моего дома?

Летти закусил губу — рассказывать о путешествии по крышам и карнизам ей совсем не хотелось.

— Вы что-то говорили о бисквите, Натаниэль? — спросила она.

— Ж-жу? — прожужжала пчела.

— Ты бисквит не получишь, Клара! — строго сказал доктор Доу. — Вы не видите, мисс Бракнехт, но это очень толстая пчела. А еще она очень хитрая — все пытается выманить сладости.

Зазвенел варитель, и доктор повернулся к нему.

— Бисквит действительно удался, — сообщил Натаниэль Доу. — Все из-за секретного ингредиента, который миссис Трикк добавляет в тесто. Хотел бы я знать, что это за ингредиент? Само собой: эта тайна мучает меня уже давно. Мой племянник считает, что это что-то незаконное, и миссис Трикк добывает этот секретный ингредиент у контрабандистов, пробираясь ночами на черный рынок изнанки, предварительно сменив внешность — и даже

использует парик. Но, вы знаете, мисс Бракнехт, Джаспер — известный выдумщик. Чтобы миссис Трикк надевала парик? Нет уж, это решительно невозможно. Тут дело в другом. Если хотите знать мое мнение, я предполагаю, что она...

Летти не слушала. Голос доктора Доу в какой-то момент превратился для нее в такое же жужжание, как и то, что издавала пчела, сидевшая у нее на коленях. Все мысли Летти были о Мартине. Что он задумал? Куда отправился после того, как принес ее сюда? Он ведь не оставит то, что начал, но Зубная Фея... она за ним охотится!

Внучка начальника вокзала не хотела лгать Натаниэлю — все ее существо требовало рассказать ему правду, но она не могла: здесь он ей ничем не поможет. А ей самой оставалось лишь ждать и надеяться, что все обойдется. При этом она предчувствовала, что ничем хорошим все это просто не может закончиться.

— Мисс Бракнехт, — голос доктора вырвал ее из колодца гнетущих мыслей, — подумайте очень хорошо, потому что это крайне важное решение. От него многое зависит, и, боюсь, этот непростой выбор можете сделать лишь вы.

Летти подняла брови.

— Что? Вы о чем, Натаниэль? Какой выбор?

— Ну как же, — сказал он. — Вы будете один кусочек бисквита или два?

* * *

Полли лежала на грязной брусчатке, а колеса кэба проехали по ней сверху. Ободья грязных резиновых шин прошли по ее ребрам, ногам и голове, проминая их, разламывая.

Полли никак с виду не отреагировала. А кэб, не заметив ее, проехал дальше, даже не остановившись. А уже через десять футов перед ним на брусчатке снова лежала новенькая и свежешапопанная Полли. И безжалостные колеса снова заехали на нее...

— Мисс Трикк? — раздался рядом голос Джона Дилби.

Полли моргнула и подняла взгляд.

— Вы задумались? — спросил констебль.

Полли кивнула.

— Честно говоря, я и сам не хочу туда ехать, — по секрету сообщил ей Джон. — Меня одолевают мурашки от одной мысли, что нам нужно на Трубный пустырь. Эх, стоило купить в аптеке «Средство против мурашек доктора Пилля».

Полли не ответила. Повернувшись к окну, она уставилась на улицу, по которой ехал их кэб. Светились окна, горели фонари на столбах, по тротуару шла какая-то дама, а за ней топал автоматон в костюме, груженный заполненными покупками бумажными пакетами из лавок. Улица казалась тихой и сонной...

Что бы констебль ни думал, мисс Трикк не боялась. И в ее мыслях совершенно не было того, что ждало их на Трубном пустыре.

Как только они сели в кэб, а Джон в общих чертах рассказал ей, куда именно они едут, она восприняла это без страха или даже тревоги. Но когда он замолчал, а в экипаже повисла тишина, в этой тишине Полли будто бы осталась наедине со своими мыслями. Она пыталась думать о расследовании, пыталась представить, что станет делать, когда они окажутся на месте и снова столкнутся с Человеком-блохой. Вот только вместо плана в голову лезли совершенно непрошенные мысли. Она раз за разом возвращалась на вокзальный чердак. В ее

ушах стоял крик слепой Летти Бракнехт, когда пуля, выпущенная Зубной Феей, вонзилась ей в грудь.

«Ты не спасительница. Ты — такая ш-ш-ше, как и те, кого тыловиш-ш-шь... Злодейка...» — сказал Поразительный Прыгун, и... кажется, он был прав.

Она выстрелила в слепую! Заставила эту несчастную страдать...

Прежде Полли и помыслить не могла, что способна на подобное, но в тот момент ей это подлое по своей сути действие казалось таким очевидным, таким... рациональным. Ей нужно было прогнать Человека-блоху, нужно было спасти Джона Дилби, и она сделала то, единственное, что могла в сложившихся обстоятельствах. У нее просто не было выбора... он вынудил ее...

«Это же оправдания, ты понимаешь? — спросила себя Полли, и тут же ответила: — Разумеется, понимаешь, ведь иначе зачем ты подкладываешь себя под колеса кэба? Если ты и правда сделала то, что должна была, то зачем тогда наказываешь себя?»

Полли чувствовала вину — этот терпкий обжигающий яд растекался внутри, словно просачиваясь из нечаянно задетой и перевернутой бутылки. И хуже всего было то, что бутылку эту никак не заткнуть...

«Я же не была такой... никогда не была... Этот проклятый город, редакция газеты, злобные циничные люди — это они сделали меня такой. Это очередное оправдание? Или я и правда становлюсь... злодейкой?»

После всего, что с ней здесь случилось, после того, как ей открылось подлинное лицо Габена, ее действиями руководил принцип соразмерной жестокости — нельзя быть мягкой, нельзя сомневаться, нельзя поддаваться слабости или жалости, иначе город сожрет тебя, перемелет вместе с косточками. До сегодняшнего дня ее ни разу не мучила совесть — она наказывала худших, тех, кто заслуживал боли. А худших из худших она лишала зубов. Полли не испытывала к ним сострадания — это неизменно были бездушные монстры в человеческом обличье, которые творили ужасные вещи. Но та слепая девушка... она ведь не была такой, как жители изнанки Габена — она была слабой и незащищенной...

«У тебя не было выбора... — В маленьком зале суда в голове Полли снова взял слово тщедушный адвокатишка — лучший представитель своей профессии: гнусный, изворотливый и омерзительно... рациональный. — Ты должна была отвлечь Человека-блоху, иначе он напал бы на Джона и снова напал бы на тебя — и как бы ты его остановила? В очередной раз сымитировала бы падение?»

Полли дернула головой, и адвокатишка, потеряв равновесие, покотился по наклонившемуся полу.

«Я надела маску Зубной Феи, чтобы помогать людям... чтобы спасти тех, кто не может за себя постоять...»

«Нет никакой маски, — раздался в голове новый голос, злой и лязгающий. — Я — это ты, Полли. Зубная Фея — это возмездие. Живая и воплощенная месть. Ты думаешь, что ты — как те пожарные, которые бросаются в пламя на детские крики, но на самом деле ты та, кто приходит за монстром, устроившим пожар. Ты не спасительница — спасители не мстят. Ты не добрая, ты не знаешь жалости, ты...»

«Необходимое зло?» — с содроганием спросила себя Полли.

«Необходимая справедливость. Лежащая на чаше аптекарских весов, уравнивающая настоящее зло. Твое появление заставило мразей испуганно озираться по сторонам — они знают, что ты где-то поблизости. Они боятся за свои шкурки, за свои зубки. Ты изменила

этот город, ты дала ему нечто такое, чего он не знал многие годы...»

«Зубную боль?»

«Расплату. Ты ведь сражаешься не со свечниками, не с людьми Меррика или Доггвилами. Ты сражаешься с ощущением безнаказанности. Больше никто в Тремпл-Толл не может творить все, что ему вздумается. Они вынуждены таиться, вздрагивать от каждого скрипа...»

«Человек-блоха прав?»

«В том, что сказал — нет, в том, что делает — бесспорно. Они убили его мать, пытались убить его самого, и двадцать лет им сходило это с рук. Они заслуживают расплаты — больше, чем кто бы то ни было. Но его метод ошибочен. Он хочет их всех убить, вот только смерть — это вовсе не расплата. Это освобождение. — Голос стал еще злее. — Боль. Осознание того, что стало причиной этой боли. Вытаскивание их грязных тайн наружу и освещение их перед всем городом. Вот, что такое расплата. Они должны жить в страхе, в непрекращающемся кошмаре. Они должны жить, чтобы... испытывать. Человек-блоха не понимает, что мертвецу плевать, что со смертью долг списывается, а этого нельзя допустить. Убить просто. Ты могла бы убивать их, но как в таком случае возвращать им причиненную ими боль?»

«Хочется верить, что не только в этом моя причина не убивать людей...»

«Верь...»

«Я ведь хорошая? — спросила Полли, не понимая, как по-детски прозвучал вопрос. — Я хорошая? Умоляю, скажи, что я все еще хорошая...»

Лязгающий голос в голове молчал. Собеседница не ответила. Да ведь ее и не было. Как хотелось, чтобы можно было сказать: «Это Зубная Фея сделала — не я!»

Вот только Полли с горечью осознавала, что никакой маски и правда не существует и что...

— Зубная Фея — это я... — сказала она.

И вдруг с ужасом поняла, что произнесла это вслух.

Констебль Дилби уставился на нее.

Полли застыла.

— Вы... — начал было Джон. — Вы что-то сказали про Зубную Фею, мисс Трикк?

Полли вздохнула с облегчением — констебль не услышал самого главного.

— Я просто думала, — сказала она, — что нам бы сейчас пригодилась помощь Зубной Феи. Я не знаю, что мы будем делать, когда найдем Человека-блоху.

Констебль закивал.

— Вы правы: помощь мисс Феи нам бы пригодилась. Уж она точно справилась бы с Поразительным Прыгуном.

Полли невесело улыбнулась. Каким же все-таки наивным человеком был младший констебль. А еще добрым. Странно добрым, учитывая, что он родился и вырос в Габене. Еще одной положительной чертой Джона Дилби было то, что, в отличие от своих коллег, он не считал мстительницу в маске преступницей.

— Мечтаю заполучить открытку с изображением Зубной Феи, — сказал он. — Мастер Джаспер знает, где такую можно раздобыть.

— Неужели? — На этот раз Полли улыбнулась уже искренне: любовь к коллекционным открыткам у констебля и племянника доктора Доу была общей. — Не уверена, что подобные открытки существуют, ведь, что бы там себе Джаспер ни думал, вряд ли Зубная Фея стала бы

тратить время на позирование у фотографа. Но если бы они и правда были, думаю, Зубная Фея стала бы неплохим пополнением вашей коллекции злодеев.

Джон возмутился.

— Что вы, мисс Трикк! Зубная Фея не злодейка! У меня есть другая серия: герои. В нее входят: Мистер Инкогнито, Цепочник, Профессор Сон и Энигман.

— Герои, да? — улыбка Полли исчезла. — Вы их так называете?

— Ну да, — простодушно ответил констебль. — Еще я заказал по почте открытку Человека-из-Льотомна.

Полли решила, что ослышалась.

— Напомню вам: Человек-из-Льотомна ограбил банк!

— Но это ведь был злодейский банк Ригсбергов.

— Поверить не могу, что этот хмырь зовет себя героем — еще и для открыток сфотографировался. Хватает же у него наглости...

Дилби собирался что-то ответить, но тут кэб встал. С передка раздалось: «Прибыли!»

Полли и констебль вышли из экипажа и огляделись.

— Но мы ведь не доехали целых два квартала!

— Я на Трубный пустырь не поеду, — угрюмо ответил кэбмен.

— Но нам нужно на пустырь! — возмущенно сказал Джон Дилби, впрочем, кэбмен перед констеблем никакого трепета не испытывал:

— Дотопаете сами.

Полли заплатила, и экипаж, развернувшись, покатил обратно.

Девушка и констебль пошагали по улице. Светящихся окон с каждым футом становилось все меньше, как и фонарей.

«Неудивительно, что кэбмен отказался туда ехать, учитывая все то, что рассказал Джон, — подумала Полли. — Хотя там ведь давно никто не живет...»

— Знаете, мисс Трикк, — начал констебль, — я тут подумал, что лучшего места для тайных встреч Человека-блохи и этого клоуна лучше и не придумать. Люди избегают Трубного пустыря, полиция туда не заходит... Прошло двадцать лет, и все равно печальная слава самого жуткого из Габенских злодеев никак не рассеется.

— И что, он там жил у всех на виду, и все знали, кто он такой? — спросила Полли.

— О, само собой, в Тремпл-Толл никто не знал, кем именно является сэр Гидеон Дэрроу. Он был уважаемым членом общества, наследником старой габенской фамилии, одним из богатейших людей в Тремпл-Толл. В своем особняке он устраивал пышные ужины и давал званые вечера, которые посещали тогдашний главный судья Темпл, господин комиссар, банкир Ригсберг, хозяин биржи Фоггвилл и прочие почтенные люди Саквояжни.

— Думаю, ему доставляло удовольствие вращаться в высоких кругах и водить их всех за нос.

— Скорее всего.

— Видимо, все его бывшие приятели были очень разочарованы, когда открылось, кто он такой на самом деле. Как его разоблачили?

Джон пожал плечами.

— Его кто-то предал. Я точно не знаю, как обстояло дело, мисс Трикк. Об этом лучше спросить у констебля Лоусона — он участвовал в рейде, во время которого Гидеона Дэрроу убили. Мне известно только то, что для облавы собрали весь личный состав полиции Тремпл-Толл — у него не было шанса. На Трубном пустыре (тогда он назывался иначе)

развернулось настоящее сражение. Констебли использовали технологии всех злодеев, которых поймали до этого. Всех прихвостней Дэрроу и его самого убили. А через две недели на вокзале поймали и Замыкателя. На этом Золотой Век Злодеев Габена завершился.

— У Джаспера есть открытка с изображением этого... гм... Гидеона Дэрроу.

— У меня тоже есть, — сказал констебль. — Я собрал почти всех — у меня не хватает только Филина и доктора Погодника — это очень редкие открытки. Мечтаю их раздобыть. Говорят, что где-то в городе есть даже открытки с автографами, но, думаю, это слухи.

— Такое чувство, что вы восхищаетесь этими злодеями, Джон.

— Они были великими! — воскликнул Дилби и, вздрогнув, понизил голос: — Да, они творили ужасные вещи, но с их исчезновением город стал другим. Когда схватили Последнего Злодея Габена, мне было десять лет, но я почувствовал эти перемены. Все почувствовали. Говорят, что война началась в тот момент, когда Замыкатель был арестован. Враг боялся их, боялся, что злодеи вступят в войну и отправятся защищать Габен, но когда их не стало, у него оказались развязаны руки.

— Вы думаете, что злодеи стали бы защищать Габен?

— Это их дом, — веско заметил констебль. — Конечно же, они вступили бы в бой. Но их всех арестовали или убили, и началась война, которая длилась долгих восемь лет.

За разговором Полли и не заметила, как они прошли два квартала и оказались на небольшой площади.

В центре ее некогда, очевидно, был разбит парк, но от него остались лишь скрюченные опаленные стволы деревьев без ветвей, смахивающие на ржавые печные трубы. Парк окружала старая, во многих местах выломанная и погнутая ограда. В глубине его виднелись очертания большого черного особняка, и Полли даже поежилась от внезапно охватившего ее и неизвестно откуда взявшегося чувства безысходности.

— Мы на месте, мисс Трикк, — сказал Джон Дилби. — «Дом Горемычника».

* * *

Под ногой констебля скрипнула половица, и они с Полли замерли.

Ни сверху, ни из-за стен слева и справа в ответ не раздалось ни звука. В доме, как и прежде, властвовала тишина.

Особняк Горемычника был темен и жуток — именно о таких домах писали в «ужасах-за-пенни», и в них всегда происходило что-то злое: кого-то мучили, кого-то убивали, кого-то замуровывали в стенах.

Полли посетила мысль, что сейчас дом на Трубном пустыре, вероятно, больше подходит тому, кто здесь жил, чем когда не был покинут.

Это место пропахло болью и отчаянием, хотя когда-то — и это было видно даже в тусклом свете «штурм-фитиля» в руке Полли — оно было богато обставлено, здесь ярко горел свет, звучала музыка из витых рогов граммофона, а по дороговому ковру ступали лакированные блестящие туфли. Теперь здесь жило лишь забвение...

— Жаль, с нами нет спиритуалиста, — прошептал Дилби. — Здесь же полным-полно призраков.

Полли улыбнулась. Спиритуалист с ними был — она. Расследуя тайну Призрака с платформы «Драппгейт», Полли притворялась охотником на призраков и делала это так

профессионально, что до последнего никто и помыслить не мог, что она не та, за кого себя выдает...

Младший констебль Дилби был прав: это место выглядело так, что здесь просто обязаны были обитать призраки, но опасалась она сейчас вовсе не их.

На первый взгляд в особняке Горемычника давно никого не было: пыль толстым слоем лежала на ковре, по углам висела паутина, казалось, сюда не заглядывает даже сквозняк.

Сразу за входной дверью располагался большой холл, упирающийся в широкую лестницу. Вдоль стен стояли горшки с клыкастыми мухоловками — все они зачахли, побурели, да и вообще выглядели так, что могут развалиться в труху, стоит к ним лишь прикоснуться.

Повсюду в холле были следы произошедшего здесь сражения. Кое-где на стенах виднелись пропалены от взрывов и дырки от пуль, мебель была разломана, посреди холла на полу лежала громадная разбитая люстра. Большие напольные часы замерли на боку, циферблат и механизм был покорежен, рядом валялся маятник — судя по положению стрелок, часы встали ровно в полночь.

— Ой, что это? — спросил Джон, стукнувшись обо что-то башмаком, и тут же поднял свою находку.

Черный шар едва умещался в руке констебля, по центру в нем зияло крошечное круглое отверстие.

Полли вздрогнула.

— Очень осторожно положите на место, Джон.

— Но что это?

— Неразорвавшаяся фитильная бомба.

Констебль потрясенно распахнул рот и поспешно сделал то, что велела его спутница.

— И смотрите под ноги — здесь может быть какая угодно дрянь.

Джон кивнул и крепче сжал свою дубинку.

Озираясь по сторонам, они обошли груды обломков, которая некогда представляла собой круглый стол и граммофон, и оказались у основания лестницы.

Констебль вопросительно глянул на Полли, она кивнула, и они двинулись вверх.

Стены вдоль всей лестницы были завешаны картинами — с них на Полли и Джона Дилби скалилось какое-то жуткое черное животное. Оно отдаленно походило на собаку, но при этом обладало круглыми выпученными глазами, пастью, полной длинных острых клыков и вздыбленной шерстью. Нет, это определенно была не собака.

— Кажется, Горемычник души не чаял в этом монстре, — прошептала Полли. — Собачники — что с них возьмешь...

Джон поежился и бросил взгляд назад — ему вдруг почудилось, что уродливый питомец все еще где-то здесь и наблюдает за ними...

Лестница привела констебля и его спутницу в широкий коридор-галерею. По сторонам него стояли большие аквариумы — все они были разбиты, на полу громоздились кучи битого стекла, среди которых белели скелеты зубастых рыб-удильщиков. Между аквариумами лежали груды разломанной мебели. Ножки шкафов, диванчиков и стульев были выполнены в виде резных шупалец спрута.

«Видимо, его гостей все это нисколько не смущало, — подумала Полли. — Как можно было не замечать подобных жутких деталей интерьера? Тут же буквально все вопит о том, что с хозяином что-то нечисто...»

Галерея упиралась в очередную лестницу. На стенах здесь также висели картины, но вместо питомца на них всех был изображен бледный черноволосый мальчик. Ребенок выглядел жутко: он был мертвенно-бледен и худ, вокруг его глаз залегали черные круги — судя по виду мальчика, все детство он провел в подвале.

«У Горемычника был сын? — подумала Полли. — Или это сам Горемычник?»

Поднявшись по лестнице, констебль и девушка вышли в еще один коридор.

Узкая дорожка ковра тянулась мимо распахнутых дверей. Между ними стояли мраморные постаменты — некогда на них красовались бюсты, но сейчас все они были расколочены и лежали на полу. Темно-красная ткань обивки стен в некоторых местах висела лоскутами. Тут и там виднелись следы, оставленные взрывами бомб, — черные пятна и полосы на стенах и ковре, закопченные обломки, в которых совершенно не угадывалось, что за предметы были уничтожены, гарь и пепел. Весь коридор был засыпан револьверными гильзами.

Полли походя заглядывала в комнаты — пыль и паутина не могли скрыть стоявший там разгром: вывороченный паркет, разбросанные книги, разломанные механизмы, повсюду лежали покореженные автоматы — судя по частично сохранившимся ливрейным фракам, жилеткам и бабочкам, это была прислуга Горемычника...

— Куда дальше, мисс Трикк? — едва слышно произнес Дилби, когда они дошли до конца коридора и увидели, что тот разделяется на два одинаковых прохода.

Полли кивнула на проход слева, и они пошагали по нему, ступая по почти полностью сожженному ковру. Все стены этого коридорчика скалились длинными тонкими иглами.

— Думаю, это иглы из ловушек Занозы, — с дрожью в голосе пояснил Джон.

— Занозы?

— Миссис Кроукло, приспешницы Горемычника. Констебль Лоусон рассказывал, что прежде, чем ее убили, она забрала с собой дюжину констеблей. Хотя мне кажется, он преувеличивает — судя по тому, как восторженно старик о ней говорит, думаю, он был в нее влюблен. И тем не менее кому-то из служащих Дома-с-синей-крышей здесь все же досталось...

Дилби ткнул на стену. Там, меж игл, зияло пустое место, по форме напоминающие человеческую фигуру — Полли даже боялась подумать, что стало с теми, кому не посчастливилось столкнуться с оружием приспешницы Горемычника.

«Будем надеяться, что все ловушки уже сработали», — подумала она — в подушечку для иглолок ей превращаться сегодня совсем не хотелось...

Коридор окончился тупиком. Дверь в глубине его была приоткрыта.

Полли, подняв револьвер кивнула констеблю. Тот шумно проглотил вставший в горле ком и осторожно толкнул дверь.

В комнате, как и во всем доме, никого не было. Место это походило на курительный салон в каком-нибудь джентльменском клубе. В центре стояли шесть кресел, между ними на полу вместо ковра лежала темно-серая шкура какого-то животного. У каждого кресла разместился небольшой столик на колесиках, на всех столиках лежали перевернутые сигарные коробки и разбитые винные бутылки. Повсюду в помещении в беспорядке валялись газеты, и Полли предположила, что это место было для хозяина чем-то, вроде читальной комнаты.

Стерев пыль с одной газеты, она прочитала:

«ПРОФЕССОР ПОГОДНИК СХВАЧЕН!!!»

Сегодня на рассвете Гилберт Думдеррош, также известный, как “Профессор Погодник” был арестован в своем логове на маяке “Рейнлайтром”. Прежде, чем его схватили, он убил четверых констеблей, еще трое ранены. Профессор пытался сбежать на дирижабле, но тот был подбит и потерпел крушение на острове Эринс. Полиции удалось поймать безумного гения прежде, чем он скрылся. “Генератор Ливней”, с помощью которого Профессор Погодник намеревался утопить Габен, был захвачен. Ведутся розыски и обезвреживание всех “Ливень-станций” на аэробакенах над Тремпл-Толл.

Спешим сообщить жителям города, что дождей больше можно не бояться и...»

Остальная часть статьи скрывалась под бурым пятном, и прочитать ее было невозможно. Впрочем, Полли и не собиралась.

Оглядев напоследок читальную комнату, она кивнула Джону на дверь, и они пошагали обратно.

Второй проход привел их к еще одному тупику и очередной двери. Сказать, что та была распахнута, было бы не совсем верно: сорванная с петель, дверь лежала на полу.

Помещение, в котором оказались Полли и Джон, представляло собой гостиную. У противоположной от входа стены чернел зев камина — рядом с ним стояла пара глубоких кресел. Слева разместились диван и причудливый музыкальный инструмент, отдаленно похожий на фортепиано с торчащими во все стороны разномастными трубами, которые оканчивались воронками. Инструмент завалился на треснувшей ножке, трубы зияли дырами, клавиши торчали зубами, а рядом лежала перевернутая банкетка.

Полли вдруг почувствовала знакомый запах: незабвенный кисловатый аромат, оставляющий мерзкий привкус крысиной отравы во рту. Так же пахло в фургончике на Семафорной площади.

Бетти Грю!

Он был здесь!

Судя по тому, что запах клоунского парфюма был довольно свеж, Бетти Грю присутствовал в гостиной совсем недавно.

«Где же ты? Уже покинул дом? Или где-то прячешься? Выжидаете?»

— Глядите, мисс Трикк, — Джон кивнул на одно из кресел — оно было развернуто к двери и прямо перед ним в ковре зиял круглый провал диаметром примерно в десять футов, который Полли сперва приняла за большое пятно.

Они с констеблем подошли к краю. Заглянули в чернеющий провал. Благодаря едва теплящемуся свету «штурм-фитиля» Полли, можно было разобрать лишь ближайшие пару футов, уходящих вниз кирпичных стен колодца.

«Колодец в гостиной? — подумала Полли. — Зачем он Горемычнику?»

— У вас есть что-то, что можно туда бросить? — спросил констебль.

— Зачем?

— Чтобы узнать глубину...

— Вот еще, — фыркнула Полли.

— Но ничего же не видно...

— Зажгите ваш фонарь, Джон.

— Но если нас заметят...

Полли покачала головой и закусила губу.

— Мне кажется, мы опоздали. Нас уже некому заметить.

Младший констебль снял с пояса фонарь, чиркнул спичкой и зажег фитиль. Грязно-рыжий свет вырвал из темноты выложенную кирпичом горловину шахты. Вниз тянулась лестница, состоящая из вросших в стену ступеней-скоб.

Колодец уходил вниз не меньше, чем на тридцать футов. Свет почти не добирался до дна, и все же Джон и Полли разобрали что там стоят какие-то механизмы и...

— Там что-то есть, — прошептал констебль.

Полли кивнула и, опустившись на пол, свесила в колодец ноги. Подошвы туфель встали на скобу-ступень.

— Что вы делаете?

— Спускаюсь вниз.

— Но это... это может быть опасно.

Полли задорно глянула на констебля.

— С вами мне ничего не страшно, Джон.

А затем, развернувшись, поползла вниз.

— Ну вот, — проворчал младший констебль. — Лучше и не придумаешь. Лезем в жуткий колодец в доме злодея.

Повесив фонарь на пояс, Джон Дилби вздохнул и начал спуск следом за этой неугомонной и бесстрашной Полли Уиннифред Трикк...

* * *

Коготь на ноге царапнул выломанную дверь, и Мартин Лакур вошел в гостиную.

Его встретило восклицание, которое он ненавидел всей душой.

— Фу-марфу!

Бетти Грю сидел в кресле, закинув ногу на ногу, почесывал подошву клоунского башмака и отвратительно, гадко улыбался. Он был в черном костюме, который надевал лишь по особым случаям, рядом стоял большой деревянный молот.

— Ну здравствуй, Попрыгунчик, — сказал Бетти Грю и, высунув изо рта язык, затрусил головой.

— Не называй меня так! — прорычал Мартин.

— Ой, кажется, кто-то не в настроении... Что за блоха тебя укусила, дружок? Хи-хи... Я так понимаю, это ты устроил погром в моем фургончике. И зачем, спрашивается? Теперь придется завести экономку, чтобы она там прибралась. А это, знаешь ли, хлопотное дело: писать объявление в газету «Почтенный джентльмен ищет порядочную женщину для ведения домашнего хозяйства», проводить смотр экономок, глядеть, чтобы не оказалась воровкой...

Мартин не слушал чушь, которую молот Бетти Грю.

— Ты... ты лгал мне!

— Ну, разумеется, я же клоун! Я всем лгу! А что ты имеешь в виду?!

— Ты говорил, ч-ч-что это труппа устроила заговор, ч-ч-что Труффо все организовал, а тебя усыпили! Ч-ч-что это они убили мадам Д.Ош-ш-ше и... маму.

— Все так и было.

— Это лош-ш-шь!

— Правильно говорить: «лошадь». А еще лучше: «конь»...

Мартин шагнул к клоуну.

— Это ты сказал Пламмеллини засунуть меня в меш-ш-шок и убить!

— Нет же, Мартин, это был Труффо, — насмешливо глядя на Человека-блоху, сказал клоун. — Гадкий карлик все устроил. Он подмешал мне снотворное в «Дурбадар», и когда я очнулся, они уже были мертвы, а ты умирал в мешке на цирковой свалке. Я нашел тебя и...

Мартин достал из-под пальто тетрадь в потрескавшемся красном переплете, и, увидев ее, Бетти Грю переменялся в лице.

Раскрыв дневник, Человек-блоха начал читать вслух последнюю запись. Он шипел, так и не научившись произносить правильно некоторые звуки, но клоун этого не замечал — для него речь Мартина была чистой, ведь спустя годы с ним через дневник говорил вовсе не Мартин:

«Полночь.

Дорогой дневник, прости... мои руки дрожат, прости за кляксы... я так боюсь...

Только что я стала нечаянной свидетельницей заговора!

Я отправилась в блошинную комнату, чтобы взять кровь на ужин для Мартина, и услышала голоса. На манеже собрались все — вся труппа. Там же был и Бетти.

Сперва я решила, что он показывает им свою новую репризу: Бетти расхаживал по манежу, топал ногами бурно жестикулировал, что-то декламировал, а все молча внимали каждому его слову. Мне стало обидно, что они меня не позвали, а еще любопытно, и я прокралась в зал. Спрятавшись в партере, я стала слушать и... вдруг поняла, что это никакая не репетиция сценки. Бетти был в своем черном костюме, а ты знаешь, что это значит, дорогой дневник: Бетти надевал его, только когда планировал какое-то злодейство.

Что ж, в этот раз злодейство тоже готовилось. И это было худшее злодейство!

Бетти говорил о том, что с него хватит, что он больше не намерен терпеть. По его словам, мадам Д.Оже окончательно спятила — война с Помпео свела ее с ума. Он спрашивал у труппы, сколько еще циркачей должно бесславно погибнуть на этом манеже прежде, чем их терпение лопнет.

Господин Фармалетто спросил, что он предлагает, и Бетти ответил — он сказал, что хозяйка уже достаточно им командовала и что он больше не желает, чтобы она вытирала об него ноги.

Я ждала, что они поднимут его на смех, что обзовут спятившим, что... я ждала чего угодно, но только не того, что было дальше!

Слово взял Труффо. Он сказал, что это трудное решение давно напрашивалось и что цирковая война уже у всех в печенках сидит.

Господин Фармалетто был единственным, кто сомневался: “Как же “Цирк мадам Д.Оже” будет без мадам Д.Оже?”

Бетти сжал кулаки и зарычал: “Это не ее цирк! Она не дает номера! Лишь забирает себе все денежки с билетов! Это наш цирк! Без нас она — ничто! А мы без нее превосходно обойдемся! Мы здесь настоящие хозяева! Мы закончим войну сегодня же, а завтра переименуем цирк! Он будет называться “Безалаберный цирк Бетти Грю!”

Это труппу явно не устраивало: они начали возмущенно галдеть и спорить, и я понадеялась, что они вот-вот образумят Бетти, но каков же был мой ужас, когда я

поняла, что на самом деле их всего лишь не устроило название!

“Цирк будет называться “Формалиновая Фантасмагория Фармалетто” — заявил Фармалетто.

“Нет, он будет называться “Труффонада Труффо”!” — вставил Здоровяк.

Прочие также начали предлагать названия, включающие их имена, но Бетти оборвал все споры. Он сказал: “Неважно, как цирк будет называться! Мы потом придумаем название! Но вы только подумайте — представьте себе, что это место принадлежит нам! Только нам! Пришло время сорвать ошейники! Да, по вашим рожам я прекрасно вижу, что вы и подумать о таком не смели! Так скажите мне: вы хотите этого? Хотите стать здесь хозяевами? Все кто за — швырните вашу метку сюда!”

Он ткнул пальцем себе под ноги, и все... все без исключения швырнули свои цирковые метки.

“У тебя есть план? — спросил Труффо. — Мы не можем просто так убить хозяйку — мадам Д.Оже обладает в городе влиянием, полиция нас схватит!”

“Не схватит, — заверил его Бетти. — Потому что никакого убийства не будет. Хозяйка сама все сделает! Она состроит птичку! — Он задрал голову и ткнул пальцем вверх, под купол цирка, а потом, засвистев, опустил руку и, указав на манеж, добавил: — Шмяк! — после чего достал из кармана платок и промокнул воображаемые слезы. — Мадам так горевала в последнее время, господин полицейский, так горевала! Дела шли очень плохо! Мадам боялась, что мерзкий Помпео победит, ее мучили бессонница и паранойя, и она не выдержала, ну, вы знаете, как это бывает... Если бы мы только знали, что она задумала! Мы бы помешали ей! Своими панталонами клянусь! Хоботом слона Оливера клянусь! Но откуда нам было знать, господин полицейский? Ой, какое горе! Как же мы теперь будем без нашей любимой хозяйки?! Она была нам так дорога! А знаете что? Мы тут посоветовались с трупной, господин полицейский, и решили почтить память мадам новым невероятным представлением! Вот, держите, два билетика, господин полицейский: для вас и для вашей дражайшей женушки...”

Бетти расхохотался, и трупа подхватила. Они смеялись так гадко, так страшно...

Я выбралась из партера и украдкой выскользнула из зала. Они меня не заметили, дорогой дневник! Но... я боюсь, я так боюсь...

И все же я знаю, что должна сделать.

Я должна помешать им! Я предупрежу мадам! Как только она вернется из ресторана, я ей все расскажу...

Кто-то идет... Я узнаю шаги. Это он! Я прикинусь, что ничего не знаю. Он поверит — он всегда мне верит...»

Мартин дочитал и захлопнул дневник. С ненавистью уставился на Бетти Грю.

Клоун сидел с закрытыми глазами и блаженной улыбкой. Он слушал с восторгом, словно последняя запись в дневнике была чем-то невероятно прекрасным для его ушей. Он перебирал перед собой пальцами в воздухе, словно подыгрывал озвученным Мартином страшным вещам, перебирая невидимые струны.

— О, Мариетта, — сказал он, открыв глаза, — ты всегда так хорошо запоминала реплики... Но здесь оплошала. Я хорошо помню ту ночь и все свои слова: там ведь еще было очень много ругательств — жаль, что ты их не записала: картина вышла неполной. Но ничего, я все исправлю, только найду свой красный карандаш...

— Ты убил... маму! — закричал Мартин. — Зач-ч-чем ты ее убил?

— Это же очевидно, Попрыгунчик: чтобы она не предупредила мадам. Я никогда не любил Мариетту, я всегда завидовал тому, как глупый зритель ее превозносит, и тому, как с ней возится хозяйка. Никогда не любил ее... да. Но знаешь, я очень любил ее убивать. Это было недолго, но каждое мгновение... м-м-м... как жаль, что это не повторить. Я пришел к ней в примерку и размозжил ей голову этим самым молотом. Она умерла не сразу — лишь с третьего удара. Помню, как она лежала на полу, помню, как хрипела, умирая, и молила пощадить своего ненаглядного сыночка-уродца. О, бедняжка, она не знала, что в это самое время Бабул с Пламмеллини убивали тебя...

— Ненавиш-ш-шу! Ненавиш-ш-шу тебя!

Мартин сорвался с места и бросился к Бетти Грю. Клоун, казалось, никак не отреагировал, продолжая ухмыляться.

Человек-блоха вытянул все четыре руки, чтобы схватить Бетти Грю, но не успел. Тот дернул рычажок под подлокотником кресла, пол под Мартином скрипнул и провалился.

Мартин с криком рухнул в черную трубу. И хоть он успел подобраться и приземлиться на ноги, ему это не помогло.

На дне погреба стояла громадная металлическая ловушка.

Когда Мартин упал на нее, один за другим с лязгом сработали шесть капканов. Скобы сжались, захватив конечности Человека-блохи, переламывая их, и он заревел от боли.

Клоун, насвистывая, спустился вниз по скобам-ступеням и подошел к корчащемуся пленнику, выкидывая в стороны колени. В руках он держал свой деревянный молот.

— О, как тебе моя ловушечка? Вижу, нравится... Такими когда-то ловили гигантских блох. Она будто для тебя создана...

Мартин дернулся, и скобы впились глубже в его плоть.

— Не шевелись, иначе будет больнее, — сказал Бетти Грю. — Хотя нет — давай, шевелись!

Мартин прохрипел:

— Будь... будь ты проклят!

Клоун изобразил на своем лице недоумение.

— Что? Я? Проклят? Почему ты меня проклинаешь? Ты — неблагодарный мальчишка! Я ведь спас тебя! Я с тобой нянчился в цирке и после него. Я же был тебе, как отец...

— Ты и есть... мой отец.

Клоун расхохотался.

— Это вышло случайно, знаешь ли. Я не хотел тебя! Возиться с детьми?! Фу-марфу! Я хотел избавиться от тебя еще тогда, когда она собрала трупку и поделилась «радостной» новостью, хотел избавиться от тебя, еще когда ты из нее не вылез.

— Ч-ч-что?

— А как ты думаешь, откуда в цирке взялся грубб? Грубббы ведь невероятная редкость — эту породу блох давно вытравили в Габене, и мне пришлось повозиться, чтобы достать одну. При должном желании на изнанке можно достать, что угодно. Но тут я просчитался: я рассчитывал, что грубб загрызет Мариетту, но ее спасли. А потом родился ты...

— Это ты сделал меня таким! Уродом!

— Нет же, Мартин, все наоборот: я сделал тебя уникальным. Вместо того, чтобы в этот мир выполз очередной посредственный человечиска, появился ты. Ох, как я был горд! С собой, разумеется! Ведь благодаря мне на свет появился тот, кого этот свет еще не видывал!

Но вскоре меня постигли горечь и отвращение: ты оказался таким же, как и все, обыденностью, посредственностью, никчемностью... Ты разочаровал меня, Мартин! Нужно было все же отдать тебя в кунсткамеру — в банке от тебя хотя бы был какой-то прок. Беспольный... тебе нельзя было доверить даже такое простое дело, как похищение циркачей. Ну вот зачем ты убил Фокарио? Теперь мое антре не будет идеальным! Хотя... наверное, все же хватит и остальных.

— Ч-ч-что... ч-ч-что ты с ними сделаеш-ш-шь?

— С этими бездарностями? То, чего они заслуживают. Была бы у них хотя бы капелька таланта, я бы выдал им важные роли, а так... им уготована лишь одна роль — реквизита. Но ты не волнуйся за них, Мартин. Скоро все закончится... Когда я закончу свои дела в цирке, я приду к твоей слепой подружке...

— Не-е-ет...

— И покажу ей номер. О, ей понравится: можешь не сомневаться...

— Не трогай Летти...

— Ты ведь рассказал ей все. Как я могу позволить ей знать? И самая смешная шутка заключается в том, что ты не сможешь мне помешать.

Клоун поднял молот.

— Нет... отец...

Бетти Грю на миг замер, а в следующий с размаху опустил молот на спину Мартина. Раздался хруст. Мартин дернулся. Каменный колодец наполнился криком.

За первым последовал второй удар. Он проломил хитиновый покров Мартина, во все стороны брызнула черная кровь, а клоун поднял молот для нового удара и расхохотался. Со смехом он принялся бить молотом Человека-блоху. Трещало проламываемое тело, брызгала кровь. Удары приходились и в спину, и по конечностям Мартина. Один скользнул по голове, оставив в ней вмятину...

Крики стихли, из горла Человека-блохи вырывались лишь хрипы, а молот все опускался, чтобы в очередной раз подняться, а затем снова ударить изломанное тело, зажатое в ловушке. Кровь залила пол погреба чернильной лужей.

А молот бил и бил под хруст, чвяканье и клоунский смех.

* * *

Свет фонаря вырвал из темноты погреба жуткую картину. Полли сперва не поняла, что это такое, но, узнав промокший в крови полосатый шарф, вскрикнула.

Она зажала рот, пытаясь сдержать рвотные позывы. Джон Дилби был менее... сдержан, и его вывернуло, прямо на залитый кровью пол.

В изуродованном бесформенном мешке больше не угадывались очертания человеческой фигуры. В нем больше не проглядывали даже очертания блохи. На полу валялось жуткое изломанное месиво, три конечности были отделены от тела, еще одна висела на тонких, почти оборванных жилах. Оставшиеся представляли собой скрюченные жгуты, похожие на мятую проволоку. Ком плоти в некоторых местах был раздавлен полностью...

— Кто это с ним сделал? — дрожащим голосом спросил констебль.

— О, я догадываюсь, кто...

Полли собиралась еще что-то добавить, как тут из глубины кровавого месива раздался

хрип.

Дилби взвизгнул от неожиданности.

— Он... он жив?!

— Блохи очень живучи, — взволнованно проговорила Полли. — Джон, скорее! Мы должны его спасти!

Констебль недоуменно выпучил глаза.

— Что? Но зачем? Это же монстр!

Полли пронзила констебля таким злым взглядом, что ему стало не по себе.

— Монстр — это тот, кто с ним сделал такое! — гневно воскликнула девушка.

— Доктор вряд ли ему поможет, мисс Трикк...

— Мы не будем просто стоять и смотреть, как он умирает.

Дилби нехотя кивнул — переспорить мисс Трикк было решительно невозможно. Если уж доктор Доу не мог, то ему не стоило даже пробовать.

— Ближайшая сигнальная тумба находится в четырех кварталах от пустыря...

— Поспешите!

— А вы?

— Я побуду с ним.

— Вы останетесь здесь одна?!

Полли кивнула. Младший констебль поглядел на нее с восхищением. Сам он ни за что не согласился бы остаться в этом ужасном месте, рядом с этим... кошмарным...

— Скорее, Джон! Каждая секунда на счету!

Дилби вздрогнул и бросился к лестнице. Поднявшись наверх, он глянул в трубу погреба, а затем скрылся из виду.

Полли глядела на то, что осталось от Мартина Лакура, не моргая. Когда Джон Дилби ушел, ее прорвало. Маска спала, и Полли заплакала.

— Мне... мне так жаль... Это чудовище... что оно с вами сделало, мистер Прыгун...

— З-з-зу... — в куче изуродованной плоти раздался хрип, и Полли вздрогнула. — З-з-зубная... Фея...

Полли шагнула ближе. Человек-блоха узнал ее, но ей было все равно.

— Это я, мистер Прыгун. Зубная Фея. Мы поможем вам. Констебль отправился за доктором... А пока...

Полли достала из-под пальто нож, сорвала с левой руки перчатку и быстрым движением вспорола ладонь. Склонившись к голове Человека-блохи, она поднесла ладонь к его пасти. Из нее выполз хоботок и попробовал впиться в руку девушки, но ему не хватило сил, и он соскользнул, с хлопанием упав на пол.

Полли, проглотив вставший в горле ком, подняла хоботок и поднесла его к ране. Тот, холодный и скользкий, запульсировал в ее ладони. Всем своим телом она ощущала каждый глоток Человека-блохи, каждый спазм, проходивший через эту мерзкую скользкую трубку, которую она сжимала в руке.

Полли почувствовала, как перед глазами все начинает плыть, голова закружилась, и она отодвинула хоботок от раны на ладони; его пиявочный конец все еще продолжал раз за разом сокращаться.

— Надеюсь, этого хватит, пока не прибудет помощь...

Хоботок заполз обратно в пасть Человека-блохи.

— Ци... ци... — прохрипел Мартин Лакур.

— Что?

— Ци... цир...

— Цирк? — Полли поняла, что он пытается ей сказать. — Он в цирке? Бетти Грю в цирке?

— Оста... нови... его...

— Но я не хочу вас здесь оставлять!

Ком чуть шевельнулся.

— Остано... ви... его...

* * *

Вокзал замер в ожидании.

Платформа «Корябб» замерла в ожидании.

Заполонившая ее толпа замерла. И тоже в ожидании.

Все взгляды были устремлены на бордовый вагон № 3 (первый класс).

Напряжение, витавшее на вокзале, зависло в воздухе, проглядывало в фигурах и в глазах. В звящей тишине жужжала муха. У кого-то бурчал живот. А маленький мальчик в синем костюмчике и темно-синих башмачках на кнопках притопывал от нетерпения.

В темноте, проглядывающей в дверном проеме вагона, что-то зашевелилось, и кто-то прошептал: «Это он?! Я не могу поверить!» А еще у кого-то хрустнула шея — так он ее вытягивал.

И тут, прямо на глазах у пораженной публики, из вагона на перрон вышло нечто странное — существо, похожее на худосочное четырехное насекомое, переставляя конечности, сделало несколько шагов по проходу, разделявшему толпу на две части, а затем качнулось. Под восхищенное «Ах!» «насекомое» разогнулось и поднялось из «мостика». Собравшимся предстал стройный человек в конической шляпе, красном трико и с раскрашенным гримом лицом.

Эффектным движением вскинув руку, он сорвал с головы свою шляпу, которая на поверку оказалась жестяным рупором, и поднес ее к губам.

— Дамы и господа! — по вокзалу разошелся сильный рокочущий голос. — Свершилось! То, чего вы так долго ждали! То, о чем боялись мечтать! То, что видели в своих снах! Спустя двадцать долгих лет! Он здесь! Встречайте! Восхитительный Умопомрачительный! Неповторимый! Гораций Помпе-е-е-е-е-е!

Циркач отошел в сторону, и на дверной проем вагона ударил луч прожектора. Раздался грохот взрыва, в воздух поднялась туча дыма и багровых искр.

И тут кто-то крикнул:

— Это что, слон?!

Головы присутствующих одновременно поднялись. На крыше вагона и правда стоял слон в круглой полосатой попоне. На кончике его хобота замерла девочка в нежно-голубом платье. Над толпой на канатах с визгом пронесся циркач в расшитом красными и черными ромбами трико. По вокзалу прошли громовые раскаты, и тут все заметили, что под крышей платформы висят пурпурные облака, в глубине которых извивались молнии. Снова прогремел гром, и из облаков пошел дождь, состоящий из конфетти.

А между тем дым и искры в кругу света начали плыть, клубиться и закручиваться

петлями, а затем в какой-то момент сформировались-слепились в человеческую фигуру.

В проходе стоял высокий господин в красном фраке с бордовыми отворотами и в высоком алом цилиндре. Он опирался на резную трость с навершием в виде головы обезьяны и улыбался. Его выбеленное гримом лицо казалось лицом мраморной статуи: красные брови фигурно подстрижены и стоят торчком, шикарные усы подкручены, на носу сидят очки в круглой оправе и с розоватыми стеклами, над ними — застыли немигающие подведенные черной краской зеленые глаза.

Господин Помпео вскинул трость, и стоявший в толпе встречающих оркестр грянул туш. Вокзал наполнился восторженными криками, несколько дам упали в обморок, стоявшие в оцеплении констебли налились краской, как стеснительные девчущки.

— Господин Помпео! Господин Помпео! Поглядите сюда!

Две дюжины газетчиков, толпившихся слева от дверей вагона, пыжились от натуги. Сверкали вспышки фотографических аппаратов, из них дождем сыпался белый магниевый порошок.

Господин Помпео повернул голову, подставляя лицо линзам фотоаппаратов. Пару мгновений так постоял, а затем сделал шаг и ступил на платформу.

Толпа качнулась и попыталась приблизиться к герою этой великолепной ночи, но констебли не дремали:

— А ну назад! — ревели представители закона и порядка. — Не напирать!

Дубинки принялись стучать по головам.

Циркач с рупором заголосил:

— Тишина! Тишина! Господин Помпео хочет сказать! Всем тихо!

Толпа смолкла, словно каждому из присутствующих в рот засунули кляп, и замерла в ожидании.

Господин Помпео повернул голову и чуть склонился к рожку миниатюрного фонографа, который совал ему один из газетчиков.

Прошло мгновение... за ним другое... а затем, губы господина Помпео чуть шевельнулись:

— Я вернулся! Встречай меня, Габен!

Толпа взорвалась восхищенными криками и аплодисментами. Фотоаппараты выдали очередную порцию вспышек. Оркестр заиграл «Цирковой марш»: трубы загудели, колотушки застучали по коже барабанов.

Перекрывая стоявший грохот, газетчики заорали, надиктовывая репортажи с места событий в рожки фонографов: «Это великолепие!», «Это безумие!», «Он вернулся!», «Триумфальное возвращение спустя столько лет!», «Новость века! Это событие века!»

Господин Помпео медленно пошагал по проходу. Навстречу ему вышел господин бургомистр Габена. Он нервно сжимал в руках цилиндр.

— Это честь для нас! Это счастье! Мы не верили до последнего! Мы так рады! Господин Помпео... господин Помпео... господин Помпео...

Голос бургомистра затрещал, словно запись на стертой граммофонной пластинке. А затем бургомистр исчез. Просто растворился в воздухе прямо на том месте, где только что стоял. Следом качнулась и растаяла и толпа. И встречающие, и полицейские, и газетчики, и оркестранты. На перроне никого из них не осталось. Испарилось конфетти, погас прожектор. Слон, циркачи и девочка в голубом платье рассыпались пылью. «Корябб» погрузилась в тишину.

— Господин Помпео, — снова раздался голос, но принадлежал он отнюдь не бургомистру, а простому проводнику. — Разрешите пройти.

Гораций Помпео отошел, пропуская его.

Проводник направился к ожидавшему его перронщику. Мимо проскрипел латунными суставами автоматон-носильщик, толкая перед собой груженную чемоданами и шляпными коробками тележку.

По пустынной платформе сновали сонные пассажиры, что-то бубнили рупоры оповещения. Какой-то старик сплюнул на перрон, тип в клетчатом дорожном костюме сверился с часами и закурил папиретку. Две женщины с козовыми сумками отвесили друг дружке пощечины — кажется, они не поделили лысую девочку, плачущую рядом.

Гораций Помпео вздохнул.

Наваждение, или правильнее будет сказать, мечта развеялась, как дым. Его не встречали никакие восторги (если не считать восторга какого-то бродяги, отобравшего у крысы кем-то недоеденный пирожок), никакие обмороки (если не считать рухнувшего на перрон не выдержавшего ужасную вокзальную вонь пассажира, ехавшего в соседнем купе), никакой помпы (если не считать механической помпы на колесах, которую катил по платформе покрытый сажой механик в круглых защитных очках).

Событие века? Триумфальное возвращение?

Город попросту не заметил его прибытия. Городу было плевать.

— Унизительно, — пробормотал Гораций Помпео. — Неужели в этом треклятом городе все забыли меня?

— Так и должно быть... нам не нужна шумиха, не забыл? — раздался хриплый шепот из бордового чемодана, который хозяин цирка держал в руке.

Гораций Помпео не ответил.

— Можно поживее?! — раздраженно воскликнул он, повернувшись к вагону и нетерпеливо постукивая тростью.

— Да, господин!

— Уже, господин!

С трудом выбравшись из дверного проема, один за другим на перрон сошли два громадных чернокожих человека в черных костюмах. У обоих в ушах были круглые золотые серьги, а на больших головах сидели крошечные котелки, похожие на наперстки, надетые на толстые, распухшие пальцы. Выступающие вперед челюсти обоих громил, не останавливаясь ни на миг, ходили ходуном, что-то пережевывая. На плече у одного сидела обезьянка, оба спутника Горация Помпео держали в руках чемоданы.

— За мной! — велел хозяин цирка и пошагал к началу платформы. Чернокожие громилы потопали следом.

Зал ожидания пустовал.

На скамейке у полицейской тумбы сидели двое констеблей. Они сжимали кулаки, пучили глаза и обильно потели. Перед ними на тумбе стоял радиофор, из раструба которого трещало и хрипело полуночное вещание.

— Да зачем он вистует?! — вопил один из констеблей, нескладный здоровяк с квадратным подбородком. — Что он делает?! Так же и проиграть недолго!

— Все он правильно делает! Партия только началась... — отвечал его напарник, толстяк с парой висящих над воротником мундира подбородков.

— Что правильного-то? Ему нужно скидывать тройки!

— Ты вообще знаешь правила бриджа, Хоппер?

— Все я знаю, Бэнкс! Ему нужно, «скручивать нос», а затем бить «трехлапого»!

Толстяк глянул на него с презрением.

— Это не из бриджа, а из «Мокрого Пса», это разные игры, вообще-то. Ты что, дубина, думал, что во все игры играют одинаково?

— Сам ты дубина! — ответил здоровяк. — Уж я получше тебя играю в бридж и, само собой, знаю, что это не «Мокрый Пес»...

— Заткнись! Дай послушать — говорит распорядитель игры...

Впрочем, насладиться трансляцией вокзальным констеблям не удалось. К тумбе подбежала женщина в коричневом пальто и шляпке с засохшими цветами — Гораций Помпео видел ее в поезде, она ехала в купе напротив.

— Помогите! Помогите! — в отчаянии затараторила она.

— Что еще? — раздраженно буркнул Бэнкс.

— Вообще-то, мы заняты, — добавил Хоппер.

Женщина заламывала руки, в ее глазах стояли слезы.

— Мой сын, Дэнни! Он пропал! Мы прибыли на полуночном поезде! Перед прибытием он вышел из купе, но так и не вернулся! Его нигде нет!

— Может, он с багажом затерялся? — безразлично предположил толстяк, приставляя ухо к раструбу радиофора.

— Найдется, — добавил здоровяк, щетинистой щекой отодвигая лицо напарника от этого раструба.

— Я все обыскала! Сообщила проводнику — он тоже не нашел! Дэнни, мой мальчик! Найдите его! Умоляю!

Женщина сложила руки в молящем жесте и заплакала.

— Ну вот, — проворчал Бэнкс. — Пропустим самое интересное...

— Похоже на то, — с тяжким вздохом поддержал Хоппер. — Как он выглядит, ваш сын, мэм?

— Он невысокий — вот такой! — Она показала рукой высоту пропавшего мальчика. — Ему семь лет. У него светлые волосы, а одет он в синий костюмчик и темно-синие башмачки на кнопках.

— Ладно, отыщем вашего сына, мэм...

— Да, не хнычьте. Лучшие представители полиции Габена в деле... Ведите к вашему вагону.

Констебли с сожалением выключили радиофор и двинулись следом за женщиной.

Гораций Помпео бросил гневный взгляд на констеблей: они! Они должны были удерживать восхищенную толпу! Они должны были присутствовать при событии века, а вместо этого ошивались здесь и слушали вещание о каком-то дурацком бридже! И когда это, спрашивается, бридж стал настолько моден в Габене, что его передают по радиофорам?!

Хозяин цирка и его громилы вышли через двери, с явной нерасторопностью открытые перед ними вокзальным автоматом, и оказались на Чемоданной площади.

Туман окутывал площадь, вдали горели огни причаленного дирижабля.

Ожидать шикарный экипаж самой последней модели было напрасно, и то правда — у входа в здание вокзала стоял пошарпанный городской кэб. У открытой дверцы перетапывался карлик в цилиндре.

Увидев господина Помпео, он вздрогнул и ринулся к нему.

Гораций Помпео вздохнул и пошагал навстречу.

— Сэр, вы прибыли!

— Еще будут очевидные замечания, Труффо?

— Нет, сэр, что вы! Просто я рад наконец вас видеть...

Гораций Помпео не слушал. Подойдя к кэбу, он сел в салон и поставил на колени чемодан, оба его спутника протиснулись следом и уселись напротив.

Карлик в нерешительности стоял снаружи.

— Мне долго ждать, Труффо?

Карлик огляделся по сторонам и забрался в кэб. Он уже собирался было сесть рядом с господином Помпео, но тот одарил его колючим взглядом поверх очков, который означал: «Даже не думай!»

Труффо ничего не оставалось, как пролезть и уюститься между двумя чернокожими громилами. Обезьянка тут же попыталась его укусить.

Дверца закрылась, и кэб тронулся в путь.

Гораций Помпео отодвинул тростью шторку и уставился в окно.

— Все готово, Труффо?

— Я... э-э-э... да, сэр. Вернее, не совсем.

— Ты собрал их?

— Собрал, но...

— Но?

— Письмо, которое я отправил вам...

— Мне доставили его на станции в Дарлингтоне. Я прочел... Очень забавно, Труффо. Смешная шутка.

Карлик всхлипнул — ему было тяжело дышать — локти громил с обеих сторон сжимали его ребра тисками.

— Сэр, это не шутка! Все очень серьезно...

Гораций Помпео рассмеялся.

— «Все очень серьезно», — насмешливо сказал он. — В цирке не любят серьезных, тебе ли об этом не знать, Труффо?

— Сэр, вы не понимаете...

— Заткнись... — В салоне вдруг раздался шипящий голос, и Труффо заскулил от страха — голос шел из чемодана, лежащего на коленях хозяина цирка. — Заткнись, недомерок. Ничтожество, не стоило нам вытаскивать тебя из той помойной кучи, в которой ты ползал, как помойная крыса.

— Ну же, мистер Забберох, — усмехнулся Гораций Помпео, — будьте снисходительны к нашему дорогому Труффо. Он сделал все, что смог.

— Он сделал недостаточно... — ответили из чемодана. — Я ведь говорил, что его нельзя посылать. Я предупреждал тебя, Гораций! И что теперь?

Гораций Помпео нежно погладил чемодан, и тот... неожиданно замурчал, как кот — словно внутри и правда был обычный кот.

— А теперь, — сказал хозяин цирка, — мы с удовольствием устроимся в первом ряду и посмотрим поставленное специально для нас представление. Что может быть прекраснее?

Ладонь в перчатке гладила крышку чемодана, салон наполнился мурчанием, чавкали, что-то пережевывая, чернокожие громилы Помпео, а обезьянка вдруг мерзко завизжала, будто захихикала.

Кэб ехал сквозь ночь и туман в сторону канала Брилли-Мой и раскинувшегося за ним
Блошиного района Фли.

— Триумфальное... — прошептал Гораций Помпео, — возвращение...

Глава 10. Гвоздь программы

«Карамболь».

Даже не перечесать, сколько всего было вложено в это слово для Теофиллиуса Труффо. Ужас. Кошмар. Безысходность. Отчаяние. И много чего еще...

Как мог, он пытался стереть это слово из памяти, заставлял себя забыть, что оно значит. Труффо это почти даже удалось, но Бетти Грю напомнил ему.

Микстура «Карамболь» представляла собой одно из изобретений легендарного профессора Кракатука, доктора цирковых наук, который изобрел также газ «Дерблюкк», пилюли «Тингельтангель», цирковые метки и прочие инструменты, без которых цирковая жизнь в Габене и за его пределами казалась невозможной.

Труффо был еще ребенком, когда впервые услышал жуткие истории о «Карамболе», который якобы наделяет циркачей невероятными способностями, отбирая у них взамен их души. И хоть большинство считало, что никакого «Карамболя» не существует, само собой, находились те, кто клялись, будто своими глазами видели ужасную микстуру в действии. Ходили слухи о коверном клоуне по прозвищу «Скрипучие Кальсонь», которому вкололи «Карамболь» и который одной ночью показал лучшую клоунскую репризу за всю историю циркового искусства, а после представления переселился в лечебницу для душевнобольных «Эрринхауз». Истории об этом клоуне за годы обрели множество животрепещущих подробностей, от которых волосы поднимались дыбом — эти истории даже стали основой для парочки выпусков «ужастиков за пенни». И все же однажды Труффо узнал, что, несмотря на все заверения скептиков, уверявших, будто «Карамболь» — всего лишь страшилка для молодых циркачей, легендарная микстура и правда существует.

Лично с этим жутким средством он свел знакомство в самый разгар цирковой войны. Мадам Д.Оже почти отчаялась победить Помпео честно — неизвестно как и неизвестно откуда она добыла дюжину флаконов кошмарного изобретения профессора Кракатука. Мадам нуждалась в новых невероятных номерах — таких, которых нет у ее конкурента, и возлагала на «Карамболь» особые надежды. Эксперимент хозяйка цирка решила провести не на ком-нибудь, а на своем верном карлике по прозвищу «Здоровяк», выбрав его по принципу: «Если что-то пойдет не так, то коротышку не так жалко, как остальных».

Что ж, ее затея сработала — номер, вне всяких сомнений, удался. Трюки, которые выделывал Труффо под воздействием «Карамболя», были совершенно, исключительно, неоспоримо невероятными. И все же карлику повезло, что концентрация пробной дозы была слабой, — он пришел в себя буквально за мгновение до того, как все закончилось бы плачевно.

И хоть финальный трюк был сорван, мадам едва ли не пританцовывала от восторга... Она уже предвкушала новое представление и последующие заголовки в газетах. Но Труффо, переживший то, чего и врагу не пожелаешь, ее радости не разделял. «Ни за что! Ни при каких обстоятельствах я не дам ей повторить со мной это! Лучше — смерть!» — решил Здоровяк.

Первым делом он отравил своего слона. Труффо любил Оливера, но это был единственный выход: без слона номер бы не удался и пришлось бы придумывать что-то новое — так и вышло, и карлик выиграл немного времени. Теофиллиус Труффо впустую не потратил ни секунды из этого времени. Он не мог допустить, чтобы мадам снова вколола

ему эту дрянь. И он добился своего: довольно сложно кому-либо что-то вкалывать, когда ты мертва.

И вот прошли годы, мадам давно нет, но случилось худшее. «Карамбодем» завладел тот, кто был намного хуже старой хозяйки цирка. Труффо был в ужасе от одних мыслей о том, что этот мерзавец может сделать с микстурой. Карлик пытался предупредить господина Помпео, но тот не придавал его словам никакого значения...

Гораций Помпео был эксцентричным и взбалмошным джентльменом, склонным к непредсказуемым и совершенно необъяснимым поступкам. Кто-то даже назвал бы его самодуром, но правда заключалась в том, что дурил он лишь других.

Труффо знал, что уж кто-кто, но господин Помпео беспечностью не отличается, что он — хитрый, коварный и изворотливый, что продумывает все на несколько шагов вперед, но сейчас карлик совершенно не понимал, почему его хозяин недооценивает угрозу. И это непонимание пугало Теофиллиуса Труффо до дрожи в ногах.

— Ну хоть где-то в этом заплесневелом городе нас ждут! — рассмеялся господин Помпео.

Ворота были широко раскрыты, над ними висела светящаяся гирлянда, вырывающая из ночной темноты старую вывеску: *«Добро пожаловать в цирк мадам Д.Оже»*.

Новый хозяин цирка, двое его чернокожих громил и Труффо прошли под аркой и оказались на пустыре, заросшем трехфутовыми мухоловками. Растения тут же повернули к ним свои бутоны-ловушки. Обезьянка, сидевшая на плече одного из громил, взвизгнула и перебралась к нему на голову, устроившись на котелке и с опаской глядя на покачивающиеся со всех сторон плотоядные растения.

— Какое грустное зрелище! — воскликнул господин Помпео, обводя тростью заброшенный цирковой двор. — А ведь когда-то это место было самым ярким фонарем во всем Габене!

Из чемодана, который он держал в руке, раздался хриплый смех, после чего тот, кто сидел внутри, сказал:

— Не ты ли, мой дорогой, привел к этому?

Господин Помпео кивнул.

— И все же я не знал, что цирковая война закончится именно так, — с легким сожалением сказал он. — Я-то рассчитывал на эффектную фантазмагоричную дуэль с мадам Д.Оже. Целых два года я вызывал ее — даже переполовинил свой гардероб перчаток, но... кто бы мог подумать, что все придет... к тому что пришло.

Теофиллиус Труффо хмуро молчал. Возвращение сюда спустя двадцать лет разбередило старые раны — все здесь было неприятно знакомым. Нет, он провел в цирке мадам Д.Оже свои лучшие годы, но все хорошие воспоминания исчезли, задавленные одним-единственным воспоминанием, будто ногой его слона Оливера. Мысли о том, что они с трупной сделали, не оставляли его, как бы далеко от Габена он ни отъехал, и события той ночи раз за разом возвращались к нему в кошмарах. И вот его кошмары начали обретать плоть...

Если не кривить душой (какой в этом смысл спустя столько лет?), то это не столько Помпео, сколько именно он, цирковой карлик по прозвищу «Здоровяк», виновен в том, что произошло с этим местом.

Мадам Д.Оже не напрасно опасалась шпионов Помпео, но она и предположить не могла, что ее самый старый и, казалось, самый преданный артист — тот самый шпион. И

Труффо сделал то, что от него требовал господин Помпео. Он строил козни и интриговал, одного за другим настраивая циркачей против мадам. Его финальной ложью стал разговор с Бабулом, в котором карлик сказал силачу, будто узнал, что мадам подумывает подыскать Бетти Грю замену и очень интересуется Поггом Подбитым Глазом, клоуном из Гамлина. Разумеется, он знал, что Бетти Грю подслушивает и догадывался, к чему все приведет. А еще именно он заметил в зале Мариетту Лакур, которая стала свидетелем сговора...

— Мы все восстановим, — сказал тем временем Помпео, сунув подкованный конец трости в пасть-ловушку одной из мухоловок. — И этот цирк снова засияет. Мы выкорчем все сорняки, сделаем здесь ремонт, а возле ограды обустроим причальную станцию для дирижаблей. Ты ведь знаешь, мой дорогой Труффо, я всегда ненавидел шапито: эти шатры, фургоны, бесконечную жизнь в дороге.

— Вы говорили, сэр, — угрюмо кивнул карлик.

— Наконец «Великий цирк семьи Помпео» осядет на одном месте. И более того — мы сделаем так, что это место станет центром Фли. Скоро каждый по эту сторону канала встанет в очередь за билетиком. Грядут перемены!

— Так и будет, сэр.

— Вперед, Труффо, представь мне труппу!

Карлик кивнул и потопал по заросшей бурьяном дорожке, ведущей к главному входу в здание цирка. Господин Помпео и два его чернокожих громилы пошагали следом.

— Мой новый цирк! — восторженно приговаривал Помпео, а идущий впереди Труффо лишь ежился от охватившего его внезапно озноба. — Подумать только: я столько лет мечтал о том, чтобы завладеть им и вот этот момент настал... Прекрасно! Просто прекрасно!

Стоящие по обе стороны от входа статуи клоунов глядели на пришельцев с презрением, большие часы на фасаде довольно громко тикали (их недавно запустили вновь — впервые за двадцать лет), и на миг Труффо показалось, что из проделанного в циферблате круглого окошка кто-то на него глядит.

— Прошу за мной, сэр, — проглотив вставший в горле ком, сказал карлик, и первым поднялся по засыпанной опавшими листьями лестнице.

Дверь цирка была широко раскрыта. Из прохода в ночь тек рыжий свет. У порога лежали цепь с замком и сорванная печать «Ригсберг-банк».

В вестибюле горела люстра, с ее витых кованых рогов свисали нити паутины. На полу в пыли валялись старые афишки, отрывные билетки и резиновые клоунские носы. На стойке слева разместился ряд пожухлых комков розовой сахарной ваты на палочках, справа грустно пустовали крючья вешалок гардероба.

— Где все? — спросил господин Помпео. — Почему меня не встречают?

— Труппа готовится к демонстрационному представлению, о котором я вам писал, сэр.

— Хм. Будем надеяться, Труффо, что твои старые друзья не растеряли свой талант... Если они меня разочаруют...

— Не разочаруют, сэр, — поспешно сказал карлик. — Прошу вас, пройдемте в зал.

Он встал у открытой высокой двери и рукой указал на проход. Наделив его подозрительным взглядом, господин Помпео, в сопровождении своих громил, зашел в зал. Труффо напоследок оглядел вестибюль и последним переступил порог.

Зал цирка тонул в темноте — ни люстра над проходом, ни круглые глаза-лампы, вмонтированные в ограждения балкончиков и лож, не горели. Лишь манеж в его центре походил на остров посреди бескрайнего черного моря, освещенный закрепленными под

куполом прожекторами.

— Я чувствую, — негромко сказал господин Помпео, остановившись и замороженно уставившись на манеж. — Это место сейчас спит, но скоро я разбужу его. Я уже слышу, как зал заполняет смех, как по рядам кресел проносятся волнами восхищенное «Ах!». Я вижу улыбки, расширенные глаза и пот, стекающий со лбов. Ты чувствуешь это, Труффо? Труффо?

Господин Помпео обернулся. Карлик стоял у двери, сжимая в руке рычаг. Труффо толкнул его, и дверь закрылась; один за другим щелкнули замки.

— Зачем это?

— Чтобы не нарушать атмосферу, сэр. Правило цирка — мы всегда запираем дверь перед представлением. Больше зрителей не намечается... хи-хи...

Что-то в словах карлика, в его взгляде и напряженной фигуре было странным. Тот был явно испуган. Господин Помпео не придавал этому значения, списав все лишь на то, что Труффо испытывает — должен испытывать — смешанные чувства, вернувшись в свой старый цирк.

— Что ж, полагаю, нам стоит занять свои места, — сказал господин Помпео и, кивнув спутникам, двинулся по проходу между рядами кресел партера, ступая по вытоптанной ковровой дорожке.

Обезьянка соскочила с плеча одного из громил и прыгнула на спинку ближайшего кресла, а затем устремилась в темноту. Ловко вскарабкавшись на балкончик, она перебралась через ограждение и... тут ее схватили чьи-то руки в черных перчатках. Одно быстрое резкое движение, хруст, хрип, и маленькое хвостатое тельце падает на пол...

Ни новый хозяин цирка, ни его громилы ничего не заметили.

Оказавшись у манежа, господин Помпео ткнул тростью на пару ближайших к цирковой арене кресел; громилы, сопя и кряхтя, уселись. Сам же Гораций Помпео, перемахнув через барьер, пошагал по манежу и остановился в его центре. Склонившись над засохшим кровавым пятном, он стянул с руки перчатку и двумя пальцами прикоснулся к нему, а потом поднес пальцы к губам и поцеловал их.

Вернув перчатку на место, он покинул манеж и уселся в первом ряду, между своими спутниками.

— Начинайте! — воскликнул новый хозяин цирка. Он обернулся, глянув на Труффо — тот по-прежнему стоял у двери, но теперь его в темноте вообще невозможно было разобрать.

Карлик снял с головы цилиндр, достал из него противогаз и натянул его на голову, после чего вернул цилиндр на место.

Дернул за рычажок на стене, и в зале раздался звонок, а в следующий миг прожектора погасли.

Цирк погрузился в темноту.

— Как волнительно! — прошептал Гораций Помпео.

В темноте что-то заскрипело, и загорелся прожектор. Одинокий луч упал в самый центр манежа.

— Проклятье, нужно было его немного повернуть! — раздался приглушенный, будто бы доносящийся из-под подушки, голос, и в круг света запрыгнул толстяк в черном костюме: угольном фраке, широких, сужающихся на лодыжках штанах и в перчатках. В бутоньерке расположилась небольшая зубастая мухоловка. Лицо толстяка скрывалось под кожаной маской противогаса с круглыми окошками для глаз и гармошечным шлангом, который тянулся в карман. Поверх противогаса был прицеплен красный клоунский нос.

— Хм. Довольно странно, — проворчал Помпео.

Клоун поднял медный рупор, который держал в руке, и заголосил в него:

— Дамы и Господа! Призраки прошлого! Добро пожаловать в «Безалаберный цирк Бетти Грю»! Этой ночью вас ждет незабываемое представление! Вы готовы поразиться? Вы готовы восхититься? Вы подложили подушечку, чтобы грохнуть в счастливый обморок? Сегодня здесь не будет гвоздя программы! Почему? Да потому что сегодня вся наша программа утыкана гвоздями, как гроб вашей бабушки! Сегодня под куполом этого цирка вы увидите семь смертельных номеров! Фу-марфу! Мы начинаем!

Где-то в темноте над головами троих зрителей раздалось шипение. Господин Помпео поглядел наверх и усмехнулся.

— Газ «Дерблюкк»? Зря стараетесь — на меня он не действует!

За его спиной прозвучал приглушенный противогазом голос Труфффо:

— О, это не «Дерблюкк», сэр...

Господин Помпео вздрогнул и обернулся, но сказать ничего не успел: заполонивший зал зеленоватый дым проник в его ноздри. Сидевшие с обеих сторон от хозяина цирка громылы издали странное бульканье и застыли, широко распахнув глаза.

Глаза Помпео раскрылись так, что казалось, вот-вот выпрыгнут из глазниц.

— Парализующий газ, сэр, — пояснил карлик и повернул голову хозяина цирка таким образом, чтобы тот глядел на манеж. — Простите, так было нужно. Вы должны досмотреть представление до конца.

Свет погас.

На манеже что-то загрохотало, кто-то поспешно протопал мимо, раздался металлический звон, а затем все затихло.

Прошло мгновение-другое...

И тут грянуло. Со всех сторон заголосили развешанные по всему залу медные раструбы, из них полился цирковой марш.

Пробиваясь сквозь него, снова зазвучал голос Бетти Грю, усиленный рупором:

— Встречайте! Только на арене нашего цирка! Только этой ночью! Самый сильный человек в мире! Гигант, привезенный в Габен из... какой-то там дыры! Владелец бронзовых мышц, железных костей и обворожительной улыбки! Невероятный Бабу-у-ул!

Манеж осветился. На его центр молодцевато выскочил силач в полосатом трико, с влажно зализанными назад черными волосами и с блестящими подкрученными усами. Правда, в улыбке его не было ничего обворожительного — будто растянутая и закрепленная невидимыми прищепками, она выглядела неестественно и жутко. Глаза великана были затянуты серой поволокой.

Подбежав к стоящим на манеже гилям, Невероятный Бабул отвесил зрителям церемонный поклон и, схватив реквизит, принялся упражняться — поднял одну гилю, пару раз выжал ее, после чего, под задорное «Алле-оп!» Бетти Грю, подбросил ее вверх. Гиля перевернулась в воздухе, а затем со всего размаху приземлилась прямо на макушку силача. Невероятный Бабул даже не поморщился, когда тяжеленный чугунный шар с ручкой опустился на его голову.

Аккуратно присев, чтобы гиля не скатилась, он взял еще парочку, после чего, без труда выжав и их, подбросил обе в воздух.

— Алле-оп! — взвизгнул Бетти Грю, и гири одна за другой приземлились на уже стоящую на голове силача. Все это было проделано невероятно точно, и каждый

последующий шар замер на ручке предыдущего.

Удерживая баланс, Невероятный Бабул медленно повернулся кругом, после чего резко наклонил голову набок, и гири, потеряв равновесие, съехали с нее, но не упали. Каким-то невероятным образом они принялись кататься по его плечам и рукам. Они скользили по телу силача, словно живые, перебираясь одна за другой с груди на спину, вокруг шеи и по вытянутым в стороны рукам.

Наконец Бабул распрямился и замер, а гири с грохотом упали на манеж.

Номер между тем был еще далек от завершения.

«Самый сильный человек в мире» взял из стоявшего тут же ящика подкову, показал зрителям. Согнуть подкову мог и какой-нибудь обычный силач из какого-нибудь провинциального уличного цирка, но Невероятный Бабул и не думал ее гнуть — он пошел дальше. Засунув подкову в рот, он принялся ее жевать. Челюсти ходили ходуном, раздавался жуткий лязг, а затем силач выплюнул металлический комок. Еще несколько подков были пережеваны и выплюнуты под задорную музыку, доносящуюся из раструбов.

Расправившись с подковами, Бабул ловко подняв ногой металлический прут, завязал его в узел и отшвырнул в сторону. Затем был прут еще толще, за ним — уже толщиной в руку. Все это силач проделывал с неизменной ужасной улыбкой на лице и с немигающим взглядом, затынутым поволокой.

Следующей на очереди была штанга — два здоровенных проклепанных шара на длинном толстом пруте. С ней силачу пришлось повозиться. Пытаясь согнуть ее, он закрипел зубами, его лицо побагровело, на лбу выступили толстые, как канаты, вены, громадные плечи покрылись потом, и все же штанга в итоге оказалась согнута.

Невероятный Бабул надел громадную дугу на шею и принялся завязывать ее чудовищным стальным шарфом. Наконец он замер, вскинул руку и расхохотался, демонстрируя зрителям свою обновку.

Из зала донеслось ленивое похлопывание Труффо, и Бабул, развязав штангу, отшвырнул ее в сторону.

— Эй! — воскликнул Бетти Грю откуда-то из темноты. — «И это всё?!» — спросите вы. Фу-марфу! Разумеется, нет! Вы видели подобные скучные штуки — и не раз! Это была всего лишь разминка! А теперь вас ждет гвоздь номера Невероятного Бабула!

В тот же миг загорелся второй прожектор, осветив висящий над манежем мешок, судя по характерным выпуклостям, набитый гирями.

— А сейчас Невероятный Бабул будет ловить гири! Внимание! Начинаем!

Чьи-то пальцы натянули соединенную с мешком бечевку, и шов на мешковине начал разлезаться. Из прорехи посыпались большие чугунные шары.

Невероятный Бабул с невероятными для его фигуры скоростью и грацией принялся перехватывать гири одну за другой прежде, чем они касались манежа, и вскоре он поймал все восемь, а затем, удерживая каждую за ручку одним лишь пальцем, выжал их вверх издав короткий рык.

— Это еще не все! — заголосил Бетти Грю. — Самое интересное впереди! Нервным обладателям слабых желудков самое время отвернуться! Ах да, вы же не можете...

Луч прожектора с пустого мешка передвинулся еще выше, высвечивая подвешенные под куполом похожие на паучи коконы еще пять громадных мешков с гирями.

— Поймать гири каждый дурак может! — провозгласил клоун, явно получавший удовольствие от роли шпехштагмейстера. — Но только Невероятный Бабул может их... не

ловить! Или он не сможет? Узнаем всего через несколько секунд!

Силач отшвырнул гири, которые прежде удерживал, и встал в величественную позу, широко расставив в стороны могучие ноги и уперев руки в бока.

— Это тот самый гвоздь номера! Вы готовы?! Вы затаили дыхание?! Алле... оп!

Одновременно все мешки раскрылись и на замершего Бабула полился настоящий гиревой дождь.

Труффо отвернулся. Он хоть и знал, что произойдет дальше, но смотреть на подобное было выше его сил.

Первая гиря ударила Бабула в плечо, и силач вскрикнул. Вторая приземлилась на голову, и он рухнул на манеж, еще три упали на его распростертое тело. Зал наполнился хрустом и мерзким влажным чавканьем. Кровь брызнула во все стороны, а гири продолжали падать. Одна проломила силачу ребра, другая рухнула прямо на лицо, раздавив голову.

Невероятный Бабул был мертв. От его изломанного тела почти ничего не осталось — кровавое месиво из мяса и костей больше не напоминало человека.

— Восхитительно! — заголосил Бетти Грю и рассмеялся. — Фу-Марфу! Бедный Бабул! Смертельный номер и правда вышел смертельным! А наше замечательное представление продолжается! Следующая станция: «Восторг и немного жжения»!

Свет снова погас, а спустя несколько минут лязга, грохота и возни зажегся, вырвав из темноты, установленную на манеже громадную конструкцию, которая представляла собой переплетение больших труб. То, что осталось от Бабула между тем никто убирать не собирался.

Звучавшая из рупоров под куполом музыка на миг стихла, а затем грянула с новой силой.

— Встречайте! — воскликнул Бетти Грю из темноты. — Только на арене нашего цирка! Только этой ночью! Самый гибкий человек в мире! Ребенком упавший в змеиную яму и воспитанный змеями! В его теле нет ни одной косточки! Говорят, что он может пролезть даже в игольное ушко! Гуттаперчивый Тоффи-и-ини!

Из ближайшей к зрителям трубы показалась рука в белой перчатке. Она помахала господину Помпео, а потом снова исчезла, и всего через несколько секунд вылезла уже из другой трубы. Рука в очередной раз помахала, а затем наружу выбралась голова в колпаке. Гимнаст улыбался так же, как силач незадолго до этого, его глаза, как и у Бабула, были затянуты поволокой.

Гуттаперчивый Тоффини выскользнул из трубы, встал в мостик, его шея извернулась жгутом и голова повернулась. Таким образом, напоминая какое-то жуткое насекомое, он прошел по манежу туда-обратно, после чего забрался на барьер арены и пробежал по нему во все том же мостике.

Описав круг, гимнаст спрыгнул обратно на манеж, разогнулся и, вскарабкавшись по одной из труб, цепляясь за приваренные к ней скобы-ступени, добрался до зияющей наверху горловины и исчез внутри, помахав напоследок.

Гуттаперчивый Тоффини принялся карабкаться внутри труб, переползая из одной в другую, порой показываясь и тут же исчезая снова. Всякий раз новая труба оказывалась уже, чем предыдущая, и в какой-то момент гимнаст забрался в настолько узкую горловину, что даже коту в ней было бы тесно.

— Удастся ли нашему Тоффини пробраться через нее? — заголосил Бетти Грю. — Сможет ли он превратиться в кисель и вытечь наружу?!

Горловина размером была с тарелку — в нее не пролезла бы даже голова ребенка. Казалось, клоун сказал правду: в теле гимнаста и правда будто бы не было ни одной косточки... и даже черепа.

Из отверстия показалось нечто мягкое и бесформенное — и далеко не сразу зрители поняли, что это — голова гимнаста. Похожая на комок подплавленной резины, эта уродливая масса и в самом деле потекла из трубы, как самый настоящий кисель. Оказавшись на свободе, голова гимнаста с хлопком вновь приняла обычную форму. За ней последовали и плечи, которые кто-то перед этим словно скомкал, а затем и остальное тело.

Выбравшись из трубы, Тоффини потянулся, беззвучно вправил суставы и поклонился, уперев лицо в манеж.

Труффо поаплодировал, но Бетти Грю считал номер пока что скучным и неинтересным, о чем он тут же сообщил. А затем добавил:

— Пролезть через трубы каждый дурак может! — провозгласил клоун. — Но только Гуттаперчивый Тоффини может пролезть через раскаленные трубы! Или он не сможет? Узнаем всего через несколько секунд!

Где-то на мостках под куполом чиркнула спичка. Загоревшись, она полетела вниз, даже не думая гаснуть, а в следующий миг сложенный под конструкцией из труб «хворост» в виде старой, щедро политой керосином и присыпанной химвасткой разломанной мебели запыхал. Огонь объял трубы. Всего за минуту жар в центре манежа стал таким, что даже у сидящих в зрительском зале Помпео и его громил на лицах выступил пот.

— Вперед, Тоффини! — велел Бетти Грю. — Покажи нашим зрителям гвоздь своего номера!

Никто в здравом уме и не подумал бы слушаться, но гимнаст явно собой не владел. Как и Невероятный Бабул, он был в полной власти безумного клоуна.

Гуттаперчивый Тоффини повел шеей, разминая ее, потянулся, отвесил очередной поклон и сорвался с места. За пару футов от ближайшего раструба он оттолкнулся ногами и прыгнул вперед, ныряя в железную проклепанную горловину.

Гимнаст скрылся из виду. А трубы меж тем уже начали краснеть.

Тоффини полз, выбирался наружу, забирался в очередной раструб. Всю конструкцию затянула собой туча дыма. Путь через каждую новую трубу занимал у циркача все больше времени, а затем он вдруг попросту исчез. К музыке добавилось тиканье часов, а гимнаст все не появлялся.

— Эй, ты где, Тоффини?! — крикнул Бетти Грю. — Не заснул там, случайно?

Ответом ему стал полный боли крик, раздавшийся из какой-то трубы.

В зале повис тошнотворный запах паленого мяса.

А затем Тоффини показался. Обожженный, с вплавленным в кожу трико и лопающимися пузырями на лице, он выбрался на манеж. Губы его по-прежнему были растянуты в улыбке, а глаза не мигали. Пошатываясь и спотыкаясь, гимнаст залез в очередную трубу и продолжил карабкаться по ней. Железный рукав раскалился так сильно, что побелел, его облизывали языки пламени. Безумные крики изнутри уже не стихали. Казалось, гимнаст так и останется в этой ужасной печи.

Но вот показалась скрюченная рука — кожи на ней уже не было — вся она представляла собой один сплошной ожог. Следом за рукой выбралась и голова — вернее, то, что от нее осталось. Лицо исчезло, превратившись в обугленную, покрытую коркой кровавую маску, и лишь жуткая улыбка осталась неизменной. Из трубы полезло дергающееся

в судорогах тело — с каждым движением гимнаст отрывал от раскаленных стенок вплавляющуюся в них плоть.

— Давай же! — хохоча, подзадоривал его Бетти Грю. — Еще немного! У тебя получится!

Но у гимнаста не получилось. В какой-то момент, он дернулся, хрипнул и обвис. Гуттаперчивый Тоффини запекся.

— Какой аромат! — воскликнул клоун. — М-м-м... Неплохо бы перекусить! Но это потом! А сейчас — аплодисменты Гуттаперчивому Тоффини! Он так старался и пыжился, что... сгорел на работе! Тем временем наше замечательное представление продолжается!

Огонь на манеже погас, зал погрузился в темноту, и лишь трубы какое-то время все еще светились, пока не остыли и не слились с чернотой зала.

Музыка, звучащая под куполом цирка, стихла. Зрители, как и до того, сидели без движения, уставившись расширенными глазами на манеж. И лишь чемодан на коленях господина Помпео слегка подрагивал. Труффо крепко сжимал одну кисть другой, пытаясь унять тошноту. Если бы он только мог сбежать... просто взять билет на поезд еще этим вечером и скрыться... но он не мог. И был вынужден с ужасом и отчаянием ждать следующего номера. И вскоре он дождался...

— Фу-марфу! — воскликнул Бетти Грю. — Встречайте! Только на арене нашего цирка! Только этой ночью! Самый таинственный член нашей труппы! Говорят, она все детство провела в психиатрической лечебнице, потому что видела то, чего не видят другие! Именно в пыточной палате «Эрринхауз» ей отрезали язык, чтобы она не врала о том, что видит! И тогда она стала показывать! А потом она сбежала из психушки и присоединилась к цирку! Вы готовы увидеть то, чего нет?! Она покажет вам то, во что поверить попросту невозможно! Приготовьтесь усомниться в собственных глазах и собственном разуме! Дамы и господа! Куртуазная Кло-о-о!

Луч прожектора ударил вертикально вниз, и зал прорезала колонна бледного света. Трубы убрали, кроме той, из которой торчал мертвый гимнаст; рядом лежал раздавленный гириями силач — но до них никому уже не было дела.

В центре узкого круга света началось движение. В полу манежа, скрипнув на петлях, поднялась круглая крышка люка, и в зал выбралась стройная женщина в черном трико. Одна половина ее лица пряталась под белым гримом, другая — под черным, жуткая улыбка и затаившая глаза поволока были на месте.

Отвесив церемонный поклон, мимесса приставила руку в белой перчатке к уху, словно прислушиваясь, и тут музыка снова заиграла — тихая, вкрадчивая, жутковатая.

Куртуазная Кло засунула руку в карман и вытащила оттуда... ничего. При этом раздался звон ключей. Выбрав один, она повернулась, нащупала, судя по всему, дверь и вставила ключ в также невидимую замочную скважину. Щелкнул замок. Спрятав ключи обратно, мимесса взялась за дверную ручку, повернула ее и потянула дверь на себя. До зрителей донесся скрип петель. Перешагнув порог, Куртуазная Кло закрыла дверь за собой и, сняв с себя пальто и шляпку, которых не было, повесила их на вешалку, которой не было, а затем пошла. Луч прожектора пополз за ней.

Раздалось мяуканье. Кло остановилась и, наклонившись, погладила «кота», который тут же замурчал.

И тут откуда-то издали раздались приглушенные голоса. Кто-то с кем-то спорил. Куртуазная Кло вздрогнула и задрала голову, словно разговор происходил где-то

наверху, а затем... она сделала то, во что, как и говорил клоун, поверить было невозможно. Мимесса начала подниматься по лестнице. Притом, что на манеже по-прежнему не было никакой лестницы!

Она шагала по невидимым отдающимся скрипом ступеням, поднимаясь все выше и выше, а под ней зияла пустота. Это было настоящее чудо, и если бы господин Помпео или его спутники не сидели обездвиженные, они точно сейчас протерли бы глаза и для верности даже ущипнули бы себя, полагая, что им все это снится.

Куртуазная Кло между тем поднялась на «второй этаж» и, крадучись, пошла по воздуху, как по обычному коридору. Голоса спорщиков зазвучали громче.

Мимесса на цыпочках подошла, судя по всему, к очередной двери и приставила к ней ухо.

— ...Я знаю, что ты сделал, Гофф! — раздался надтреснутый, по-стариковски рыхлый голос из-за двери. — У тебя не получится скрыть свое ужасное преступление! Я иду в полицию!

Гофф, к которому обращался обладатель надтреснутого голоса, яростно зарычал:

— Никуда ты не пойдешь, старик! Зря ты влез в мои дела!

— Эй, зачем тебе этот подсвечник, Гофф?! — завопил старик. — Нет! Не подходи ко мне!

Затем раздался звук удара. Чье-то тело упало на пол, а Гофф, судя по свисту опускающегося подсвечника, последующему хрусту и чвякающим звукам продолжал наносить удар за ударом.

Наконец все стихло. Мимесса стояла, замерев в ужасе у двери.

И тут в залераздался вкрадчивый голос Бетти Грю:

— Эй, Гофф! Кло стоит за дверью и подслушивает!

Мимесса вздрогнула, сорвалась с места и побежала. Раздался грохот распахнувшейся и ударившейся о стену двери, за ним последовало разъяренное рычание и звук быстрых шагов.

Кло обернулась на бегу, споткнулась и покатилась с лестницы.

И хоть лестница была невидимой, тело мимессы явно ощущало соприкосновение с каждой ступенью. Оно билось и ударялось о них, а Кло все падала и падала. Рука ее сломалась, на лбу появилась ссадина.

Мимесса приземлилась на манеже у основания лестницы. Она хрипела и выплевывала кровь. Длинные черные волосы растрепались. Кло попыталась подняться, но у нее не вышло, и она упала обратно. И тут ее настиг Гофф.

Невидимка схватил мимессу за волосы и потащил по манежу. Кло дергалась и вырывалась, сучила ногами по полу. Ее рот раскрывался, но вместо криков из него вырывалось лишь мычание.

— Зря ты влезла в мои дела, Кло! — рывкнул Гофф, а затем поднял ее (вернее, сама мимесса поднялась).

Волосы Куртуазной Кло начали наматываться на невидимый крюк. Раздался скрип лебедки, как будто кто-то вращал ручку, и крюк с висящей на нем мимессой начал подниматься все выше и выше. Ноги Кло оторвались от манежа, она дергалась и мычала. Глядя на ее страдания, Гофф смеялся.

Наконец Кло замерла на высоте в дюжину футов от манежа, а затем раздался характерный звук переключенного рычага, и крюк вместе с висящей на нем мимессой пополз в сторону. Сдвинувшись на десяток шагов влево, он остановился, а невидимка

толкнул рычаг.

Волосы Кло расплелись, и она рухнула вниз. Упав на манеж, мимесса неудачно приземлилась на ногу, и ее лодыжка подвернулась.

Куртуазная Кло с трудом поднялась и огляделась. Ее ладони уперлись в невидимую стену. Она затравленно обернулась кругом, упираясь руками в стенки воображаемого ящика. Мимесса стукнула костяшками пальцев по одной из них, и раздался звон стекла — Куртуазная Кло была в большом аквариуме.

Стукнула крышка, заскрежетал открываемый вентиль, затем последовал звук льющейся воды. Кло задрала голову и принялась биться в стеклянные стены в попытках выбраться.

Ничего не выходило — стекло было слишком толстым. А вода все прибывала. Кло бродила по аквариуму, увязая в ней. Ее движения с каждым мгновением становились все более вялыми и неловкими, она теряла силы...

Воды уже было столько, что Кло всплыла — буквально всплыла, оторвавшись от пола, притом, что ни ящика, ни воды на самом деле, как и прежде, не было.

Из последних сил мимесса принялась бить кулаками в стеклянную крышку ящика. А затем, когда воображаемая вода уже почти полностью заполнила весь аквариум, Кло сделала вдох под самой крышкой и... погрузилась в воду с головой.

Невообразимым образом ее волосы колыхались так, будто она действительно была под водой...

— Фу-марфу! — воскликнул Бетти Грю и появился на манеже, шагнув в круг света. При нем был громадный деревянный молот, лениво заброшенный на плечо. — Какое зрелище! Кажется, наша Куртуазная Кло вот-вот утонет!

Клоун обошел вокруг невидимого стеклянного ящика и облокотился о него локтем так, словно тоже его видел.

Кло задергалась еще отчаяннее. Воздух заканчивался...

— Что скажете?! — спросил Бетти Грю у зрителей. — Поможем нашей малышке Кло выбраться?! Или пусть утонет? Что? Повторите! Я не слышу!

Он приставил ладонь к уху, повторяя движение мимессы, с которого начался ее номер.

— Одно ваше слово, и я разобью стекло! Пусть зритель решит: спасаем Кло, или пусть сыграет в рыбку?

Он прекрасно знал, что никто ему не ответит, и получал садистское наслаждение от чудовищного номера.

Мимесса между тем открыла рот. Вода проникла в него и попала в легкие. Кло заметалась...

— Ну ладно, я все же спасу ее! — хохотнул клоун. Сняв с плеча молот, он размахнулся, примерился и... ничего не сделал.

— Эй, не торопите меня! — Бетти Грю повернулся к зрителям. — Разбивание стекла — это дело непростое. Нужно как следует все рассчитать.

Кло дернулась.

Бетти Грю снова примерился и снова опустил молот.

Кло издала бульканье, дернулась и повисла в воздухе. Голова ее опустилась, а волосы по-прежнему колыхались над ней, будто погруженные в воду.

Бетти Грю встал поудобнее, размахнулся и со всей силы ударил молотом по невидимой стенке аквариума. Раздались звон разбивающегося стекла и шум вытекающей воды.

Клоун отскочил в сторону, чтобы не «намокнуть», а мимесса упала на манеж.

Она не шевелилась. Куртуазная Кло утонула.

Бетти Грю расхохотался.

— Какая жалость! Не успел всего чуть-чуть! Ну, не будем лить слезы, тут и так все затоплено! Наше представление продолжается!

Он отвесил шутливый поклон, и свет погас.

Труффо застонал. Кло... она ведь была такой доброй, такой наивной... Если бы только он как-то мог помешать этому извергу, если бы он мог хоть что-то сделать. Но он не мог. Если он вмешается, Бетти Грю воплотит свою угрозу в жизнь, а он просто не может... не может снова ощутить этот ужас. Пусть лучше они, чем он...

Из чемодана, стоявшего на коленях Горация Помпео, раздалось шипение, и карлик вздрогнул. Кажется, одному из зрителей представление не особо нравилось. Труффо боялся мистера Забероха, но сейчас Бетти Грю он боялся куда больше, ведь у Бетти Грю был...

— Встречайте! — завопил клоун, прервав его мысли. — Только на арене нашего цирка! Только этой ночью! Владелец самых быстрых рук в Габене! Человек, способный удерживать не менее сотни предметов в воздухе! Единственный и неповторимый! Левиртуозный Левитту-у-ус!

На этот раз прожектор не зажегся. Вместо него в крошечной темноте над манежем вспыхнул рыжий огонек. Огонек поплыл по воздуху, описывая дугу. За ним загорелся еще один, а затем вспыхнули еще несколько. Напоминая ленивые падающие звезды, они плавно опускались, а на их месте тут же возникали новые. Всего через минуту над цирковой ареной уже сновало несколько десятков огоньков. Они кружили, закручивались петлями, формировали спирали и восьмерки, выстраивались в созвездия.

Горящие шарики, взмывающие ввысь, и не думали падать, словно каждый был привязан на ниточке — они парили, раскачивались из стороны в сторону и, казалось, жили своей собственной жизнью. А затем все медленно опустились и замерли на манеже кольцом, в центре которого стоял и сам жонглер.

Толстяк в расшитом красными и черными ромбами костюме являлся обладателем пышных подкрученных бровей и длинных торчащих в стороны бакенбард. На голове его сидел высокий цилиндр, а из живота торчала третья рука: плечо, предплечье и кисть. Левиртуозный Левиттус был из тех, кого называют цирковыми уродцами, и свое уродство он использовал для того, чтобы стать, как о нем часто говорили, лучшим жонглером в мире.

— Дамы и господа! — воскликнул Бетти Грю. — Я не слышу ваших аплодисментов! Неужели жонглирование нашего Левиттуса кажется вам скучным? И правда, подбрасывать мячики может каждый дурак! Что ж, пора переходить к чему-то более интересному! Чему-то более опасному!

Левиртуозный Левиттус поклонился зрителям, а затем достал из стоявшего перед ним ящика заткнутую пробкой бутылку, полную какой-то зеленой, чуть святающейся жидкости.

Он продемонстрировал зрительскому залу бутылку, а Бетти Грю пояснил:

— Внутри кислота, дамы и господа! Поглядим удастся ли Левиртуозному Левиттусу не пролить ее!

Жонглер подбросил бутылку высоко в воздух, и принялся всеми тремя руками доставать из ящика и подбрасывать прочие бутылки. Вскоре над манежем, то взмывая вверх, то опадая, кружило уже около дюжины бутылок с кислотой.

Левиттус справлялся с ними мастерски, его руки мелькали с такой скоростью, что их

движения практически уже нельзя было различить. Бутылки вырисовывали в воздухе каскады и фонтаны, взлетали вертикально вверх колоннами и двигались по кругу кольцом.

А сам жонглер глядел прямо перед собой невидящим взором, безумно улыбаясь, как и прочие члены труппы.

Вдруг загорелся прожектор, осветив из темноты стул, стоящий на краю манежа примерно в двадцати шагах напротив Левиттуса. На стуле сидел Бетти Грю.

— Скучно! — гаркнул клоун в медный рупор. — Наш Левиртуозный Левиттус может так жонглировать и час, и два и даже до самого утра! Но мы сейчас добавим в наше шоу немного перчинки!

Музыка взяла тревожные нотки. Тубы загудели, трубы задудели, а скрипочки запищали, как мыши, которых кто-то крепко сжал в кулаке.

Клоун поднял руку. В руке был револьвер. Прицелившись, Бетти Грю спустил курок. Прогремел выстрел, а за ним и звон разбитой бутылки.

Кислота полилась вниз, но на жонглера не попала. В шаге от него образовалась шипящая лужа, от которой начал подниматься зеленоватый дымок.

Левиттус этого не заметил и продолжил жонглировать как ни в чем не бывало.

— Фу-марфу! — усмехнулся клоун. — Еще одна попытка!

Он взвел курок, прицелился и нажал на спусковой крючок. Еще одна бутылка разлетелась в дребезги. На этот раз пара капель кислоты все же попали на жонглера.

Одна начала прожигать цилиндр, другая проела рукав и кожу.

Левиттус закричал, но жонглировать не прекратил. А Бетти Грю сделал еще один выстрел.

Бутылка разорвалась прямо над плечом жонглера. Зеленая жидкость, шипя и исходя зловонным дымом, залила руку Левиттуса, прожигая и ткань камзола, и кожу, и плоть до самой кости.

Новый выстрел. Очередная бутылка разлетается на осколки, а кислота заливает жонглера.

Левиттус кричал, его лицо исказилось от ужасной боли, в костюме и теле становилось все больше дыр, третья рука, растущая из живота, повисла обугленной хворостиной, сквозь потекшую, как плавленый сыр, кожу проглядывали кости...

Бутылки продолжали взмывать в воздух, пули попадали в них одна за другой, а кислота текла, капала и брызгала на жонглера, который словно врос в манеж, не в силах остановиться или хотя бы сдвинуться в сторону.

Вскоре все бутылки были разбиты. Левиттус опустил то, что осталось от его рук. Жонглер, изъеденный и опаленный, замерший в туче зеленоватого дыма, выглядел так, будто на него набросилась стая голодных собак, отодрав от него несколько здоровенных кусков. Но пока он был жив.

— Вы думали, это все?! — возопил Бетти Грю. — Но ведь я обещал вам смертельный номер! Левиттус! Где там твой гвоздь?!

Жонглер дернул головой, развернулся и ломаной походкой двинулся на центр манежа, где стоял небольшой столик на колесиках. Какое-то время он там провозился, чиркала спичка, что-то шипело, а затем Левиттус вернулся туда, где стоял прежде. В его руках было три круглых чугунных шара, из которых торчали подожженные фитили.

Левиртуозный Левиттус подбросил бомбы и принялся жонглировать ими, огоньки тем

временем стремительно поползли по фитилям...

Долго это не продлилось.

В какой-то момент один за другим прогремели все три взрыва. Одна из бомб взорвалась над головой жонглера, другая в его руке, третья прямо у лица. Ошметки Левиртуозного Левиттуса полетели во все стороны, забрызгав и манеж кругом, и зрителей. Лишь Бетти Грю остался «чистеньким» — он вовремя раскрыл зонтик, спрятавшись за ним.

Эхо от взрывов еще какое-то время жило в зале, а потом сгинуло, растворившись в нем и слившись с музыкой, которую, пыжась, выдавали тубы и трубы, звучащие над манежем.

— Бедняга Левиттус! — воскликнул Бетти Грю. — Это лучшая иллюстрация к жизни: пытаешься за всем поспеть, но рук не хватает, и ты просто... хм... разрываешься на части... Наше представление продолжается! Антракт не запланирован! Никому не покидать места! В проходах разбросаны капканы и мышеловки! У буфета вырыт ров, заполненный крокодилами! Ха-ха. Ой, я забыл, что мы намазали сиденья кресел клеем! Впереди — лучшая часть шоу! Труффо, помоги нашим зрителям!

Карлик, сидевший за господином Помпео, встал на ноги и одному за другим всем троим зрителям задрал головы.

— Простите... простите, сэръ, — прошептал он. — Но так надо...

Когда Труффо вернулся на свое место, Бетти Грю заголосил:

— Встречайте! Единственная и неподражаемая! Талантливая и бесстрашная! Равновесие — ее второе имя, доставшееся ей от двоюродной бабки троюродной кузины! Она ходит по карнизам и водостокам с такой же легкостью, как прочие ходят по улицам! Лучшая в мире фунамбулистка! Воздушная Дива Вивиа-а-ан!

Прожектор выхватил из темноты изящную фигуру, сидевшую под куполом цирка на канате, как птица на ветке.

Помахав зрителям, Вивиан, одним движением вспрыгнула на канат и замерла на нем. В следующий миг она оторвала от каната одну ногу, медленно подняла ее и встала, растянув шпагат — носочек верхней ноги глядел в центр купола.

После этого Воздушная Дива наклонилась и, взявшись руками за канат, оторвала и другую ногу. А затем аккуратно убрала одну руку.

Труффо лихорадочно заплодировал — он всегда испытывал к Вивиан определенные чувства, и тем больнее ему было ожидать того, что ее ждало...

Фунамбулистка тем временем двинулась по канату, переставляя руки и удерживая баланс широко растянутыми в стороны ногами. Ее невероятная грация не могла не восхитить.

Дойдя до мостков, она поставила ногу перед собой и разогнулась. Развернувшись, фунамбулистка вскинула руку, приветствуя зал. Снизу раздалось одинокое «Браво!»

Музыка сменилась. Зазвучали уже знакомые взволнованные тревожные нотки. Что-то готовилось...

Вивиан присела, сжавшись, как сдавленная пружина, а затем выпрыгнула вперед и вверх — прямо в пустоту над манежем. Исполнив в воздухе впечатляющий пируэт, она плавно опустилась на канат, оттолкнулась от него и прыгнула дальше. Новый прыжок. И еще один...

В один момент она замерла на канате, развернулась кругом и, выставив ногу в сторону, будто провалилась в пустоту. И тем не менее фунамбулистка не рухнула вниз. Она зацепилась ногой за проходящий рядом второй канат и распрямилась, на мягких башмаках щелкнули зацепы. А затем Вивиан начала медленно и осторожно раздвигать ноги, пока не

села в шпагат прямо над пропастью циркового зала. Но это было еще не все — невероятным образом шпагат все расширялся, ноги пошли кверху и в какой-то момент соединились скрепкой над головой акробатки. После чего она вытянула вверх руки, схватившись за один из канатов, и подошвы отцепились. Воздушная Дива выскочила вверх, отпружинила от каната и встала на одну ногу.

Труффо аплодировал. Помпео и его громилы глядели на фунамбулистку, не моргая.

— Эй, но это же скучно! — раздался голос Бетти Грю. — Бегать по канатам любой дурак сумеет. А что если... что если мы немного усложним трюк?

В следующий миг канат, на котором стояла Вивиан, загорелся. Огонь пополз от мостков к его центру.

Фунамбулистка повернулась и побежала в другую сторону, но тут канат загорелся и с противоположного конца. Пламя потекло по канату к ней навстречу. Она замерла, оттолкнулась и прыгнула, перескочив на соседний канат. Тот же, на котором она только что стояла, рухнул пылающей извивающейся жилой вниз.

— Эй, Вивиан, беги! — крикнул Бетти Грю, и ее новый канат загорелся.

Фунамбулистка побежала по нему к мосткам, спасаясь от преследующего ее пламени. На этот раз огонь там, куда она бежала, не загорелся, и можно было подумать, что ей уже вот-вот удастся спастись, когда на мостках вдруг показался сам Бетти Грю.

Клоун в руках держал громадные садовые ножницы.

Помахав фунамбулистке на прощание рукой, он раскрыл ножницы, поднес их к канату и резко свел рукоятки.

Канат обрубился, и Вивиан с криком полетела вниз.

Труффо отвернулся, не в силах глядеть на это.

Фунамбулистка упала на угол барьера, ограждающего манеж. Ее тело хрустнуло и переломилось. Из рта вырвался хрип, по лицу потекла окровавленная пена. Вивиан дернулась и замерла.

— Какая жалость! — воскликнул Бетти Грю. — Немного промазал! Я ведь хотел попасть ею прямо туда, где сохнет кровавое пятно, оставленное мадам Д.Оже! Ну и ладно! Так тоже вышло недурно! А наше представление продолжается! Впереди нас ждут еще два чудесных номера!

Теофилиус Труффо вздрогнул: «Что? Какие еще два номера? Этот безумец ведь разделался уже со всей труппой! Остался лишь финальный аккорд. Тогда почему два?»

Почувствовав неладное, карлик понял, что с него хватит, и поднялся на ноги. И тут за его спиной раздался шепот:

— И куда это ты собрался?

Труффо обернулся. Перед ним стоял Бетти Грю!

— Но как ты... Ты же только что был наверху!

Клоун усмехнулся и, перемахнув через спинку сиденья, схватил карлика за шиворот.

— Нет! — завопил Труффо. Его крики глухо звучали из-под противогаса. — Пусти! Я не хочу!

— Ты же тоже часть этой труппы, Здоровяк! Без тебя представление было бы неполным!

Бетти Грю потащил карлика через партер. Тот вопил, пытался отбиваться и звать Помпео, но новый хозяин цирка под воздействием парализующего газа не шелухнулся.

Вскоре клоун и его вырывающаяся жертва исчезли в темноте, а крики стихли.

Время шло, и ничего не происходило, а затем раздался натужный скрип, словно что-то

выкатили на манеж.

— Дамы и господа! — завопил Бетти Грю. — Встречайте! Звезда старого цирка! Тот, кто после своего рождения жил в обувной коробке! Самый маленький из людей! Самый высокий из коротышек! Здоровья-я-як!

Зазвучала неуместно веселенькая туш, лишь подчеркивающая кошмар происходящего, и в свете загоревшегося прожектора появился Труффо. Он был в красном фраке и цилиндре ему под стать. Противогаз исчез. Широко улыбаясь и незряче глядя прямо перед собой, он покатывался вперед-назад, балансируя на моноцикле.

На манеж ударил еще один луч света, выхватив из темноты Бетти Грю, который сжимал в руке рукоятку какого-то монструозного устройства, отдаленно похожего на рычажный пулемет или, скорее, на самовзводный арбалет.

— Наш Здоровяк всегда был шустрым малым! — сообщил клоун зрителям. — Что ж, поглядим, хватит ли ему прыти на этот раз! Я начинаю отсчет! Три! Два! Один!

Клоун крутанул ручку, и в полет сорвались метательные ножи.

Карлик ждать не стал и заколесил на моноцикле прочь по манежу.

Бетти Грю с хохотом вращал ручку и поворачивал свою ножевую турель на треноге. Со свистом рассекая воздух, ножи летели вслед карлику, а тот лихорадочно крутил педали, улепетывая на моноцикле.

Единственное колесо шуршало по забрызганной кровью цирковой арене, Труффо, вжав голову в плечи и активно двигая локтями, скользил меж разбросанных тут и там тел, не обращая внимания, на что наезжает его моноцикл. Карлик и впрямь был довольно резв.

— Эй, так ножей не напасешься! — возмущенно воскликнул Бетти Грю. На миг прекратив вращать ручку, клоун повернул машину на небольшое упреждение, выждал пару мгновений и, за секунду перед тем, как Труффо оказался в том месте, куда он целился, рванул ручку. Ножи вылетели.

Карлик дернулся, в последний миг меняя направление движения, и почти все ножи просвистели мимо. Лишь два достигли цели — один сбил с его головы цилиндр, а другой вонзился в лопатку.

Труффо вскрикнул и упал с моноцикла.

— Фу-марфу! — радостно заголосил клоун. — Стареешь, Труффо!

Выпрыгнув из-за метательной машины, Бетти Грю приставил к губам рупор и гаркнул в него:

— А теперь, дамы и господа, наш Здоровяк покажет нам трюк, которого все мы ждем с нетерпением! Вперед, Труффо, удиви наших дорогих зрителей!

Карлик поднялся с манежа. Вытащив из лопатки нож, он отшвырнул его в сторону и потопал к краю арены. Прожектор переполз следом за ним, и зрителям предстала толстая пушка на двух колесах. Ее ствол был выкрашен алыми и желтыми полосами, а к черному зеву вела невысокая лесенка.

Остановившись у пушки, Труффо взял лежащий рядом медный шлем с плюмажем, отдаленно похожий на каску пожарных, и нацепил его на голову, закрепив ремешок под подбородком. После чего отвесил господину Помпео поклон и полез в пушку. Схватившись за верхний край ствола руками, карлик просунул ноги и залез следом. Снаружи осталась торчать лишь его голова в шлеме.

— Вы готовы?! — гаркнул Бетти Грю и, выкидывая в стороны колени, развязно подошел к пушке. — Сейчас вы увидите Великолепный Полет Здоровяка! Есть в зале какой-нибудь

ребенок, который захотел бы поджечь фитиль?! — Не дождавшись ответа, клоун хохотнул. — Что ж, я сам в душе ребенок!

Он толкнул какой-то рычаг, и очередной прожектор высветил стоявшую на противоположном краю манежа кирпичную стену на подпорках и на колесиках — видимо, клоун выкатил ее прямо перед номером. На стене красной краской была намалевана мишень.

Бетти Грю зажег спичку. В тот же миг музыка пошла на крещендо. Огонек перекочевал на фитиль, и с шипением, разбрасывая кругом искры, пополз по нему.

Клоун отпрыгнул в сторону, вжал голову в плечи и заткнул уши пальцами. И даже зажмурился на всякий случай.

Раздался грохот, от которого казалось, вздрогнул весь цирк. В воздух взвилась туча черного дыма, а карлик вылетел из ствола с охваченными пламенем башмаками.

Человек-снаряд был в воздухе всего какое-то мгновение, а уже в следующее врезался в стену. Шлем ему не помог.

Тело Труффо с жутким хрустом вмялось в кирпичную кладку и сползло вниз, оставляя за собой кровавый след.

— Какая жалость! — воскликнул Бетти Грю. — Немного не попал!

И правда: карлик пролетел мимо мишени и столкнулся со стеной всего в паре дюймов от внешнего контура намалеванного круга.

Впрочем, сильно огорчаться клоун не собирался. Оглядев манеж, Бетти Грю расхохотался. Повсюду была кровь. Тут и там валялись тела и ошметки этих тел. Все члены его бывшей труппы были мертвы. Представление удалось!

Танцующей походкой он подошел барьеру цирковой арены, перебрался через него и подошел к Помпео.

— Ты хотел мою труппу? — прошипел он, стянув с головы противогаз и поднеся свое уродливое покрытое гримом лицо почти в плотную к лицу нового хозяина цирка. — Забирай. Чего сидишь? Давай же забирай. Ты же за этим сюда приволок свою гнилую тушу... Моя труппа — теперь твоя. Дарю!

Он широким жестом обвел манеж, на котором лежали мертвые циркачи: раздавленный гирями силач Невероятный Бабул, торчащий из трубы запеченный гимнаст Гуттаперчевый Тоффини, утонувшая мимесса Куртуазная Кло, разорванный на куски жонглер Левиртуозный Левиттус, разбившаяся Фунамбулистка Воздушная Дива Вивиан и изломанная бесформенная груда, которая еще недавно была карликом по прозвищу «Здоровяк».

— Вот только, если ты думал, что я отдам тебе свой цирк, ты заблуждался. Нет уж, Помпео-Дуралео, свой цирк я тебе не отдам... Один укольчик «Карамболя», и ты перепишешь на Бетти Грю все бумаги, а потом и сам перережешь себе глотку. Ты будешь резать ее медленно-медленно, чтобы я видел каждую капельку, которая будет вытекать из твоего поганого тела. Ну или отправишься на мостки под куполом и состроишь птичку, как мадам. Я еще не решил, что с тобой делать. А пока... да, пока, у меня есть еще кое-что...

Клоун отпрыгнул, вскочил на барьер и гаркнул в рупор:

— Дамы и господа! Сегодняшняя ночь — это ночь чудес! Нас с вами ждет последний номер! Это будет шок! Это будет восторг! Если бы я рассказал вам заранее, что вас ждет, вы бы обозвали меня лжецом, и были бы правы! Потому, что подобное представить себе просто невозможно! Но в «Безалаберном цирке Бетти Грю» я не только Шедевральный Шпрехшталмейстер, но и Изумительный Импресарио! Я заполучил для вас уникальное

Неповторимое! Невероя-я-ятное! У нас особый гость! Встречайте! Впервые в нашем цирке Та, о ком пишут все газеты! Та, кого ищет полиция! Та, кто снится в кошмарах! Безжалостная и жестокая! Умопомрачительная и восхитительная! Мстительница и Ужас, Низвергающийся С Черного Неба Габена! Неуловимая... Зубная Фе-е-ея!

Прожектор на миг погас, а затем, загоревшись, высветил стоявшую в центре манежа большую клетку, в которой и правда сидела городская мстительница. На ней были лётный шлем, черная кожаная куртка и штаны, заправленные в сапоги, за плечами, закрепленный ремнями, висел кофр-ранец. Губы Зубной Феи, как и у циркачей, исказились в отвратительной неестественной улыбке, а проглядывающие из-под стекол больших пилотских очков глаза были затянуты поволокой.

— Гвоздь! Гвоздь программы! Только в «Безалаберном цирке Бетти Грю»! Аплодисменты!

Глава 11. Антре Бетти Грю.

Глава 11. Антре Бетти Грю

Над цирковым двором клубились розовые облака. Часть из них висела очень низко и совершенно не думала таять.

К одному из этих облачков была приставлена деревянная лесенка, и на нем, свесив ножки в полосатых чулках и туфельках с бантами сидела очень легкомысленная с виду мадам, все тело, которой представляло собой скрученные веревки, то и дело шевелящиеся и шуршащие. Веревки были одеты в платье с перьями.

Воздушная Дива Вивиан звонко смеялась, лениво покачивая ножками и глядя на то, как толстяк в цилиндре, чье тело было собрано сплошь из перекатывающихся шариков для жонглирования ищет один такой шарик, который неизвестно куда закатился.

— Эй, Левиттус! Посмотри под тем леденцом! — посоветовала Вивиан, и дернула ножкой, отчего ее туфелька слетела и рухнула точнехонько в сахарницу, стоящую на небольшом чайном столике.

Цирковой двор сейчас сам на себя не походил — это было, вероятно, наистраннейшее место, в котором кому-либо доводилось бывать. Он сплошь порос сладостями. У земли росли закручивающиеся спиралью цветы-леденцы, в то время как вдоль ограды вверх тянулись высокие конфетные деревья. Да и в целом двор выглядел, скорее, как сад. Причудливый сад, нарисованный ребенком.

Рыже-розоватое рассветное небо перетекало само в себя — если приглядеться, оно и правда местами текло, как будто краски, которыми оно было нарисовано, кто-то нагрел.

Но на небо никто не смотрел. Устроившаяся на расставленных кругом стульях труппа глядела на ворчащего жонглера, который все разыскивал в леденцовых зарослях свой шарик. Циркачи хихикали и перемигивались.

Куртуазная Кло широко улыбалась. Хотя правильнее будет сказать, что улыбалась белая точеная маска, заменявшая ей не только лицо, но и голову. Маска эта висела в воздухе прямо над черной кляксой «тела» мимессы, из которой торчали пара перчаток да остроносые башмачки.

В какой-то момент Кло раскрыла рот, и из него наполовину выполз красный шарик Левиттуса.

Все снова захихикали, а шарик, булькнув, забрался обратно. Незадачливый жонглер ничего не заметил.

Он продолжал рыскать среди леденцов, находя там что угодно, но только не свою пропажу.

— Хм... а это еще что? — пробормотал задумчиво Левиттус, вытащив из зарослей какую-то ржавую шуковину, похожую на большую скрепку.

— А я знаю! — раздался у его уха тоненький голосок.

Толстяк обернулся и продемонстрировал Зубной Фее находку.

Зубная Фея, крошечное, с палец, существо, жужжа и мельгеша четырьмя стрекозьими крылышками, носилась вокруг.

— Это же подкова! — застрекотала она, как сверчок, и перевернулась в воздухе.

— Что? Подкова? — удивился Левиттус. — Откуда ты знаешь? Фей что, подковывают?

— Не-ет, — рассмеялась Зубная Фея. — Я просто видела такую подкову раньше! Подковы живут в печках! В печках, которые стоят в маленьких антресольных квартирках в

Странных Окнах.

— Она мне не нравится, ответил жонглер. — Этой подкове здесь не место! Нужно выбросить ее в... — он понизил голос и испуганно огляделся по сторонам, — Корчащуюся Клоаку.

Прочие циркачи тут же зашипели и зашикали. У Вивиан даже выпала изо рта чайная ложечка, которую она с удовольствием обсасывала.

— Левиттус, ты что! — воскликнул Гуттаперчевый Тоффини, резиновые ноги которого распластались по траве кругом на много футов, спутавшись, как ворох резиновых шлангов. — Мы же не говорим о... об этом страшном месте.

— Ну да... Я совсем забыл... — виноватым голосом ответил толстяк и, отшвырнув подкову прочь, вернулся к поискам.

Где-то в небе вдруг раздался громкий нарастающий звук, похожий на аплодисменты.

— Что это? — спросила Зубная Фея.

— Как что? — хмыкнула Вивиан. — Это же гром. Вот-вот пойдет дождь.

Зубная Фея глянула в небо, а потом — на труппу. У всех циркачей в руках появились раскрытые зонтики.

— Ты же не хочешь промокнуть? — спросил Тоффини. — Забирайся под мой зонтик.

Зубная Фея шмыгнула к нему, и тут и правда пошел дождь. Ох, что это был за дождь! Никакой воды — вместо нее с неба посыпались круглые картонные цирковые метки с узором в виде спирали.

Под звук прокатывающихся среди высоких облаков аплодисментов кругляши падали, заполняя собой двор.

— Когда дождь закончится, можно, можно будет во что-то сыграть, — пробасил Невероятный Бабул. — Давайте во что-нибудь сыграем, а?

Громадный цирковой силач, скрипя суставами, повел большими круглыми плечами. Бабул походил на автоматона — его руки и ноги, собранные из проклепанных медных труб, блестели, наполированные, в бочкообразной груди что-то постоянно звенело, а голова-чайник с длинным изогнутым носиком, большими приваренными ушами и коваными усами безудержно подпрыгивала на короткой шее.

— Ле-е-ень... — протянул Тоффини. — Да и когда же этот дождь закончится?

— Он уже закончился, — сообщила Вивиан, и то правда: больше с неба ничего не сыпалось. Последняя цирковая метка шлепнулась на щеку выглянувшей из-под зонта и задравшей голову-маску Кло и сползла вниз.

Циркачи одновременно подбросили вверх зонтики, и они улетели.

В кругу началось живое обсуждение грядущего представления. Всем не терпелось поскорее выйти на манеж и показать, на что они способны. Одна лишь Зубная Фея, слушая эти разговоры, нервничала и круг за кругом носилась между циркачами, оставляя за собой в воздухе след из серебристой пылицы.

— Да не мельтеши, кроха Фея! — рассмеялся мистер Бабул, и, приоткрыв крышку на голове выпустил из нее облачко пара.

Зубная Фея послушалась. Кроха забралась в пустую чашку, валявшуюся в траве, и устроилась в этой чашке, как в кресле.

— Она волнуется, Бабул, разве не видно? — вдохновенно проговорила Вивиан.

— А чего ей волноваться? Все ж отрепетировано! Ты ж отрепетировала свой номер, кроха Фея?

Зубная Фея неуверенно кивнула и улыбнулась.

— Это ее первый выход на манеж, конечно, она переживает, как бы все прошло хорошо, — заметил Гуттаперчевый Тоффини. — Эй, Бабул! Передай мне леденцовое пирожное! А, сам возьму!

Его резиновая рука вытянулась, и пальцы в белой перчатке схватили с блюда, стоявшего на небольшом круглом столике рядом с силачом, пирожное. После чего рука быстро уменьшилась, и гимнаст принялся хрустеть сладостью, обгрызая глазурь.

— Все пройдет просто замечательно, кроха Фея, — заверил Бабул.

— Он прав, — подтвердила Вивиан.

Достав откуда-то удочку, она принялась ее забрасывать, пытаясь подцепить крючком облако, висящее на другом конце двора-сада. С третьей попытки ей это удалось, и она потянула его на себя. Из розового облака во все стороны прыснули потревоженные летучие рыбы. Притянув пушистый плавающий в воздухе островок к себе, Вивиан выбросила удочку и прилепила новое облачко к тому, на котором сидела, после чего с удобством улеглась на то, что вышло, как на большую мягкую подушку.

— Ты зря переживаешь, кроха Фея, — сказала она. — Здесь возможно все. Все, на что тебе хватит фантазии. Это прекрасное место — оно дает нам силы, позволяет творить настоящее волшебство.

— Выпьем за это! — воскликнул Бабул. — Держи, кроха Фея.

Он протянул ей миниатюрную, размером с наперсток, чашечку, полную чего-то вязкого и розового, похожего на выжимку здешних облаков.

— А что это? — спросила Зубная Фея. — Чай? Или кофе? Я люблю черный кофе с корицей, как... как... не помню кто.

Циркачи рассмеялись — у каждого в руке появилась чашка.

— Вот еще! — Махнув рукой на свои поиски, Левиттус подошел к прочим и сел на единственный пустовавший стул. — Кофе с корицей! Никакого кофе! То, что мы пьем, — это лучший в мире напиток. Он называется...

Название напитка циркачи произнесли хором:

— «Карамболь»!

После чего все присутствующие опустошили чашки и рассмеялись.

— Кто-то сказал «Карамболь»? — раздался голос за спиной у Бабула, и циркачи затихли.

Зубная Фея взвизгнула и спряталась в чашке, в которой сидела, после чего испуганно выглянула.

Перед ней стояла полная женщина в розовом платье с рюшками и подвитыми рыжими волосами. Ее лицо скрывалось под клоунским гримом, но самым примечательным в этой мадам был красный резиновый нос.

— Ой, кто это? — пролепетала Зубная Фея.

— Не бойся меня, малышка, — сказала клоунесса. — Меня зовут Бетти Грю. Но все называют меня Тетушка Бетти.

Тетушка Бетти казалась очень доброй, и Зубная Фея, перестав бояться, выпорхнула из чашки.

— А Бетти — это разве не мужское имя? — спросила она.

Клоунесса на миг нахмурилась, а потом рассмеялась. К ней присоединились и остальные.

— «Бетти — мужское имя». Нет, ну вы слышали?

— Я прошу прощения, если обидела вас, Тетушка Бетти, — грустно сказала Зубная Фея.

— Ой, что ты милая... Я не обижена. Ты такая забавная!

— Что, уже начинается, Тетушка Бетти? — взволнованно спросила Вивиан, и клоунесса кивнула.

— Гости уже ждут. Наше представление начинается. Бабул, твой выход первым.

— Я так и знал! — пророкотал медный человек и грохоча захлопал в ладоши. — Я — первый!

Силач вскочил на ноги, и, звеня своими медными суставами, направился через двор к виднеющейся вдали громадной клоунской голове, растущей из земли, как дом. Вскоре он исчез в широко раскрытом рту.

— Ну вот, — проворчал Тоффини. — Я думал, я буду первым...

— Вы все успеете выступить, — ласково сказала Тетушка Бетти. — Готовьтесь. Никто не сбежит, не показав свой номер... ха-ха-ха...

Зубная Фея вздрогнула. На миг ей показалось, что лицо клоунессы чуть подернулось, и часть его растаяла. Она успела увидеть щетину, три старых шрама над верхней губой и злобные мелкие глазки. Наваждение тут же рассеялось, и Тетушка Бетти снова стала собой.

— Я скоро вернусь за следующим, — сказала клоунесса.

— Можно это буду я? — взмолился Тоффини. — Ну пожалуйста, Тетушка Бетти, — мне не терпится показать зрителям свой номер!

— Возможно, это будешь и ты, — ответила клоунесса, подмигнула гимнасту и направилась следом за силачом в голову клоуна.

Зубная Фея задумчиво глядела ей вслед.

— Эй! — воскликнула вдруг Вивиан. — Ну это же совсем неудобно! Что-то упирается мне в спину!

Она засунула руку в облако, на котором лежала, повозилась там и достала очередную подкову.

— Что за странность? Откуда они здесь берутся! Этим подковам в нашем цирке не место!

Зашвырнув ее подальше, Вивиан вернулась к своему ленному времяпрепровождению.

— А что это за Корчащаяся Клоака, о которой говорил Левиттус? — спросила Зубная Фея.

— О, это жуткая жуть, — нехотя пояснил Тоффини. — Это пятно, которое высасывает счастье и радость. Оно нам не нравится. Это дверь или, вернее, люк в полу, который ведет в ужасное, кошмарное место и...

— Эй, Кло! Это не смешно! — воскликнул Левиттус, увидев свой потерянный шарик, снова выползший из округлившегося рта мимессы.

Циркачи захихикали, и Кло выплюнула шарик. Толстяк-жонглер подхватил его и всунул себе в живот. Живот отозвался бурчанием.

Из дальнего конца сада раздался скрежет, все повернули головы и увидели, как гигантская голова клоуна затряслась от смеха. После чего двери-рот закрылись, что-то пожевали, а в следующий миг выплюнули Тетушку Бетти. В облаке из переливающихся перламутровых пузырей клоунесса подплыла к циркачам.

— Бабул справился просто превосходно! Зрители в восторге! Тоффини, твой выход!

— Ну наконец-то! — ответил гимнаст и поднялся со стула. Извивая резиновые

конечности, словно осьминожки шупальца, он пошагал к клоунской голове.

Тетушка Бетти обвела присутствующих задорным взглядом, послала каждому из оставшихся воздушный поцелуй и отправилась следом за гимнастом, который уже скрылся во рту клоунской головы.

Зубная Фея почесала нос.

— Что-то я проголодалась, — сказала она и, взмахнув крыльшками, опустилась на ближайший цветок. Постучав по бутону костяшками пальцев, она дождалась, когда лепестки раскроются и принялась завтракать. Внутри цветок весь порос человеческими зубами. Отрывая их один за другим, Фея начала их грызть, как орешки.

— Что такое, Кло? — спросила Вивиан, с недоумением глядя на мимессу, которая вдруг принялась возмущенно размахивать руками. Кло мычала и показывала остальным свою находку...

— Еще одна странная подкова? — удивился Левиттус. — Где ты ее взяла?

Кло тыкнула себя в грудь, и ее палец увяз в густой шевелящейся массе чернильного тела.

— Достала из себя? — спросила Вивиан. — Но откуда она там взялась? Ты, случайно, не ела подковы вчера за ужином?

Мимесса покачала головой и пожала плечами.

Гигантская голова клоуна между тем снова затряслась и снова выплонула Тетушку Бетти.

— Кло! — провозгласила она, допрыгав до места, где устроились циркачи. — Твой выход!

Мимесса никак не отреагировала, рассматривая ржавую подкову.

— Кло, ты слышишь меня? Что это у тебя там такое?

Тетушка Бетти раскрыла рот, и из него вырвался длинный лягушачий язык. Хлюпнув, язык подцепил подкову и вырвал ее из рук мимессы.

— Откуда у тебя это? — с легким раздражением спросила тетушка и задумчиво почесала живот.

Куртуазная Кло лишь развела руками.

— Гм. Должно быть, ветром занесло. Отправляйся на манеж. Твой выход.

Мимесса счастливо захлопала в ладоши и стремглав бросилась к голове клоуна.

Тетушка Бетти засунула подкову в карман платья и буркнула:

— Фу-марфу!

Зубная Фея дернулась. Крохе вдруг показалось, что ее кожа горит. Голову пронзила острая боль, и Фея зажмурилась.

«Что он... она только что сказала? Я ведь это уже где-то слышала...»

Она раскрыла глаза — Тетушки Бетти рядом уже не было. В саду остались лишь Левиттус, сидящий на стуле, закинув ногу на ногу, и Вивиан, как и прежде, лежащая на своем облаке.

Большинство стульев пустовало.

— Почему? — спросила Зубная Фея.

— Что «почему»? — уточнил жонглер.

— Почему они не появляются?

— Кто «они»? — удивленно глянула на нее Вивиан.

— Остальные. Ну... другие циркачи из нашей труппы. Те, чей номер уже закончился?

Вивиан и Левиттус расхохотались.

— Нас же здесь только трое, кроха Фея! — воскликнула Воздушная Дива, томно зачерпнув веревочными пальцами немного «ваты» из облака.

— Но как же?.. — Зубная Фея была сбита с толку. — Я помню. Здесь были... еще кто-то был...

— А, ты про этих, — усмехнулся жонглер. — Они здесь повсюду. Летают...

— Кто?

— Ну, летучие рыбы же... Ты ведь о них говоришь?

Зубная Фея сморщила лоб, пытаясь вспомнить. А потом ее губы сами собой расплылись в улыбке.

— Да. Летучие рыбы...

— Милочка, будь добра, — сказала Вивиан, — передай мне чашечку.

Зубная Фея кивнула. Взлетев, она переместилась на столик и, вцепившись своими крошечными руками в ручку, пустой чашки, подняла ее в воздух. Жужжа и покачиваясь под весом тяжелой чашки, кроха потянула свою ношу к облачной перине. Пару раз ноша пыталась выскользнуть, но Фея справилась.

— О, благодарю...

Вивиан взяла чашку и зачерпнула ей немного облака, после чего принялась облизывать розовую вату.

— Не ешь облако, на котором лежишь, Вивиан! — назидательно поднял палец Левиттус и рассмеялся.

Зубная Фея поддержала: вися в воздухе и держась за живот, она звонко хохотала. Все кругом казалось ей невероятно смешным. И рыже-розовое небо, и Воздушная Дива, лежащая на облаке, и толстый жонглер. И она никак не могла понять, что же здесь смешного.

Клоунская голова содрогнулась. Появилась Тетушка Бетти. А потом все повторилось. Клоунесса забрала сперва Левиттуса, а затем и Вивиан.

Зубная Фея осталась одна. Вскоре она уже и не помнила, чтобы в саду кто-то еще был, кроме нее. Скучая, она летала меж деревьями и цветами. В какой-то момент она нашла парочку ржавых подков. Первую она с трудом вытащила из коры конфетного дерева, а другую обнаружила под одним из стоявших посреди циркового сада стульев.

Что это за подковы? Откуда они здесь? Она не знала — лишь тревожное покалывание в затылке будто бы все твердило ей: им здесь не место... нужно их выбросить в... выбросить... но куда?

Голова клоуна задрожала.

Зубная Фея взмыла в воздух.

— Кажется, сейчас будет мой номер!

Но отчего-то Тетушка Бетти все не показывалась, а затем за спиной раздался треск.

Зубная Фея повернулась и увидела здоровенное лицо над оградой.

Обладатель лица выглядывал кого-то в цирковом саду, но, так никого и не увидев, попросту перешагнул через ограду.

Тяжело ступая по земле огромными башмаками, великан приблизился к стульям, которые в сравнении с ним, выглядели кукольными. И тут он увидел Зубную Фею, спрятавшуюся на столике среди предметов чайного сервиза.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он таким громким шепотом, что даже чашки затряслись и зазвенели друг о друга.

— Я... я... — залепетала Зубная Фея, — скоро мой выход!

Громадные кустистые брови нахмурились.

— Нет. Ты не должна здесь быть. Ты не из труппы.

Эти слова оскорбили Зубную Фею — она ведь столько репетировала, чтобы попасть в труппу! Конечно же, она из труппы!

— Мой выход скоро, мистер! — упрямо зажужжала она. — А вы, кто бы вы ни были... А кстати, кто вы?

— Меня зовут Здоровяк. А ты — Зубная Фея.

— Ну конечно, я Зубная Фея — я знаю, кто я!

Здоровяк покачал головой.

— Ты Зубная Фея, но ты не знаешь, кто ты. Ты даже не знаешь, где находишься... Он именно так и действует.

— Кто?

— Худшая из отрав. «Карамболь». Ты — не ты. И ты сейчас не здесь!

Зубная Фея уже начала порядком злиться.

— Где же я, если не здесь?!

— Ты сейчас за кулисами. У занавеса-форганга, который ведет на манеж. Стоишь и ждешь смерти. Как и я. Я стою рядом. Ты меня не видишь. Твои глаза... Ты спишь и видишь сон.

— Чепуха! Какой еще сон! Я циркачка Зубная Фея и жду свой выход! Вот-вот придет Тетушка Бетти и позовет меня...

Здоровяк бросил испуганный взгляд на голову клоуна.

— Тетушка Бетти? Нет же, Зубная Фея! Послушай. Послушай меня! Ты должна проснуться! Ты должна освободиться, пока не поздно. Здесь все ненастоящее!

Зубная Фея сжала крошечные кулачки и топнула ножкой по столешнице.

— А вот и настоящее!

— Как ты здесь оказалась? Ты помнишь?

Зубная Фея закивала.

— Конечно, помню! Я... я...

Она вдруг поняла, что ничего не помнит.

— Я так и думал, — сказал Здоровяк. — Я скажу тебе. Ты прилетела в цирк незадолго до полуночи, чтобы остановить его, но он подготовился. Он знал, что кто-то придет. Он ждал не тебя, нет... — Зубная Фея попыталась что-то сказать, но Здоровяк не дал ей вставить и слово. — Послушай... Он думал, что за ним придет эта вьедливая газетчица Полли Трикк на пару со своим остолопом-констеблем. Но явилась ты. Ты угодила в ловушку! Он вколол тебе «Карамболь». Он вколол его и остальным и... и мне. — Здоровяк поднес руку к затылку, что-то там нащупал и вздрогнул. — Я уже был здесь однажды. Мадам Д.Оже... она пыталась... Я боялся, что попаду сюда снова, и потратил годы, чтобы найти противоядие. Когда я наконец нашел его и принял, я... я полагал, что меня больше сюда не засунуть! Но я ошибался! Действие противоядия всего лишь не дает мне забыть...

Зубная Фея ничего не понимала. Этот громадный человек нес какую-то чушь.

— Тебе здесь не место! — продолжил Здоровяк. — Ты должна проснуться... Я знаю, как выбраться. Здесь есть выход — он называется...

— О, Здоровяк! — раздался елейный голос, и гигант отпрянул в сторону, сшибив по пути половину стульев и превратив их в щепки.

Рядом стояла Тетушка Бетти. Сорвав леденцовый цветок, она нюхала его своим красным

резиновым носом и улыбалась.

— Как вижу, ты готов к своему выходу! Зритель ждет!

Здоровяк затрусил головой.

— Я не буду тебе потворствовать, мерзавец! — заревел он, и от его громогласного голоса зазвенели леденцы кругом, а в небо вспорхнула настоящая туча летучих рыб.

Тетушка Бетти и бровью не повела.

— Не заставляй зрителя ждать, Труффо, — сказала она. — Пора на манеж.

— Я сказал, нет!

Здоровяк сжал кулак и с размаху опустил его на клоунессу, намереваясь ее раздавить. После подобного удара от Тетушки Бетти не осталось бы и мокрого пятна, но дело в том, что сокрушительного удара и не последовало.

Быстрее, чем кулак Здоровяка опускался, сам великан стремительно уменьшался в размерах. И вот перед недоуменной Зубной Феей стоит уже коротышка не выше десятилетнего мальчишки, нелепо потрясая кулачками.

— Вперед! На манеж!

Тетушка Бетти схватила карлика за шиворот, развернула и отвесила пинок. Труффо пролетел несколько ярдов и плюхнулся на землю. Тетушка Бетти стремительно оказалась рядом и прежде, чем он успел подняться, снова его пнула. Карлик пронесся по воздуху еще дюжину ярдов и распластался ничком.

Клоунесса подскочила к нему, схватила его за воротник красного фрака и поволокла по земле.

— Нет! — орал Труффо. — Умоляю! Нет! Не делай этого!

Но Тетушка Бетти была глуха к его мольбам. Дотащив карлика до открытого рта клоунской головы, она зашвырнула его в проем, и Труффо с криком скрылся из виду. Следом исчезла и Тетушка Бетти.

Зубная Фея моргнула и закусила губу. В небе над головой снова прошел раскат аплодисментов.

— Кажется, дождь начинается! — воскликнула кроха, и тут хлынуло. Круглые цирковые метки посыпались настоящим ливнем. Она едва успела залететь под столик.

Белые картонные кругляши с изображением красной спирали сыпались со всех сторон, сталкиваясь и издавая шуршание. Постепенно все пространство кругом начало зарастать холмами, наваленными из цирковых меток.

Зубная Фея глядела на них и думала. Все ее мысли были о странных словах этого... кого?.. она уже не помнила. Да и сами слова постепенно стерлись из памяти.

Кажется, ей говорили что-то о «Карамболе» и о снах, а еще об уколах. Зубная Фея поежилась — она не любила уколы. С недавнего времени у нее они ассоциировались с холодными пальцами, пронзительным взглядом черных глаз и запахом кофе с корицей... Уколы...

Она подняла руку и занесла ее за голову, пальцы коснулись затылка и поползли ниже. Она уже почти-почти нащупала что-то на шее, когда...

— Эй! — прозвучало откуда-то сверху. — Что это ты там делаешь, милая?

— Прячусь от дождя, — ответила Зубная Фея, опустив руку.

Пара холмов из цирковых меток разъехались в стороны, отодвинутые чьими-то руками, и под стол забралась голова рыжей клоунессы.

— Дождь закончился, вылезай, милая!

Голова уползла обратно, и Зубная Фея, взмыв в воздух, вылетела из-под стола.

Тетушка Бетти в нетерпении притопывала ногой.

— Твой выход, милая. Пора показать нашим дорогим зрителям гвоздь программы.

Зубная Фея засмеялась.

— Я никак не могу дождаться!

Тетушка Бетти наделила ее подозрительным взглядом.

— Тебя ведь не сбили с толку слова этого ворчуна? — спросила она.

— Какого ворчуна? — непонимающе глянула на нее Зубная Фея.

— Вот и замечательно! — хмыкнула клоунесса. — Скорее, милая, все уже заждались!

Она ткнула рукой в сторону головы клоуна, и Зубная Фея ринулась вперед, рассыпая за собой серебристую пыльцу. Кроха не оборачивалась, и поэтому не увидела, как исказилось лицо Тетушки Бетти, как показались заточенные клыки, а глаза клоунессы налились кровью.

Тетушка Бетти алчно потеряла руки и пошагала следом за своей последней артисткой.

Зубная Фея подлетела к разверстому рту клоунской головы и замерла рядом с ним. В проеме клубилась тьма.

— Мой номер! — застрекотала маленькая циркачка. — Я так долго репетировала! Мой номер поразит их! У меня все получится! Здесь не бывает невозможного!

Перекувыркнувшись в воздухе, Зубная Фея подавила в себе волнение и ринулась прямо в громадный клоунский рот. Чернота поглотила ее. А затем губы сомкнулись, проход закрылся, а челюсти заходили ходуном, жуя и пережевывая.

* * *

— Алле-оп! — взвизгнул толстый рыжий клоун.

Зубная Фея падала из-под купола цирка, стремительно приближаясь к засыпанному телами циркачей манежу...

В какой-то момент, прямо посреди своего номера, она взлетела на мостки, спрятала крылья в кофр-ранец, а затем, не снимая с губ улыбки, просто сиганула вниз.

Падение сопровождала барабанная дробь, звучащая из развешанных по залу раструбов.

Бетти Грю глядел на мстительницу в маске, не моргая. Он до сих пор не мог поверить в то, что его шоу увенчалось выступлением той, от одного имени которой вся грязь из-под ногтей этого города начинает трястись в страхе. Той, которую полиция объявила вне закона. Той, которая то и дело появляется на передовице «Сплетни».

И вот она — здесь! Исполняет все, что он ей велел. С момента своего появления на манеже Зубная Фея демонстрировала чудеса ловкости и грации: она пикировала и кувыркалась в воздухе, выписывала различные фигуры и маневры пилотажа, проносила над рядами кресел и взмывала под самый купол.

Это было восхитительно! Великолепно!

Бетти Грю жалел лишь о том, что не догадался распродать билеты на представление. Ох, каков вышел бы вечер! Ни одного пустого места не осталось бы — и партер, и ложи были бы забиты как преступниками различных мастей, так и полицейскими из Дома-с-синей-крышей. Публика отложила бы на время свары — еще бы, ведь все они одинаково ненавидят Зубную Фею!

Ох... ох... ох...

Никто не остался бы равнодушным, глядя на то, как она здесь дергается, как она делает все, что ей велено! Послушно! Беспрекословно! Великолепная марионетка в его пальцах!.. Смертельно опасная и беспомощная одновременно...

Футах в десяти от манежа, когда уже казалось, что Зубная Фея непременно разобьется, она рванула рычаги манипуляторов, и вырвавшиеся из кофр-ранца механические крылья подхватили ее. Мстительница в маске взмыла вверх. Трюк удался!..

...Трюк удался! Кроха-фея, жужжа, летала в крошечной темноте над залом, и с ее стрекозьих крылышек вниз сыпалась серебристая светящаяся пыльца. Сотни потрясенно расширенных глаз следили за каждым ее движением. Крошечная фигурка Феи отражалась в поблескивающих линзах биноклей. Она ощущала восторг, который испытывали зрители, — прежде они не видели ничего подобного! Они знали, что все это взаправду, что тут нет никакого фокуса или обмана. Здесь была она — настоящая! Фея прямиком из сказок!

Облетев зрительский зал, кроха-фея замерла в воздухе над манежем и хлопнула в ладоши. В тот же миг плавно опускавшаяся на людей пыльца заколыхалась. Серебристые волны, парящие в воздухе, превратились в сотни, тысячи стрекоз, и те ринулись к своей хозяйке. Всего за миг она исчезла в колышущемся сверкающем облаке. А потом стая принялась вырисовывать под куполом фигуры, собираясь вместе, клубясь и меняя очертания — становясь то громадным слоном, то парходам, исторгающим клубы дыма из труб, то осьминогом, изгибающим щупальца...

Бетти Грю восторженно зааплодировал, на миг позабыв, что это именно он придумал весь номер.

Спохватившись, он зажег длинную негасимую спичку и, высоко подняв ее над головой, ринулся по барьеру цирковой арены, поджигая установленные на нем кольца. Когда-то через них прыгали дрессированные блохи Мариетты Лакур, но сегодня эти кольца предназначены для другого укрощенного зверя.

Вскоре все двенадцать колец по периметру манежа загорелись.

— Дамы и господа! — заголосил клоун. — Наш номер продолжается! Сможет ли Зубная Фея пролететь через все кольца, не опалив перышки, или поджарится, как дохлая утка? Сейчас мы это узнаем!

Зубная Фея толкнула манипуляторы и ринулась вперед. Бетти Грю едва успел отскочить в сторону. За мгновение до столкновения с первым кольцом мстительница спрятала крылья и пролетела сквозь огонь.

— Ах! — забывшись от восторга, выдохнул клоун.

На мгновение раскрыв крылья и так же стремительно их закрыв, Зубная Фея пролетела сквозь второе кольцо. Все то же повторилось и с остальными. Но вот последнее...

...Последнее колечко было уже остальных, но кроха-фея с легкостью в него залезла — конечно, ведь она была ростом всего лишь с пальчик. Выставив перед собой руки, малышка толкнула невидимую пленку и легонько качнулась — в тот же миг из кольца вырвался мыльный пузырь. Крошечная циркачка сидела внутри. Из прочих колец начали также вылетать мыльные пузыри, и вскоре ими наполнился весь зал.

Тетушка Бетти пропела в большое резиновое ухо, которое она держала перед собой на ниточке:

— Аплодисменты нашей великолепной Зубной Фее!

— Аплодисменты нашей великолепной Зубной Фее! — пророкотал Бетти Грю, прыгая

по манежу и лихорадочно хлопая в ладоши. — Даже я на миг решил, что ей не удастся пролететь в последнее кольцо! Но Зубная Фея умеет удивлять! А теперь... Дамы и господа! Вас ждет финальный трюк! То, чего еще никто в Габене не видел! То, чего в этом городе ждали все без исключения! Смертельно! Опасный! Номер!

Зубная Фея приземлилась в центре манежа и, спрятав крылья, положила ладонь на рукоятку пистолета-«москита», покоящегося в кобуре на бедре.

— Дамы и господа, только этой ночью! Только на манеже нашего цирка! Зубная Фея совершит убийство!

Улыбаясь и незряче глядя прямо перед собой, мстительница медленно вытащила из кобуры пистолет и перевела рычажок над рукояткой на «смертельный режим».

— И кого бы нам выбрать для нашего трюка? — продолжил Бетти Грю. — В зале есть добровольцы? Что?! Нет?! Никто не хочет получить свое мгновение славы?! Зануды! Что ж... Тогда у нас не остается выбора! Дорогие зрители! Дамы и господа! Сегодня мы с вами увидим небывалое зрелище, уникальное в своем роде и неповторимое! Зубная Фея убьет...

— ...себя! — рассмеялась Тетушка Бетти. — *Понарошку, разумеется! Потом она оживет! Честно-пречестно! Ну а сейчас... алле-оп!*

Свет в зале погас. А затем зажегся фонарь. Обычный фонарь на чугунном столбе, который кто-то будто притащил из какого-то парка и поставил на манеже.

Кроха-фея зажужжала и устремилась к фонарю...

— *Давай же!* — ласково подбадривала ее Тетушка Бетти. — *Покажи! Покажи зрителям все, на что способна!*

— *Давай же!* — в нетерпении подгонял Зубную Фею Бетти Грю. — *Покажи! Покажи зрителям все, на что способна!*

Мстительница медленно подняла «москит»...

— *Давай же!* — вопил клоун. — *Ты так близко! Фу-марфу!*

— *Давай же!* — воскликнула клоунесса. — *Ты так близко! Фу-марфу!*

Голову снова пронзила острая боль, прямо, как тогда, в саду...

Время будто превратилось в кисель...

Кроха-фея коснулась пальчиками затылка, нащупала на шее, у основания головы, крошечную опухшую ранку — след от укола...

И тут в ушах крохи-феи раздался знакомый трескучий голос: «Гадость! Могла бы и что-то получше принести! Ну, чего еще взять от дурацкой газетной девчонки! Надеюсь, тебя посадят в чулан и лишат сладкого!»

Кроха-фея тряхнула головой. Что это?! Что это было?!

А голос все не стихал:

«Что? Я еще очень добрый, вообще-то. И сама любезность. Ведь я сейчас в своем Добром костюме. Вот если бы я надел Злобный костюм...»

Голос этот был очень похож на голос Тетушки Бетти, но... она ведь ничего подобного не говорила... или?..

«Стараюсь не связываться с важными делами. Особенно, если они касаются меня!»

Кроха-фея ничего не понимала. Она будто подглядела в замочную скважину фрагмент чьей-то жизни, чьи-то воспоминания...

— *Мои?..*

«Фу-марфу!» — продолжала Тетушка Бетти... Бетти... — Я не читаю газеты! Там все вранье и вообще не смешно!

И тут кроха-фея вспомнила. Она — в отвратительном фургоне на Семафорной площади и пришла туда по делу... Подковы... странные подковы привели ее в этот фургон.

«Дело серьезное, — в голове застучал собственный голос. — Похищено пять человек и один убит...»

И тут кроха-фея вспомнила. Она вспомнила себя...

— Это сон... — прошептала маленькая циркачка, приближаясь к фонарю. — Я должна проснуться... Я сейчас не здесь. Я — не я. «Карамболь»! Он вколол мне «Карамболь»!

«Этой подкове здесь не место», — сказал Левиртуозный Левиттус в саду. Он хотел ее выбросить и избавить чудесный сад от инородного предмета...

В памяти всплыли слова, сказанные крохе-фее великаном, который на самом деле не был великаном: «Здесь есть выход... и он называется...»

Зубная Фея приставила ствол «москита» к виску и застыла.

«И он называется...»

Кроха Фея была уже в нескольких дюймах от открытой дверцы на плафоне и дрожащего огонька фонаря. Она ощутила жар. Пушистые серебристые волосы слиплись от пота, края тоненьких крылышек начали обугливаться...

Зубная Фея взвела курок.

— Корчащаяся Клоака... — прошептала она.

— Корчащаяся Клоака, — прошептала кроха-фея, а затем... ринулась вверх, прочь от фонаря. Оказавшись в безопасности, она оглядела манеж и увидела...

Зрелище было ужасным, отвратительным до крайности. В центре манежа корчилось и бурлило кровавое пятно, формой напоминающее человека — женщину в длинном платье. Пятно будто бы закипало. Порой из него вырывались окровавленные конечности, но раз за разом они ныряли обратно.

«Это дверь или, вернее, люк в полу, — сказал Гуттаперчевый Тоффини тогда, в саду, — который ведет в ужасное, кошмарное место...»

Ну, еще бы! «Ужасное, кошмарное место» — это ведь... реальный мир, в котором нет изумительных розовых облаков или нарисованного рассветного неба, в котором не бывает чудес, в котором ее ждет... ужас, боль и смерть... в котором ни один из циркачей так и не покинул манеж...

Кроха-фея отчаянно не хотела туда возвращаться, но и остаться здесь не могла. Это сон... она спит... пора... просыпаться...

— Нет! — в отчаянии заревела Тетушка Бетти, вонзив в лицо когти, обрывая его, раздирая на лоскуты. — Нет-нет-нет!

Кроха-фея устремилась напрямик в Корчащуюся Клоаку, и за миг до столкновения с бурлящим кровавым месивом, в ужасе закрыла глаза, а затем...

...моргнула и открыла их. Серая поволока исчезла. Губы и щеки дрогнули, и сквозь невероятную боль в лице Зубная Фея убрала жуткую улыбку.

— Быть не может! — взвизгнул клоун.

Зубная Фея отвела пистолет от своей головы и нацелила его на Бетти Грю.

— Эй! Этого не было в сценарии! — рявкнул клоун. — Гвоздь! Гвоздь номера! Ты должна застрелиться!

— Застрелиться? — она бросила быстрый взгляд по сторонам, увидела трупы циркачей и сжала зубы. Она не смогла... не смогла помешать этому мерзавцу!

Стремительным движением Зубная Фея переключила режим на «моските» со

«смертельного» на «очень болезненный», и выстрелила. Раз, другой, третий...

Пули-ампулы, свистнув, вонзились в толстое брюхо клоуна. Тот в ответ издал мерзкий звук и помахал рукой перед носом, разгоняя запах.

Мстительница ждала. Вот-вот... прямо сейчас... из этого мерзавца полезут все его кривые зубы...

Но время шло и ничего не происходило. Микстура в ампулах... не подействовала?!

И тут Бетти Грю поморщился, а затем широко раскрыл рот и сунул в него руку. После чего прямо на глазах у потрясенной Зубной Феи принялся расшатывать один из своих зубов.

Издав утробный рык, он выдернул зуб и швырнул его мстительнице. После чего широко улыбнулся — оставшиеся во рту зубы были все в крови.

— Мои зубки захотела? Ну бери, раз тебе так хочется! Но только один! Остальные мне нужны... чтобы перегрызть тебе горло, крылатая дрянь!

Бетти Грю присел, скорчил гримасу, а затем резко выпрыгнул вверх и назад, перекрутился через голову и скрылся в темноте за границей круга света от прожектора.

Зубная Фея, держа «москит» перед собой, осторожно шагнула туда. Ее все еще тошнило, голова слегка кружилась, а по рту растекался сладкий леденцовый привкус — все это было остаточным эффектом от действия «Карамболя».

— Ты все испортила, Зубная Фея! — раздалось из темноты разъяренное шипение Бетти Грю. — Я придумал такое замечательное представление! Оно должно было войти в цирковую историю! Его кульминация должна была стать настоящим событием! А ты все испоганила! Ну почему нельзя было просто нажать на спусковой крючок и эффектно сдохнуть? Ненавижу тебя! Ха-ха...

Не отводя пистолет от того места, откуда звучал голос, Зубная Фея сняла с пояса «штурм-фитиль» и, чиркнув запальным колесиком, зажгла его.

На миг остановившись на границе света и темноты, она прищурилась и сделала шаг.

Клоуна там не оказалось. Фонарь вырвал из тьмы стоящий на манеже крошечный граммофон. Пластинка крутилась, игла царапала ее, а медный рожок покачивался вверх-вниз.

— Что за... — начала было Зубная Фея, недоумевая: неужели этот хмырь заранее просчитал вариант, что она испортит его игру, и записал свой голос?

И тут она почувствовала движение за спиной. И машинально дернулась в сторону.

Рядом с ней пронесся здоровенный, раздутый до невероятных размеров, клоунский башмак.

Пытавшийся ее пнуть ногой, но в итоге пнувший лишь воздух Бетти Грю завертелся волчком на месте.

Зубная Фея парой отточенных движений засунула в кобуру на бедре «москит», закрепила на поясе «штурм-фитиль» и вырвала из петли на боку кофр-ранца «зуболом».

Волчок в виде толстого клоуна меж тем все не собирался останавливаться. К вращению добавился хохот.

Подняв оружие, Зубная Фея шагнула к Бетти Грю, и тут он сделал подлость. Клоун начал пускать газы. Это не был ни парализующий газ, ни какая-то эфирная форма «Карамболя». Мерзавец начал пускать... свои газы. Его фигуру затянуло бурое облако, а в нос Зубной Феи ударила такая крепкая вонь, что она едва не рухнула в обморок.

Мстительница отшатнулась, а Бетти Грю наконец остановился. Голова его еще несколько раз по инерции крутанулась, а затем замерла.

Показав Зубной Фею пальцами «чайку», толстяк развернулся и запрыгал прочь через манеж на своих пружинящих башмаках.

Зубная Фея выхватила из кобуры гарпунный пистолет с заправленной в ствол веревочной ловушкой, которую сама мстительница называла «колыбелью для кошки», и выстрелила вслед убегающему клоуну. Вылетевший из ствола веревочный ком ударил его по ногам сзади, развернулся и стремительно оплел их. Бетти Грю рухнул на манеж.

Мстительница бросилась к нему, и в тот миг, как «зуболом» в ее руке уже опускался на покрытый гримом лоб Бетти Грю, в животе клоуна открылась дверца, и из нее выпрыгнул кулак на гармошечном механизме. Он ударил Зубную Фею в грудь с такой силой, что она отлетела на несколько шагов и рухнула на спину. Падение чуть смягчил кофр-ранец — он отдался звоном, но механизмы внутри не пострадали: механик Зубной Феи давно сделал кофр-ранец не только пуленепробиваемым, но и противоударным, зная вредную привычку этой дамы постоянно падать.

Зубная Фея перевернулась и поднялась на ноги, а в следующий миг отпрыгнула в сторону — успевший освободиться клоун прыгнул на нее. Мимо пронесся громадный деревянный молот.

Девушка ответила «зуболомом», но клоун, развернувшись всем телом, ушел от удара и нанес свой. Мстительница резко согнулась, и молот, со свистом рассекая воздух, проскользнул над ее головой. Фея попыталась выбить клоуну колено, но тут из его живота снова вырвался кулак, и она едва успела отбить его в сторону. Кулак исчез в ящике на животе, а Бетти Грю пнул девушку ногой. Этот удар цели достиг, и она отлетела на пару шагов.

— Грязная помойная крыса! — крикнул клоун и прыгнул, занося свой молот. Зубная Фея отпрянула, и удар пришелся прямо в то место, где она только что стояла.

— Уродина с жабьей рожей!

Игнорируя оскорбления, Зубная Фея сделала отвлекающий выпад «зуболомом», а затем ударила клоуна коленом в живот.

Бетти Грю отпрыгнул назад и шлепнулся на задницу. Упомянутая клоунская задница отпружинила, как от батута, и вылетев вперед и вверх, толстяк нанес очередной удар молотом в прыжке. Скользнув в сторону, Зубная Фея оттолкнула молот вбок и на излете ударила приземлившегося клоуна по ребрам. Что-то хрустнуло.

— Стрекоза уродская! — заревел он. — Ты сломала мой любимый скелет кота на ниточках!

Зубная Фея не слушала. В голове стучала мысль: «Прикончи его! Прикончи его!»

Так что, помимо безумного клоуна, мстительница пыталась одолеть еще и пробудившуюся в ней ненависть и жажду избавить мир от этого уroda...

Удары молота перемежались ругательствами, ударами выпрыгивающего из живота кулака, попытками пнуть ногой, плюнуть и даже укусить.

Бетти Грю не раз и не два успел получить «зуболомом» по лбу, но оружие Зубной Феи лишь отскакивало от него с чугунным звоном, а этому злыдню было хоть бы хны.

— Думаешь побить клоуна в его же цирке? — расхохотался Бетти Грю. — Проще утопить рыбу в море! Я неодолеваем! Я несразим! Я непобе...

Локоть Зубной Феи с размаха пришелся клоуну в челюсть, а следом — «зуболом» ударил его по запястью. Бетти Грю вскрикнул и разжал руку. Одной он не смог удержать молот, и тот упал на манеж.

— Ааргх! — взревел клоун, на миг позабыв свою любимую белиберду «фу-марфу», выпучил глаза и бросился бежать.

Зубная Фея — за ним. Горячность схватки лишила ее самообладания и — что намного хуже! — она потеряла бдительность.

Клоун прямо на бегу схватил веревку, тянущуюся куда-то вверх, дернул за нее, и...

Зубная Фея задрала голову и резко встала на месте, словно с разбегу влетела в невидимую стену.

В тот же миг на манеж рухнул... рояль. Он с грохотом и звоном приземлился прямо перед Зубной Феей, разбившись в дребезги. Щепки разлетелись во все стороны, и мстительница успела лишь повернуться и прикрыть голову.

Одна из щепок пробила штанину и вонзилась в бедро. Зубная Фея закричала и выдернула ее из раны.

Выигранного Бетти Грю времени между тем хватило, чтобы достать из бутоньерки свою мухоловку. Поставив ее на манеж перед собой, клоун выхватив из кармана баночку, полную светящейся изумрудной жидкости, и вылил содержимое склянки на растение.

А затем бросился бежать и при этом заголосил:

— Дамы и господа! Встречайте! Умопомрачительный Герберт!

— Что ты заду... — начала было Зубная Фея, и тут Герберт зашевелился и начал расти прямо на глазах...

Фут за футом стебель еще недавно крошечного растения с треском удлинялся и расширялся, от него отрастали и закручивались спиральями лозы, корни грубели и взрывали опилки, которыми был засыпан манеж. Бутон-ловушка, окаймленный воротником темно-зеленых мясистых листьев, раскрылся, и мстительнице предстали два ряда острых клыков, которые также стремительно росли, увеличиваясь следом и за головой монстра. В воздухе повис зловонный запах болота.

— Что, не ожидала такого, фиглярская Фея?! — расхохотался Бетти Грю.

Что ж, она и правда подобного не ожидала. Зубная Фея содрогнулась от посетивших ее воспоминаний. В памяти возникли: гигантская мухоловка в доме на пустыре и крошечное проросшее семя в банке, которая стояла под кроватью в ее комнате. От этих воспоминаний в горле пересохло, а в животе как будто что-то вдруг начало шевелиться и корчиться.

Мухоловка тем временем выросла примерно на двадцать футов — теперь она занимала собой уже всю центральную часть манежа. Голова монстра качнулась на стебле и повернулась к Зубной Фее.

— Нет! Даже не думай! — крикнула мстительница и, высвободив крылья, взлетела в воздух, когда лозы растения, развернулись и ринулись к ней...

Все дальнейшее смешалось.

Зубная Фея впервые сейчас будто бы оказалась в цирке по-настоящему. Причем не в зрительском зале, а на каком-то жутком безумном аттракционе. Она летала и маневрировала, пытаясь увернуться от зеленых лоз растения. Тут и там постоянно появлялся подпрыгивающий на своих пружинных башмаках Бетти Грю, размахивающий молотом и намеревающийся разmozжить ей голову. Еще и музыка, гроыхающая в цирке, казалось, совершенно спятила.

«Нужно подняться повыше! — пронеслось в голове. — Там, где эта тварь и ее хозяин меня не достанут!»

Отбив очередную тянущуюся к ней лозу «зуболомом», Зубная Фея попыталась взлететь

под купол цирка, но гигантское растение не собиралось ее отпускать. Оно резко развернуло все свои лозы и рвануло ими в сторону беглянки. Одна из конечностей твари обхватила Зубную Фею за ногу, крепко сжала и потащила вниз. Бутоны-пасть мухоловки раскрылся еще шире. Громадные клыки по краю багровой пасти были перетянуты нитями коричневой слюны, Фею обдало волной зловония, от которого даже сквозь плотно прилегающие лётные очки заслезились глаза.

Зубная Фея перевела двигатель на максимальные обороты. Из сопла ударил столб пламени, крылья с лязгом сложились-раскрылись, и все же тварь была сильнее. Она потянула пытавшуюся ускользнуть жертву к себе.

Из пасти мухоловки вырвалось алчущее утробное ворчание.

Зубная Фея глянула вниз — клыки были уже в каких-то двух футах от каблуков ее сапог.

— Дамы и господа! — провозгласил Бетти Грю, с удовольствием глядя на мухоловку и «муху». — До того, как Зубная Фея будет сожрана, осталось три... два... — Мухоловка между тем все тянула пленницу вниз, и клоуну, к его неудовольствию, пришлось начать отсчет заново: — Три... два... и...

И тут, когда ноги Зубной Феи уже коснулись скользкого нутра утробы растения, что-то произошло. То, чего Бетти Грю никак не ожидал.

Лоза, удерживающая мстительницу, вдруг расплелась, растение содрогнулось и взвыло, с его качнувшихся листьев посыпался дождь изумрудной пыли, и гигантский злобный Герберт всего за пару мгновений уменьшился, превратившись в старого безобидного Герберта.

— Фу-марфу! — Клоун в гневе затопал ногами. — Треклятый ботаник! Обманул меня с «М-микстурой» — он не сказал, что ее действие временное! Эй, а ну пошла вон, пьяная чайка! Я тебе не рыбёха!

Это уже относилось к Зубной Фее, которая, не теряя лишнего времени после освобождения, спикировала и устремилась к Бетти Грю. Он махнул молотом, пытаясь ее отогнать, но промахнулся, и мстительница ударила его носком сапога в зубы. Клоун растянулся на манеже, а затем быстро вскочил. Описав круг в воздухе над Бетти Грю, Зубная Фея напала на него снова, а толстяк опять-таки без особого успеха попытался ее отогнать.

— Пошла вон! Вон пошла! Отвали от меня! Тухлая летучка!

Он размахивал молотом, пытался бить по воздуху, даже прыгнул один раз, и тогда его обдало жаром, а рыжие волосы загорелись от пламени, вырвавшегося из сопла кофр-ранца Зубной Феи.

Клоун притушил их ладонью и, выждав, когда мстительница нападёт снова подобрался, а затем с размаху ударил молотом, но на этот раз бить клоуна Зубная Фея и не собиралась.

Она сложила крылья и рухнула вниз, приземлившись обеими ногами прямо на рукоятку опустившегося молота. Рукоятка треснула и сломалась. В руках у клоуна остались лишь два отныне бесполезных обломка.

— Не-ет! Мой любимый молот! Поганая дрянь! Ты сломала его!

Из глаз клоуна хлынули фонтаны слез, он крутанулся на месте и бросился бежать, вопя и рыдая.

Быстро преодолев манеж, Бетти Грю запрыгнул на барьер, а с него, оттолкнувшись, эффектно перелетел через проход, идущий вокруг арены, и приземлился на спинку одного из кресел третьего ряда партера. Поймав равновесие, клоун ринулся через зрительский зал прямо по спинкам кресел.

Зубная Фея подпрыгнула, и вырвавшиеся из кофр-ранца крылья подхватили ее. Мстительница устремилась следом за клоуном, который все отдалялся, демонстрируя чудеса ловкости, не сильно уступающие фунамбулистке Воздушной Диве Вивиан.

Злобный клоун повернул голову и ослабилась. А затем в Зубную Фею полетели — она даже не сразу поняла, что это было! — часы с кукушкой. Мстительница вильнула вбок, а Бетти Грю уже швырнул в нее еще что-то. Бросаясь из стороны в сторону, Зубная Фея уворачивалась от летящих в нее предметов, которые клоун доставал из своих карманов. Убегая, этот злыдень метал в свою преследовательницу: книгу «Как быть смешным и не быть за это побитым» за авторством Лаки Стьюпида, резиновую курицу, шляпу-цилиндр, колесо от моноцикла, раскладной стульчик, чайник, бутылку с моделью корабля внутри, птичью клетку, маленькую дохлую собачонку. И как все это только могло уместиться в его костюме?!

И тем не менее, весь этот хлам не мог остановить или хотя бы отвлечь Зубную Фею. Она видела, что задумал Бетти Грю.

Судя по всему, клоун хотел сбежать через проход, скрытый занавесом-форгангом, который вел за кулисы.

Сделав крюк, она облетела зал и перерезала толстяку путь, повиснув в воздухе между ним и занавесом. Бетти Грю остановился и, балансируя на спинке кресла, принялся рыскать в карманах костюма в поисках того, чем еще можно было бы швырнуть в Зубную Фею. Но, видимо, различный хлам в многочисленных карманах так некстати для него закончился.

— О, неужели даже Злобный костюм тебе не помог?! — с презрением бросила Зубная Фея.

— Фу-марфу! — Бетти Грю засунул руку по локоть в прорезь между пуговицами на своем черном клоунском комбинезоне и начал тамвозиться. — Это совсем не Злобный костюм! Это просто Сценический Добрый! Злобного ты еще не видела! Но и у этого еще есть в запасе пару шуток!

Клоун выхватил здоровенный... язык не поворачивался назвать это револьвером. Оружие в руке толстяка было громадным, и в каждой камере барабана могла бы запросто уместиться динамитная шашка.

Недолго думая, Бетти Грю нажал на спусковой крючок, и из ствола вырвалась хлопушка. Зубная Фея рванулась вверх.

Взрыв прогремел где-то под ней. Вторая хлопушка разорвалась над головой, и в ушах зазвенело. Третья разлетелась на клочки в футах перед ней, немного не долетев. В воздухе повисли тучи порохового дыма, а на манеж посыпалось конфетти.

Взрывы загрохотали со всех сторон, один окатил ее волной жара, волна от другого оттолкнула в сторону. Мстительница маневрировала, пытаясь уворачиваться, а клоун все стрелял, всякий раз добавляя от себя: «Получила?!», «Вот тебе!», «Бум!», «Бам!»

Отстреляв все хлопушки, Бетти Грю отшвырнул револьвер в сторону и ринулся к занавесу. Один миг — он был еще в зале. Другой — уже исчез из виду.

Зубная Фея подлетела к занавесу, опустила крылья. Прислушалась. Заходить туда она не решалась — вдруг, подлый клоун притаился с дубинкой или чем похуже и ждет, когда она сунется за ним.

До Зубной Феи донесся отдаляющийся топот.

«Он мог его записать заранее? — подумала она. — Это звучит запись?»

В итоге, решив, что это было бы уже слишком даже для Бетти Грю, она отринула

сомнения и, подняв «зуболом», осторожно отодвинула край занавеса.

Жирная приземистая фигура клоуна нырнула за угол в дальнем конце прохода.

Зубная Фея бросилась следом за Бетти Грю. Узкий коридор, заставленный стоящим вдоль стен реквизитом, привел ее в небольшое проходное помещение. Под потолком покачивалась керосиновая лампа на крюке. По обе стороны от прохода были установлены странные механизмы, делавшие это место похожим на фабричный цех. Трубы сотрясались, ходили ходуном валы, шипели поршни, а в трясущихся чанах клубилась и собиралась в розовые коконы сладкая вата. Когда очередной такой кокон сворачивался, механические лапы передавали его дальше, где из батареи разномастных емкостей его обсыпали пестрой присыпкой, а затем устанавливали на специальную полку. Рядом машины-пауки плели коричневую карамельную вязь, создавая конфеты, которые тут же формовали, обдавали паром и заворачивали в полосатые обертки. В дымящихся печках-арилках один за другим появлялись круглые плоские леденцы на палочках — красные с белым спиральным узором.

Клоуна здесь не было. Зубная Фея осторожно двинулась дальше, пытаясь разгадать очередную уловку толстяка. В том, что он что-то задумал, она не сомневалась.

Крепко сжимая «зуболом» в одной руке и держа другую на рукояти «москита», Зубная Фея прошла через цирковую кондитерскую. Преодолев очередной коридор, она оказалась в овальном помещении, в котором стояли приспособления, предназначенные для создания фокусов: стойка с зеркалами, гардероб с ложными стенками, стеклянный аквариум для номеров с освобождением от цепей и эскапизмом, стол для распиливания людей. Пол и весь реквизит были засыпаны фиолетовой пылью. Следы клоунских башмаков в этой пыли вели к темнеющему дверному проему в дальнем конце помещения.

Зубная Фея двинулась туда, осторожно ступая след в след, и тут сбоку что-то зафырало и заурчало.

Из-за ряда манекенов выкатилась странная штука. С виду это нечто напоминало постирочный механизм — бронзовый проклепанный цилиндр чуть пружинил и трясся на трех колесах. Из торчащего в его боку раструба в воздух полетели мыльные пузыри.

«Это не могут быть простые пузыри! — с тревогой подумала Зубная Фея. — Видимо, они отравлены...»

Она не успела додумать мысль, как ловушка, в которую ее заманил клоун, захлопнулась. Из стенной ниши за спиной выехала еще одна такая машина, и также принялась выпускать пузыри.

Всего за несколько секунд Зубная Фея оказалась в густом облаке мыльных пузырей. Сверкающие и переливающиеся, они стремительно заполнили собой все помещение.

Задержав дыхание, Зубная Фея обернулась кругом. Пузыри были повсюду — и совсем крошечные, и большие, размером с ее голову. Клубящееся облако скрыло проходы, потолок, пол и реквизит. Казалось, кроме пузырей здесь ничего не осталось.

И тут Бетти Грю напал. Из пузырьчатого марева вырвалась рука с ножом и полоснула Зубную Фею по плечу. Кожа куртки разлезлась, но сетчатая подкладка выдержала — была у Зубной Феи такая вредная привычка — напарываться на чьи-то ножи, и вшитая в куртку непробиваемая подкладка частично решила эту напасть.

Зубная Фея ударила «зуболомом» наотмашь, но клоун уже исчез — и лишь пузыри разошлись в стороны, даже не думая лопаться.

Очередной удар клоуна прошел мстительнице в бок. Нож чиркнул по лётной куртке. Зубная Фея бросилась туда, где должен был стоять Бетти Грю, но там уже никого не было.

Она замерла, прислушиваясь. Гудели механизмы, исторгающие пузыри, раздавался скрип их колес и... кто-то едва слышно шморгнул носом слева.

Зубная Фея выждала, и в тот момент, как из пузырячатого облака снова вылетел нож, она резко ушла в сторону и ударила «зуболомом» сверху. Нож вылетел, выбитый из руки Бетти Грю. А в следующий миг клоун схватил мстительницу за кофр-ранец, намереваясь содрать его с нее.

Зубная Фея ткнула «зуболомом» куда-то за собственное плечо. А затем извернулась и схватила мерзавца свободной рукой. Он дернулся, оставив что-то в руке Зубной Феи.

Раздался отчаянный визг.

Зубная Фея глянула на свой трофей — это был окровавленный резиновый клоунский нос.

До нее снова донесся отдаляющийся топот шагов, и мстительница ринулась на звук.

Нырнув в проход, она покинула помещение с пузырями и вылетела в коридор, упирившись в лестницу. Владелец черного фрака прыжками поднимался по ней. Зубная Фея побежала за клоуном...

Погоня за кулисами цирка длилась, казалось, целую вечность. Бетти Грю больше не пытался устраивать ловушек — казалось, он понял, что наилучшим вариантом для него будет попросту сбежать. И тем не менее он и его преследовательница коридор за коридором, лестница за лестницей взбирались все выше, лишь отдаляясь от выхода из здания цирка.

И вот, в какой-то момент Бетти Грю вернулся в зал. Шмыгнув в узкий проход, он выбрался на мостки, установленные под самым куполом. Здесь повсюду были натянуты канаты, висели гроздьи блоков, стояли трапеции и лонжи для номеров фунамбулистов.

Бетти Грю подбежал к краю мостков и глянул вниз. Там желтым пятном в свете прожекторов разливался манеж, который выглядел, как поле боя. Даже тела «солдат» имелись в наличии. Там же багровело кровавое пятно. Именно отсюда, с этих мостков, Бетти Грю двадцать лет назад столкнул мадам Д.Оже...

— Бежать больше некуда! Сдавайся, клоун!

Бетти Грю повернулся и оскалится. Красный клоунский нос был на месте — видимо, у этого уродца имелся запасной.

Зубная Фея ожидала, что Бетти Грю в худших традициях загнанных в угол злодеев сейчас начнет монолог, примется угрожать или рассказывать историю своей трагичной жизни с самого детства, но он лишь воскликнул:

— Ты думаешь, что одна умеешь летать, глупая курица?

Клоун дернул верхнюю пуговицу на комбинеzone.

В тот же миг раздалось шипение, и толстяк начал... раздуваться!

Его рукава, штанины и живот всего за несколько мгновений наполнились газом, и башмаки оторвались от досок мостков. Бетти Грю, покачиваясь, поднялся в воздух...

Зубная Фея была настолько поражена увиденным, что просто застыла, глядя на то, как черный шар, из которого торчали руки, ноги и рыжая голова поплыл прочь.

Сбросила оцепенение она, лишь когда на спине и боках клоуна на фраке открылись маленькие дверцы, а из них выдвинулись и заработали пропеллеры.

Задрав голову, она увидела тот самый пролом в куполе, о котором рассказывал Джон Дилби — именно через него выбирался Поразительный Прыгун, и, вне всякого сомнения, Бетти Грю собирался воспользоваться им для побега.

— Ну уж нет! — воскликнула Зубная Фея и, крепко сжав рукоятки манипуляторов,

высвободила крылья и... ничего не произошло. Крылья и не думали включаться.

Она повернула голову и в отчаянии выдохнула:

— Ах ты гад!

Крылья — сочленения, ребра и перепонки были сплошь залеплены густой розовой массой! Сладкая вата!

Треклятый клоун изловчился и во время драки как-то испортил крылья! Видимо, он проделал это в комнате с мыльными пузырями, когда пытался стащить с нее кофр-ранец!

Над головой раздался гадкий смех поднимающегося все выше Бетти Грю.

Он был уже в десяти футах от пролома!

Зубная Фея отжала рукоятки манипуляторов, и крылья с режущим уши лязгом и отвратительным липким чавканьем сложились.

«Нужно помешать ему! — Зубная Фея сжала зубы и прищурилась. — Нельзя дать ему ускользнуть!»

Мстительница бросилась к поддерживающим купол деревянным колоннам. К одной из них были приколочены перекладины-ступени, и девушка поползла по ним вверх.

Довольно быстро она добралась до узенькой квадратной площадки, на которой стояла пара прожекторов. Повсюду здесь проходили ржавые трубы и были натянуты канаты.

Как только Зубная Фея оказалась на площадке, клоун вылетел через пролом.

Надежда на то, что он в нем застрянет мгновенно растаяла.

«Нет! Рано сожалеть! Он еще не ушел!»

Зубная Фея выхватила из кобуры на бедре гарпунный пистолет, прицелилась и нажала на спусковой крючок. Крюк устремился в полет, за ним, со свистом разматываясь, потянулся трос.

Вылетев через пролом, крюк зацепился за что-то снаружи и застрял.

Зубная Фея переключила рычажок, и катушка в пистолете принялась стремительно наматываться. Мстительница взмыла, удерживаясь на кожаной петле, охватившей запястье и намертво соединившей ее с пистолетом.

Оказавшись у пролома, она схватилась за его жестяные края, и выбралась наружу.

Черный шар летел прочь, вглубь Фли. Он уже отдалился от здания цирка на порядочное расстояние, и все же Зубная Фея не отчаивалась. Высвободив зацепившийся за отогнутый лист жести крюк, она позволила катушке смотаться полностью, сложила лапы крюка и вернула его в пистолет. После чего направила на клоуна...

Бетти Грю явно считал, что он уже сбежал, и совершенно не ожидал того, что произошло дальше.

Раздался свист, и что-то обмоталось вокруг его ноги. Он повернул голову, и увидел трос, который тянулся к куполу цирка, увидел гарпунный пистолет в руке сидящей на куполе Зубной Феи.

— Нет... Не-е-ет! — закричал он и увеличил обороты пропеллеров, намереваясь утянуть за собой и мстительницу.

Зубная Фея между тем не стала сама удерживать пистолет и пойманного клоуна — она просунула гарпунный пистолет в пролом и закрепила его под ребром каркаса купола.

Трос натянулся и заскрипел. Бетти Грю дернулся, включил максимальные обороты пропеллеров, но пуповина, соединявшая его с цирком, держала крепко.

Тогда он попытался сорвать обмотавшуюся вокруг ноги петлю, и не смог. У него попросту не вышло дотянуться до нее — ему мешал его собственный раздутый костюм.

Клоун нелепо крутился в воздухе, изо всех сил старался согнуться и ругался на весь Блошиный район, но ничего не мог поделать.

Зубная Фея поймала его.

Откуда-то со стороны канала донесся звон колокола. Зубная Фея повернула голову и увидела приближающееся к цирку пятно синего света. Полиция!

«Что ж, кажется, мне пора!» — подумала она, бросила презрительный взгляд на болтающегося в воздухе клоуна и нырнула в темноту пролома.

* * *

— Фу-марфу! А ну, уберите от меня свои грязные фликовские ручонки! — вопил Бетти Грю.

Толстого клоуна вели по закуливному проходу, идущему вокруг зрительского зала. Чтобы спустить его вниз констеблям под руководством Джона Дилби пришлось повозиться. И все же толстяк был сперва затянут обратно под купол, а после препровожден на первый этаж. Летучий костюм Бетти Грю был проколот и сдулся — теперь он висел на своем хозяине, как белье на веревке, волочась за ним по полу. Запястья клоуна сжимали тяжелые кандалы, соединенные цепью, — такие же оковы были и на его лодыжках. На голову толстяка надели похожий на птичью клетку намордник с щитком спереди — чтобы он не плевался.

Бетти Грю дергался, спотыкался, то и дело нарочно падал и обзывал волокущих его констеблей, но фут за футом, ступенька за ступенькой, удар дубинкой за ударом, и процессия все приближалась к выходу из здания цирка.

В вестибюле, в обществе своих все еще покачивающихся и не до конца отошедших от действия парализующего газа чернокожих громил, стоял господин Помпео.

Завидев его, клоун зарычал, зашипел, захохотал и заревел — и все это одновременно.

Гораций Помпео, опирающийся на трость и сжимающий в руке ручку чемоданчика, глядел на него насмешливо.

— Куда он отправится, господа? — спросил новый хозяин цирка.

— Сэр, — сказал Джон Дилби, подойдя, — мы отвезем его в Дом-с-синей-крышей. Он вас больше не побеспокоит. К сожалению, мы не можем здесь задерживаться — у нас запрет соваться в Фли. Боюсь, нас по возвращении на Полицейскую площадь и так ждет выговор от господина старшего сержанта Гоббина за то, что мы без дозволения перебрались через канал.

— О, не беспокойтесь об этом, констебль, — сказал господин Помпео. — Я все обсужу с вашим начальством лично и позабочусь о том, чтобы никакого выговора не было — напротив! — я буду требовать, чтобы вам и вашим достойным коллегам выдали премию.

— Это очень любезно с вашей стороны, сэр, — не спеша радоваться, ответил Дилби — его не покидало тревожное предчувствие: после возвращения с «паркета» сержанта Гоббина и судьи Сомма в одном конкретном доме в Тремпл-Толл под одной конкретной синей крышей начнется буря. Все, разумеется, зависит от исхода судейского бриджа.

— Мы пришлем коронера.

— Коронера? Это ведь почтенный доктор Горрин из Больницы Странных Болезней? Наслышан.

Джон Дилби кивнул.

— Он самый. Сэр, так как это Фли, мы не можем опечатывать цирк, хоть это и место преступления...

— Это и не требуется!

— Вы ведь не планируете покидать Габен?

— Покидать? Я ведь только приехал. Уже на рассвете мы начнем работы по восстановлению цирка. Скоро он откроет свои двери для зрителей. Ждем вас на премьеру, констебль.

Дилби нахмурил брови.

— Значит, произошедшая трагедия...

— Нисколько! — перебил Гораций Помпео, догадавшись, к чему констебль клонит. — Убийца схвачен. И хоть он успел претворить свой ужасный замысел в жизнь, но ему не помешать делу восстановления Фли.

Джон прищурился.

— Простите, вы сказали, Фли?

Гораций Помпео понял, что оговорился, и поспешно уточнил:

— Делу восстановления цирка. Цирка, разумеется.

— Что ж, сэр. Ожидайте доктора Горрина. Полагаю, его фургон прибудет за телами в течении часа.

— За какими телами?

— За телами убитых клоуном циркачей из труппы мадам Д.Оже, — недоуменно глянув на него, ответил констебль.

— Ах, за этими телами...

Джон приставил два пальца к шлему, прощаясь с хозяином цирка, и направился следом за выволоченным из главных дверей здания клоуном.

Переступая порог, он обернулся и вздрогнул. Гораций Помпео глядел на него со зловещей усмешкой. Мало того, что он не выглядел, как человек, который оказался свидетелем ужасного злодеяния и сам едва не стал его жертвой, так на его лице к тому же застыло откровенное самодовольство.

Впрочем, задуматься как следует об этом Джон не успел. У входа в цирк сверкнула яркая белая вспышка, зашипел сгораемый магний.

Констебль повернул голову и с одолевшим его ворохом противоречивых чувств (гневом, облегчением, обидой, раздражительностью и... снова облегчением) увидел рядом с полицейским фургоном мисс Полли. Девушка еще раз сфотографировала клоуна, который демонстративно ткнул в объектив фотографической камеры свой толстый зад.

— Эй! — воскликнул старый констебль Лоусон. — Это что еще за безобразие! Никакой прессы!

Трое его коллег как раз придумывали, как затащить жирного клоуна в фургон.

— Все в порядке, мистер Лоусон! — Джон подошел к фургону. — Я позволил мисс Трикк здесь присутствовать — именно благодаря ей, убийца был разоблачен.

Старый констебль пошамкал губами и проворчал:

— Эх, парень, завтра в газетенке появишься в очень неприглядном свете, помяни мое слово. Так, в чем тут трудности, парни?! — он повернулся к остальным констеблям. — Что? Не знаете, как засунуть эту красноносую тушенку в консервную банку? Всему вас надо учить, молодежь! Для чего ж изобрели «полицейское жало»? Да как раз для подобных

случаев! Гляди и запоминай, полиция!

Констебль Лоусон снял с пояса двузубый медный щуп, щелкнул рычажком на рукоятке, и на головках щупа заплясала синяя искра.

Бетти Грю испуганно взвыл...

Джон Дилби не стал наблюдать за загрузкой арестованного и, быстро подойдя к Полли Трикк, взял ее под локоть и отвел в сторону.

— Как вы могли, мисс?! — разъяренно прошептал он. — Как могли сбежать, ничего не сказав?!

— Он жив? — спросила Полли. — Поразительный Прыгун... вы успели?

— К моему удивлению, и получаса не прошло, как прилетел больничный дирижабль. На нем прибыл сам доктор Грейхилл из городской лечебницы. Прыгуна погрузили в дирижабль — доктор сказал, что сделает все возможное, чтобы «столь уникальный пациент» выжил. А еще он все твердил, что давненько больничная коллекция хроников не пополнялась, но я не совсем понял, что имелось в виду и... Постойте-ка, вы пытаетесь меня запутать! Как вы могли ничего не сказать и... а если бы вы... если бы этот клоун и вас...

— Нет же, я была осторожной, — поспешно сказала Полли. — Я пыталась попасть в зал, но двери были заперты, и мне ничего не удалось...

— Вам повезло, что вы туда не попали, — заверил ее Джон. — Этот мерзавец использовал парализующий газ, но то, что осталось после его... гм... представления на манеже... это зрелище не для нежных мисс...

— Вообще-то, — насупилась Полли. — Я не просто какая-то «нежная мисс», а репортер! Я не боюсь здешних монстров: ни жутких тварей, ни мразей, вроде Бетти Грю.

— В том-то и беда. Вы не боитесь, и поэтому подвергаете себя и свою жизнь опасности.

— Если вы сейчас скажете, что мне не место в газете, Джон...

Констебль покачал головой.

— Нет, мисс, полагаю, вы идеально подходите для газеты. Кажется, ради сюжета и вашей статьи вы готовы пойти на что угодно...

Полли поглядела констеблю в глаза, и он почувствовал, что просто не может на нее злиться.

— Мне очень жаль, Джон. Но времени было мало. Я должна была узнать, что здесь творится...

— Я все понял, мисс Полли, — прервал ее Джон. — Я вас раскрыл.

Полли Трикк застыла.

— Вы о чем, Джон?

— Вы прекрасно поняли, о чем я, мисс Полли. Может, я и кажусь вам простофилей, но не делайте из меня дурака. Я понял, что это именно вы...

— Я? — едва слышно проговорила Полли.

— Да. Вы. Именно вы ее позвали.

Полли ничего не сказала, ожидая продолжения.

— В отличие от моих коллег, — добавил Джон, — я уже давно догадался, что Бенни Трилби может связаться с Зубной Феей, если захочет. Я слежу за мисс Феей с самого ее появления, и эксклюзивы мистера Трилби слишком...

— Он называет это «эксклюзивами». Но вы правы: Бенни Трилби, скажем так, может отправить записку некоей мисс и, возможно, эта записка даже будет прочитана.

— Но сейчас не он отправил записку.

— Верно. Неужели вы думаете, что такая хрупкая девушка, как я, смогла бы справиться с этим безумным клоуном?

Джон покачал головой.

— Разумеется, нет, мисс, но...

— Да, я позвала Зубную Фею, Джон, — гневно сказала Полли. — Можете меня арестовать, но я ни слова вам не скажу о том, как найти мисс Зубную Фею. Потому что не знаю, где она, но даже если бы знала, то не сказала бы!

Джон слегка опешил от такого напора.

— Что вы, мисс... я и не думал... С чего вы решили, что я... нет, ну право же... Я никогда бы вас не арестовал. А еще, — покосившись на хохочущих констеблей, наблюдающих за тем, как клоун дергается всякий раз, как Лоусон тычет в него «жалом», понизил голос, — я очень уважаю мисс Фею и ни за что не хотел бы, чтобы ее схватили.

Полли сменила гнев на милость. Хитрость удалась. Ох, уж эти мальчишки — как же легко они поддаются на уловки: кажется, Джон даже не заметил, как ее оправдания вдруг превратились в его оправдания. Бедняга Джон...

Впрочем, Полли была безжалостной и решила его добить:

— Вы меня обидели, и я ничего вам не расскажу... ну, о том, что здесь произошло. Прочитаете все завтра в моей статье! Будете читать и плакать, рядом с плачущими Бенни Трилби и прочими задаваками-газетчиками, которые меня недооценивали. Еще бы, ведь это я, а не они, раскрутила такой сюжет!

Дилби насупился, и Полли хмыкнула.

— Да я же шучу, Джон! Конечно, я вам все расскажу! Надеюсь, вы довезете меня до Тремпл-Толл?

— На полицейском фургоне? — Дилби с сомнением глянул на темно-синюю громадину, в чреве которой только что скрылся арестованный клоун в компании четырех констеблей. Дверь с зарешеченным окошком, лязгнув, закрылась.

— Ну, не внутри же! Внутрь меня не загнать даже вашей этой электриситетной штуковиной с искрами!

Джон удивленно кивнул — вряд ли, какая-то мисс когда-либо ездила на этом фургоне (по своей воле, разумеется)...

Выбравшись на передок, они уселись рядом с механиком, и тот, поморщившись из-за присутствия газетчицы, толкнул рычаги. Фургон зафыркал и покотился к воротам. Выбравшись через них, рычащая и скрежещущая громадина, разливая кругом синий свет от фонарей, погромыхла по ночному Фли в сторону моста Ржавых Скрепок.

Из фургона время от времени раздавались взвизги и проклятия, когда клоуна тыкали щупом.

— Только посмей еще раз меня ткнуть, ты старая селедка... а-ай!

Вскоре Блошиный район вновь погрузился в темноту и тишину и больше там ничто не напоминало о произошедшем этой ночью в цирке кошмаре.

* * *

Гораций Помпео расхаживал по манежу, с любопытством рассматривая тела циркачей.

— Какой изобретательный клоун, — проговорил он задумчиво, подойдя к кровавому

месиву, представлявшему собой останки Труффо. — Жаль, он окончательно и бесповоротно сошел с ума. Такие люди нам быгодились...

— Почему ты позволил ему это сделать? — раздался голос из чемодана, который новый хозяин цирка не выпускал из руки ни на миг. — Коротышка ведь предупредил тебя, Гораций. К тому же парализующий газ на тебя не подействовал — ты мог в любой миг помешать толстяку.

— И лишиться себя возможности увидеть такое шоу? Ты разве не слышал, Ззаберох? Это ведь представление, в котором больше гвоздей, чем в гробу твоей бабушки.

Мистер Ззаберох прорычал:

— У моей бабушки нет гроба. Мы с братьями сожрали ее.

— И тем не менее. Ты не можешь спорить с тем, что это было шикарно.

Голос из чемодана буркнул:

— Не могу спорить. Но что мы будем делать теперь? Нам нужна труппа. Без труппы вся затея с цирком утрачивает смысл. А цирк, если ты не забыл, — это первая часть плана. Господин Моро рассчитывает на нас.

— Я помню, — Гораций Помпео дернул щекой, услышав имя того, кто послал его в Габен.

— Где нам теперь искать новую труппу?

— Нам не нужно искать новую труппу. Труппа у нас уже есть. Нам нужно найти того, кто сможет привести ее в... подобающий вид.

Гораций Помпео поставил чемодан на пол и достал из внутреннего кармана пальто небольшой чехол черной кожи. Открыв его, он извлек одну из восьми хранившихся там продолговатых склянок и вытащил пробку.

Склонившись над изуродованным телом Труффо, он аккуратно перевернул склянку. Из нее вылез тонкий, с волосинку, червь. Упав на развороченное лицо карлика, червь, извернувшись, проник в приоткрытый рот Труффо.

Гораций Помпео отошел на пару шагов и замер в ожидании.

Не прошло и минуты, как изломанное тело карлика дернулось. Окровавленные руки, хрустя вправляемыми суставами, уперлись в пол, а затем Труффо поднялся. Представлял он собой весьма отталкивающее зрелище: скрюченный, весь в крови, проломленная голова в шлеме с плюмажем лежит на боку, из шеи торчат обломанные кости хребта.

Карлик открыл глаза и уставился на Помпео. В его взгляде застыло непонимание.

— Ты думаешь, Гораций, это вообще можно... привести в порядок? Ладно еще коротышка, но жонглера, напомню тебе, разорвало на куски.

Помпео улыбнулся, оценивающе глядя на окровавленную оболочку, занятую паразитом.

— Думаю, здесь нужен доктор. Я знаю того, кто нам поможет — если мне не изменяет память, в Фли живет тот, кто сможет сделать из этой рвани что-нибудь приемлемое. Местные называют его Лоскутником. Нужно найти его... Думаю, скоро мы снова увидим труппу на ногах. — Помпео обвел манеж насмешливым взглядом. — Правда, полагаю, Лоскутнику понадобится очень много ниток...

Чемодан вздрогнул и качнулся. На его крышке прорезались шесть черных глаз. Из днища вылезли четыре щупальца. Развернувшись, Ззаберох пополз к барьеру манежа.

— Ты куда?

— Проголодался, — не поворачиваясь, ответил чемодан-монстр. — Отправлюсь в город, кого-нибудь поймаю.

— Ты ведь ел в поезде, — осуждающе сказал Помпео.

Чемодан забрался на барьер, оставляя за собой блестящий склизкий след.

— Это было давно. Я снова хочу есть. Не беспокойся, на этот раз я буду осторожнее.

Отойду подальше от цирка, чтобы не бросить на тебя подозрение.

Клацнули, откинувшись, защелки, крышка чуть приоткрылась, и из багрового чрева мимика вылетел покрытый слизью синий детский башмачок.

— Знаешь, Гораций, — сказал мистер Заберох, — мне уже нравится этот город. Здесь столько вкусных людишек. Любопытных людишек... Кто-то непременно попытается заглянуть в якобы забытый кем-то на улице чемодан...

— Скоро нам не придется осторожничать, — заверил его Помпео. — Не придется искать кого-то. Они сами к нам пойдут.

— О, жду с нетерпением, — сказал монстр, прикидывавшийся чемоданом. — Жду с нетерпением.

Эпилог.

Полли чувствовала себя совершенно разбитой. Она сидела в трясущемся кэбе, который вез ее домой, и глядела в окно.

Экипаж ехал... кажется, по Бремроук. Она не была уверена — да и улица тонула в тумане так, что разобрать удавалось лишь комки света плафонов горящих по раннему времени фонарей на столбах. Время едва подползло к половине седьмого, и Тремпл-Толл еще не успел проснуться — по городу расхаживали лишь почтальоны, доставляя утренний выпуск «Сплетни» — только отпечатанный и еще теплый...

— Проклятая газета... — прошептала Полли, увидев в тумане фигуру в темно-синем форменном пальто и фуражке. Она знала, как именно выглядят сейчас передовицы газет в сумке у почтальона.

Полли скрипнула зубами от негодования.

«В ТРЕМПЛ-ТОЛЛ НАЙДЕН ЖУТКИЙ МОНСТР!!!» — кричащий заголовок тот взбудоражит весь Саквояжный район — в этом не было сомнений.

Она во всех красках представила, как газета опускается в почтовый ящик или пролазит в щель для корреспонденции в двери какого-нибудь мистера Саквояжника. Как мистер Саквояжник берет ее и отправляется завтракать. Но стоит мистеру Саквояжнику опуститься на стул за кухонным столом и бросить один лишь взгляд на передовицу, как он тут же начисто забывает и о тостах с маслом, и об омлете, и о паре яиц всмятку.

Еще бы! Ведь именно на это и рассчитывал самый прожженный газетчик «Сплетни». Бенни Трилби так и сказал Полли:

— Нам нужно, чтобы они все забыли о том, что произошло ночью, мисс Трикк. Нам нужно, чтобы они переключили свое внимание на что-то более животрепещущее, чем судейский бридж!

Главный судья Сомм проиграл. Подчистую. Когда стало ясно, что его обыгрывает главный судья с Набережных господин Китчинсли, трансляцию по радиофорам прервали. А потом... потом началось то, что в среде газетчиков называлось «заметанием под ковер».

Господин Сомм не желал, чтобы общественность в Тремпл-Толл узнала о его провале, и велел освещавшему игру Бенни Трилби, отвлечь эту самую общественность. Ну а для последнего все вышло довольно удачно — ведь когда он явился в редакцию, его уже ждал «сюжетец», благодаря которому никто и не вспомнит ни о каком бридже.

Из Больницы Странных Болезней пришло сообщение о том, что туда был доставлен жуткий монстр — Человек-блоха. Никто в больнице не знал, откуда Человек-блоха взялся в городе, но, учитывая, что он был обнаружен в черном особняке на Трубном пустыре, ходило мнение, будто монстр — очередное порождение безумия злодея Горемычника, томившееся в подвальных клетках долгие годы и вот наконец выбравшееся на свободу.

Человек-блоха был на грани смерти, изувечен до состояния мокрого пятна, но пока жив. Доктор Грейхилл, взявший на себя «лечение» этого жуткого пациента, сообщил, что в полдень в хирургическом театре будет проведена операция, на которой соберется весь врачебный свет Габена...

Да уж, вот это новость так новость. Какой там бридж!

Но мало того, что Бенни Трилби получил подобный сюжетец, не ударив палец о палец, так его в редакции ждал еще один подарочек.

— Проклятый Бенни Трилби... — прошептала Полли.

Она всю ночь, с самого своего возвращения из цирка, провела за печатной машинкой. Не обращая внимания на боль во всем теле, на усталость и на храп ночного пересыльщика мистера Рэдби, спящего на стуле у труб пневмопочты, она печатала свою статью. Свою первую настоящую статью!

Полли в мельчайших подробностях, опуская лишь то, что было связано с Зубной Феей, описывала журналистское расследование, которое началось с «ловкачки из квартала Странные Окна», методично перенося эту странную и местами жутковатую историю на бумагу, упоминая каждый свой шаг, каждую найденную улику. Блошные подковы, «Тингельтангель», цирковые метки, встреча с Бетти Грю, вокзал и цирк — все это обретало вторую, чернильную, жизнь.

Стопочка отпечатанных листов постепенно росла, и вот, спустя пять с половиной часов, статья «ТАЙНА ШЕСТИ ПОДКОВ» была наконец допечатана.

Полли могла собой гордиться. И хоть ее пальцы саднили и гудели, она закончила — дело было сделано... А потом в редакции появился хмурый и раздраженный Бенни Трилби. Тогда-то он и рассказал ей о судебском бридже и о сообщении из Больницы.

А затем вдруг понял, что Полли сидит за его столом и за его печатной машинкой — он ведь не раз запрещал ей это! Бенни Трилби возмутился и набросился на помощницу с обвинениями, но, как только узнал, чем именно она занимается, как только прочитал статью, его настроение тут же переменялось. Окинув придирчивым взглядом последнюю страницу, он сказал:

— Вы кое-что забыли, мисс Трикк.

— Правда? — удивилась Полли. — Что именно?

— Вы забыли добавить внизу приписку «Следите за новостями и не ловите мух».

Полли нахмурилась.

— Но ведь это ваш личный «штамп» и...

— Вот именно, — сказал ведущий репортер «Сплетни» с тонкой змеиной улыбочкой, и Полли поняла.

— Вы хотите украсть мою статью?!

Бенни Трилби пожал плечами.

— Вы, видимо, забыли, мисс Трикк, что не являетесь репортером. Вы — моя помощница. А это значит, что всё, что вы пишете, принадлежит мне.

— Но это... это... — От подобной подлости Полли сходу даже не нашла, что ответить. — Это моя статья! Я провела все расследование! Узнала, кто стоял за похищениями! Я сделала фотографии!

— То есть есть еще и фотографии? — прищурился Бенни Трилби.

— Вы — отвратительный, гадкий человек!

Газетчик снисходительно махнул рукой.

— Мисс Трикк, если вы хотите продолжать работать в «Сплетне», вам стоит подтянуть ругательства — подобные беззубые комплименты никого не способны задеть.

Полли сжала кулаки от негодования, а Бенни Трилби принялся перебирать отпечатанные листы с видом голодного кота.

— Вы думаете, никто не заметит, если вы просто везде позаменяете мое имя на свое?

— Никто не заметит и... знаете, мисс Трикк, на миг я подумал оставить все, как есть, и просто подать так, будто я руководил расследованием, а вы исполняли все мои личные

указания, но... накал пропадет. Нет, я должен лично находить улики и расспрашивать свидетелей.

Полли поразила та простота, с какой этот тип рассуждал о краже ее статьи. Но для него это, кажется, было в порядке вещей.

— Констебль Дилби! — предприняла последнюю попытку отстоять свое авторство Полли. — Он ведь принимал участие в расследовании! Он все расскажет!

Бенни Трилби рассмеялся.

— Простофиля Дилби? Я его хорошо знаю. Никто не станет его слушать. — Он многозначительно кивнул на собственный стол, намекая Полли на то, что она и так уже за ним засиделась. — Мисс Трикк, мне нужно к утреннему выпуску написать передовицу о Человек-блохе из больницы...

Гневно сопя, Полли поднялась на ноги.

— Не стоит так злиться, мисс Трикк, — с отеческой улыбкой похлопал ее по плечу репортер, и она едва сдержалась, чтобы не оторвать ему голову. — Вы проделали хорошую работу. Я был неправ на ваш счет.

— Неужели? — процедила Полли.

— Да. Я полагал, вы станете обузой. Гм... чемоданом без ручки, но... теперь я вижу, что мы с вами сработаемся.

— Это значит, что вы и дальше будете присваивать мои сюжеты?

— Ну, вы всегда можете уйти, — Бенни Трилби пристально поглядел на нее. — Работа в газете — это сложное, неблагодарное дело... Может, это просто... ну, не знаю... не ваше? Может, стоит подыскать себе другое занятие?

Полли наградила его яростным взглядом и сказала:

— Думаю, это вам стоит подыскать себе... подыскать себе другую бабочку!

— Что?

Полли стремительно сунула пальцы под клетчатую бабочку репортера, схватила ее за кончик и, потянув на себя, размотала. После чего швырнула на стол и перевернула на нее чернильницу.

— Это была моя любимая бабочка, — поморщился Бенни Трилби. — Но я понял ваш намек, мисс Трикк. Вы хотите...

— Порядочного обхождения!

Репортер кивнул.

— Что ж, мисс Трикк. Я вижу, что вы настроены весьма решительно. У вас есть характер, манеры газетчика, да и расследование вы провернули недурное. Ваша... гм... — он быстро исправился, — статья, подготовленная вами для меня, доказала, что ваша помощь мне может пригодиться в дальнейшем...

— Помощь в походах в кондитерскую за пирожными?

— Нет. В смысле, не только. Помощь в моих репортажах. Я попрошу поставить для вас столик с печатной машинкой в углу под лесенкой.

Он кивнул на темный закуток под металлической лесенкой, ведущей на галерею печатников, — в закутке было так тесно, что даже мыши пришлось бы не расставлять в стороны локти, чтобы там уместиться.

Полли задумалась. И хоть она злилась на Бенни Трилби и ее пальцы тянулись к чернильнице, чтобы выплеснуть остатки ее содержимого в лицо этого хмыря, все повернулось весьма удивительным образом. Еще вчера она и помыслить не могла, что

отношение к ней здесь хоть как-то изменится или что ее допустят до сюжетов. И отдать ради этого статью вдруг показалось ей не такой и ужасной жертвой.

— А что насчет насмешек и неуместных замечаний о моей...

— Курносости? Они остались в прошлом. Поздравляю, мисс Трикк, теперь вы — такая же неотъемлемая часть редакции, как...

— Как вы?

— О, не торопитесь сдавать сюжет, не придумав заголовок. Пока что вы — такая же неотъемлемая часть редакции... гм... как мой стол, этот вот стул и печатная машинка. Одной статьи маловато, чтобы ваше имя появилось в газете. Но... кто знает — возможно, однажды...

Полли вздохнула — она и не ожидала, что ее повысят до репортера. Но все же она твердо поглядела на Бенни Трилби.

— Я отправлюсь с вами сегодня в полдень в Больницу Странных Болезней. Я должна присутствовать в хирургическом театре во время операции Человека-блохи.

— Не думаю, что это...

— Хм... — Полли усмехнулась и демонстративно постучала пальчиком по сумке, в которой лежал фотографический аппарат. — Знаете, мистер Трилби, я не уверена, правильно ли я все сделала, когда фотографировала клоуна-убийцу во время ареста в цирке. Может быть, я нечаянно засветила фотопластины и...

Бенни Трилби впервые глянул на нее с уважением.

— Замечу, что вы взяли правильный напильничек, чтобы подтачивать зубки, мисс Трикк, — сказал он. — Я буду ждать вас у здания больницы без двадцати минут полдень. Возьмите с собой фотоаппарат, переносной фонограф и «помм» с заварным кремом. И еще проявите фотографии с клоуном: моя великолепная статья про убийства в цирке выйдет уже на днях — нужно подготовить все материалы.

Полли кивнула, развернулась и пошагала к выходу из печатного зала. Вслед ей донеслось задумчивое ворчание:

— Заголовок, само собой, придется сменить. «ТАЙНА ШЕСТИ ПОДКОВ» — нет, э! никуда не годится. Оно больше подходит для какого-то бульварного романчика, чем для взрывающей головешки читателей передовицы...

Прежде, чем покинуть провонявшую чернилами, папиретным дымом и дешевым пойлом редакцию, Полли отправилась в архив, чтобы рассказать мистеру Филдсу новости. В архиве она пробыла почти полчаса. Старик, разумеется, был возмущен, но несколько не удивлен коварству Трилби и заверил Полли, что однажды непременно придет день, когда она и ее статьи затмят этих бездарей, чем немного поднял ей настроение. Пока Полли разговаривала со смотрителем архива, тираж утреннего номера уже был отпечатан.

Полли вышла из здания редакции и села в кэб. Разумеется, она не могла не злиться на Бенни Трилби, но тут ее посетила мысль, которая неожиданно примирила ее с подлостью газетчика: «Ты ведь нанялась в газету не для того, чтобы стать одной из этих мерзких пираний пера. Ты пришла, чтобы узнавать сведения об этом тухлом, зловонном городишке, чтобы находить тех, кто нуждается в твоей помощи, и помогать им. А для этого достаточно быть простой помощницей Трилби. Расследование того стоило. Он начал тебе доверять. Ты стала полезной... Будет еще одна статья. И еще. И еще... И со временем ты станешь не просто полезной, а незаменимой... Разве тебе нужна слава? Ты хочешь, чтобы твое имя знали все в Тремпл-Толл? Или лучше было бы действовать скрытно, из тени?..»

Ответ был очевиден. К тому же, если задуматься, слава того же Бенни Трилби несла больше вреда, чем пользы. За годы своей работы в газете он добился лишь того, что в Саквояжне его презирали. Как сам он частенько шутил: «О, попробуйте отыскать по эту сторону канала тех, кому я не потоптался по мозолям!» Имя ведущего репортера «Сплетни» вовсе не помогало открывать двери и не настраивало местных на душевный разговор...

— Прибыли, мэм! — сообщил кэбмен, и экипаж встал. — Переулочек Трокар, дом номер семь!

Полли вышла в туман и, заплатив кэбмену, двинулась по дорожке. Нога разболелась — и хоть Полли перевязала рану, оставленную щепкой от рухнувшего перед ней рояля, это была временная мера.

«Нужно будет забраться в кабинет доктора и стащить иглу, нить и что-то от боли...» — подумала она, открывая дверь.

Оказавшись в теплой уютной прихожей, она повесила пальто и шляпку на вешалку и вдохнула запах кофе с корицей. О, этот кофе... она мечтала о нем всю ночь...

— Разумеется, нет! — донесся до Полли голос доктора. Видимо, он говорил с Джаспером — что было странно: племянник доктора Доу в такую рань всегда спал без задних ног. — Я не могу там присутствовать.

— Но почему, Натаниэль? — раздался женский голос.

Полли вошла в гостиную и рассмеялась.

— Что я слышу, доктор?! Кто-то назвал вас «Натаниэль», а вы от гнева даже не лопнули или...

Полли замолчала, увидев гостью.

В кресле у камина сидела Летти Бракнехт.

* * *

Кофейный варитель звякнул, и доктор Доу, отложив газету, поднялся.

Летти Бракнехт глядела прямо перед собой. Доктор отметил тревогу на ее лице.

— Мисс Бракнехт, я вижу, что вы испуганы. Должен признать, не каждый выпуск утренней «Сплетни» выходит... *таким*. Человек-блоха в Больнице Странных Болезней! Этот город умеет удивлять.

Летти кивнула. Она не стала уточнять, что статья в газете, которую прочитал ей доктор, волнует ее вовсе не потому, что описанное в ней — просто какой-то странный и жуткий курьез.

— Бедный-бедный Ма... — она исправилась: — Человек-блоха. Кто же с ним такое сделал?

Доктор налил в чашку чай и поставил его на журнальный столик перед пациенткой, после чего налил себе кофе с корицей... подумал и добавил в него еще порцию корицы, а затем вернулся в свое кресло.

— Не имею ни малейшего представления, мисс Бракнехт.

— Это могла быть... — она испуганно повернула голову к доктору, — Зубная Фея?

Доктор поморщился.

— Эта особа известна тем, что преследует тех, кого считает... мой племянник называет их злодеями, но...

— Он не злодей! — воскликнула Летти.

Доктор удивленно на нее поглядел.

— Мы ничего не знаем об этом Человеке-блохе, — напомнил он. — Но все же, как бы я ни относился к особе, которую называют «мстительницей в маске», описанное в статье — это не совсем ее метод. Я сомневаюсь, что она причастна к произошедшему с Человеком-блохой. Пейте чай, мисс Бракнехт, пока он не остыл.

Летти кивнула и потянулась к чашке. Нащупав ее, она внезапно убрала руку.

— Что с ним будет, Натаниэль?

Доктор сделал глоток и зажег вишневую папиретку, окунувшись в облако густого темно-красного дыма.

— Из статьи следует, что в полдень будет проведена операция. Пациентом займется лично доктор Грейхилл. Это отвратительный человек весьма низменных нравов, а еще — что хуже всего! — он часто надевает запонки на не верные манжеты! Но он хороший хирург — полагаю, он проведет операцию успешно. Зная его, могу утверждать: шансы на то, что Человек-блоха выживет, неплохи, иначе он не стал бы созывать коллегия и проводить операцию в хирургическом театре больницы. Грейхилл ждет триумфа.

— А что будет потом?

— Потом?

— С Человеком-блохой.

Доктор нахмурился, но Летти этого, разумеется, не увидела.

— В статье говорится, что его поселят в отделении Хроников в больнице. Кажется, весь ажиотаж связан именно с этим. Коллекция больничных Хроников давно не пополнялась.

— Кто они такие, эти Хроники?

— Хроники — это особые пациенты. Те, кто... гм... отличается от простых людей. Их держат на закрытом для посещений этаже, изучают...

— И Человека-блоху тоже будут... изучать?

— Несомненно. Это уникальный экземпляр.

Летти гневно сжала кулачки.

— Эти ужасные люди будут ставить на нем опыты! — Доктор ничего не сказал, и девушка спросила: — А что это за хирургический театр?

— О, это особое место в больнице! — ответил доктор, и Летти вздрогнула от проскользнувшей в его голосе восторженной ностальгии. — Его используют для публичного оперирования больных и обучения студентов. Врач-демонстратор выступает не только в роли хирурга, но и в роли декламатора. Учитывая *необычность* пациента, сегодня в полдень там соберутся почти все доктора Габена, будет присутствовать пресса, включая колумнистов из ведущих медицинских изданий.

— Они сделают из всего этого спектакль?

— Не каждый день на больничный стол попадают подобные, прошу простить мне подобную экспрессивность, поразительные случаи.

— Это не случай! Это человек! У него есть имя, у него была жизнь. Есть те, кому он дорог... — она спохватилась: — Наверное.

— Вы правы, мисс Бракнехт, но с медицинской точки зрения — это случай. Возможно, это цинично, но ни коллегия, ни доктора Грейхилла не волнуют ни имя пациента, ни наличие у него тех, кому он дорог, если таковые имеются. Их заботят лишь операция и статьи, которые можно будет потом обмусоливать в клубе «Скальпель и Остеотом». Для них

это — событие. И я могу их понять. Я и сам...

— Вы придете туда? В полдень.

Доктор Доу дернул щекой.

— Разумеется, нет! Я не могу там присутствовать.

— Но почему, Натаниэль?

Летти хотела... нет, отчаянно нуждалась в том, чтобы Натаниэль Френсис Доу присутствовал на операции. Только он мог убедиться, что Мартина не будут мучить. Только он мог ему помочь... Но как его попросить? Неужели придется все ему рассказать?

Доктор Доу уже собирался ответить, но тут раздался звук шагов, и в гостиную кто-то вошел. Тонкий нюх Летти уловил аромат парфюма с пряной гвоздикой — это были довольно редкие дамские духи.

Появившаяся в гостиной женщина рассмеялась.

— Что я слышу, доктор?! — шутливо воскликнула она. — Кто-то назвал вас «Натаниэль», а вы от гнева даже не лопнули или...

Она внезапно замолчала.

Летти Бракнехт вздрогнула и вжалась в спинку кресла, узнав этот голос. Но как?! Как такое может быть?!

— А, это вы, мисс Полли, — проворчал доктор Доу. — Позвольте представить, мисс Летти: Полли Уиннифред Трикк, племянница моей экономки. Она здесь... что вы здесь делаете, мисс Трикк? Как это будет правильно назвать?

— Я здесь гощу, — сказала Полли Трикк неуверенно. Она явно не ожидала увидеть Летти. — Приехала в гости к своей тетушке и...

— ...И не заметили, как остались здесь жить, — закончил доктор с плохо скрываемым неудовольствием в голосе. — Мисс Полли, это Летти Бракнехт, моя старая пациентка и... мой добрый друг.

Полли Трикк издала «Хм!» — видимо, она не могла поверить, что у доктора Доу может быть друг.

— Мне неловко в этом признаваться, мисс Бракнехт, — сказал доктор, — но мисс Полли работает в газете.

— Неужели? — судорожно сцепив руки, спросила Летти.

Доктор Доу понял ее реакцию по-своему.

— Согласен — не лучшее занятие для благовоспитанной мисс. Она целыми днями (и ночами) где-то пропадает и влипает в переделки.

— Но вы, как я погляжу, без меня тут не особо скучаете, доктор, — заметила Полли.

— Мисс Бракнехт попала в беду, — ответил доктор Доу. — На нее напала эта отвратительная особа! Зубная Фея!

— Какой ужас! — воскликнула Полли наигранно. Летти гневно поджала губы. Доктор между тем не заметил притворства племянницы своей экономки.

— Я ведь не раз говорил, что эта особа — вовсе не благодетельница, — хмуро проговорил доктор Доу. — Напасть на слепую беззащитную девушку, которая никому не сделала ничего дурного! Возмутительно! Этой Зубной Фее должно быть стыдно!

— Вы правы, доктор, — сказала Полли. — Думаю, ей стыдно... очень стыдно. Мне кажется, что, если бы Зубная Фея могла, она бы попросила у мисс Бракнехт прощения за свой гадкий поступок.

Летти с удивлением поняла, что на этот раз в словах Полли Трикк не было никакой

фальши.

— М-м-м... — Летти Бракнехт вдруг поднесла руки ко рту и зажала губы. — Болит... Натаниэль... болит...

— Я сейчас, мисс Бракнехт! — Доктор вскочил на ноги. — Потерпите немного, я принесу лекарство!

Он бросился к лестнице и вскоре скрылся на втором этаже.

Полли и Летти остались одни. Внучка господина начальника вокзала тут же убрала руки от лица и перестала морщиться.

— Кажется, не только я умею притворяться, — сказала Полли.

Летти Бракнехт поднялась на ноги и бесстрашно шагнула к Зубной Феи.

— Мартин, — прошептала она. — Что вы с ним сделали?

Полли подошла ближе.

— Мисс Бракнехт, я...

— Что вы с ним сделали?!

Полли торопливо заговорила:

— Я ничего не сделала. Когда мы с констеблем Дилби прибыли на Трубный пустырь, Мартин Лакур уже был... Это с ним сделал клоун Бетти Грю. Мы вызвали доктора, а я... я схватила клоуна — он больше никому не причинит вреда. Мисс Бракнехт, мне и правда жаль... Я не должна была в вас стрелять, но у меня...

Летти перебила ее.

— Мне не нужны ваши извинения, мисс Фея. Я так вами восхищалась и... и Мартин восхищался. Если бы я знала, что однажды к нам явится Зубная Фея...

— Прошу вас, тише, — взмолилась Полли. — Если доктор узнает...

Летти кивнула своим мыслям.

— Кажется, я узнала слабость Зубной Феи, — сказала она. — Я слышу страх в вашем голосе... Вы больше всего на свете боитесь, что он узнает. Что ж, я ему не расскажу. Но вы мне поможете.

— Что? Но в чем?

— Вы вызволите Мартина из этой кошмарной больницы.

Полли опешила.

— Я не могу...

— Вы можете, — твердо сказала Летти. — И вы сделаете это. Я не допущу, чтобы эти монстры ставили над Мартином опыты. Вы его вытащите, как только доктор Грейхилл проведет операцию. Ведь иначе... — она угрожающе нахмурилась. — Я думаю, доктору Доу не понравится, если он узнает...

В гостиной появился доктор.

— Что мне не понравится? — спросил он, прищурившись с подозрением.

Летти повернула к нему голову и улыбнулась.

— Мисс Трикк интересуют подробности того, что со мной случилось в детстве, — не моргнув и глазом, соврала внучка начальника вокзала. — Ну, вы знаете, Натаниэль: арест злодея Замыкателя и то, как я потеряла зрение. Мисс Трикк думает, что из этого может получиться неплохая история для ее газеты...

— Вы правы, мисс Бракнехт, мне это не нравится, — хмуро сказал доктор. — Но это ваша история, и вам решать, рассказывать ли ее общественности. Но я должен предупредить: газетчикам нельзя доверять — они все переврут.

Летти кивнула.

— Думаю, я могу полагаться на мисс Трикк. Она меня не подведет. — Внучка начальника вокзала повернулась к Полли. — Я права, мисс Трикк?

Полли нехотя кивнула и едва слышно буркнула:

— Вы правы, мисс Бракнехт.

— Ваше лекарство, мисс Бракнехт, — сказал доктор, но Летти покачала головой.

— Боль прошла, Натаниэль, — ответила она. — Наверное, благодаря мисс Трикк. У нее очень хорошо получается утешать. Я очень рада нашему знакомству. А вы? Вы рады, мисс Трикк?

— Невероятно, — сказала Полли, и вдруг поймала себя на уже знакомом ощущении, какое испытала в кухоньке мадам По из Странных Окон — когда говоришь заведомую ложь и вдруг понимаешь, что никакая это не ложь.

Полли Уиннифред Трикк не верила в судьбу. И все же то, каким причудливым образом в этой истории все переплелось, не могло не вызвать подозрение, что госпожа Судьба принимала тут личное участие. Полли терзалась чувством вины за то, что сделала на вокзальном чердаке, она корила себя и не могла не согласиться с доктором: выстрелить в беззащитную слепую девушку — возмутительный поступок. И вот — ей представился шанс загладить свою вину и, возможно, при этом спасти чью-то жизнь. Что это если не судьба?

Полли вздохнула: вот тебе и «ТАЙНА ШЕСТИ ПОДКОВ». Кажется, для нее это дело еще далеко от завершения и придется стащить из кабинета доктора не только что-то от боли, но и от усталости, а заодно что-нибудь, что не позволит ей заснуть прямо на ходу.

Она подошла к варителю и включила его. После чего уселась на диванчик и достала из сумки крошечный фонограф. Доктор помог Летти сесть в кресло, а затем занял свое.

— Итак, мисс Бракнехт... — начала Полли. — злодей Замыкатель, его арест... Это все, конечно, очень любопытно. Но меня больше интересует кое-что другое... кое-что намного более важное и занимательное.

— Что именно?

Полли хмыкнула и поглядела на доктора.

— Как так вышло, что этот угрюмый и ворчливый джентльмен превратился в «Натаниэля»? Расскажите мне все! Не упуская ни одной подробности!

Летти рассмеялась, а доктор в ужасе воскликнул:

— Нет! Только не это!

* * *

— Фу-марфу! Фу-марфу! Фу-марфу! — доносилось из камеры, забранной решетчатой дверью. — Вы у меня еще попляшете! Вы все у меня еще попляшете!

В темном застенке каталажки Дома-с-синей-крышей, которую в городе называли просто и бесхитростно «собачником», свет не горел — жечь керосин ради арестованных шушерников никто не собирался.

Пять камер пустовали — долго здесь никто не задерживался, но вот обитатель шестой так просто мириться с собственным незавидным положением не собирался. Он выл, ругался, грыз прутья решетки, заплевал уже весь пол в «собачнике». Время от времени в подвал спускался один из констеблей, рассерженный поведением арестованного. Полицейский

прикрикивал на толстяка, сулил ему скорую встречу с пеньковой веревкой и возвращался обратно. И то правда — после унижительного проигрыша в бридж господин главный судья Сомм особо раздумывать не станет — вопрос переправки клоуна-убийцы на задний двор тюрьмы Хайд — это лишь вопрос времени. Хотя еще существовала вероятность, что Сомм решит устроить шумный показательный процесс, чтобы как следует отыграться хоть на ком-то.

Впрочем, упомянутый клоун-убийца не особо переживал по данному поводу.

И вскоре стало ясно, почему.

Примерно за час до рассвета дверь в дальнем конце подвального коридора, через которую арестованных обычно препроваживали во двор, а оттуда — в фургон, отворилась, и в «собачник» шмыгнула тощая фигура в драном пальто и котелке, принесшая с собой настолько мерзкий запах, по сравнению с которым даже вонь застенка здания полиции казалась букетом чарующих ароматов из цветочной лавки.

Обладатель запаха подошел к камере клоуна и, заглянув туда, широко улыбнулся, открыв щербатый рот.

— Доброго утречка.

Клоун плюнул в посетителя и прорычал:

— Где тебя носило, Шнырр? Ты должен был явиться еще два часа назад!

— Ну, я... э-э-э... — запинаясь, ответил Шнырр Шнорринг. — Немного того... пригубил из бутылочки и задремал.

Клоун в ярости бросился к посетителю, и тот отпрянул от решетки.

— Идиот! Кретин! Бестолочь! Ты пил из бутылки?! Ты же знал, что там снотворное для констебля Шомпи!

— Ну, я... в горле свербело — вот и решил немного его промочить... Но я отпил совсем немного — пару часиков вздремнул в канаве у задней стены этого славного местечка.

Клоун издал негодующее мычание, но через силу все же взял себя в руки.

— Ладно, потом с тобой разберусь. Раз ты здесь, полагаю, Шомпи дрыхнет в своей будке.

— Дрыхнет-дрыхнет, — покивал Шнырр. — Храпит на всю Полицейскую площадь. Я даже думал...

— Принес? — перебил его Бетти Грю.

Шнырр Шнорринг продемонстрировал арестованному одежный чехол и шляпную коробку.

— Все, как и было велено. Пошел на Семафорную площадь, залез в фургон и...

— Давай сюда!

Шнырр просунул чехол между прутьев решетки, и толстый клоун схватил его. Шляпная коробка не пролезла.

— Оставь там.

Бетти Грю положил чехол на скамью и велел:

— Отвернись и даже не думай подглядывать!

Шнырр послушно повернулся спиной, а клоун принялся стаскивать с себя висящий мешком костюм. Вскоре он оказался в одном лишь нижнем белье: полосатых кальсонах и рубашке. Оказалось, что он не так уж и толст.

— Мой Злобный костюм...наконец... — прошептал клоун взволнованно и, раскрыв чехол, вытащил оттуда темно-синий форменный мундир, штаны и башмаки. Быстро натянув

все это, он извлек из чехла небольшой футляр. Внутри оказались: круглое зеркальце, смоченная спиртом тряпица, крошечная скляночка, полная чего-то вязкого и белесого, и нечто, напоминающее комок шерсти.

Сняв резиновый клоунский нос, Бетти Грю быстро и умело стер грим, после чего промазал клеем из скляночки кожу над верхней губой и прикрепил туда комок «шерсти». Придав усам, скрывшим старые шрамы, форму, он подкрутил кончики и оглядел себя в зеркале.

Последними были белые форменные перчатки и поясной ремень с висящей на нем дубинкой.

Подойдя к решетке, арестованный просунул через нее руки и, открыв шляпную коробку, достал шлем с кокардой. Шлем меж прутьев пролезать отказался и после пары неудачных попыток, преобразившийся клоун поморщился и оставил его стоять на полу.

— Открывай, Шнырр.

Шнырр Шнорринг обернулся и проглотил вставший в горле ком, глядя на обитателя камеры.

Сержант Кручинс улыбался.

— Чего ждешь? Открывай, я сказал!

Шнырр кивнул и полез рукой в карман, повозился там и... вдруг замер.

— Ой!

Сержант глянул на него так, что от страха у Шнырра даже щетина зашевелилась.

— Что еще за «ой»?

Шнырр вытащил наружу карман и продемонстрировал Кручинсу дыру.

— Кажется, я... я потерял ключ, сэр...

Обладатель рыжеватых усов побагровел так сильно, что это было видно даже в темноте «собачника».

— Идиот! Я тебе доверил такое простое дело! Думаешь, со мной можно шутить? Я не понимаю шуток, чтоб ты знал!

— Сэр, я же не нарочно! — залепетал Шнырр Шнорринг. — Я совсем запамятовал, что там дыра, и...

— Ну, только доберусь до тебя, шавка помойная!

Шнырр заныл.

— Прощеньица прошу, сэр... ну, не гневайтесь на бедолагу Шнырра.

Сержант Кручинс заскрипел зубами. Он понимал, что такую важную вещь, как ключ от камеры «собачника» этот проходимец ни за что бы не потерял. Скорее всего, тот его уже продал кому-то из свечников или Догвиллей.

— Повезло тебе, крысиная душонка, что я добрый, — сказал сержант. — Но из твоего вознаграждения я вычту половину, так и знай.

— Полови-и-ину? — взвыл Шнорринг.

— Две трети.

Шнырр зажал рот руками, чтобы не сказать еще что-то, что больше сократит его с таким трудом заработанное жалованье.

Пообещав себе разобраться с Шнырром после, Кручинс упаковал клоунский костюм в чехол и, просунув его через решетку, сказал:

— Отнесешь все обратно в мой фургон. И только посмей кому-то ляпнуть о моих делах. Ты знаешь, чем это для тебя обернется.

— Ни словечка, сэр. Я — могила.

— Пока еще нет. Но проболтаешься — и станешь. Все, убирайся.

— А мое... гм... вознагражденье?

— Зайдешь в полдень в «Колокол и Шар» — я оставлю твою оплату Брекенриду. Пошел вон. И коробку не забудь.

Схватив шляпную коробку, Шнырр Шнорринг отвесил сержанту благоговейный поклон и ринулся к той же двери, из которой и появился. Вскоре он исчез.

Сержант Кручинс выждал какое-то время, а затем, сняв с пояса дубинку, принялся молотить ею по решетке.

— Доббинс! — заорал он. — Эй, вы, бестолочи! Сюда! Все сюда! Добби-и-инс!

На крики и шум дверь открылась, и в подвал заглянул дежурный констебль Доббинс.

— А ну, заткнись, клоун, или я...

— Идиот! — гаркнул сержант. — Это я! Открывай!

Глаза у Доббинса на лоб полезли, когда он понял, кто заперт в камере, в которой совсем недавно сидел клоун.

— Сержант Кручинс?! Это вы?! Но как...

— Треклятый клоун сбежал, дурья твоя башка! Я спустился допросить его, а его и след простыл! Я зашел в камеру, и решетка закрылась! Открывай, чего встал!

— Да-да, сэр! Конечно!

Констебль ринулся к камере, на бегу отцепляя от пояса связку с ключами. Замок щелкнул, решетка открылась.

Надев шлем, сержант Кручинс рявкнул на подчиненного:

— Кретины! Пустоголовые селедки! Упустили клоуна! Бей в колокол! У нас побег!

— Да, сэр! Уже, сэр!

Доббинс бросился к лестнице, а сержант Кручинс, оглядев напоследок камеру, усмехнулся и последовал за ним.

Когда он поднялся в зал общей работы, колокол уже стучал, а полицейский пересыльщик уже возился у труб пневмопочты, рассылая констеблям требования немедленно явиться в Дом-с-синей-крышей. Доббинс стоял рядом и набивал на «портретной машинке» приметы беглеца.

Сержант Кручинс встал за стойку и даже зажмурился от удовольствия: ах, эти звуки, эта суэта — как же он их обожал.

Вскоре завоюют все сигнальные тумбы в Тремпл-Толл, Дом-с-синей-крышей наполнится констеблями, в город выедут фургоны. Начнется ловля...

— Эй, Доббинс, и растолкай негодяя Шомпи. Этот олух задрых на посту — именно из-за него клоун и сбежал. Проворонить арестованного! Ну, я его отделаю!

— Слушаюсь, сэр!

Трубы гудели, в них одна за одной с хлопками ныряли капсулы. Хлопали двери. Топали башмаки. Со всех сторон раздавались ругательства и перебранки. Дом-с-синей-крышей качался и едва ли не подпрыгивал...

Сержант Кручинс был в своей стихии. Да, с этим ничего не сравнится. Какое уж там клоуничанье. Вот она, настоящая жизнь!

Сейчас констебли под его началом отправятся ловить беглеца, а затем... затем нужно будет придумать, как выжить из Габена Помпео. Да, может, сейчас Помпео и думает, что победил, но этот мерзавец сильно заблуждается. Цирковая война не закончится, пока он

копит воздух. А еще Помпео не догадывается, что в цирке остался шпион Бетти Грю: Герберт визнает, что на самом деле задумал «новый хозяин». Все только начинается...

Сержант Кручинс даже взмок от предвкушения. Он сунул руку в карман мундира за платком, но платка там не оказалось. Зато там было кое-что другое...

— А ты еще здесь откуда? — недоуменно пробубнил сержант, достав из кармана небольшой картонный кругляш, неизвестно как в нем оказавшийся.

Жетончик напоминал цирковую метку, но на нем не было изображения спирали.

На сержанта уставилась нарисованная блоха в черной двууголке и красном шарфе.

— Проклятье... — потрясенно прошептал Кручинс. И вдруг почувствовал то, чего не чувствовал никогда прежде. Мерзкий, липкий, отупляющий страх.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net